МАРГАРИТА ДЕ ВАЛУА

МЕМУАРЫ
ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА
ДОКУМЕНТЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Маргарита де Валуа (1553-1615). Мемуары. Избранные письма. Документы.

(пер. В. В. Шишкина)

Текст воспроизведен по изданию: Маргарита де Валуа (1553-1615). Мемуары. Избранные письма. Документы. СПб. Евразия. 2010

© текст - Шишкин В. В. 2010

© сетевая версия - Strori. 2012

© OCR - Засорин А. И. 2012

© дизайн - Войтехович А. 2001

© Евразия. 2010

© Составитель и перевод в формат FB2 - Гусев Р. 2015

-
- Маргарита де Валуа (1553-1615). Мемуары. Избранные письма. Документы.
- ОТ СОСТАВИТЕЛЯ
- ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ
- ВВЕДЕНИЕ. ЧАСТЬ 1
- ВВЕДЕНИЕ. ЧАСТЬ 2
- ПОСВЯЩЕНИЕ БРАНТОМУ
- 1559
- 1561
- 1564
- 1569
- 1570
- 1571
- 1572
- 1573
- 1574
- 1575
- 1576
- 1577
- 1578
- 1579
- 1580
- 1581
- II. ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА (1578-1606)
- № 1. ЕЛИЗАВЕТЕ I АНГЛИЙСКОЙ
- № 2. ГЕНРИХУ III
- № 3. ЛУИЗЕ ДЕ КЛЕРМОН, ГЕРЦОГИНЕ Д’ЮЗЕС

- № 4. ГЕНРИХУ ДЕ БУРБОНУ, КОРОЛЮ НАВАРРСКОМУ
- № 5. АНТУАНУ ДЕ СЕРЛАНУ
- № 6. ГЕНРИХУ ЛОТАРИНГСКОМУ, ГЕРЦОГУ ДЕ ГИЗУ
- № 7. ФИЛИППУ II, КОРОЛЮ ИСПАНИИ
- № 8. ГЕНРИХУ III
- № 9. НИКОЛА ДЕ НЕФВИЛЮ, СЕНЬОРУ ДЕ ВИЛЛЕРУА
- № 10. ДИАНЕ ДЕ ВАЛУА, ГЕРЦОГИНЕ АНГУЛЕМСКОЙ
- № 11. МАКСИМИЛИАНУ ДЕ БЕТЮНУ. БАРОНУ ДЕ РОНИ
- № 12. ГЕНРИХУ IV
- III. НЕИЗДАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ
- Письмо Маргариты де Валуа Филиппу II
  -
  - Письмо Маргариты де Валуа Филиппу II
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30

- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74

- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118

- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162

- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206

- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250

- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294

- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338

- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382

- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426

- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470

- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514

- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558

- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602

- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646

- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690

- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734

- 735
- 736
- 737
- 738
- 739
- 740
- 741
- 742
- 743
- 744
- 745
- 746

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Маргарита де Валуа (1553-1615). Мемуары. Избранные письма. Документы.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЯ
От составителя
Предисловие к русскому изданию
Введение. Часть 1
Введение. Часть 2

I. МЕМУАРЫ (1559-1581)
Посвящение Брантому
1559
1561
1564
1569
1570
1571
1572
1573
1574
1575
1576
1577
1578
1579
1580
1581

II. ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА (1578-1606)
Предисловие
№ 1. Елизавете I Английской
№ 2. Генриху III
№ 3. Луизе де Клермон, герцогине д'Юзес
№ 4. Генриху де Бурбону, королю Наваррскому

№ 5. Антуану де Серлану
№ 6. Генриху Лотарингскому, герцогу де Гизу
№ 7. Филипу II, королю Испании
№ 8. Генриху III
№ 9. Никола де Нефвилю, сеньору де Виллеруа
№ 10. Диане де Валуа, герцогине Ангулемской
№ 11. Максимилиану де Бетюну. Барону де Рони
№ 12. Генриху IV

III. НЕИЗДАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ
Вступительное слово
№ 1. Письмо Маргариты Французской, герцогини Савойской, Карлу IX
№ 2. Письмо Шарля де Бирага Екатерине Медичи
№ 3. Письмо Шарля де Бирага Екатерине Медичи
№ 4. Письмо Шарля де Бирага Генриху III
№ 5. Денежная расписка Маргариты де Валуа

IV. Письмо Маргариты де Валуа Филиппу II (1587 г.)
Вступление
Письмо Маргариты де Валуа Филиппу II

V. Дополнительные материалы
1. Письма французского посла в Португалии Жана Нико Екатерине Медичи.
2. Портреты Маргариты да Валуа
3. L'ombre de la damoiselle de Gournay
4. Портреты Франсуа Алансонского

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Предлагаемая российскому и зарубежному читателю книга содержит сочинения Маргариты де Валуа, королевы Франции и Наварры (1553-1615), более известной под именем королевы Марго. Речь идет о ее «Мемуарах» и избранных письмах, политических по содержанию, – великолепных образцах поздней ренессансной литературы во Франции, представляющих также огромный исторический интерес.

В 1995 году в издательстве Московского государственного университета уже выходил первый перевод «Мемуаров», выполненный И. В. Шевлягиной под редакцией С. Л. Плешковой, который преследовал литературно-художественные цели и не являлся собственно критическим изданием [1].

Представляемый сейчас новый перевод был сделан с лучшего на сегодняшний день научного издания «Мемуаров», подготовленного мадам Элиан Вьенно, профессором университета Сент-Этьен, и изданного в парижском издательстве «Оноре Шампьон» в 1999 году [2]. В процессе перевода и подготовки примечаний нам приходилось регулярно, в течение нескольких лет, консультироваться с Э. Вьенно, которая весьма отзывчиво отнеслась к подготовке нового издания воспоминаний Маргариты де Валуа в России и терпеливо помогала нам в работе. Будучи самым известным биографом Маргариты и издателем ее корреспонденции, она также любезно согласилась написать вступительное слово для настоящей книги [3]. **[6]**

Помимо «Мемуаров» и писем мы посчитали возможным включить в настоящее издание пять неизвестных и неизданных документов, касающихся королевы, которые хранятся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге в фондах П. П. Дубровского и П. К. Сухтелена. Эти материалы с соответствующим пояснением воспроизводятся на французском языке.

В качестве почетного участника нашего проекта мы привлекли также нашего друга Лорана Ангара из университета Марка Блока в Страсбурге, исследователя литературного наследства Маргариты де Валуа, который представил свою статью, отражающую) современные представления и споры во французском литературоведении о мемуаристике и методах ее изучения на примере «Мемуаров» королевы.

Ответственным редактором книги является Д. Э. Харитонович старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, ценные указания и замечания

которого позволили подготовить это издание на должном уровне

Нам остается выразить искреннюю и сердечную благодарность всем переводчикам, помогавшим в переводе статей Элиан Вьенно и Лорана Ангара на русский язык – М. Ю. Некрасову (Санкт-Петербург), А С. Ларчикову (Выборг), Марине Алиду (Marina Alidou) и Мишелю Маньезу (Michel Magniez) (Франция).

В. В. Шишкин

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

ЭЛИАН ВЬЕННО (УНИВЕРСИТЕТ ЖАНА МОННЕ, СЕНТ-ЭТЬЕН)

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ «МЕМУАРОВ» МАРГАРИТЫ ДЕ ВАЛУА

Маргарита де Валуа, конечно, была бы очень польщена той честью, которую ей оказали ныне: ее мемуары переведены на русский язык, с соответствующими комментариями. Она родилась при самом блестящем дворе Европы, привлекала внимание иностранцев которые проезжали через Францию, была свидетельницей великих трагедий своей эпохи, поэтому эта великая читательница плутарховских «Жизнеописаний знаменитых людей» тоже считала себя достойной, чтобы ее знали просвещенные люди всех времен и народов. Сочинения, написанные ею, показывают, что она в этом не ошибалась.

Тем не менее любопытно, что след в истории она рассчитывала оставить не своими текстами и весьма мало заботилась о том чтобы они получили широкую известность. Многие из ее речей – в том числе те, которые она произнесла перед польскими послами в 1573 г. и перед членами городского муниципалитета Бордо в 1578 г – не сохранились. Об «Оправдательной записке Генриха де Бурбона», которую она написала для мужа в 1574 г. вероятно, знали только гугеноты (чуть позже опубликовавшие ее) и в своих «Мемуарах» она посвятила ей всего несколько строк До нас дошел только десяток ее стихотворений, как правило, мелькнувших в публикациях людей, которые были к ней близки в последние годы, – стихотворений, подписанных в лучшем случае прозрачным псевдонимом. При жизни под ее именем был напечатан только маленький трактат «О превосходстве женщин», написанный за год до смерти, и эту публикацию осуществил ее оппонент. Сами ее «Мемуары» как будто не носят следов особой заботы о посмертном издании: рукопись, опубликованная через тринадцать лет после ее смерти, была местами повреждена (о чем свидетельствуют лакуны), и в ней не хватало последних тетрадей **[8]** (коль скоро повествование резко обрывается). Что касается ее писем, Маргарита, похоже, не делала с них копий: они

сохранились только у адресатов. Со стороны женщины, которая считала, что она достойна быть известной *urbi et orbi* [городу и миру (*лат.)*], и слышала, как придворные поэты на все лады твердят, что бессмертие обеспечивают только тексты, подобная небрежность может показаться удивительной.

Объяснение этого парадокса можно прочесть в ее «Мемуарах». Действительно, когда Маргарита де Валуа заявляет в самом начале, что не намерена давать им «более славного названия, хотя они заслуживают быть названными *Историей*, потому что содержат только правду без каких-либо прикрас», она не называет по имени литературный жанр, который нам знаком, но которого еще не существовало. В 1594 г., в то время, когда ее муж стал королем Франции и начала вырисовываться перспектива их развода, она намеревалась лишь сделать поправки к «Жизнеописанию Маргариты, королевы Наваррской», которое она только что получила от Брантома и которое ее не удовлетворило. Маргарита всегда считала, что герои остаются в Истории, если какой-либо талантливый писатель берется за их жизнеописание, как это сделал Плутарх для героев античности, поэтому, исходя из этих представлений, за много лет до того попросила Брантома – своего неизменного почитателя – стать ее биографом [4]. Но мало того, что новый Плутарх допустил много фактических ошибок, но и портрет ее, который он сделал, показался ей искаженным. На самом деле, «Жизнеописание...» во многом проникнуто воспоминаниями о гражданских смутах, в которых королева была вынуждена принимать активное участие, и очень часто к ущербу для себя, тогда как годы спустя она предпочла «спокойную жизнь» [5], как объясняла в письме тому же Брантому, как раз когда начала писать «Мемуары». Так что она взялась за перо, чтобы кое в чем поправить его **[9]** «Жизнеописание...»; из жизни, которая была «хаосом», как пишет она, он «уже извлек свет»; ей «осталось работы дней на пять» – иначе говоря, несколько часов усердного труда. Что до нее, она напишет только несколько рассказов об отдельных сюжетах, которые послужат материалом для создаваемого «жизнеописания», – то, что тогда называлось «мемуарами» и что Маргарита насмешливо именует «медвежатами»; они придут к Брантому неуклюжими (потому что она пишет «без прикрас»), но надежными (потому что она пишет правду). Действительно, согласно культурной традиции, усвоенной королевой, писать Историю – не дело героя, он Историю *творит*! Обработать же ее должен некий редактор: выстроить повествование, насытить его портретами, максимами, историческими ссылками... короче говоря, сделать блистательной.

Через много страниц, сообщая о возвращении своего брата Генриха III из Польши, Маргарита как будто высказывается в том же духе: она напоминает, что в ее намерения входит «не украшение этих *Мемуаров*, а единственно правдивое повествование и скорое окончание моих воспоминаний с тем, чтобы Вы быстрее их получили». Но это энергичное напоминание о первоначальной задаче здесь возникает как раз потому, что королева только что совершенным образом нарушила принятое на себя обязательство, сделав отступление на несколько страниц (правда, не столько с целью расцветить прозу, сколько чтобы скрыть свой переход в другой политический лагерь, поскольку она изменила старшему брату ради младшего). На самом деле Маргарита уже давно писала совсем не о том, что предполагала сделать вначале. В действительности она не ограничилась «отдельными замечаниями». Обещанные «медвежата» на свет так и не появились, и до Брантома ничего не дошло. Королева взяла рассказ о своей истории в собственные руки.

Не без труда, однако! Начало ее произведения отмечено «ложными обещаниями» и свидетельствует о внутренних конфликтах: она не хочет говорить о своем детстве, но говорит о нем; она не хочет «тратить силы» на «ненужные» воспоминания, но включает их в свой рассказ; она хочет продвигаться быстро, но задерживается… Вот она приняла решение – принципиальное – установить «связь событий прошлого и настоящего», то есть строить повествование линейно. Эта связь, пишет она, «вынуждает» ее начать с начала: «с того времени, когда я была в состоянии запомнить что-либо примечательное для моей жизни». После того как этот изначальный выбор сделан, ни воля Маргариты, ни ее культурные стереотипы **[10]** не в состоянии помешать начинанию развиваться по собственной логике: то вновь нахлынут воспоминания о более раннем периоде, то королеву охватит блаженство, когда она вновь переживает самые счастливые события, то в ее душе теснятся все остальные чувства, когда речь заходит о самых страшных эпизодах. Ничто не мешает Маргарите менять позицию, из заказчицы будущей работы (которая без колебаний дает советы своему историку) становиться женщиной, которая пересказывает свою жизнь старому другу, шутит с ним об общих знакомых, описывает ему края, где он не бывал, разъясняет дела, которые его не коснулись.

Тем самым она создает новый жанр – жанр аристократических мемуаров. Она явно этого не осознает, почему и не афиширует свой текст и так мало заботится о его распространении. Во всяком случае, она ясно понимает, что ее сочинение – не просто «материал» для передачи писателю, сколь

бы верным он ни был. Она отказывается от идеи получить свое жизнеописание, но сохраняет свои «мемуары». К величайшей радости будущих поколений.

ВВЕДЕНИЕ. ЧАСТЬ 1

О ЧЕМ НЕ ВСПОМНИЛА КОРОЛЕВА ФРАНЦИИ И НАВАРРЫ

«Она – настоящая королева во всем»
Брантом

«Свинцовый», по выражению Мишеля де Монтеня, XVI век породил двух Маргарит – королев Наварры, младшая из которых позднее станет номинальной королевой Франции. Обе оставили выдающееся литературное и эпистолярное наследие и вошли в историю французской и мировой культуры. Первую звали Маргарита Ангулемская, или Наваррская (1492-1549), и она приходилась родной сестрой французскому королю Франциску I Валуа, представителю Ангулемской ветви королевского дома, вторую – Маргарита де Валуа, или Маргарита Французская (1553-1615), которая являлась внучкой этого короля и более известна под именем королевы Марго.

Однако современники Маргариты де Валуа, наверное, очень бы удивились, узнав, что спустя четыре сотни лет их королева превратилась в «Марго», а ее образ прочно слился с именем персонажа, придуманного писателем Александром Дюма. Между тем, в эпоху последних Валуа Маргариту называли «Мадам» – это был официальный титул сестры короля, затем, в замужестве, она превратилась в «королеву Наваррскую», а после развода с Генрихом IV стала именоваться «королевой Маргаритой, герцогиней де Валуа». Один только Карл IX, ее старший брат, иногда в шутку именовал ее простонародным именем Марго. Очевидно, А.Дюма, однажды встретивший упоминание об этом, решил присвоить королеве новое имя, навсегда (к сожалению?) утвердившееся в массовом сознании.

Вообще, это сознание во многом сформировал, конечно же, не великий французский романист: в его изображении Маргарита – **[180]** справедливая, гордая и смелая принцесса, во имя высших политических интересов приносящая в жертву свои личные чувства и любовь. Однако имя Марго стало, с подачи А. Дюма, удобной ширмой для многочисленных мифов и легенд о королеве, родившихся уже во время ее неординарной жизни. Умножаясь, со временем они прочно исказили настоящий облик Маргариты де Валуа, причем настолько, что даже в работах известных и авторитетных современных историков существуют

поразительные расхождения в оценке ее роли в политической и литературной истории Франции, не говоря уже о разного рода печатных и интернет-изданиях, где можно прочитать фантастические вещи о Маргарите: она была любовницей своих братьев, вела образ жизни Мессалины, имела внебрачных детей и была причастна к убийству своего бывшего мужа. Оставляя на совести авторов подобные измышления, мы хотели бы представить краткий взгляд на последние серьезные работы о королеве, ее сочинениях и ее эпохе.

ЛИТЕРАТУРА О МАРГАРИТЕ

В современном французском учебнике для студентов высших учебных заведений по истории французской литературы о Маргарите и ее «Мемуарах» и других сочинениях нет ни слова [6]. Собственно, это и неудивительно, поскольку до сих пор существует мнение, что ее «Мемуары» – апокриф, и нет серьезных доказательств обратного [7]. И это несмотря на необыкновенный всплеск «маргаритоведения» в 1990-2000-е годы и вообще растущий интерес к истории женщин [8].

Исторический фильм Патриса Шеро «Королева Марго» с блистательной Изабель Аджани в главной роли, вышедший на экраны в 1994 году и ставший лауреатом кинофестиваля в Каннах, только подогрел интерес к фигуре Маргариты де Валуа. Молодая королева, загадочная и любвеобильная, смелая и чувственная, с **[181]** риском для своей жизни в отчаянные часы Варфоломеевской ночи спасала жизни своих подданных-гугенотов и свою честь королевы Наваррской… При всем том, что зрители увидели великолепную экранизацию по мотивам романа А. Дюма, режиссер не смог отказаться от традиционного стереотипа – его Маргарита так и осталась всего лишь Марго. И это несмотря на то, что годом раньше, в 1993 году, вышла самая лучшая критическая биография Маргариты, написанная Элиан Вьенно – «Маргарита де Валуа. История одной женщины. История одного мифа», – где эта французская исследовательница шаг за шагом, последовательно и неумолимо развенчивает все существующие в массовом представлении мифы, легенды и домыслы о королеве, равно как о ее сочинениях. Мы еще затронем эту книгу, констатируя, увы, что по сей день Марго побеждает Маргариту.

В отечественной историографии о Маргарите писали немного. Опуская биографические публикации в популярных журналах, прессе и интернет-изданиях, по большей части не заслуживающих внимания и упоминания, хотелось остановиться

на работах Е. Б. Черняка и С. Л. Плешковой.

В своей книге «Вековые конфликты», посвященной различным аспектам внутренних, дипломатических и военных конфликтов в разные эпохи, один из разделов книги автор назвал «Королева Марго». Е. Б. Черняк, несомненно, прав, говоря, что Маргарита «занимала такое положение, которое придавало политическое значение многим ее поступкам. Роль, которую ей пришлось сыграть, сама по себе была следствием политической обстановки, сложившейся во Франции и в Европе в целом» [9]. Однако он не признал за Маргаритой права называться политическим деятелем, в отличие, например, от Марии Стюарт, королевы Шотландской.

Отдельные пассажи Е. Б. Черняка, касающиеся фактов биографии Маргариты, вызывают вопросы по причине их неправдоподобности, хотя, в общем, находятся в русле легенды о королеве. Например: «В июле 1585 года Маргарита де Валуа покинула мужа, чтобы присоединиться к католическому лагерю, и заперлась в крепости Ажен в центре протестантского Юго-Запада, обратившись за помощью к Гизам и Филиппу II. Помощь, однако, запоздала, и крепость была взята штурмом войсками Генриха Наваррского» [10]. **[182]**

В действительности королева Наваррская практически бежала из Нерака в свое собственное владение – Аженское графство – с целью спасения жизни. Произошло это в марте 1585 года. И только в середине мая она приняла решение о присоединении к католической Лиге и Гизам, попросив у них помощи, равно как у испанского короля. Правда, Генрих Наваррский штурмом Ажен не брал – город Маргарита потеряла в сентябре того же года в результате городского восстания, а чуть позже его заняли королевские войска маршала Матиньона.

И далее: «Маргариту заключили в крепость Юссон, откуда она бежала с помощью агента Гизов, однако лишь для того, чтобы снова быть схваченной и возвращенной под стражу» [11]. На самом деле в ноябре 1586 года Маргарита де Валуа была доставлена в Юссонский замок, арестованная по приказу Генриха III, откуда она никогда никуда не бежала и где прожила вплоть до 1605 года, когда ей позволили вернуться в Париж. Уже с февраля 1587 года она фактически стала хозяйкой Юссона, поскольку была освобождена своим тюремщиком, маркизом де Канийаком, правда, не без помощи денег герцога де Гиза.

Мы не ставили себе целью детально разбирать написанное Е. Б. Черняком о королеве Маргарите, хотя цитируемые отрывки показательны. Скорее, хотелось продемонстрировать еще раз, насколько ее фигура обросла мифами, превратившими в итоге

Маргариту в Марго.

С. Л. Плешкова, написавшая вступительную статью к первой русской версии «Мемуаров» Маргариты де Валуа, в целом придерживаясь реальной биографической линии, все же назвала свою работу «Слово о королеве Марго» (впрочем, и сами мемуары, непонятно почему, вдруг были названы «Мемуары королевы Марго», словно их написала не королева Франции и Наварры, а литературный персонаж Александра Дюма...) [12]. Однако оценки и суждения, представленные в этой статье, несмотря на ее популярный характер, вызывают удивление: «физическая неприязнь Маргариты к супругу сделала для нее невозможными супружеские обязанности»; «ее любовники сменяли один другого, оставляя о себе недолгую память»; «от дальнейшего изложения своих воспоминаний она отказывается» [13]. На деле все было с точностью до наоборот. **[183]** Брачная жизнь супругов, несмотря на известное попустительство друг другу, являлась вполне регулярной вплоть до 1582 года, и нет ни одного свидетельства о «физической неприязни». Более того, сохранившаяся переписка королевы свидетельствует о ее огромном желании забеременеть от мужа; из всех мужчин, которых приписывают Маргарите, ее достоверными любовниками были только Бюсси и Шанваллон; что касается ее воспоминаний, то они неожиданно обрываются на 1582 годе, и Элиан Вьенно в свое время доказала, что последние тетради рукописи были утеряны [14].

Отдельные моменты статьи также вызывают сожаление, поскольку искажают действительность: кардинал Лотарингский не мог венчать Маргариту и Генриха Наваррского – в действительности это сделал кардинал де Бурбон [15]; Варфоломеевская ночь случилась 24, а не 21 августа 1572 года [16]; при разводе с Генрихом IV Маргарита не могла получить титул королевы Франции (и Наварры), а сохранила за собой просто титул королевы без королевства, и т. д. [17]

В аналогичном ключе выдержан и рассказ о Маргарите де Валуа в книге С. Л. Плешковой «Екатерина Медичи» (вообще переполненной фактическими ошибками): «Добродетельная королева-мать не могла смириться с порочностью Марго», «неунывающая пленница нашла выход, соблазнив маркиза [де Канийака], которому была получена ее охрана», и т. д. [18] О добродетелях Екатерины Медичи говорить сложно, уж слишком избирательно королева-мать их проявляла, особенно в отношении своей младшей дочери, которая ее раздражала отнюдь не порочностью, а скорее политическими интригами. Что касается престарелого Канийака, о ком мы еще будем говорить в настоящей статье, то его более интересовали деньги герцога де

Гиза, которыми последний расплатился за освобождение Маргариты, чем прелести королевы Наваррской.

Некоторые французские историки также продолжают писать именно о Марго, опираясь на традицию, сложившуюся в историографии. Так, книга известного беллетриста, автора двухтомной биографии Наполеона, Андре Кастело, вышедшая в 1993 году **[184]** и переведенная на русский язык, опять-таки называется «Королева Марго» [19]. Конечно, отрадно, что русская версия книги вышла в серии «Жизнь замечательных людей» в издательстве «Молодая гвардия», поскольку настоящая жизнь королевы вполне вписывается в название этой серии, однако А. Кастело, кажется, поставил себе целью написать биографический фарс о Маргарите, но никак не популярную биографию, отражающую ее жизненный путь. Перед нами предстает образ безрассудной нимфоманки, которая год за годом прожигала свою долгую и бесполезную жизнь. Русский перевод только прибавил соответствующих красок в этот портрет. Так, например, знаменитое письмо Жанны д'Альбре, матери Генриха Наваррского, адресованное Бовуару, где она характеризует свою будущую невестку, выглядит в следующей интерпретации: «Я нахожу, что у нее хорошая талия, но уж чересчур она ее перетягивает. А свое лицо она просто испортит, столько всего на нем намазано, тошно смотреть; правда, так принято при этом дворе...» [20]. В действительности же буквальный перевод следующий: «Говоря о красоте Мадам, я признаю, что она прекрасно сложена, однако сильно затягивается; что касается ее лица, то оно излишне накрашено, что меня выводит из себя, поскольку это портит ее облик. Но при здешнем дворе красятся почти все, как в Испании» [21]. Подобные сравнения можно делать до бесконечности.

Андре Кастело вторит и французский профессор – мадам Жанин Гаррисон (кстати, гугенотка), автор многочисленных работ по истории Религиозных войн, в том числе биографии Маргариты, написанной в весьма критическом по отношению к королеве тоне (об этом упоминает так же Лоран Ангар в своей статье в настоящем издании), но в тоже время ничего нового не привносящей в сложившийся образ королевы Наваррской и не использующей никаких новых источников. [22]

Фигурой Маргариты де Валуа весьма интересовался Жан Кастаред, непрофессиональный историк, выпустивший в 1992 году книгу под названием «Тройственная жизнь королевы Марго» [23]. В поисках новых источников, еще не известных историческому **[185]** сообществу, летом 1992 года он приехал в Санкт-Петербург с целью изучить все автографы королевы,

хранящиеся в Российской национальной библиотеке. Выяснив, что большая часть из них уже была опубликована Ф. Лозеном [24], он предположил, что одно письмо Маргариты все же осталось неизданным, и полностью воспроизвел его в своей книге [25]. Сама же его монография, написанная безо всякого критического начала, построена на «Мемуарах» Маргариты и прочих известных источниках, в частности, анонимном гугенотском памфлете 1607 года «Сатирический развод», приписываемом Т.-А. д'Обинье и представляющем откровенную клевету на жизнь королевы. Ж. Кастаред, по сути, принял на веру все содержание этого произведения и даже привел его в качестве приложения к своему сочинению.

В 1991 году состоялась большая международная конференция в Ажене, посвященная Маргарите де Валуа, собравшая много известных историков и филологов и ставшая началом принципиально новых исследований о королеве и ее эпохе [26]. Именно на ней впервые Анн-Мари Кокюла из Университета Мишеля Монтеня в Бордо сделала доклад о невозможности отождествления личности Маргариты де Валуа и общераспространенного образа королевы Марго [27]. Исследовавшая брачную жизнь Маргариты Жаклин Буше, специалист по французскому дворянству и обществу эпохи Религиозных войн, в свою очередь, показала, что, вопреки сложившимся в XVIII веке представлениям, Маргарита вовсе не сопротивлялась своему браку с Генрихом де Бурбоном и большую часть времени своего замужества (или правильнее – пребывания рядом с мужем) была его настоящим союзником и другом в делах [28]. Остальные статьи – Э. Беррио-Сальвадор, Ж. Бальзамо и многих других – были посвящены литературному наследию королевы, философии и культуре ее времени. Наконец, иные исследователи, в том числе историки-краеведы из Ажена, хорошо знакомые **[186]** с муниципальными архивами, внесли много нового и интересного в историю пребывания Маргариты в Гаскони.

В 1993 году появляется уже упомянутая книга Элиан Вьенно, являющаяся переработанной докторской диссертацией исследовательницы, защищенной в 1991 году в Сорбонне [29]. В отличие от «классической» биографии Маргариты позитивиста Ж.-И. Марьежоля [30], который в свое время тщательно собрал все имеющиеся на тот момент факты из жизни королевы и стал выразителем мнения большинства академических историков, как своих современников, так и предшественников, казалось, окончательно закрепившего образ «королевы Марго» в историографии, сочинение мадам Вьенно представляет собой

кардинальный пересмотр всех имеющихся представлений о Маргарите. Главный вывод, который можно сделать по прочтении этой книги: Маргарита де Валуа никогда не была королевой Марго.

Автор не случайно назвала свою книгу «История одной женщины. История одного мифа», поскольку она разделена на две соответствующие части. Подвергнув критическому анализу и «заново прочитав» уже известные источники, в частности, воспоминания королевы и жизнеописание Маргариты Брантома, для своего исследования Элиан Вьенно привлекла огромное число тогда еще неизвестных и неизданных писем последней Валуа, которые позднее она опубликовала отдельным изданием [31]. Благодаря этому мадам Вьенно сумела доказательно развенчать многие мифы о Маргарите, возникшие еще при ее жизни, и сделать вывод (не без феминистского оттенка) о том, что королева последовательно отстаивала свои политические прерогативы младшего венценосца, став предтечей «разделения политической власти между мужчинами и женщинами в сегодняшнем обществе» [32]. Ее попытки настаивать на собственной политической позиции и праве на личную жизнь были необычны даже для принцессы свободолюбивой эпохи Ренессанса и вызывали нескрываемое раздражение и противодействие (в том числе в памфлетной форме) как у католиков, так и у гугенотов.

В 1998 году Элиан Вьенно, закрепляя успех своей книги, опубликовала, как уже упоминалось, полную корреспонденцию **[187]** королевы, а в следующем году – «Мемуары» и прочие ее произведения, в том числе поэтические [33]. В 2005 году вышло новое издание ее биографии Маргариты де Валуа – явление редкое для Франции, доказывающее востребованность и высокий профессиональный уровень автора, равно как очевидный общественный интерес к объекту исследования.

Коллега мадам Вьенно по Университету Сент-Этьен Жаклин Буше, уже упомянутая нами выше, в 1995 году выпустила монографию «Две супруги и королевы в конце XVI века: Луиза Лотарингская и Маргарита Французская» [34], которая, хотя и вышла почти одновременно с «Историей одной женщины», явилась совершенно иным по содержанию историческим исследованием. Построенная на колоссальном фактическом материале, чем всегда славилась Ж. Буше, в том числе с привлечением новых источников (финансовых счетах домов обеих королев, впервые вводимых в научный оборот), ее книга стала незаменимым биографическим путеводителем относительно рассматриваемых персонажей и важным вкладом в изучение

Религиозных войн во Франции. Ж. Буше, используя сравнительный метод, заставила иначе посмотреть на истоки ссоры в королевской семье Валуа и объяснила логику поведения каждой из этих коронованных женщин в эпоху крушения центральной власти.

Тем не менее, мадам Вьенно и Буше своими книгами и публикациями сумели «не закрыть» окончательно тему Маргариты, а наоборот, дали начало качественно новым работам. Так, своеобразная реабилитация королевы представлена также в книгах американского историка Роберта Сили «Миф о королеве Марго» [35], построенной на развенчании идей уже упомянутого «Сатирического развода», и французского регионального историка Мишеля Муазана «Оверньское изгнание Маргариты де Валуа» [36]. Последний, государственный чиновник в Оверни и доктор права, не являясь профессионалом-историком, представил самое подробное и очень выверенное описание пребывания королевы Франции и Наварры в Юссонском замке с учетом всех предыдущих публикаций источников и исторических исследований 1990-х годов. **[188]**

Наконец, из последних работ о Маргарите необходимо отметить труды израильского историка Моше Слуховски, исследующего влияние образа героини А. Дюма на возникновение сексуальной легенды о королеве Марго [37], и французского филолога Лорана Ангара, докторанта Университета Марка Блока в Страсбурге, статья которого, ставшая квинтэссенцией его последних работ, представлена в настоящем издании.

Нам остается взглянуть на некоторые интересные факты из жизни нашей героини, о которых по какой-то причине она решила не упоминать в своих «Мемуарах» (впрочем, значительная часть которых до нас не дошла) или же упомянула мимоходом, не придав им значения, и которые стали известны из ее писем и иных источников эпохи Религиозных войн.

О чем же не вспомнила королева Франции и Наварры?

«ПЛОХО ВЫДАННАЯ ЗАМУЖ»

Именно так, вслед за Ж. Дюби, можно сказать, описывая мытарства королевского дома Валуа сначала в поисках достойной партии для Маргариты де Валуа, а затем в попытках ее расстроить. Дело в том, что иностранные принцы, в общем, не хотели брать Маргариту замуж, и все попытки Екатерины Медичи «подороже продать свою дочь», по выражению А. А. Сванидзе, в результате закончились только браком с одним из подданных

короля Франции – принцем крови Генрихом де Бурбоном, королем Наваррским. Из всех внешних кандидатов, которых искали для Маргариты, в своих «Мемуарах» она упоминает только короля Себастьяна Португальского – не столько как самый лучший вариант, сколько как самый общеизвестный, отрицая в то же время слухи о своих планах стать женой герцога де Гиза.

Вообще, судьба Маргариты де Валуа, младшей и самой любимой дочери Генриха II, сложилась сложно и трагично. С самого детства ей пришлось не только стать свидетельницей разрушительных Религиозных войн во Франции и гибели своей семьи, но и пережить страшную кульминацию гражданского противостояния – Варфоломеевскую ночь. **[189]**

Она родилась в королевской резиденции – замке Сен-Жермен-ан-Ле 14 мая 1553 года – и являлась седьмым ребенком в семье Генриха II и Екатерины Медичи. Трое ее старших братьев стали последними королями рода Валуа, поскольку не оставили законного потомства – Франциск II (1559-1560), Карл IX (1560-1574) и Генрих III (1574-1589). Четвертый брат, Луи де Валуа, умер в детском возрасте. Наконец, две старшие сестры – Елизавета и Клотильда де Валуа – стали, соответственно, в замужестве королевой Испании и герцогиней Лотарингской.

Генрих де Бурбон, сын первого принца крови Антуана де Бурбона, герцога Вандомского, потомка Людовика IX Святого, и королевы Наварры Жанны д'Альбре, единственной дочери Маргариты Наваррской-писательницы, появился на свет в один год с Маргаритой – в 1553 году, 13 декабря. А уже в марте 1557 года дети были обручены по предложению Генриха II. В письме к своей сестре герцогине Неверской Антуан де Бурбон писал: «Я хотел бы… рассказать Вам о чести и милости, оказанной мне королем и заключающейся в соглашении между нами о браке Мадам Маргариты, его дочери, с моим старшим сыном» [38]. Французский король продолжал политику своих предшественников по установлению тесных семейных уз между французским и наваррским королевскими домами, дабы обеспечить максимальную лояльность последнего и превратить королей Наварры в вассальных князей. Рождение Генриха де Бурбона не могло не вызвать беспокойства у царствующего дома Валуа, поскольку принц Наваррский соединял в своем лице старшие ветви фамилии Бурбонов и дома королей Наварры д'Альбре, к тому же в его жилах также текла кровь Валуа, поэтому Генрих II рассчитывал посредством организации брака принца с Маргаритой превратить его в покорного слугу короны. Предполагались переезд Генриха де Бурбона на постоянное жительство в Париж и воспитание его при дворе [39].

Однако последующие события, связанные с трагической смертью Генриха II на турнире, безуспешным для Франции окончанием Итальянских войн (1559), смещением акцентов внешней политики страны в сторону сближения с Испанией и быстрым распространением кальвинизма, надолго отодвинули идею «наваррского брака». Две непримиримые политические соперницы – регентша при малолетнем Карле IX Екатерина Медичи и королева Наваррская **[190]** Жанна д'Альбре (овдовевшая в 1562 году) – предпочли вообще не вспоминать об обручении, тем более что страна была фактически накануне внутреннего религиозного конфликта и разделения на католический и протестантский лагеря. Этот конфликт и начался в 1559 году, когда ослабевшее центральное правительство оказалось не в состоянии контролировать восстание умов королевства. Религиозный конфликт сразу же превратился в религиозно-политический, гражданский и вооруженный одновременно, став отражением большого социального кризиса во французском обществе эпохи позднего Ренессанса. Началась эпоха Гражданских, или Религиозных, войн во Франции (1559-1598), которая продлилась почти сорок лет, поставив страну на грань национальной катастрофы.

Королевская семья во главе с итальянкой Екатериной Медичи, обремененной несколькими малолетними детьми, оказалась в крайне трудной ситуации, поскольку разные аристократические кланы стремились воспользоваться неопытностью и юностью ее сыновей и оспорить ее права регентши-иностранки. Генриху IV приписывают следующие слова, сказанные им по поводу Екатерины спустя много лет после ее смерти: «Помилуйте, ну что могла сделать эта бедная женщина, когда у нее умер муж и она осталась с пятью маленькими детьми на руках, а два великих семейства Франции – наше [Бурбоны] и Гизы – задумали овладеть короной? Не пришлось ли ей поэтому то и дело менять маски, чтобы провести и тех, и других, сохраняя, что ей и удалось, пока суд да дело, своих детей, которые, следуя один за другим, правили под мудрым руководством столь умной дамы? Меня удивляет, как она не натворила чего похуже!» [40].

Первые воспоминания Маргариты, по-видимому, датируются 1558-1559 годами, когда она передает свой разговор с отцом. Однако пышные летние празднества 1559 года, посвященные бракосочетанию ее старшей сестры Елизаветы с испанским королем Филиппом и ее тетки Маргариты с Савойским герцогом, она уже упускает из внимания. Дело в том, что младшие королевские дети (Маргарита и будущий Франсуа Алансонский) мало привлекались к праздникам по причине малолетства (им

было 6 и 5 лет соответственно) и находились в Лувре или Сен-Жермене со своими воспитателями. **[191]**

Неожиданно овдовев, но успев выдать свою старшую дочь Елизавету Французскую замуж за Филиппа II Испанского, Екатерина Медичи решила закрепить этот альянс браком своей младшей дочери Маргариты и ее сверстника – короля Португалии Себастьяна, за которого правили его происпански настроенные родственники – бабка Екатерина Австрийская, тетка Филиппа II, и дядя кардинал Энрике. Как показывают письма французского посла в Португалии Жана Нико [41] Екатерине Медичи, брачные предложения португальскому двору им были представлены уже в августе 1559 года [42]. Учитывая, что кончина Генриха II наступила 10 июля, невольно возникает предположение, что переговоры или консультации обоих дворов на эту тему начались раньше, возможно, со времени прибытия посла в Лиссабон в мае 1559 года. Нико информировал королеву-мать, что «Себастьян хорош собой» и что «в Португалии все желают этого брака» [43]. Однако уже в письме Карлу IX от 5 ноября обеспокоенный посол сообщил, что испанский король явно противодействует усилиям французского дипломата, предлагая в качестве жены Себастьяна свою дочь [44].

Судя по всему, Екатерину Медичи португальский союз интересовал с двух точек зрения. С одной стороны, королева-мать в условиях начавшихся потрясений во Франции пыталась максимально обезопасить себя и ослабевшую королевскую власть от внешних посягательств со стороны могущественного Австрийского дома и его союзников, с другой – питала полумифические надежды на корону Португалии, на которую могла претендовать как отдаленная родственница правящего там дома. Маргарита могла усилить ее претензии и при благоприятных обстоятельствах помочь обрести еще один трон для Валуа [45]. **[192]**

Приняв во внимание подробнейшие отчеты Жана Нико и позицию испанского короля, Екатерина решила действовать на два фронта. Только этим можно объяснить то, что французский посол в Мадриде епископ Лиможский (кстати, при полном согласовании с Нико, что показывает переписка обоих дипломатов) весной 1560 года начал разговор о возможности обручения Маргариты и сына Филиппа II от первого брака – дона Карлоса [46]. Испанский король, со своей стороны, не нуждался в более тесном союзе с Францией, продолжая считать ее своим главным противником и желая ее всяческого ослабления, поэтому представил в Париж весьма уклончивые ответы, которые расценили как отказ. Поэтому, если сюжет о браке с доном

Карлосом исчезает из переписки Екатерины Медичи, то португальский вариант продолжает усиленно разрабатываться. Так, 17 августа 1561 года Нико докладывает, что при португальском дворе только и говорят о возможном бракосочетании Себастьяна и Маргариты, «портрет которой всем весьма понравился». Вместе с тем посол пишет о том, что сама королевская семья в лице матери короля и одновременно сестры Филиппа II Хуаны Австрийской (проживавшей постоянно в Испании), равно как его бабки и дяди, ратует за брачный союз с представительницей семьи Габсбургов [47].

В Португалии развернулось самое настоящее противостояние между регентами, с одной стороны, и представительным органом – кортесами, с другой, по кандидатуре невесты Себастьяна. Кортесы, в условиях усиления испанского влияния в стране, выступали за переговоры с Парижем, королевская семья – с Мадридом и Веной. Юная Маргарита не могла знать, что ее судьба с самого ее рождения станет заложницей большой европейской политики.

Молчание португальского двора в 1562-1563 годах в Париже было воспринято как провал переговоров. Нико был отозван, и Екатерина Медичи начинает разрабатывать новый брачный проект для Маргариты, уже с Рудольфом Габсбургом, сыном императора Максимилиана II. Она по-прежнему питала иллюзорные надежды, что брачными союзами сможет обезопасить Францию от экспансии Австрийского дома, правившего на территории половины Европы и вытеснявшего французов из Нового Света, – это **[193]** диктовалось прежде всего все усложнявшейся внутриполитической обстановкой и разрушительными гражданскими войнами в 1560-е годы. В 1563-1565 годах по инициативе французской стороны были организованы новые переговоры между Парижем, Веной и Мадридом, которые в итоге опять были сорваны из-за позиции Филиппа II, предпочитавшего иметь как можно меньше обязательств перед Францией [48]. Во время так называемого «большого путешествия» французской королевской семьи и всего двора в 1564-1566 гг. по Франции, о чем Маргарита пишет в «Мемуарах», Екатерина надеялась встретиться с Филиппом II и своей старшей дочерью в приграничной Байонне, чтобы в числе прочих дел поднять вопрос о Маргарите. Увы, на встречу с королевой испанский король отправил вместо себя свою жену Елизавету Французскую в сопровождении герцога Альбы. В Байонне Екатерину Медичи постигло горькое разочарование: Филипп II не желал никаких браков и устами Альбы даже угрожал войной, если королева-мать будет вести переговоры с гугенотами

и продолжит политику замирения своего королевства. Елизавета – прежде любимая дочь Екатерины – полностью поддержала позицию своего мужа, что дало королеве-матери повод воскликнуть: «Какой же испанкой Вы стали, дочь моя!» [49]

Очередная, уже третья, неудача выдать замуж Маргариту де Валуа вызвала нескрываемое раздражение дома Валуа. Однако анализ корреспонденции Екатерины Медичи показывает, что она воздерживалась открыто обвинять испанского короля в срыве столь важных для Франции соглашений: в условиях растущей внутренней нестабильности она не могла рисковать, бросая вызов Филиппу II, с которым все-таки предполагала найти общий язык.

Между тем, неожиданно начался второй этап франко-португальских переговоров, спровоцированный захватом французами под командованием Фабиена де Монлюка португальского острова Мадейры в Атлантике в 1566 году. Моряки, зная, что Франция не признавала договор о разделе Нового Света между Испанией и Португалией, грабили остров в течение нескольких месяцев [50]. **[194]** В Париж в связи с этим срочно был отправлен многоопытный дипломат Жуан Перейра Дантас, уже бывший послом во Франции в 1559-1560 годах, которому Екатерина Медичи цинично заявила, что Франция готова рассмотреть вопрос о некотором возмещении ущерба, если Маргарита де Валуа станет португальской королевой. 16 и 17 февраля 1567 года датированы ответы на это условие короля Себастьяна, Екатерины Австрийской и кардинала Энрике, адресованные Екатерине Медичи и Карлу IX [51]. В этих письмах сообщается о том, что португальский посол получил все полномочия для ведения переговоров о браке Себастьяна и Маргариты, который «будет служить укреплению дружбы между двумя странами». Французский двор попытался, правда, не очень благовидным способом, заставить португальскую королевскую семью действительно приступить к переговорам о женитьбе. Несмотря на заверения португальцев в симпатиях к Франции, навязывание брака их королю в очередной раз и уже едва ли не силой вызвало негативную реакцию в Лиссабоне. Воспользовавшись началом Второй гугенотской войны во Франции (1567-1568), португальский двор спешно отозвал своего посла, что завершило очередную фазу брачных переговоров.

Четырнадцатилетняя Маргарита не могла не помнить события этой войны, поскольку королевская семья в это время подверглась смертельной опасности, оказавшись в унизительном положении беглецов в собственной стране. Пребывая в бургундском замке Монсо в сентябре 1567 года, двор во главе с юным Карлом IX и Екатериной Медичи чудом не попал в плен к

гугенотам. Последние во главе с принцем де Конде, родным дядей Генриха Наваррского, попытались в очередной раз захватить короля. Екатерина Медичи в последний момент успела вырваться из окружения и укрыться за крепкими стенами замка Мо, куда в спешном порядке были вызваны швейцарцы. Нужно было любой ценой прорваться в Париж и начать собирать силы. Вокруг всего королевского поезда – нескольких десятков карет, носилок и повозок – швейцарцы образовали каре по типу македонской фаланги. Под защитой их оружия в два часа ночи двор покинул Мо и, исполненный страха и паники, спешно двинулся в столицу, по пути несколько раз подвергаясь атакам гугенотских отрядов. К утру, «в полнейшем беспорядке», он добрался до спасительного Парижа. Весь миротворческий итог **[195]** «большого путешествия», организованного королевой-матерью, оказался сведенным к нулю. Вера в политику веротерпимости рухнула. Семнадцатилетний Карл IX, который и прежде не славился хорошим здоровьем, после этих событий стал постепенно превращаться в угрюмого неврастеника [52].

Маргарита де Валуа никогда не писала об унизительных ситуациях, в которые попадала королевская фамилия во времена гражданских смут – как настоящая принцесса дома Валуа она являлась носительницей королевского Величества, «моего ранга», как она часто повторяет в мемуарах, и не могла даже в мыслях допустить любое ущемление прав и прерогатив своей семьи. Если отдельные эпизоды на эту тему все же присутствуют в ее мемуарах и переписке, то, как правило, они касаются только ее лично, причем королева убеждает читателя, что Божественное провидение всегда помогало ей любые неприятности обращать себе на пользу.

В октябре 1568 года неожиданно умерла старшая сестра Маргариты – королева Испании Елизавета Французская, и Екатерина Медичи спешно отправляет в Мадрид кардинала де Гиза с предложением Филиппу II руки своей младшей дочери. Трудно сказать, на что в действительности рассчитывала королева-мать, ведь в последние годы испанский король вел себя в отношении Франции и ее королевского дома все более бесцеремонно. Но, видимо, браком с Маргаритой она пыталась обеспечить, хотя бы на время, продолжение политики военного невмешательства Испании в дела Франции – ослабление последней в результате внутренних потрясений было очевидно. Филипп II ответил, что намерен жениться на своей австрийской родственнице, однако не будет против брака Маргариты и Себастьяна. Давая такой ответ, испанский король в очередной раз вселял во французов надежды, которые невозможно было

осуществить, о чем ему было прекрасно известно. Король Себастьян, достигший к тому моменту совершеннолетия, продолжал находиться под огромным влиянием своих испанских родственников – бабки и матери, а также иезуитского окружения, которые уже были наслышаны о Маргарите и не желали терять своего влияния на короля. В апреле 1569 года португальский монарх сообщил Филиппу II, что в ближайшем будущем жениться не намерен [53]. **[196]**

В этом же году судьбой Маргариты неожиданно заинтересовались на другом конце Европы – в Трансильвании, небольшом румыно-венгерском княжестве, возникшем после поражения Венгрии от турок в 1526 году и напрямую зависимом от Турции. Точнее говоря, именно в Константинополе, зная о безуспешных брачных переговорах Франции с Испанией и Португалией, предложили Парижу рассмотреть в качестве кандидатуры в мужья для французской принцессы князя Яноша Жигмонда Запольяи, которому было около тридцати лет. Порта, вечный противник Испании, всегда искала возможность упрочить свой союз с Францией и не допустить франко-испанское сближение. Однако, несмотря на желание Франции поддерживать дружеские отношения с султаном в пику испанцам, фигура трансильванского князя, отлученного от церкви и к тому же протестанта, в Париже даже не рассматривалась. Впрочем, сам Янош Жигмонд вскоре скончался... [54]

Екатерина Медичи тем временем продолжала упорно цепляться за португальский брак. Прагматичный и жесткий политик, сохранившая корону своим детям, она всю жизнь строила для них разные брачные планы, обманываясь и не сообразуясь с существующими реалиями. Так было в отношении Генриха III, Франсуа Анжуйского и, конечно, Маргариты де Валуа. Уже в конце жизни ей не удастся заменить Маргариту на свою внучку Кристину Лотарингскую, которую она сватала за Генриха Наваррского после разрыва последнего со своей женой.

Португальским планам Екатерины не суждено было осуществиться еще и в связи с поведением самой Маргариты: весной 1570 года французский двор заговорил о ее близости с герцогом Генрихом де Гизом, блестящим кавалером, будущим главой Католической лиги и претендентом на трон. Хотя Маргарита в своих мемуарах отрицает всякую любовную связь с герцогом и отношения с Гизами вообще, источники того времени запечатлели эти события в ином свете. Гизы, «иностранные принцы», представлявшие младшую ветвь Лотарингского герцогского дома, резко возвысившиеся в XVI веке и натурализовавшиеся во Франции, видимо, сделали

неофициальную попытку посвататъ принцессу из королевского дома. Очевидно, они рассчитывали только на положительный ответ королевской семьи. Родство с царствующей фамилией еще более повысило бы статус Гизов, усилило бы их амбиции и стало бы важным аргументом в борьбе за корону. К тому моменту это **[197]** семейство уже стало самой могущественной и влиятельной католической фамилией Франции, связанной родством с французской и шотландской королевскими династиями [55] и иными владетельными иностранными домами, и поэтому полагало, что наступило время осуществить долгожданные планы и укрепить семейные связи с правящим домом, тем более что Генрих де Гиз и Маргарита де Валуа любили друг друга. Кардинал Лотарингский Шарль де Гиз, дядя герцога и главный инициатор их союза, уже по-свойски называл Маргариту в своей переписке «наша малышка» [56].

Растущие претензии этой семьи, которая была чрезмерно облагодетельствована королями Франции, вызывали беспокойство у Екатерины Медичи и Карла IX. Дом Валуа, опасаясь столь сплоченного и влиятельного клана, все же ясно дал ему понять, что брак принцессы из королевского дома не может быть заключен с одним из подданных короля, не имеющих суверенных прав. Впервые со времен Франциска I Гизам четко указали их место в иерархии. Такое решение королевской семьи было во многом продиктовано чувством фамильного самосохранения. Маргарите, в свою очередь, было запрещено думать о браке с герцогом де Гизом, которого вскоре заставили жениться на вдове принца де Порсиана Екатерине Клевской. Маргарита в своих мемуарах рисует не очень лестный портрет Гиза, что вполне объяснимо, поскольку своими воспоминаниями она занялась уже во времена Генриха IV. Однако ее единственное сохранившееся письмо герцогу, написанное в 1587 году (оно присутствует в настоящей книге), невольно наводит на мысль, что Гиз и Маргарита даже спустя годы испытывали чувства друг к другу. Кстати, именно это письмо каким-то образом попало в руки к Генриху IV (видимо, оно потому и сохранилось, так как вся переписка королевы и герцога явно носила секретный характер, и письма уничтожались сразу же по прочтении), и Маргарите спустя годы даже пришлось отрицать свое авторство [57]. Были ли они любовниками, как пишут **[198]** некоторые историки [58], в действительности неизвестно. У нас нет никаких доказательств. Непонятно также, какую роль Гиз отводил Маргарите в случае обретения короны в 1580-х годах. Во всяком случае, именно он вызволил ее из заключения в начале 1587 года и обеспечил ее безопасность. Что руководило герцогом – политический расчет

или прежние чувства, – нам остается только догадываться. Королева тоже не захотела открывать одну из своих самых сокровенных тайн.

В том же 1570 году Екатерина Медичи делает последнюю попытку завязать отношения с Португалией. Она использует посредничество папы Пия V, который летом этого года отправляет своего посланца Луиса де Торреса для ведения переговоров в Португалию. Папа спешно собирал Священную лигу для борьбы с экспансией турок, поэтому для него было важно присоединение к Лиге и Франции, которая дружила с Константинополем в противовес Испании и не желала расставаться с таким выгодным союзником. Главной темой переписки королевы-матери летом и осенью была организация переговоров с королем Себастьяном. В Рим для давления на папу был отправлен кардинал де Рамбуйе, а в Мадриде посол Франции барон де Фуркево делал все возможное, чтобы выяснить настроения и замыслы испанцев. Его содержательные депеши ко двору позволяют понять, что португальцы хотели главным образом заручиться согласием Филиппа II на брак, который, в свою очередь, предпочитал замалчивать этот вопрос. Такая позиция, конечно же, означала «нет». Испанскому королю важно было сохранить статус-кво и не допустить, чтобы Португалия сблизилась с Францией. В ноябре 1570 года Фуркево проинформировал, что переговоры Луиса де Торреса закончились безрезультатно [59].

Терпение Карла IX и его матери истощилось. Происки Филиппа II представляли собой неприкрытое оскорбление Франции. В январе 1571 года французский двор резко обрывает тему португальского альянса. В секретной инструкции барону Фуркево Карл IX приказывает хранить молчание о будущем Маргариты де Валуа и прекратить все разговоры об отношениях Франции и Португалии [60]. Именно в это время вновь всплывает идея брака с принцем Генрихом Наваррским, тем более что 8 августа 1570 года был **[199]** подписан очередной, Сен-Жерменский мирный договор между католиками и гугенотами, завершивший Третью Религиозную войну во Франции.

Нам неизвестно, у кого родилась мысль возобновить франко-наваррский союз, скорее всего, у той же Екатерины. Во всяком случае, именно в ее переписке впервые появляется идея закрепить Сен-Жерменский мир межконфессиональным браком [61]. Одновременно это был бы своеобразный ответ и месть Филиппу II за причиненные унижения и разжигание гражданской войны во Франции. Весь свой дипломатический талант королева-мать бросила на подготовку «наваррского брака», который обещал

стать беспрецедентным событием – союзом католической принцессы и протестантского принца. В июле 1571 года Карл IX представил официальные предложения о браке своей сестры и принца Наваррского матери последнего Жанне д'Альбре.

Такой поворот событий встревожил Пия V и Филиппа II. Первый опасался излишней самостоятельности Франции в религиозной политике и победы веротерпимых сил. Межконфессиональный брак означал крушение вековых религиозных канонов, открывая дорогу другим подобным союзам, и позволял не особо прислушиваться к мнению Святого престола. Филипп II, со своей стороны, всеми силами стремился не допустить согласия в стране своего потенциального соперника. Однако, казалось, во Франции вновь возрождается политическое единство, ради которого французы были готовы поступиться религиозной враждой и примириться символическим актом – бракосочетанием принца Наваррского и принцессы Валуа, сплотившись из-за внешней опасности – агрессивных претензий Австрийского дома на мировое господство. Единая и сильная Франция могла и должна была бросить вызов Габсбургам, взяв реванш за унижения последних лет и неудачу в Итальянских войнах. Папа и испанский король попытались спасти положение, добившись от Себастьяна нового посольства во Францию, которое возглавил Жуан Гомес да Сильва.

Посла в Париже встретили весьма холодно, и он сумел попасть на аудиенцию только к королеве-матери (8 октября 1571 года). Гомес да Сильва попытался разыграть спектакль удивления в связи с решением о предполагаемом браке и напомнить о неких обязательствах Франции перед Португалией, связанных с упоминавшимся инцидентом на Мадейре. На что ему было без обиняков **[200]** отвечено, что брак сорвался только по вине Себастьяна и его испанских родственников, поэтому ни о каких компенсациях не может идти и речи. Маргарита отразила этот сюжет в мемуарах. Правда, из ее рассказа непонятно, с какой именно португальской делегацией она встречалась («королева моя мать приказала мне надеть соответствующие наряды») – да Сильвы 1571 года или же Дантаса 1567 года. Впрочем, спустя годы для нее это уже не имело значения. В октябре того же 1571 года в Париж пришло сообщение о победе испанского флота над непобедимыми до того турками в битве при Лепанто, что означало еще большее усиление Филиппа II. Последние колебания и сомнения французов развеялись. До сведения португальского, а заодно и испанского монархов было доведено, что Франция никогда прежде не была связана семейными узами с португальским домом и отказывается от дальнейших переговоров

по этому вопросу [62]. Впрочем, Маргарита немного потеряла, не став португальской королевой. Как известно, незадачливый и психически не во всем полноценный Себастьян таинственно погиб в африканском походе в 1578 году, так и оставшись неженатым [63].

Трудности, с которыми столкнулась Екатерина Медичи при обустройстве нового союза, можно разделить на внешние и внутренние. Внешние состояли из изнурительных прошений папе Пию V, а затем сменившему его Григорию XIII разрешить бракосочетание. Она им обещала, что Франция не будет воевать с Филиппом II, убеждала в преданности французской короны устоям католической религии, объясняя в то же время, что намечаемый альянс вполне равноценен, поскольку в будущем Маргарите достанется корона Наварры, а также оправдан, так как он принесет «мир и спокойствие» во Францию. Одновременно королева-мать сумела организовать сильное давление на Святой престол. Помимо энергичного посла Франции в Риме Фераля при папском дворе интриговали в пользу брака три влиятельных кардинала – Гиз-Лотарингский (этот, правда, скорее делал вид, что хлопочет, поскольку был уязвлен решением семьи Валуа, отвергнувшей его племянника Гиза), а также Феррарский и д'Эсте. Перед папой хлопотали итальянские родственники Екатерины, в частности, герцог Тосканский [64]. Несмотря на то что Григорий XIII был более склонен к компромиссу **[201]** с Парижем, чем его предшественник, собственные интересы папы и негативная позиция Филиппа II давали основание для колебаний и проволочек. Молчание Рима, которое Карл IX воспринимал как косвенное проявление интриг Испании, заставило короля в июле 1572 года довести до сведения Григория XIII, что намечаемая свадьба состоится в любом случае [65].

Церемонию бракосочетания должен был осуществить кардинал де Бурбон, родной дядя Генриха Наваррского и единственный католик в этой семье. Однако он также откладывал свою миссию, ожидая разрешения из Рима. В августе, когда все приготовления к свадьбе были закончены, Париж был переполнен приехавшими гостями, а общая ситуация во Франции вновь становилась нестабильной, стало ясно, что откладывать дальше церемонию невозможно. Не дождавшись папского разрешения, Екатерина Медичи решилась на крайние меры: по ее приказу было объявлено о подписании Григорием XIII специального бреве, позволявшего католичке выйти замуж за гугенота, чего не было в действительности [66]. Настоящее разрешение было составлено и пришло в Париж много позже – во второй половине ноября 1572 года, уже после возвращения Генриха Наваррского в лоно

католической церкви. Брачная жизнь Маргариты де Валуа началась с обмана – этот факт вспомнят неоднократно, когда впоследствии пойдет речь о ее разводе с королем. Одновременно Карл IX, в опасении отрицательного решения папы, велел задерживать всех курьеров, следующих из Италии [67].

Вообще, история с папским разрешением на брак Генриха и Маргариты запутана. Дело в том, что документ был утерян во время династического кризиса и фактического междуцарствия в 1589-1594 годах. Во всяком случае, его не смогли найти ни во время бракоразводного процесса в 1590-х годах, ни в последующее время. Архивы Ватикана, где наверняка хранится копия документа, до сих пор хранят молчание. Уже в то время во Франции сомневались, было ли оно вообще. Существует одно-единственное упоминание о получении долгожданного разрешения в письме Екатерины Медичи от 19 ноября 1572 года [68]. Маргарита в своей переписке также говорит о его существовании (см. ее письма **[202]** № № 9-11 в настоящей книге), правда, неясно, видела ли она его воочию. Может быть, в августе 1572 года Екатерина Медичи, видя, что папского благословения не получить, а намечаемый брачный союз бесполезен (поскольку вооруженные гугеноты в Париже вели себя вызывающе, рассчитывая прямо из столицы отправиться на войну с Испанией во Фландрию), не исключала последующий скорый развод своей дочери и признание брака недействительным, тем более что Маргарита в своих воспоминаниях подтверждает разговоры на эту тему с матерью. Не отсюда ли родилась легенда о том, что на церемонии бракосочетания принцесса Валуа, зная, что в действительности папа не разрешил брак, не смогла заставить себя сказать «да» в ответ на вопрос кардинала де Бурбона? [69]

Что касается внутренних проблем с заключением брака, то в действительности таковая была одна: Екатерине Медичи нужно было убедить в необходимости свадьбы лидеров гугенотов, прежде всего Жанну д'Альбре. Письма королевы Наваррской за 1571-1572 годы представляют собой самое яркое свидетельство хода переговоров между Валуа и Бурбон-д'Альбре. У Жанны д'Альбре, с одной стороны, не было причин доверять французской королевской семье, особенно королеве-матери, своей давней противнице, с другой стороны, союз ее сына с принцессой царствующей фамилии сулил не только закрепление религиозного мира, но также усиление суверенных прав и привилегий Бурбонов и Наваррского дома. В письме к Комону от 1571 года она пишет: «Я… отправляюсь ко двору, где Господь поможет руководить моими действиями, да послужит это к Его

славе. Дело, которое меня туда влечет, имеет столь большое значение, что о нем стоит позаботиться» [70]. Речь идет о завершающей стадии переговоров, которые проходили с февраля 1572 года в тогдашней резиденции двора в Блуа.

Подозрительной и полной предубеждений суровой протестантке Жанне д'Альбре французский двор казался олицетворением порока и всеобщего лицемерия. Она жалуется в письмах к сыну, что ее силой принуждают подписывать брачный контракт, а Екатерина Медичи, с которой она «не может общаться», всячески над ней издевается, наконец, ее устраняют от встреч с королем и Маргаритой: «Что касается Мадам [Маргариты], то я вижу ее только у королевы – месте не слишком достойном, откуда она не выходит. Она отправляется в свои апартаменты только в те часы, **[203]** которые неудобны для беседы» [71]. Вместе с тем, королева Наваррская не скрывает своей радости от первых впечатлений о будущей невестке: «Я Вам скажу, что Мадам [Маргарита] оказала мне столько почестей и доброжелательства, сколько было возможно, и говорила мне чистосердечно, как она Вами довольна»; и далее: «Я сказала ей о Вашем письме, и она была очень деликатна, отвечая, как обычно, в выражениях великодушной покорности к Вам и ко мне, как будто она уже Ваша жена» [72]. Судя по всему, на Жанну большое впечатление произвели безупречные манеры и такт принцессы, ее ум и рассудительность. Вместе с тем, королева Наваррская почувствовала в ней реальную соперницу за влияние на Генриха Наваррского, которого предупреждала позднее, что твердая преданность Маргариты католической религии и своему дому может негативно отразиться на всем гугенотском движении, добавляя: «Принцесса красива, но прошла школу разложения» [73].

Жанна д'Альбре видела в Маргарите только дочь ненавистной ей Екатерины Медичи и быстрее, чем сама королева-мать, поняла, что принцесса во все времена будет отстаивать прежде всего интересы правящей семьи Валуа и свои принципы. Другие ее письма уже отражают мнение раздраженной свекрови – одно из них мы уже цитировали выше, другие привел в своей интересной статье Роберт Кнехт [74].

Долгожданный брачный договор Жанна д'Альбре подписала 11 апреля 1572 года после долгих колебаний и сомнений. Адмирал Колиньи, гугенотский лидер в то время, сыграл в этом деле большую роль, так как Екатерина Медичи, по словам венецианского посла, обещала в случае успеха не препятствовать его сближению с Карлом IX [75]. Неожиданная кончина в Париже королевы Наваррской от туберкулеза 9 июня была воспринята двором с облегчением [76]. Отныне внутренних препятствий для

совершения бракосочетания почти не было, если не считать непримиримую **[204]** позицию ультракатоликов герцогов Гизов, находившихся в то время в немилости.

Гизы были, бесспорно, оскорблены тем, что их главу в свое время отвергли в качестве достойной партии Маргариты де Валуа. И, быть может, стремление Генриха де Гиза расправиться с королем Наваррским и прочими гугенотскими принцами во время Варфоломеевской ночи (возможно, и организация самой резни) во многом носило следы личной мести и многолетней вражды Гизов и Бурбонов.

Пышная свадьба была отпразднована 18 августа 1572 года по невиданному до того церемониалу, согласованному еще Екатериной Медичи и Жанной д'Альбре, когда невеста-католичка венчалась одна в Соборе Парижской Богоматери (место жениха занимал ее брат Генрих Анжуйский), а гугенот Генрих Наваррский, к тому моменту уже король, ожидал снаружи. Судьба продолжала испытывать Маргариту де Валуа: после стольких лет ожидания замужества бракосочетание состоялось, но без должного разрешения папы и без соблюдения церемониальных норм бракосочетания принцесс Франции.

Впереди была Варфоломеевская ночь – массовая резня гугенотов в ночь на 24 августа 1572 года (праздник святого Варфоломея), происходившая по всему Парижу, включая королевский замок Лувр. Известно, что существует всего лишь два ее описания с точки зрения обитателей Лувра: секретаря графа де Ларошфуко, сеньора де Мерже, и Маргариты де Валуа, королевы Наваррской.

БАРОН ДЕ ЛЕРАН

Многие историки, основываясь главным образом на мемуарах самой королевы, показывают события той ночи ее глазами: девятнадцатилетняя девушка, исполненная ужаса от происходящего, пыталась исправить непоправимое – спасти, не задумываясь, человеческие жизни, неважно, гугенотов или католиков, и, бросившись к ногам короля, сумела сохранить жизни как минимум трем дворянам – Генриху д'Альбре, барону де Миоссансу, наваррскому принцу и родственнику ее мужа (католику), а также знатному сеньору Жану д'Изоре д'Арманьяку (гугеноту) и, наконец, барону де Лерану (гугеноту), ставшему главным героем ее трагических воспоминаний о Варфоломеевской ночи, о котором нужно сказать отдельно. **[205]**

Кстати, в рассказе Маргариты много интересных

подробностей, но есть одна поразительная деталь – она фактически подводит читателя к мысли, что Екатерина Медичи, специально не посвящая свою младшую дочь в кровавые замыслы организаторов Варфоломеевской ночи (точнее говоря, Варфоломеевского утра – Маргарита довольно точно указывает время, когда ее разбудили крики Лерана), рассчитывала на ее смерть! Зная беспредельный цинизм королевы-матери и ее отношение к Маргарите, такую версию нельзя исключать. Гибель королевы Наваррской – сестры короля Франции – от рук разъяренных гугенотов, мстящих за погибших друзей и родных, или же от случайного удара католиков (что едва и не произошло на самом деле), стало бы аргументом колоссальной силы для королевской семьи и оправдало бы все убийства. К счастью, Маргарита чудом осталась жива сама и смогла найти силы спасти других.

В те трагические часы она не могла не понимать, что ее бракосочетание, позже названное «парижской кровавой свадьбой» и явившееся в итоге предлогом для убийства сотен дворян-протестантов (конечно, не только дворян...), навсегда останется в памяти людей как акт чудовищной трагедии, разыгравшейся в стенах Лувра, на улицах Парижа и других городов и мест. События 24 августа 1572 года сделали очевидным всю бессмысленность заключенного накануне политического брака католички и гугенота, который не смог разрешить противоречий конфликтующих сторон, закрепить мир во Франции и привнести спокойствие в королевскую семью.

Миоссанс и Арманьяк, спасенные Маргаритой, составляли ближайшее окружение Генриха Наваррского, являясь, соответственно, его первым камер-юнкером и первым камердинером. Оба они позднее остались благодарными своей королеве и оказывали ей различные услуги. Так, в мемуарах за 1573 год Маргарита откровенно говорит, что именно благодаря Миоссансу она узнала о заговоре своего мужа и младшего брата против короля и сумела предупредить последнего об опасности. В письме же от 16 февраля 1584 года она пишет, что Жан д'Арманьяк посредничает в деле ее возвращения ко двору в Нераке и примирения с мужем [77].

Что касается Лерана, то королева Наваррская его не упоминает вообще ни в своих письмах, ни в мемуарах, отражающих события после Варфоломеевской ночи. Что случилось с бароном после **[206]** того, как Маргарита спрятала его в своих покоях? Встречались ли они потом при наваррском дворе? Как сложилась его дальнейшая судьба? Сюжет с Лераном выглядит недописанным. Известно, однако, что среди потерянных

тетрадей мемуаров королевы как раз отсутствует важная тетрадь о последних месяцах 1572 – десяти первых месяцах 1573 годов [78]. Видимо, некоторые ответы находились (находятся?) там.

Историки до сих пор расходятся во мнении, какой же именно Леран был спасен королевой Маргаритой в Варфоломеевскую ночь: у Ф. Эрланже это Филипп де Леви, барон де Леран [79], у Ива Казо – «персонаж, который трудно определить» [80]; есть и другие мнения, которые мы приведем ниже.

Вообще, о неком загадочном человеке, которого Маргарита спасла в своей спальне, французское общество впервые узнало из ее «Мемуаров», впервые опубликованных в Париже в 1628 году, спустя 13 лет после смерти королевы. Однако вплоть до издания «Мемуаров» 1842 года, подготовленного Ф. Гессаром, его имя писалось как «Monsieur de Téjan», которое ничего не говорило ни современникам, ни потомкам, и что дало нам однажды повод сделать неверное предположение, что Маргарита просто забыла имя своего спасенного гугенота [81]. Дело в том, что правильное имя – Леран – встречается только одном из списков «Мемуаров» – т. н. «списке А», хранящемся в Библиотеке Арсенала в Париже, который Франсуа Гессар положил в основу своего лучшего на тот момент издания сочинений королевы [82], и тем самым подтвердил неуверенный рассказ Брантома о Леране (о чем скажем позже). В основу же предыдущих изданий (в том числе и 1628 года) был положен другой список – т. н. «список В» из Национальной библиотеки Франции, где и представлено искаженное имя барона [83]. **[207]**

Вернемся к свидетельству Брантома: «Мне рассказали об этом те, кто там [в Лувре, во время Варфоломеевской ночи] был, и я знаю только то, что от них услышал. Она [Маргарита] отнеслась к избиениям с большим нетерпением и спасла многих, в том числе одного гасконского дворянина (мне кажется, что его звали Леран), который, весь израненный, бросился на кровать, где она спала, а она [королева] прогнала убийц, преследовавших его вплоть до дверей; ибо она всегда была милосердна и проявляла доброту ко всем, как подобает дочерям Франции» [84]. Как известно от самой Маргариты, Брантом послал ей свою рукопись с ее жизнеописанием, содержащим эти строки, около 1593 года. Королева немного исправила и уточнила его рассказ, однако ошибка с именем Лерана все равно закралась в издания ее «Мемуаров» в XVII-XIX веках, скорее всего, по вине переписчиков, поскольку авторский вариант воспоминаний не сохранился (или до сих пор не найден). Сочинения Брантома, в свою очередь, впервые были опубликованы в 1665 году в Голландии [85], но, как видно, не убедили издателей мемуаров королевы исправить

«Monsieur de Téjan» на «Monsieur de Leran». В парижском издании 1789 года, правда, есть курьезная сноска: «Брантом называет этого дворянина Lerac» [86] (не это ли имя подтолкнуло Александра Дюма сделать из барона де Лерана Лерака де Ла Моля в своей «Королеве Марго»?).

Существует еще одно любопытное мемуарное свидетельство о сцене в спальне королевы Наваррской, опять же, сделанное отнюдь не очевидцем событий и к тому же известным противником Маргариты – Т.-А. д'Обинье: «Виконт де Леран, получив первые удары, поднялся на ноги и бросился на кровать королевы Наваррской. Камеристки спасли его» [87]. И – ни слова о спасительной роли Маргариты де Валуа. Речь идет о «Всеобщей истории» д'Обинье, впервые вышедшей в 1616 году, уже после смерти Брантома (1614) и Маргариты (1615). Мемуаристу была неизвестна настоящая роль **[208]** Маргариты? Очень сомнительно, ведь он отлично знал судьбы многих дворян-гугенотов юга Франции, что доказывают все его произведения. Скорее всего, его давняя ссора с королевой не позволила ему быть правдивым. Недаром большинство исследователей именно ему приписывают самый известный памфлет, направленный против королевы – «Сатирический развод», изданный в 1607 году.

Таким образом, все три свидетельства о Леране – Маргариты, Брантома и д'Обинье, опубликованные в разное время и отличавшиеся по разным причинам, – не пролили свет на его личность. И только к середине XIX века, когда во Франции началось массовое издание и переиздание исторических документов и мемуаров известных людей, издатели (как правило, ученые-гуманитарии), критически осмысливали и комментировали тексты. Уже упоминавшийся Франсуа Гессар впервые в примечаниях к «Мемуарам» Маргариты сделал предположение, что королева Наваррская явно имела в виду не мифического «Monsieur de Téjan», а вполне осязаемого ею в Варфоломеевскую ночь Габриеля де Леви, барона или виконта де Лерана [88].

Необходимо упомянуть еще об одном уточнении, сделанном Маргаритой в мемуарах. Во всех шести сохранившихся рукописных списках «Мемуаров» о Леране написано, что он являлся «племянником господина д'Одона» [89]. Однако это уточнение было воспроизведено только в издании 1628 года. Позже издатели таинственным образом упускали его из основного текста, более того, его не увидел и Ф. Гессар. Только Элиан Вьенно в 1999 году восстановила полный текст «Мемуаров», упомянув в примечаниях обо всех разночтениях.

В 1857 году вышел седьмой том «Протестантской Франции»

под редакцией братьев Эжена и Эмиля Хааг, где присутствует статья «Levis, Jean-Claude de, baron d'Audon» – «Жан-Клод де Леви, барон д'Одон» [90]. Речь идет о представителе знатного гасконского рода, «сыне Гастона де Леви и Марии д'Астарак-Фонтрай, одном из самых храбрых и бесстрашных протестантов Верхнего **[209]** Лангедока. Начиная с 1567 года, мы видим его идущим на помощь принцу де Конде...», и т. д. Судя по дальнейшему «послужному списку» барона д'Одона, приведенному в названной статье, он являлся довольно известным гугенотским капитаном эпохи Религиозных войн, и Маргарита в мемуарах специально упоминает о нем, чтобы оттенить неизвестную тогда фигуру его племянника Лерана. В статье также говорится, что в Варфоломеевскую ночь королева Наваррская спасла от смерти его родного брата Гастона де Леви, барона де Лерана, который погиб на войне в том же 1572 году [91]. Это явно противоречит рассказу Маргариты, которая пишет не о брате, а о племяннике д'Одона, и вряд ли ошибается.

Известно, что Гастон VII де Леви (ум. 1559) в 1547 году женился на Габриель де Фуа, и у них было четверо детей, родившихся, видимо, в конце 1540 – начале 1550-х годов. Два сына Гастона сопровождали короля Наваррского в Париж на свадебные торжества. Старший, Филипп, погиб в Варфоломеевскую ночь. Таким образом, Маргарита имела в виду младшего – Габриеля де Леви – кстати, по возрасту ровесника Генриха де Бурбона и ее самой. То есть Ф. Гессар в свое время сделал совершенно верное предположение, указав на Габриеля. Именно Габриель вместе со своим братом и десятками других гугенотских дворян оказался запертым в Луврской ловушке в ночь на 24 августа 1572 года. По приказу Нансея, капитана королевских гвардейцев, всех гугенотов, ночевавших в Лувре, собрали во внутреннем дворе замка, где начали безжалостно рубить алебардами. Раненому Габриелю (который, кстати, еще не носил титул барона де Лерана) удалось прорваться через цепь швейцарцев и вернуться в замок. Он побежал к единственному безопасному помещению, которое только знал в Лувре, – апартаментам наваррских королей, в которых к тому моменту оставалась одна королева Наваррская вместе с кормилицей, камеристками и камердинерами [92]. Об остальном известно: Маргарита спасла его, не без помощи Нансея, который опасался скандала, связанного с вторжением в апартаменты сестры короля, и спрятала в своем будуаре. Больше нам ничего не известно. Понятно лишь, что позднее ей удалось его вывезти в безопасное место. Больше никто в Лувре не смог бы помочь гугенотскому дворянину. Спустя пять лет мы видим его уже **[210]** в Гаскони и

Лангедоке, где с оружием в руках он отстаивал дело протестантского движения.

В той же статье о бароне д'Одоне приводятся биографические сведения о Леране, по большей части начиная с 1598 года. Бароном он стал все в том же 1572 году, после смерти брата, а позднее титуловался виконтом. Как и его дядя, Леран прославился как активный участник Гражданских войн, в основном на юге Франции, откуда он был родом. Так, известно, что в 1577 году вместе с младшим братом он участвовал в походе на крепость Кастельверден под началом своего дяди, а в 1580 году все они находились на службе у Тюренна, приближенного Генриха и Маргариты Наваррских [93]. Мы можем только предполагать, что Маргарита и барон де Леран встречались в Нераке или в других городах юга Франции, где часто останавливался наваррский двор. В 1586 году Леран командовал гарнизоном в Мазере, затем отличился в войнах Генриха IV. При Людовике XIII показал себя как непримиримый протестант. Скончался в 1638 году, уже после завершения борьбы центральной власти с гугенотами, будучи глубоким стариком [94].

Остается сказать, что родовой замок Леранов сохранился, равно как и архив этой семьи. Наверняка исследователей ждут новые сюрпризы. Наконец, согласно генеалогическим данным, в 1593 году Габриель де Леви, виконт де Леран успешно женился на богатой наследнице Катрин де Леви-Мирпуа и обзавелся детьми. Свою старшую дочь он назвал Маргаритой [95].

МАРГАРИТА ДЕ ВАЛУА И ГЕНРИХ ДЕ БУРБОН

Спасла ли Маргарита, помимо трех дворян, также своего мужа во время Варфоломеевской ночи? Сама она никогда не отвечала прямо на этот вопрос, написав в мемуарах только, что отказалась вести разговоры о своем разводе с королем Наваррским спустя несколько месяцев, вопреки желанию своей семьи. У нас вообще очень мало сведений, что же произошло в апартаментах короля ранним утром 24 августа 1572 года, когда туда доставили арестованных Генриха Наваррского и принца де Конде-младшего. Очевидно одно: две женщины, две королевы – королева Наварры **[211]** Маргарита де Валуа и королева Франции Елизавета Австрийская, жена Карла IX, – бросились в ноги королю с просьбой остановить бойню и спасти дворян, ожидающих от них помощи. «В конце концов», по выражению Маргариты, ей удалось вымолить жизни трем из них.

Однако современники королевы были убеждены, что именно

она сумела убедить короля и свою мать оставить своего супруга в живых. Послушаем Брантома: «Я слышал от одной принцессы, что она спасла ему [Генриху Наваррскому] жизнь во время Варфоломеевской ночи, ибо, несомненно, он был обречен и внесен в кровавый список, как говорили, потому что высказывалось мнение [96], что следует уничтожить на корню короля Наваррского, принца де Конде, адмирала и прочих знатных лиц. Однако названная королева [Наваррская] бросилась в ноги королю Карлу, прося его сохранить жизнь своему мужу и господину. Король Карл дал ей свое согласие с большим трудом, и только потому, что она была его доброй сестрой» [97]. Сама Маргарита, прочитав этот пассаж в 1593 году, не стала его ни подтверждать, ни опровергать. На тот момент она являлась женой уже короля Франции, и, возможно, ей не хотелось публично напоминать Генриху IV о своей роли в самые трагические часы его жизни...

Существует еще одно ценное свидетельство весьма осведомленного человека – кардинала де Ришелье, главного министра Людовика XIII. Он лично знал Маргариту, поскольку вместе с ней участвовал в работе Генеральных штатов 1614 года. В своих «Мемуарах» Ришелье отозвался о Маргарите в превосходных тонах, написав между прочим: «Она была самой известной королевой своего времени... Если эта свадьба [Генриха и Маргариты] оказалась настолько ужасающей для всей Франции, она оказалась не менее ужасной и для ее личной судьбы. Ее муж подвергался смертельной опасности, шел спор о том, следует ли его уничтожить, она спасла его» [98]. Вряд ли Ришелье этими строками хотел угодить **[212]** королю, хотя ему, как никому другому, было известно об отношении Людовика XIII, сына Генриха IV, к первой жене своего отца: король искренне любил Маргариту, в отличие от собственной матери Марии Медичи. Мемуары не предназначались для печати и были опубликованы много позже смерти кардинала [99].

Больше у нас нет никаких достоверных данных о спасении Генриха Наваррского. Умоляя короля и королеву-мать о сохранении жизни дворянам из его свиты, Маргарита забыла упомянуть собственного мужа? Очень сомнительно. В 1582 году в одном из своих писем к Генриху Наваррскому она уронит замечательную фразу: «Что же касается короля, то я всегда отвечала своей жизнью, чтобы с Вами ничего не случилось» [100].

Большинство историков склоняются к тому, что в решении судьбы Генриха де Бурбона верх взяли не столько мольбы Маргариты, сколько целесообразность сохранения жизни принцам крови в противовес Гизам [101]. Понимая это лучше других,

Екатерина Медичи, возможно, воспользовалась Маргаритой для убеждения Карла IX. Генриху Наваррскому даровали жизнь в обмен на возвращение в лоно католической церкви и статус заложника в Лувре.

Через два года, весной 1574 года, Маргарита опять спасла своего мужа, на этот раз от тюрьмы (а возможно, и большего), поскольку тот ввязался в большой заговор против умирающего Карла IX в пользу Франсуа Алансонского, младшего из братьев Валуа, который мечтал о короне. Чтобы оправдать Генриха, от его имени она написала свое самое известное политическое сочинение – «Оправдательную записку Генриха, де Бурбона», авторство которой, впрочем, было определено только в конце XVIII века [102]. «Записка» была адресована Екатерине Медичи, которая, получив ее в канун смерти короля и удовлетворившись ее содержанием, рекомендовала членам Парижского парламента – главной судебной инстанции Франции – согласиться с письменными доводами короля Наваррского (Маргариты). Маргарита опять не пишет, остался ли ее муж благодарным ей на этот раз.

Вообще, отношения Генриха и Маргариты были удивительными даже для современников, не говоря уже о потомках. Очевидно, **[213]** что оба рассматривали свой союз как политическую необходимость и считали себя свободными от брачных обязательств. Флирты их обоих казались вызывающими даже в раскрепощенную эпоху Ренессанса. Маргарита откровенно говорит в мемуарах, что видела в Генрихе только брата, а он в ней – сестру. Но вместе с тем это не исключало их отношений как мужа и жены со сценами ревности и взаимными упреками. Известно также, что королева Наваррская мечтала забеременеть от мужа, о чем однажды написала матери: «Я нахожусь на водах Баньера, куда я приехала в надежде, что судьба будет ко мне благосклонна и позволит мне увеличить число Ваших подданных» [103]. Генрих Наваррский, вместе с тем, всю свою жизнь, не стесняясь, использовал Маргариту для достижения своих целей: сначала в качестве гаранта своей безопасности во время луврского плена и политического союзника (1572-1576), затем как посредницу в отношениях с французским двором и незаменимую участницу мирных переговоров (1578-1582), наконец, уже после развода, как хранительницу традиций и церемониала королевской семьи. В отличие от своей жены, Генрих не был интеллектуалом, интересовавшимся книгами, науками или искусством. Он был хитрым, удачливым и прагматичным политиком, которому, к тому же, очень повезло на определенном этапе. Маргарита была ступенью к этому везению.

Несмотря на все их ссоры и разногласия, в итоге королева осталась его другом и помогла утвердиться на троне его сыну Людовику XIII.

В самом начале своих «Мемуаров» королева объясняет, почему она не хочет вспоминать отдельные яркие моменты своей жизни: за нее это лучше сделал ее друг и почитатель Брантом: «Я весьма польщена, что столь благородный муж, как Вы, пожелал изобразить меня в таких богатых красках. Но на этом полотне приукрашенное изображение в большой степени затмевает истинные черты персонажа, который Вы хотели запечатлеть». Генрих Наваррский мог оценить интеллект своей жены в августе 1573 года, когда польские послы прибыли в Париж, чтобы объявить своим новым королем Генриха Анжуйского, брата Карла IX и Маргариты. На торжественном приеме, устроенном в их честь, из всей королевской семьи одна королева Наваррская смогла понять, о чем говорят иностранные гости. Послушаем Брантома: «Когда поляки… прибыли к ней, чтобы выразить свое почтение, епископ Краковский, **[214]** главный и первый человек среди послов, произнес торжественную речь на латинском языке, адресованную всем присутствующим, так как был мудрым и ученым прелатом. Королева, хорошо поняв и разобрав эту речь, ответила ему настолько выразительно и с таким знанием дела, безо всякой помощи переводчика, что все пришли в большое изумление, а ее голос они [поляки] назвали голосом второй Минервы, или богини красноречия» [104].

Маргарита подробно отразила первые два периода (луврский и неракский) своей совместной жизни с королем Наваррским в своих воспоминаниях, но почти не затронула сюжет своей первой поездки в Гасконь в 1578 году, во владения своего супруга, дав право Брантому говорить за нее: «Я вспоминаю (ибо сам присутствовал при этом), как королева, мать короля, сопровождала эту королеву [Маргариту], свою дочь, к королю Наваррскому, ее мужу, и, достигнув Коньяка, сделала там небольшую остановку; в этом городе множество знатных, благородных и прекрасных дам этой области прибыли приветствовать их и выразить свое почтение; и все они [дамы] были счастливы видеть красоту королевы Наваррской, которую расхваливали королеве ее матери, пребывающей от этого в счастливом состоянии. Посему она [королева-мать] однажды попросила свою дочь нарядиться как можно пышнее; […] и та появилась, одетая в самое великолепное платье из серебряной ткани с вставкой на булонский манер, с ниспадающими рукавами, с роскошной прической и белой вуалью […]. Она была исполнена такого величия и красоты и такой милости, как будто

была скорее небесной богиней, нежели земной королевой» [105]. Вообще, мемуары королевы и ее жизнеописание Брантома дополняют друг друга, и эти два сочинения невозможно читать по отдельности.

1578-1582 годы – свое первое пребывание при наваррском дворе (главным образом, в Нераке) – королева считала одним из самых счастливых периодов своей жизни. Изысканная Маргарита даже вдали от Парижа не могла жить без книг, поэтов, философов, пышных балов и праздников [106]. Знаменитые Мишель де Монтень, Гийом дю Бартас, Ги дю Фор де Пибрак входили в ее окружение. Именно к этому периоду ее жизни относится ее **[215]** подпись-автограф – «Marguerite» – на форзаце «Исторической Библии» Гийара де Мулена XIV века – рукописной иллюминированной книги, созданной для семьи Альбре и хранившейся в их библиотечном собрании. Представители этой фамилии, ставшие королями Наварры в конце XV века, видимо, придавали этой книге особое значение, поскольку выработали традицию ставить на ней владельческие подписи: так, помимо остальных, наряду с автографом Маргариты присутствуют также подписи ее супруга – «Henry», и свекрови – «Jehanne». Остается добавить, что ныне рукопись хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, и мы можем точно сказать, что ее держала в руках и читала последняя королева Наваррская [107]. Кстати, помимо этой рукописной книги в петербургской библиотеке хранятся также сорок два ее письма, ценнейших по содержанию, по большей части датированных 1579-1581 годами (см. нашу вступительную статью к разделу II настоящей книги).

После выхода в 2004 году книги доктора искусствоведения И. Н. Новосельской «Французский рисунок XV-XVI веков в собрании Эрмитажа» можно было бы присовокупить к этому то, что в Санкт-Петербурге также находится неизвестное портретное изображение Маргариты де Валуа – рисунок неизвестного же мастера. Воспроизведение этого рисунка присутствует в книге, а сам он в свое время выставлялся в Эрмитаже как портрет королевы Наваррской эпохи 1570-1580-х годов [108]. Конечно, И. Н. Новосельская в своей книге поставила под сомнение (знак вопроса), что на портрете именно Маргарита, однако, на наш взгляд, там изображена совсем другая (неизвестная) дама. Увы, ничего общего с известными (а их более десятка) изображениями Маргариты де Валуа эрмитажный портрет не имеет. В этом можно убедиться, посетив интернет-сайт французского искусствоведа Франсуа Дюбуа, где собраны все известные (включая эрмитажные Генриха II и Карла IX) на сегодняшний день портреты семьи

Валуа [109]. Принимая во внимание характерную внешность королевы, а также ее явное сходство со своей матерью и братьями, можно утверждать категорически, что атрибуция И. Н. Новосельской ошибочна. **[216]**

Как известно, «Мемуары» Маргариты обрываются неожиданно, на полуслове, в начале 1582 года. Очевидно, их конец утерян. Нам остается следить за судьбой королевы, опираясь на ее переписку, а также прочие источники разного рода. Двенадцать ее писем мы приводим с соответствующими пояснениями в настоящем издании, равно как интересные неизданные документы, которые проливают свет на ее жизнь после этого времени. Вместе с тем эту статью нам меньше всего хотелось бы превратить в традиционную биографию нашей героини с названием «Маргарита де Валуа и ее эпоха», пересказывая все ее многочисленные жизненные коллизии на фоне бесконечных гражданских войн. Скорее – посредством отдельных сюжетов нарисовать, перефразируя Стефана Цвейга, «портрет неординарного характера».

После заключения (при непосредственной помощи королевы Наваррской) мира во Флеи в ноябре 1580 года, который завершил очередную, Седьмую Религиозную войну во Франции, Генрих III и Екатерина Медичи всеми силами пытались заманить Генриха Наваррского – в тот момент бесспорного лидера гугенотов – в Париж ко двору, мечтая тем самым выиграть несколько мирных лет. Маргарите в этом плане отводилась едва ли не ключевая роль. Однако второй раз попадать в луврский плен ему не хотелось, и, несмотря на призывы своей жены (см. письмо № 4 в настоящей книге), в столице он не появился. Помимо политического расчета у наваррца были и другие резоны не приезжать в Париж: в его жизни появилась новая любовница – Диана д'Андуэн, вдовствующая графиня де Гиш, прозванная Коризандой, откровенно враждебно настроенная к Маргарите и мечтавшая заменить ее на наваррском троне. Генрих, обещавший всем (!) своим официальным любовницам корону, вселял в них несбыточные надежды, впрочем, на деле не придавая своим словам никакого значения.

В Париже от мужа не отставала и Маргарита, возобновившая интриги в пользу своего любимого младшего брата Франсуа Алансонского и Анжуйского, который безуспешно пытался утвердиться во Фландрии, приняв титул герцога Брабантского. Придворный Франсуа – маркиз де Шанваллон – стал ее возлюбленным. Помимо графа де Бюсси, о котором она много пишет в «Мемуарах», Шанваллон – второй и последний достоверный любовник королевы. Сохранилась значительная

часть их корреспонденции (21 письмо), главным образом письма Маргариты, написанные великолепным и неповторимым ренессансным языком, страстным **[217]** и наполненным чувством настоящей любви [110]. Судя по началу этой переписки (май 1581 года) и формам оформления писем, не содержащих обращения и подписанных монограммами, королева Наваррская пыталась держать в тайне свои чувства. В своих воспоминаниях она ничего не говорит о Шанваллоне и не указывает главный мотив своего отъезда от неракского двора в феврале 1582 года: в действительности ее влекла в Париж прежде всего любовь.

В Париже ее связь с Шанваллоном стала общеизвестной и в итоге дала повод для гнева короля, который даже подозревал сестру в рождении ребенка от маркиза и приказал ей отправляться назад к мужу в Гасконь. В августе 1583 года Маргарита безо всякой помпы с небольшим эскортом двинулась назад в Нерак, где ее никто не ждал. Настоящие же причины ее «высылки», конечно же, крылись совсем в другом: она не смогла заставить мужа приехать в Париж, через своих придворных дам поддерживала тайную переписку с младшим братом и, наконец, открыто противостояла новому фавориту короля – герцогу д'Эпернону [111]. Последний, опасаясь повторить судьбу другого фаворита Генриха III, Ле Га, убитого, как полагали, по наущению королевы Наваррской, сыграл на упреждение и сумел спровоцировать короля устроить скандал своей сестре. Оскорбленная королева Наваррская выехала назад в Нерак, но по пути получила приказ мужа остановиться. Генрих Наваррский умело воспользовался ситуацией и потребовал объяснений, а затем и компенсаций от Генриха III, отказавшись принимать жену, честь которой оказалась под сомнением.

Приводимые в настоящей книге неизвестные документы (в разделе III) отражают результат торга Генриха Наваррского с двором и характеризуют его как циничного и дальновидного политика: в итоге он разрешил жене приехать в Нерак, но практически перестал с нею общаться. Прекрасная Коризанда, у которой отношения с королевой Наваррской не сложились еще в Париже, делала все возможное, чтобы ее возлюбленный игнорировал свою жену. **[218]**

Летом 1584 года королевскую семью Валуа, а Маргариту в особенности, постиг удар, который разом изменил всю политическую и династическую ситуацию во Франции и напрямую повлиял на судьбу королевы: от туберкулеза – наследственной болезни последних Валуа – скончался тридцатилетний неженатый герцог Франсуа Алансонский и Анжуйский, наследник французского трона, претендент на руку

Елизаветы I Английской и неудачливый властитель Фландрии – страны, которую он так и не смог удержать. Он был любимым братом королевы Наваррской, которая много лет помогала ему в пику Генриху III и которая спустя годы так тепло отозвалась о нем в своих воспоминаниях. При его жизни у Маргариты еще оставалась надежда, что она вновь станет нужна мужу как посредница в его союзнических отношениях с герцогом, но смерть последнего превратила Генриха де Бурбона в наследника трона Франции, который отныне не нуждался в дипломатических услугах своей супруги и предпочел договариваться с двором напрямую. Впрочем, представить протестанта-гугенота будущим королем Франции не мог никто, главным образом католики во главе с герцогами Гизами, которые восстановили Католическую лигу и заключили союз с Испанией, бросив вызов королям Франции и Наварры. Настал их звездный час: именно в конце 1584 – начале 1585 годов. Гизы развязали новую, восьмую по счету и заключительную гражданскую войну во Франции, получившую также название «войны трех Генрихов» – Генрихов Валуа, Бурбона и Гиза. Ставка в этой борьбе была самой высокой – корона Франции.

В условиях начавшейся войны, в марте 1585 года, с позволения мужа, под предлогом празднования католической Пасхи Маргарита и ее двор окончательно покидают Нерак и направляются в Ажен – католический анклав на юго-западе Франции, являющийся частью ее приданого. Это произошло по нескольким причинам. Генрих Наваррский с радостью избавлялся от своей королевы, которая в тот момент была не нужна ему ни как жена, ни как политическая союзница. Гугенотское окружение Генриха, к тому же, не скрывало своей неприязни к королеве Наваррской, а Коризанда мечтала ее отравить и занять ее место [112]. В Париже ее также никто не ждал – Екатерина Медичи готова была постричь ее в монастырь и предложить Генриху Наваррскому другую **[219]** супругу – Кристину Лотарингскую, свою внучку и племянницу Маргариты. В сложившихся обстоятельствах Маргарите нужно было спасать свою жизнь, о чем она позже и напишет Генриху III, оправдывая свой мятеж в 1585-1588 годов (письмо № 8). Оскорбленная и преданная всеми своими родственниками, включая супруга, королева открыла активную переписку с руководителями Лиги, а также с Филиппом II Испанским, и, по договоренности с герцогом де Гизом, в мае 1585 года объявила о своем присоединении к лигерам. К тому же у нее появился дополнительный аргумент для разрыва с мужем: в начале сентября этого же года папа Сикст V отлучил его от церкви и лишил всех прав, титулов и владений, включая право на

французский трон [113].

«После случилась война Лиги, – повествует Брантом, – и так как королева Наваррская опасалась некоторых лиц, являясь истовой католичкой, то удалилась в Ажен, который ей был пожалован королями ее братьями как апанаж и дар до конца ее жизни, равно как и область вокруг него. [...] Она пожелала укрепить католическую религию со своей стороны, насколько могла, и начала войну против [гугенотов]. Но так как она была окружена очень плохими слугами, особенно мадам де Дюра, которая, как говорят, обладала на нее сильным влиянием, от имени королевы осуществлялись большие бесчинства и лихоимство. Жители города озлобились и тайно замыслили обрести свободу, изгнав и свою госпожу, и ее гарнизон» [114].

Последнее произошло в конце сентября 1585 года, когда Маргарита и ее двор бежали в оверньский замок Карла, также входящий в ее владения. Ее придворная дама мадам де Дюра, служившая ей еще в Париже, видимо, сыграла, наряду со своим мужем, весьма отрицательную роль в жизни Маргариты – сама королева подробно пишет об этом в своем письме Филиппу II (№ 7). Вообще, мятеж королевы Наваррской испугал как короля Франции, так и короля Наварры. Усиление Католической лиги фигурой Маргариты смешивало все планы обоих королей, тем более что и Генрих де Бурбон, и его жена, несмотря на решение папы, должны были взойти на французский престол после Генриха III: король отказался лишить своего зятя права на корону Франции, а король Наваррский отверг Кристину Лотарингскую как возможную замену **[220]** Маргарите. Беарнец, с его сомнительными, для современников вообще и правоведов в частности, правами на корону Валуа, как с точки зрения вероисповедания, так и происхождения, прекрасно понимал, что его жена Маргарита, несмотря на Салический закон, как дочь Франции и сестра последних королей является естественной защитой от обвинений в не легитимности его претензий и одновременно незаменимым фактором при наследовании французского королевства [115].

Генрих III, между тем, использовал все возможности, чтобы пресечь активность своей сестры и арестовать ее. Екатерина Медичи по его просьбе написала письмо Маргарите с предложением перебраться в принадлежащий ей замок Ибуа в той же Оверни с тем, чтобы захватить ее там [116]. Поначалу Маргарита, чувствовавшая себя в безопасности в Карла, отказалась это сделать, успешно оказывая сопротивление отрядам гугенотов, однако когда королевские отряды герцога де Жуайеза подошли вплотную к замку, а внутри окружения королевы

начались ссоры между ее капитанами – Линьераком и д'Обиаком, – она решилась уехать во владения своей матери. В своем письме к Филиппу II она описывает обстоятельства своих злоключений в это время, объясняя, что герцог де Гиз и Лига не успели вовремя оказать ей помощь. В октябре 1586 года королева Наваррская со своей свитой отправилась в Ибуа, куда прибыла с большими трудностями, и сразу оказалась в ловушке. Швейцарцы короля во главе с маркизом де Канийаком, бывшим послом в Константинополе, арестовали ее там и спустя месяц доставили в замок Юссон – ее собственную сеньорию. В своих письмах Филиппу II и гофмейстеру королевы-матери Серлану (№ № 5 и 7) Маргарита, не стесняясь, обвиняет во всем своих ближайших родственников, вынудивших ее переживать крайние унижения.

Король Франции, однако, несмотря на всю свою строгость к сестре, не терял надежды на ее воссоединение с мужем и обретение ими наследника и не поддержал свою мать, готовую избавиться от своей дочери любым способом. Так, в декабре 1586 года он писал Екатерине Медичи, говоря о своем зяте: «Ему не нужно надеяться, чтобы мы поступили с нею [Маргаритой] сурово или избавились от нее, чтобы он снова мог жениться. Я бы хотел, чтобы она жила **[221]** в таком месте, где он сможет навещать ее, когда захочет, и попытается иметь с ней детей. Он не должен собираться вступать в брак снова, пока она жива. В случае, если он забудет об этом и поступит иначе, то поставит под сомнение законность наследования, и я стану его смертельным врагом» [117]. Генрих III всеми силами пытался обеспечить преемственность в наследовании трона, не допуская мысли, что лотарингский клан однажды заменит потомков Капетингов. Екатерина со своей опасной дипломатией потворствования лотарингцам и такими же матримониальными планами, идущими вразрез с королевскими, постепенно начинала раздражать короля.

Впрочем, унижения Маргариты длились недолго. Канийак, очевидно, ожидал от короля благодарностей за оказанные услуги, но королевская милость запаздывала. Генрих де Гиз, со своей стороны, уже в январе 1587 года довел до сведения маркиза, что готов заплатить ему за освобождение королевы Наваррской звонкой монетой – испанским золотом, полученным от Филиппа II [118], а также предложить ему пост командующего артиллерией в армии своего брата герцога Майеннского. Сомнения Канийака развеялись. В Национальной библиотеке Франции в Париже сохранилось его ответное письмо Гизу: «Монсеньор, все, что мне говорил господин де Форон [от Вашего имени] относительно королевы Наваррской, совершенно убеждает меня, что мне не стоит искать другой фортуны, кроме Вашей» [119]. В феврале 1587

года он вывел во внутренний двор Юссонского замка швейцарцев, которые присягнули на верность Маргарите де Валуа.

Получив известие, что его первая любовь получила освобождение и готова опять противостоять мужу и брату, 14 февраля герцог написал испанскому послу в Париже Мендосе: «Я не могу не известить Вас о том, что переговоры, которые я начал с маркизом де Канийаком, успешно завершились, с совершенной пользой для нашей партии, и благодаря этому королева Наваррская пребывает в уверенности, что теперь находится в полной **[222]** безопасности... Маркиз отослал назад гарнизон, предоставленный ему Его Величеством» [120]. Что руководило герцогом де Гизом? Воспоминания о событиях двадцатилетней давности, когда он был влюблен во французскую принцессу, или политический расчет человека, рвущегося к трону? В литературе можно встретить самые разнообразные интерпретации мотивов его помощи Маргарите. Скорее всего, имело место и то, и другое. Из всей переписки Маргариты и Гиза осталось только одно ее письмо (№ 6), датированное как раз 1587 годом, содержание которого, однако, говорит о близких и очень доверительных отношениях королевы и герцога: «Я же буду неустанно возносить молитвы Господу, – пишет Маргарита, – как всегда это делала, умоляя его даровать Вам удачу и славу, что также желают Вам все добрые люди, а я более, чем кто-либо, выражаю Вам свою вечную преданность и любовь». С другой стороны, в очередном письме Мендосе Гиз не скрывает, что, освободив королеву, он покончил с «заверениями, которые предоставлялись королю Наваррскому, в скорой смерти его жены, чтобы обеспечить ему иной брачный альянс» [121]. Конечно, Гиза и Лигу весьма устраивало разделенное положение наваррской четы, а также независимость Маргариты и ее местоположение, далекое от двора, не дающее возможность королевской семье Валуа-Бурбонов договориться о воссоединении и союзе.

Королева Наваррская, таким образом, стала королевой Юссонской сеньории. Впрочем, у маркиза де Канийака было еще несколько причин, чтобы присоединиться к Лиге и освободить королеву. На одну из них справедливо обратил внимание Мишель Муазан в своей уже упоминавшейся книге «Оверньское изгнание Маргариты де Валуа»: дело в том, что Канийак являлся зятем мадам де Кюртон, гувернантки Маргариты в детские годы, о которой она пишет в своих «Мемуарах» [122]. Развивая эту тему и опираясь на данные просопографии, нетрудно выяснить, что дочь мадам де Кюртон – Жильберта де Шабанн – входила в штат постоянных дам королевы Наваррской и оказалась вместе с ней в Юссоне. Канийак, видимо, надеялся, что рано или поздно

Маргарита **[223]** возвратится в Париж ко двору, и его жена займет одно из лучших мест при королеве Франции...

Затем, судя по всему, Канийак был жаден и не очень умен. В конце XIX века в одном из провинциальных архивов был найден и опубликован поразительный документ – «Дарение королевы Маргариты де Валуа маркизу де Канийаку» от 8 сентября 1588 года, написанный ею собственноручно. За оказанные Канийаком «добрые услуги» королева уступала ему «все свои права ... на графство Овернь и иные земли и сеньории названной области Овернь, принадлежащие нашей весьма почитаемой госпоже и матери, которые мы можем и должны наследовать», а также обязалась выплатить сорок тысяч экю в течение нескольких лет, т. е. Маргарита жаловала Канийаку шкуру еще не убитого медведя [123] Она прекрасно знала, что сеньории в статусе апанажа, принадлежащие членам королевской семьи, не могут быть объектом дарения, купли-продажи, залога и т. п. К тому же, по иронии судьбы, Екатерина Медичи в своем завещании отказалась вообще упоминать свою дочь, передав графство Оверньское своему незаконнорожденному внуку герцогу Ангулемскому [124] С последним королева Маргарита будет долго судиться за наследство своей матери и уже в 1600-х годах, не без помощи бывшего мужа – короля Франции, отсудит у него земли Екатерины.

Кроме всего прочего, маркиз де Канийак, судя по письму Гиза Мендосе, обещал, что отошлет швейцарцев короля («гарнизон») назад. Трудно сказать, сделал ли он это в действительности. Дело в том, что летом 1605 года, возвращаясь в Париж из Юссона по приглашению Генриха IV, Маргарита написала королю буквально следующее: «Я оставила Ваш замок Юссон под надежной охраной одного старого дворянина, моего гофмейстера, и всех моих швейцарцев и солдат, служивших мне все то время, пока я жила там по воле Господа» [125] Эти строки наталкивают на мысль, что, получив финансовые средства от герцога де Гиза, Канийак перекупил королевский гарнизон, благодаря которому в свое время захватил мятежную наваррскую королеву. Возможно, значительную часть швейцарцев он оставил в замке обеспечивать ее охрану и не стал набирать новую гвардию. **[224]**

Что касается солдат, кого имеет в виду Маргарита, опять же неясно. Из переписки уже упомянутого посла Испании при французском дворе Мендосы известно, что Генрих III высказывал свое открытое неудовольствие в адрес Филиппа II в связи с тем, что последний усилил гарнизон Юссона солдатами-арагонцами [126]. Оставались ли они в замке все годы, которые королева провела в Оверни? Согласно «Сатирическому разводу»,

королевский гарнизон заменили на «преданных ей людей» [127]. Историк Пьер де Весьер утверждает, что солдат прислал герцог де Гиз из Орлеана, всего – около 100-140 аркебузиров [128]. Так или иначе, некоторые из них сыграли в жизни Маргариты весьма предательскую роль зимой 1590/91 года, подняв мятеж в замке, в результате которого она едва не погибла. Мы вообще мало что знаем об этом периоде ее жизни: после убийства Генриха III в августе 1589 года во Франции наступила крайняя политическая разруха, усугубляемая испанской интервенцией. В глазах большей части французов Генрих Наваррский по-прежнему воспринимался только как глава гугенотов-еретиков, и ему пришлось прежде всего силой оружия доказывать свое право на трон Франции. В Оверни, помимо сторонников Лиги и короля Наварры, боровшихся за каждое укрепленное место, царили банды грабителей и мародеров. Маргарита оказалась меж нескольких огней.

В своем письме папе Павлу V в 1610 году, испрашивая его разрешения основать монастырь Святой Троицы в память о своем счастливом избавлении от смерти, она напишет: «Я… восхваляю и прославляю доброту Господа, проявившему ко мне свою бесконечную милость, ниспосланную мне посредством чудесного освобождения от огромнейшей опасности во времена самых больших волнений в нашем королевстве, когда я пребывала в Юссоне, который был захвачен восставшими солдатами, и мне пришлось спасаться в донжоне замка. Ему же [Богу] было угодно всю свою могущественную доброту направить на победу над моими врагами, и в тот же вечер моя жизнь и мой замок оказались в безопасности» [129]. Слова королевы подтверждает сообщение **[225]** лигерского муниципалитета Пюи консулам Лиона от января 1591 года: «Некоторые из противной партии [гугенотов]» замыслили убить королеву Наваррскую «выстрелом из пистолета, что и было совершено в ее комнате в замке Юссон. Пуля попала в платье Ее Величества. Тем самым они хотели захватить названный замок Юссон. Эта трагедия осуществлялась под руководством капитана ее гвардейцев. […] Названные противники захватили другой замок недалеко от Юссона – всего в полутора лье, под названием Сен-Бабель» [130].

Большинство историков склоняются к мысли, что покушение было спланировано Ивом IV бароном д’Аллегром (или Алегром), назначенным Генрихом Наваррским губернатором соседнего Иссуара в 1590 году [131]. Д’Аллегр, в желании поставить Овернь под власть Бурбона, пытался овладеть ключевыми укрепленными местами в провинции. Окруженный тройными стенами, неприступный Юссон с королевой Наваррской во главе явно был

одной из главных целей барона, хотя Маргарита, формально ставшая королевой Франции, фактически порвала все связи с Лигой после 1589 года [132]. Стоит напомнить в связи с этим, что маркиз де Канийак погиб, сражаясь на стороне герцога Майеннского в том же 1589 году, а годом раньше Генрих III расправился с герцогом де Гизом в Блуа. В письме Брантому от 1591 года королева писала: «Подобно Вам, я выбрала спокойную жизнь» [133], т. е. нейтралитет. Лишившись всех своих покровителей, ей оставалось только ждать, в чью пользу закончится гражданская война. Однако отказ Маргариты от политической борьбы вряд ли был известен ее мужу, который, в условиях отсутствия регулярных контактов со своей женой, признавался своей Коризанде в январе 1589 года: «Я не дождусь того часа, когда мне сообщат, что покойную королеву Наваррскую задушили» [134]. Впрочем, нет сомнений, что этими строками хитрый беарнец хотел только успокоить свою фаворитку, которая по-прежнему мечтала взойти на трон. Всерьез он никогда не собирался жениться ни на одной из своих многочисленных пассий **[226]** и, порвав с Коризандой уже в 1590 году, вскоре возобновил обмен курьерами с женой.

Таким образом, организуя покушение на Маргариту, барон д'Аллегр, возможно, хотел выслужиться перед королем. Однако на деле у него была и иная причина свести счеты с Маргаритой де Валуа. Отец Аллегра в 1577 году был убит бароном де Витто, который двумя годами раньше оказал неоценимую услугу королеве Наваррской, погубив знаменитого Ле Га, фаворита Генриха III и ее недруга. Спустя несколько лет Ив д'Аллегр отомстил за отца: к великому удивлению современников, в честной дуэли с ним опытнейший фехтовальщик Витто погиб. [135] В начале 1590-х тридцатилетний Аллегр стал открыто жить со знаменитой куртизанкой Франсуазой Бабу де Ла Бурдезьер, маркизой д'Эстре, пятидесятилетней дамой со скандальной репутацией. Будучи замужем, она успела побывать любовницей герцога Анжуйского, будущего Генриха III, и, что самое главное, – того же Ле Га, которого особенно любила. Последнее обстоятельство в свое время толкнуло ее в лагерь противниц королевы Наваррской. Согласно недавнему исследованию французского историка Роже Аршо, маркиза последовала за Аллегром в Иссуар, откуда неоднократно пыталась с помощью любовника захватить Юссон и отомстить королеве Наваррской. Очевидно, что верные швейцарцы и солдаты Маргариты сумели отстоять замок и в итоге предотвратили гибель своей госпожи. Впрочем, вскоре источник этой опасности вообще исчез: в июне 1592 года барон со своей

любовницей были убиты в результате мятежа в Иссуаре [136]. К этому моменту Генрих и Маргарита уже были готовы к восстановлению отношений, общаясь через посредников, однако очередное любовное увлечение короля перечеркнуло все планы Маргариты воссоединиться с мужем и стать настоящей королевой Франции: в его военном лагере появилась Габриэль д'Эстре, младшая дочь погибшей маркизы.

Нетрудно догадаться, какие чувства испытывала эта самая известная из всех королевских фавориток к королеве Маргарите, которую ненавидела ее мать и которая была непреодолимым (как ей казалось) препятствием на ее пути к трону, который ей **[227]** также обещал король. Восшествие Генриха IV – окончательное в 1594 году – на престол Франции мало что изменило в жизни Маргариты. [137] Оставаясь юссонской затворницей, она вынуждена была выпрашивать средства к существованию у короля и вести бесконечные унизительные переговоры с его министрами об условиях развода. Часть переписки на эту тему с ценнейшими подробностями приведена в настоящей книге (письма № 9-11). Вообще, после окончания Гугенотских войн и заключения долгожданного мира во Франции в 1598-1599 годах. Генрих начал сложную брачную игру, одновременно занимаясь тремя делами сразу: он попытался ускорить процедуру развода с королевой, дал публичное обещание жениться на Габриэль д'Эстре, родившей ему троих детей, и одновременно направил послов в Италию вести переговоры о браке с Марией Медичи, дочерью Великого герцога Тосканского. Эти действия короля до сих пор дают почву для споров историков: что же в действительности затеял Генрих IV? [138] То, что он ввел в заблуждение весь свой двор, равно как и королеву Маргариту, сомнений нет: в последний момент, уверенная в скорой свадьбе короля и Габриэль, она отозвала свое согласие на развод, дав понять, что трон королей Франции может занять только принцесса ее ранга. Свое отношение к фаворитке она выразила позже в письме к Сюлли, сюринтенданту финансов, не постеснявшись в выражениях (письмо № 11).

В 2002 году немецкий литератор и переводчик Вольфрам Флейшгауэр опубликовал свою книгу в модном на тот момент жанре – «искусствоведческом триллере» – «Пурпурная линия», вскоре переведенную на русский язык. [139] Действие романа происходит в 1598-1599 годах и касается взаимоотношений короля Генриха и его любовницы. Однако в завершении книги автор, как настоящий академический исследователь, отрывается от вымышленного сюжета и переходит к реальности, сообщая в *Приложении* читателю некоторые факты, подтолкнувшие его к написанию книги, и об определенных открытиях, которые ему

удалось сделать в ходе подготовительной работы. В частности, перлюстрируя переписку **[228]** флорентийского посланника при французском дворе, опубликованную Дежарденом-Канестрини в шестом томе «Дипломатических переговоров Франции и Тосканы» в 1886 году, он обратил внимание на то, что в документации существует значительная лакуна, охватывающая период с декабря 1598 по осень 1599 года – времени кульминации брачных метаний Генриха IV. [140] Случайно выйдя на малоизвестную книгу бельгийского историка Жака Болля «Почему убили Габриэль д'Эстре?» [141], В. Флейшгауэр выяснил, что последнему удалось-таки найти недостающие документы в архиве Медичи во Флоренции в начале 50-х годов XX века. Более того, Ж. Болль объяснил, почему важнейшая часть переписки не попала в упомянутое издание Дежардена: она была зашифрована, и издатели просто не смогли найти ключ к ее разгадке. Бельгийскому исследователю удалось найти этот ключ и расшифровать малую часть посланий, которых, однако, было достаточно, чтобы сделать вывод, что «Габриэль вообще не играла никакой роли в матримониальных планах Генриха» [142]. Серьезность намерений короля Франции в отношении тосканской принцессы не оставляла никаких сомнений: «уже неделю спустя после публичного обещания женитьбы на Габриэль он вел интенсивные переговоры с Флоренцией относительно размеров приданого Марии Медичи» [143]. Ж. Болль, правда, все свое открытие свел к мифической идее заговора против фаворитки, которая на деле умерла от родовой горячки, и поэтому оно осталось незамеченным в историческом сообществе. Большая же часть документов по сей день так и остается неопубликованной и не разгаданной.

Для Маргариты желание короля жениться во что бы то ни стало означало только одно: Генрих IV будет добиваться развода любой ценой. Своевременная смерть Габриэль помогла ускорить этот процесс. С 17 декабря 1599 года королева Франции и Наварры превратилась в «королеву Маргариту, герцогиню де Валуа» – самый необычный и самый почетный титул, которым только награждались разведенные коронованные особы во Франции. В следующем году Мария Медичи стала новой королевой Франции. А спустя несколько лет, летом 1605 года, Маргарита прибыла в Париж по решению **[229]** короля, продемонстрировавшего тем самым единство королевской семьи и династическую преемственность.

Любвеобильный Генрих IV оказался в окружении двух королев, одна из которых была его настоящей, а другая бывшей женой! Наконец, очередная королевская фаворитка – Генриетта

д'Антраг – довершала эту семейную идиллию. Мария Медичи сначала ревниво отнеслась к появлению Маргариты, проявляя знаки откровенного невнимания и недружелюбия, чем даже вызвала гнев и раздражение короля. Так, со слов Таллемана де Рео, «Генрих IV… навещал королеву Маргариту и всякий раз ворчал, что королева-мать [Мария Медичи] де недостаточно далеко вышла ей навстречу при первом посещении» [144]. Однако очень скоро положение изменилось, ибо мудрая Маргарита оказалась незаменимым советником по части организации и регламентации придворной жизни: она регулярно консультировала царствующую королеву по различным вопросам внутренней жизни дамского двора и французского двора в целом. Несомненно, возвращение королевы в столицу повлекло за собой оживление и придворных празднеств. Так, в 1609 году она лично руководила постановкой пышного королевского балета в парижском Арсенале, состоявшегося по случаю визита испанского посла, первого балета такого масштаба со времен покойного Генриха III [145].

Доверительная по характеру переписка Маргариты и Генриха в 1605-1610 годы доказывает, что их отношения восстановились полностью: королева обсуждала с ним свои имущественные проблемы, просила помочь своим друзьям и придворным, искренне радовалась появлению законных королевских отпрысков, наконец, выполняла различные поручения короля. Так, 6 сентября 1606 года в связи с распространением чумы в окрестностях Парижа Генрих IV попросил королеву Маргариту (а не Марию Медичи!) срочно вывезти дофина Людовика из Сен-Жерменского замка в безопасное место. Выполнив королевский приказ, Маргарита отписала: «Я нижайше умоляю Вас верить, Ваше Величество, что честь исполнять Ваши приказания всегда будет для меня самым большим счастьем» [146]. Поразительная привязанность будущего Людовика XIII к Маргарите уже тогда была общеизвестной, и король неизменно пользовался этим. **[230]**

14 мая 1610 года Генрих IV погиб от руки Равальяка. В свои последние годы Маргарита, предвидя очередные гражданские смуты, поддерживала Марию Медичи советами, дипломатическими усилиями по умиротворению мятежных вельмож, организацией работы Генеральных Штатов 1614 года. Все свое имущество она завещала Людовику XIII, оставшись верной принцессой королевского дома Франции. Маргарита де Валуа умерла от воспаления легких в разгар новой гражданской смуты весной 1615 года. Отстаивая всю свою жизнь божественное право королевской семьи творить мир и правосудие в стране,

сама она так и осталась королевой религиозных войн.

МЕМУАРЫ

Автограф «Мемуаров» не сохранился. У нас нет никаких достоверных сведений о том, как они создавались: диктовала ли их королева или же занималась ими собственноручно. Скорее всего, последнее, поскольку она пишет в посвящении аббату Брантому: «Я начертаю [tracerai] свои *Мемуары*...».

Как уже упоминала Элиан Вьенно в своем предисловии к настоящей книге, королева Маргарита первоначально не собиралась писать «Мемуары», а только намеревалась поправить свое жизнеописание (в разных изданиях оно называется по-разному, чаще всего «Discours sur la Reyne de Navarre»), составленное ее другом Брантомом, однако в конце работы невольно изменила свой замысел. Ее воспоминания превратились в самостоятельное произведение и вышли за рамки «ответа» аббату. Нам известно, когда она получила рукопись Брантома – в конце 1593 года, и, соответственно, можно предположить, что следующий, 1594 год – время начала ее работы над мемуарами [147]. Когда она закончила их (и закончила ли?), также неизвестно, текст обрывается, как уже говорилось, на событиях зимы 1581/82 года.

До нас дошло шесть рукописных копий «Мемуаров» Маргариты первой половины XVII века, четыре их которых хранятся в Париже, две – в Карпантра (Carpentras). Пять из этих шести имеют незначительные отличия друг от друга, учтенные Элиан Вьенно при издании «Мемуаров» в 1999 году. Самая «старая» по времени создания рукопись, видимо, начала XVII столетия, входила в **[231]** состав коллекции Ломени-Бриеннов и ныне хранится в Национальной библиотеке Франции. Помимо этого, она является наиболее полной из всех и поэтому была положена в основу критического издания мадам Вьенно. Рукопись написана с использованием довольно архаической орфографии, весьма схожей с орфографией писем Маргариты, и не разделена хронологически.

Первое издание «Мемуаров» было осуществлено в Париже в 1628 году книгоиздателем Шарлем Шапленом, который впервые разделил их на три части. Спустя несколько лет, в 1641 году, одновременно появился английский и итальянский переводы «Мемуаров». Французские издатели «Мемуаров» XVIII века, не разделяя текст, уже обозначали примерные годы, в которых происходили описываемые события. Первое же критическое издание с выверенным (на тот момент) текстом и примечаниями было осуществлено только Франсуа Гессаром в 1842 году, о чем писалось выше. Всего на сегодняшний момент «Мемуары»

издавались только во Франции более сорока раз!

Повторимся, что лучшими научными изданиями «Мемуаров» Маргариты де Валуа в настоящее время являются издания Ива Казо (Mémoires et autres écrits de Marguerite de Valois, la Reine Margot / Éd. Yves Cazaux. Paris, 1971 et 1986) и Элиан Вьенно (Marguerite de Valois. Mémoires et autres écrits. 1574-1614 / Éd. Éliane Viennot. Paris, 1999), которые и были использованы при подготовке русского перевода.

Остается передать слово Лорану Ангару, который подробнее расскажет о мемуарах королевы.

ВВЕДЕНИЕ. ЧАСТЬ 2

ЛОРАН АНГАР

(УНИВЕРСИТЕТ МАРКА БЛОКА, СТРАСБУРГ II)

МАРГАРИТА ДЕ ВАЛУА И ЕЕ «МЕМУАРЫ»

Последним образом французского XVI века для потомков, наверное, могла бы быть резня Варфоломеевской ночи, настолько она была ужасной и столько в ней было насилия, ставшая острой болью для обеих враждующих сторон – католиков и протестантов. Во вдохновенных исторических романах, столь дорогих сердцу романтиков XIX века, с удовольствием показана растущая ненависть католических дворян к так называемой реформатской религии, а также к отдельным личностям, творившим тогда историю Франции. В результате родились легенды, даже мифы, пропитанные кровавыми и жестокими картинами. Эти вымышленные истории (к сожалению?) и утвердились в нашей памяти. Знаменитые мужчины и женщины, захваченные бурей религиозных войн, увидели себя наряженными в костюмы палачей и убийц. В этих маскарадных костюмах они утратили свое истинное лицо и зачастую, благодаря избыточной страстности авторов, стали мифическими героями.

Так, у известного историка Жанин Гаррисон о королеве Маргарите можно прочесть странные вещи: это «ветреница» [148], «прожигательница жизни» [149], которая «бросается в чувственное приключение с [...] Генрихом де Гизом» [150] и «предается запретным наслаждениям [со своим братом Генрихом Анжуйским], причем тот с удовольствием ее унижает» [151], а ее «Мемуары», – пишет тот же автор, – «отличаются редкостной фривольностью [152]. Прикрывшись вымыслами, потомки слишком быстро отказались от мысли (заново) открыть личность Маргариты с помощью ее сочинений, **[233]** как собственно «литературных», так и интимных [153] («Мемуаров», корреспонденции и др.). Последние представляют собой, и в этом больше не приходится сомневаться, важное свидетельство для

историков, но с недавних пор они интересуют также литературоведов. Так, Владимир Шишкин, историк этого периода, через посредство настоящего русского перевода «Мемуаров» Маргариты де Валуа предлагает историческое прочтение событий. Я хотел бы, наряду с ним, представить литературный взгляд на это блистательное произведение последней представительницы рода Валуа-Медичи – королевы Маргариты де Валуа, «настоящей королевы Возрождения» [154].

МАРГАРИТА И ЛИТЕРАТУРНЫЙ МИР ПРИ ПОСЛЕДНИХ ВАЛУА

Литературный мир во времена последних королей рода Валуа постоянно находился в движении, и от королевы Маргариты, последнего отпрыска этой старинной семьи, ставшей центром его притяжения, получил новый импульс для развития *«bonae litterae»* [изящной словесности (*лат.*)]. С конца XVI века наблюдается культурный и интеллектуальный перелом. Как отмечает Марк Фюмароли, этот перелом – «константа французской культуры Старого порядка, и он никогда не был таким глубоким, как при Генрихе IV и Людовике XIII. К «кризису дворянства шпаги», начавшемуся после гражданских войн, добавился кризис придворной культуры, искавшей свою идентичность после смены династии. При последних Валуа и до великих беспорядков конца XVI века придворные гуманисты пытались, часто успешно, быть связующим звеном между высшим дворянством, эволюция которого происходила в королевском окружении, и ученой элитой дворянства мантии. Знатные дамы и кавалеры могли благосклонно принимать Ронсара, следить за работами академий Баифа и Пибрака. Эти связи были разрушены долгим династическим кризисом, а также окружением короля – солдата и провинциала, каким был Генрих IV» [155]. **[234]**

Постепенно вся придворная и интеллектуальная жизнь вышла из-под королевского влияния. Исчезновение просвещенного общества при короле освободило место более узким объединениям, которые создавали женщины и которые возникали в частных особняках, кружкам, участники которых обнаруживали, что все еще грезят о гуманизме двора. Позже таких объединений стало больше, и эта мода, по многим причинам, коснулась нашей мемуаристки. Сначала в Юссонском замке [156], во время ее изгнания, а потом, с 1605 года, в Париже, в ее дом на улице Сены. Эти встречи аристократов и литераторов формировали взгляды знатных дам и открыто содействовали распространению новых

сочинений, проникнутых ностальгией и гуманистическими идеалами. Тогда-то Маргарита де Валуа стала меценаткой, а значит, покровительницей словесности. «В этом новом облике изящного общества, – пишет Эвелин Беррио-Сальвадор, – можно усматривать реакцию просвещенных умов, которые, не находя при грубом дворе очарования остроумных бесед, укрылись в частных особняках» [157]. Маргарита взяла на себя роль дирижера этой «консерватории пошатнувшегося мира» [158], в которой «учтивость, которую там культивировали, литература, которую там ценили, идеи, которые там исповедовали, все больше приходили в противоречие с нравами и событиями своего времени» [159]. Но не следует забывать, что книжная культура Маргариты де Валуа имеет более позднее происхождение, восходя к тем временам, когда одиночество и скука в стенах крепости Юссон сочетались у нее с чтением и писательством. В «раннем детстве», когда ее растили вместе с братьями, она получила простое образование: они жили, пишет она, «скорее направляемые Природой, подобно растениям и животным, но не как здравые люди, подвластные разуму» [160]. Однако было бы **[235]** необоснованно утверждать, что всю эту культуру она обрела в своей позолоченной тюрьме [161]. В ее детстве первенствовали игра и беседа, несомненно, сформировавшие ее критический ум и привившие ей также вкус к прекрасному [162]. В этом отношении показательна одна из первых сцен «Мемуаров». В эпизоде, когда Генрих II, ее отец, просит ее выбрать между двумя предложенными претендентами, мемуаристка заново придумывает саму себя и вкладывает в уста юной Маргариты объяснение этого выбора, похоже, весьма удивившего короля. Словами [163], переданными прямой речью, близкой к театральному диалогу, она просто отвечает отцу на вопросы этого диалога и обосновывает свое решение безупречными аргументами. Таким образом, этот выбор порождает живую и продуманную речь. А мы знаем, как важна была для королевы Маргариты аристократическая беседа и майевтика, начиная с ее первого длительного пребывания в Нераке и до самого конца жизни. **[236]**

Таким образом, ее детство, первые воспоминания, изложенные в знаменитых «Мемуарах», были проникнуты гуманистической культурой, к которой постепенно добавилась эрудиция. Апелляции в виде цитат и отсылок к разным авторитетам она делает для своего друга, Брантома, в оправдание своего начинания, деликатного и чрезвычайно нового для конца XVI века. С первых же страниц, при заключении «автобиографического соглашения», если воспользоваться

выражением Филиппа Лежёна, она откровенно демонстрирует свой культурный уровень: «philautie» [самолюбие] [164] – термин, позаимствованный у неоплатоников [165] и встречающийся в строках Рабле, и далее – Фемистокл, Дю Белле, Александр Македонский, Библия, Тацит [166]... В дальнейшем отсылки станут встречаться реже, но все-таки их будет немало. Вместе с Элиан Вьенно мы полагаем: чем дальше мы углубляемся в изучение сочинений королевы, тем больше ее знания становятся «абсолютно органичными для ее мыслей и речи» [167].

«МЕМУАРЫ»: ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

«Мемуары» и автобиография

Во Франции с семидесятых-восьмидесятых годов прошлого века вошло в обычай возводить зарождение автобиографии как жанра к интимному тексту Жан-Жака Руссо «Исповедь» [168]. Филипп Лежён, литературный критик и эссеист, автор «Автобиографии во **[237]** Франции», попытался убедить в этом читателей, предложив в качестве критерия весьма удобное выражение – «автобиографическое соглашение», – очень простое понятие, хотя и устрашающей силы, если подумать о риторических стратегиях, которые используют писатели, желающие написать о себе, доверяя бумаге то, какими они были прежде, совершая возвратно-поступательное движение между образом «я» персонажа и «я» рассказчика. К сожалению, Ф. Лежен не распространяет «действие» свое «автобиографического соглашения» на авторов автобиографий, написанных до Руссо. Не отрицая значение этих ранних произведений вообще, он в «пристрастной [...] форме» относит их к «некой предыстории» [169], не представляющей реального интереса для тех, кто изучает интимные тексты и автобиографии. В свете такого критического взгляда было бы интересно обратиться к «Мемуарам» Маргариты де Валуа, чтобы показать, что ее текст, безусловно, не только целиком соответствует структурной схеме, предложенной этим критиком, но и внутренне вполне отражает литературную проблематику «автобиографии» при Старом порядке [170].

Так, в начале своего текста Маргарита де Валуа церемонно обязуется говорить о себе правду без всяких прикрас. Делая это заявление, она становится первой женщиной – одновременно автором, рассказчицей и героиней своей книги и тем самым выполняет одно из условий автобиографического соглашения. В основу текста она кладет собственную субъективность. В этом *incipit* [с первых слов – *лат.*] мемуаристка выдает свои намерения

и направленность, которую хочет придать «Мемуарам». Но прежде чем продолжить наше эссе, надо задаться вопросом об адресате. Это – Брантом, ее верный друг, который первым начал письменный диалог. В самом деле, в «Жизнеописаниях дам» он дал ее портрет, **[238]** восхваляя как ее красоту, так и ум. «Она, – пишет он, – весьма интересуется всеми новыми прекрасными книгами, каковые сочиняются в области как церковной словесности, так и мирской; и если уж она начала читать книгу [...], она никогда не бросит ее и не остановится, пока не дойдет до конца» [171]. Таким образом, письменные воспоминания королевы Наваррской возникли из сближения двух литературных жанров: из биографии («Жизнеописание...») родилась автобиография («Мемуары»), то есть «ретроспективный рассказ в прозе, в который реальный человек заключает собственное существование, когда делает акцент на своей индивидуальной жизни, в частности, на истории своей личности» [172]. Первый признак некоего дружеского сговора (нового явления в этот период времени [173]) королевы и Брантома, выявляющего взаимное прочтение, поскольку оба их текста начинаются как бы с одного дифирамба, словно написанного одним пером, и, конечно, довольно льстиво, – это (повторное) выведение на первый план всего французского двора. Сочинение королевы Маргариты в какой-то мере отражает изначальную концепцию Истории в XVI веке – морального наставления, создаваемого с дидактическими целями с помощью искусно подобранных документов, обращений к мифологическим и историческим примерам. Вместе с тем оно относится и к жанру мемуаров, определенные элементы которого лежат в основе современного представления об автобиографии, только что описанного нами: это история некоего «я», некой личности. Действительно, принадлежность к жанру Истории черным по белому указана в начале «Мемуаров». Вместе с Элиан Вьенно мы можем сказать, что первое длинное отступление, некий *excursus* о даре предвидения Екатерины Медичи, «представляет собой одновременно **[239]** единственный отход от хронологического принципа в «Мемуарах» и текст декоративного характера в жанре Истории». Здесь же, прибегнув к риторическому пируэту, мемуаристка вновь напоминает о концепции всего произведения, сославшись на один из принципов авторов Истории: «История сохранила для нас ряд подобных примеров, начиная с античных язычников, таких, как призрак, явившийся Бруту, и многих иных, о чем я не собираюсь писать, поскольку моим намерением является не украшение этих *Мемуаров,* а единственно правдивое повествование и скорое окончание моих воспоминаний с тем,

чтобы Вы быстрее их получили». Постепенно, охваченная энтузиазмом «воспоминаний», мемуаристка изгоняет Историю из своих «Мемуаров», заменяя ее текстами более личного характера, где истории становятся более задушевными, поскольку интимность для нее была формой контакта с другим человеком. Так, от рассказа о сражении при Монконтуре (октябрь 1569 года) мы переходим к истории о родах Фоссез, истории, имеющей для королевы несравнимо важное значение, как мы увидим в настоящем эссе далее. Тем временем автор текста сосредотачивается на себе самом, на «я» писателя. Отныне речь идет о достоверности – непременной составной части текста Маргариты; ее «Мемуары», которым она не даст «более славного названия, хотя они заслуживают быть названными *Историей,* потому что содержат только правду без каких-либо прикрас, на которые я не способна и для чего теперь не имею свободного времени», тем самым становятся зеркалом ее души, ее реальной или воображаемой личности.

Брантомовская биография дает мемуаристке другие преимущества. Якобы порицая «лиц, плохо осведомленных» или «недоброжелательных», которые не желают «рассказать правду по незнанию или же злому умыслу», она между строк помещает целое рассуждение насчет того, кто может писать Историю, причем обосновывает не только сказанное ее другом, но и поправки к его «Жизнеописанию…», которые очень хочет внести, ибо они оба были действующими лицами и зрителями одних и тех же событий, иначе говоря, «очевидцами». Итак, здесь осуждаются две категории людей: историки и, менее открыто, все хулители Маргариты, особенно автор или авторы «Сатирического развода» и, разумеется, Ле Га, ее заклятый враг, «этот опасный […] и дьявольский ум». Эту непопулярность историков у мемуаристов Старого порядка очень верно отметила Надин Куперти-Цур, утверждающая в одной их своих работ: «Мемуаристы часто негодуют на историков, обвиняя **[240]** их в том, что те пишут историю заказную, льстивую и неточную, поскольку получают сведения из вторых рук, а также приукрашенную риторическими и беллетристическими приемами» [174].

И даже если мемуаристка поначалу собиралась исправить «исторические» ошибки, совершенные Брантомом в его рассказе о «По и [ее] путешествии по Франции», потом «о покойном маршале де Бироне», «об отъезде из замка [Юссон] маркиза де Канийяка» и, наконец, «о городе Ажене», она отступает от собственной линии поведения и быстро забывает о своем *princeps* [первоначальном. – *лат.*] плане. Переходя, таким образом, от

риторических украшений к писательской практике, мемуаристка из историка становится писателем, а ее текст делается «полифонической формой Истории» [175]. Тем самым мы не только движемся от биографии к автобиографии [176], но и от предыстории жанра к его претексту (prétexte) [177].

Умолчания, многочисленные в структуре текста «Мемуаров», разнообразны. Что бы ни понимать под ними (отсутствие рассказа о событии или его изложение обиняками), они не так просты. Они побуждают читателя к акту творческого чтения, демонстрируя, какова подлинная сила воображения мемуаристки. В самом деле, из обнаруженных «пяти-шести ошибок» (у Брантома) ни одна так и не исправлена; напротив, перед нами произведение, вовсе не написанное «между прочим», как недомолвками пытается внушить автор, а тщательно выстроенное и продуманное, с намерением убедить как непосредственного собеседника, так и потомков. Складывается впечатление, что мемуаристка заполняет эти «пробелы», матрицы для вымысла вставками, уже похожими на то, что Венсан Колонна, а потом Серж Дубровски определили как «самопридумывание» (autofiction). «Мемуары» королевы Маргариты опередили свою эпоху. Они не соответствуют современным определениям **[241]** этого термина. Это не «Замогильные записки» Шатобриана, где «на склоне лет [писатель] пересматривает историю своей жизни, воскрешает ее в памяти, пытается найти в ней единство и смысл» [178], и тем более не подведение итогов, при помощи которого она пытается (вновь) обрести в себе внутреннюю гармонию, и даже не достоверное описание придворных и повседневных событий – это в некоторой мере все перечисленное сразу, нечто вроде образа моста через время, который она пытается наводить, может, немного нескладно, начиная с детства и первых воспоминаний: «События прошлых лет так переплетены с нынешними, что это обстоятельство вынуждает меня начать рассказ с правления короля Карла, с того времени, когда я была в состоянии запомнить что-либо примечательное для моей жизни».

В конце концов, оказавшись благодаря этому тексту в ловушке писательских фантазий, она улучшит, исправит всю свою жизнь, чтобы раскрыть во всей (или почти во всей) полноте свою личность, которую хочет представить потомкам [179]. В таком случае перед читателями происходит привнесение в прошлое вымысла при помощи воображения Маргариты. Не смущаясь тем, что в результате рассказанное не соответствует обещанному, она делает упор на своей личной хронике и истории своей личности: она описывает себя такой, какой хотела бы быть, не допуская, чтобы *in fine* ее собственное «я» попало в плен коридоров времени.

Кстати, указания на время даются неопределенные, оно мало значит в повествовании о ее жизни. Время расплывчато и неопределенно, как и ее ссылки на временные рамки: «когда мне было четыре или пять лет», «оба они, будучи шести или семи лет от роду», – и больше стесняет автора, когда речь идет о непосредственных последствиях Варфоломеевской ночи, длившихся, по ее утверждению, всего «пять или шесть дней». В ее «Мемуарах» вырисовывается некое субъективное, индивидуальное время, связанное не столько с событием, сколько с его отображением, первостепенное, даже жизненно важное время, ведь оно позволяет раскрыться ее многочисленным «я», формируя тем самым всю ее личность, которая выстраивается и обогащается за счет воспоминания о ее опыте. Так происходит **[242]** встреча описываемого объекта и описания, персонажа и мемуаристки и достигается даже их совпадение.

Однако, если верить Филиппу Лежену, жанр мемуаров – всего лишь «смежный жанр», с присущим ему «излагаемым сюжетом», отличающийся от благородной автобиографии, где показана «индивидуальная жизнь, история одной личности» [180]. Но в тексте полно мест, где мемуаристка демонстрирует свою личность: в рассказе о смерти Жанны д'Альбре она воплощает прямоту и искренность в противовес лицемерию аристократок; в похвалах Брантому она особо подчеркивает трезвость своих взглядов; описав себя оцепеневшей от ужаса и жертвой обеих враждующих сторон, она снимает с себя ответственность за резню Варфоломеевской ночи. А что сказать о дерзком и решительном обращении к грозной матери? Тут Маргарита де Валуа решительно намерена не позволить далее помыкать собой, множеством слов и действий показывая, что останется верна своему мужу и другу. Кажется, достаточно доказательств, что именно ее личность, ее индивидуальная жизнь выведена на сцену и играет одну из главных ролей в «Мемуарах».

Даже если автор термина «автобиографическое соглашение» относит жанр «Мемуаров» к предыстории, предложенное нами доказательство, несомненно, позволяет рассматривать их как пратекст автобиографического жанра в его современном понимании, – впрочем, тексты, написанные до 1594 года, тоже можно было бы рассматривать как первые опыты, черновые наброски, предшествующие «Мемуарам» Маргариты де Валуа. Они являются предвестниками жанра, которому дал начало Руссо.

Следовательно, связь между текстом и раскрытием «я» осуществляется благодаря взгляду *Другого* – друга Маргариты Брантома. Чтобы ее услышали, мемуаристке приходится жонглировать намеками, но она достигает и определенной

ясности, чтобы ее могли понять. Мы только что показали, насколько важным для нее было исправление ее биографии в целом ради борьбы со «слухами» и другими «сплетнями» [181], ходившими при французском дворе. **[243]**

«Мемуары»: текст-фантазия, текст-рождение

Кто может послужить для этой цели лучше, чем фаворитка ее мужа? Кто лучше Фоссез поспособствует тому, чтобы в этом тексте возник один из самых прекрасных образов самой мемуаристки? Действительно, можно было бы ожидать повторения случившегося с Дианой де Пуатье, любовницей Генриха II, с которой Екатерина Медичи не пожелала иметь дела после его смерти. Но такого не будет, по крайней мере в «Мемуарах». Совсем напротив, эпизод родов Франсуазы де Монморанси, по прозвищу Фоссез, полностью символичен, хоть и реален. Он позволяет королеве Маргарите вернуться к сложным моментам своей жизни, переписав их по-своему. Таким образом, согласно аристотелевскому принципу *катарсиса*, событие совершается при драматическом напряжении, созданном *Судьбой*, столь роковой для юной Маргариты. «Фортуна (которая, если начинает кого-нибудь преследовать, никогда не останавливается после первого своего удара) подготовила мне другую ловушку, не менее опасную, чем предыдущая. Фоссез [...] забеременела» [182].

Именно потому, что мемуаристку считали бесплодной, она так неустанно занималась этими родами и, кроме того, своим образом матери. Фаворитка обладала двойным преимуществом: она была любовницей Генриха Наваррского и, главное, могла порождать жизнь. Вдвойне уязвленная, королева начала лечение «на водах Баньера, – пишет она матери, – куда я приехала узнать, будет ли [судьба] столь благосклонна, чтобы через мое посредство увеличилось количество Ваших слуг» [183]. Отъезд на лечение был также предлогом, чтобы покинуть неракский двор, ведь Фоссез «постоянно злословила обо мне, говоря, что убеждена в рождении сына, а это позволит ей избавиться от меня и выйти замуж за короля моего мужа». Бегство и уход в себя – вот к чему прибегла тогда наваррская королева; она рассказывает об этом просто, словами, передающими ее страдание. Итак, текст-страдание, отразивший в 1594 году переживания, которые по-прежнему мучили королеву Маргариту. И однако она решает помочь Фоссез и заговорить о ней, после того как ослушалась приказа короля сопровождать ее в Эг-Код, поскольку та страдает от болей в желудке. «Здесь **[244]** все уже говорили о беременности Фоссез, – говорит она, – и не только при нашем дворе, но также во всей стране – новость стала общеизвестной. В таких условиях мне захотелось постараться избавиться от этой

шумихи, и я решилась поговорить с Фоссез». Слово лживо, по выражению Ролана Барта [184]: оно придает будущему диалогу интимную тональность, характер беседы в узком женском кругу. Молодая королева (вновь) обретает жизнь под пером мемуаристки, в динамике, ведь диалог начинает здесь она, тогда как ответ Фоссез передан косвенной речью, где акцент сделан не только на грубости слов, но и на пассивности, которую мемуаристка хочет ей приписать. «Она же, вместе того, чтобы поблагодарить меня, – пишет королева, – с крайним высокомерием ответила, что опровергает слова тех, кто наговаривает на нее». Личное местоимение «она», помещенное в начало фразы, таким образом, приобретает самое уничижительное значение, подчеркнутое гиперболой – использованием слова «высокомерие»; здесь исподволь выявляется спесивый характер фаворитки Генриха Наваррского. Этот переход от прямой речи к косвенной позволяет мемуаристке оправдаться в глазах Брантома, а также снова, в 1594 году, пережить эту ситуацию, которую она с помощью искусной риторики преобразует в стилистический экзерсис, дающий ей возможность сыграть благовидную роль; она так поступает с самого начала повествования.

Фоссез становится Матерью. Благодаря этому новому положению наступает примирение противниц и сближение обеих женщин. Еще до родов Фоссез происходит личный контакт – мемуаристка приглашает ее «в свой кабинет», а потом, в более символическом плане, это сближение переходит в некое объединение, появляется местоимение «мы»: «Я готова помочь Вам и прошу Вас ничего не таить от меня, не желая подвергать бесчестью ни Вас, ни себя, поскольку заинтересована в этом так же, как и Вы. […] Сделав все таким образом, *мы* прекратим эти слухи, которые задевают и меня, и Вас». Образ матери, положение, столь желанное для Маргариты де Валуа, выходит здесь на первый план настолько, что мемуаристка даже готова стать для собеседницы… матерью: «Поверьте, что я готова заботиться о Вас как мать».

Лучше понять смысл подобного воображения себя матерью нам могут помочь психоаналитические исследования, в частности, **[245]** работы Жана-Франсуа Кьянтаретто, специалиста одновременно по автобиографиям и психоанализу. Действительно, он утверждает, что «текст автобиографии, как и текст любого писателя, возникает на основе некой тайны, имеющей отношение к телу автора. Из этого тела, которое *от природы* для него вдвойне значимо, когда он себе не принадлежит, […] автор создает другое тело – произведение»

[185]. Именно страдания тела Маргариты в юссонском одиночестве соединяют ее «я» с собственными фантазиями, в данном случае – с воображаемым материнством. В таком смысле ее «Мемуары» порождены, так же, как Фоссез произвела на свет ребенка. Писательство становится родами в двояком смысле: родами личности и родами произведения, спасительного и целительного, с одной-единственной разницей – если ребенок фаворитки Генриха Наваррского «родился мертвым», то произведение мемуаристки все еще живет, и с каждым его прочтением Маргарита де Валуа возрождается. Ее правда, столь дорогая ей с самого начала великого Произведения, благодаря этому активному углублению автора в себя столь же хорошо воссоздана, как и выдумана.

Когда «Мемуары» становятся театром

Именно Брантом, еще раз напомним, побудил мемуаристку заняться размышлениями о самой себе, о своем «я», благодаря чему и появился зеркальный рассказ, ее «Мемуары», автобиография до автобиографий. Значит, она должна была прочесть Брантома, чтобы у нее в ее позолоченной тюрьме родилось желание писать. Этот автобиографический текст, в основе которого лежала формирующаяся культура автора, питали отсылки, чтение множества книг и обмен мнениями с разными людьми. Варьируются и формы изложения: то появляются максимы и прочие афоризмы, то стиль становится похожим на романный – в рассказе о роковой любви мадемуазель де Турнон, например, – то автор обыгрывает театральность событий и театрализует знаменательные моменты своей жизни. К тому же мемуаристка прочла о злоключениях «Знаменитых дам» у Брантома, широко использовавшего в своих жизнеописаниях театральные обороты и выспренность. Наконец, поскольку она была воспитана в любви к театру, ярко выраженной **[246]** у ее матери [186], она просто-напросто любила этот жанр, как в форме текстов, так и различных представлений, за присущие ему достоинства.

Таким образом, текст Брантома стал живым спектаклем, где Маргарита де Валуа могла черпать (и черпала) материал для собственного сочинения. Итак, ее современник вывел на сцену женщин французского двора, а мемуаристка сделала из него «двор [...] Протея», сцену, на которую она тоже решила вывести дам-«притворщиц».

Описывая разговор в 1578 году со своей матерью Екатериной Медичи, она обиняками пишет, что надела маску, чтобы сыграть роль, необходимую для помощи брату в политических делах, не пятная, однако, свою «душу»: «Но так как Всевышний помогает

добрым намерениям (и свою божественную доброту Он направил на спасение моего брата), я настолько совладала со своим видом и своими словами, что она ничего не смогла распознать, как я и хотела, и я не запятнала свою душу никакой ложной клятвой».

Так в описание этой встречи входит дополнительная тема обмана и скрытности – в том смысле, что рассказчица маскировалась и играла роль (была притворщицей). При дворе такого двуличия не стеснялись. Например, Генрих Анжуйский «демонстрировал свое расположение к герцогу [де Гизу]. Часто обнимая его, он повторял: «Дай Бог, чтобы ты стал моим братом!» [...] Я же, зная эти уловки, теряла терпение». От заявления темы легко было перейти к ее разработке с помощью слов, излагаемых прямой речью, которые придают рассказу «эффект реальности» и сообщают сцене больше силы и убедительности. Мемуаристка хочет повлиять на собеседника, используя эти театральные средства, чтобы лучше показать напряженность, в атмосфере которой действовали при дворе персонажи французской политической жизни. То есть, рассчитывая произвести на современника определенный эффект, привлечь его **[247]** «на свою сторону», получить от него защиту, она использует все риторические стратегии.

Первые стрелы, вполне очевидно, направлены против женщин, которым в *incipit* «Мемуаров» уже был адресован упрек: «Главный недостаток всех дам – благосклонно внимать лести, даже незаслуженной. Я не одобряю их за это и не хотела бы следовать по такому пути». Критика не остается на этом уровне «простого» утверждения, ведь через несколько страниц с помощью того же приема театрализации мемуаристка усиливает свое осуждение придворных дам и отделяет себя от этой женской «группы», лицемерной и мелочной. Изложенная таким образом сайнета приведена в начале «Мемуаров» и связана со смертью королевы Наваррской, матери Генриха де Бурбона. В самом деле, незадолго до своей кончины Жанна д'Альбре [187] обсуждала с Екатериной Медичи брак своего сына и принцессы Маргариты. Переговоры проходили в Блуаском замке. Сначала обе королевы встретились в Шенонсо, поскольку, когда королева Наваррская прибыла ко двору в Тур, там уже находился папский нунций, желавший воспрепятствовать браку; и было бы нежелательно, чтобы королева и нунций Сальвиати оказались в одном и том же месте. Королеву Наваррскую попросили уехать из Тура на время, пока не удалится посланец папы. С этой целью к ней послали кардинала де Бурбона (ее деверя) и герцогиню Неверскую (ее племянницу). Чтобы королева Наваррская не истолковала это дурно, Екатерина Медичи и предложила ей начать переговоры в

своем замке Шенонсо, что и произошло через какое-то время. Спустя несколько дней Жанну встретила в Блуа процессия во главе с герцогами Анжуйским и Неверским, а потом в Блуаском замке ее принял король Карл IX. В 1572 году она умерла в Париже, на улице Гренелль-Сент-Оноре, в частном особняке Шарля Гийяра (1553-1573), бывшего епископа Шартрского, который поддерживал связи с гугенотами [188]. Ее тело несколько дней пролежало в погребальном покое. Именно тогда, **[248]** судя по рассказу Маргариты, произошел «один занятный случай, не оставшийся в *Истории,* но заслуживающий того, чтобы Вы о нем знали». Маргарита описывает не столько гугенотскую церемонию, заключая рассказ о ней в скобки, сколько одну незначительную сцену (по сравнению со смертью этой королевы), маловажную ситуацию, которая, тем не менее, приобретает свое значение, если исходить из того, что текст мемуаристки отчасти имеет отношение не только к античной риторике, но и к театру. Мемуаристка с помощью одной фразы изображает всю напряженность знатных дам, собравшихся за закрытыми дверьми в канун похорон и присутствующих при церемонии отдания последних почестей. Она перечисляет всех «актрис», участвовавших в этом фарсе: «Вместе с мадам де Невер, характер которой Вам хорошо известен, ее сестрами, господином кардиналом де Бурбоном, мадам де Гиз, госпожой принцессой де Конде мы приехали в парижский дом усопшей королевы Наваррской с целью отдать последний долг в соответствии с ее положением и нашим семейным родством». Далее в этом представлении ее *stricto sensu* [в строгом смысле *(лат.)*] заинтересовал только «один занятный случай», который в конечном счете был не более чем проявлением лицемерия и актерства госпожи де Невер, испытывавшей к матери Генриха IV непреходящую ненависть: «Мадам де Невер, которую в свою бытность [королева Наваррская] ненавидела более, чем кого бы то ни было, и которая отвечала ей тем же, а как Вам известно, она [мадам де Невер] была весьма остра на язык и не щадила тех, кого терпеть не могла, неожиданно отошла от нас и, склоняясь во множестве красивых, почтительных и глубоких реверансов, подошла к кровати и, взяв руку королевы, поцеловала ее». Заметно, что текст очень живой, его такт отбивают многочисленные прилагательные, а ритмизуют его запятые. Жесты этой аристократки, подобие напыщенных дидаскалий, тем самым занимают весь передний план сцены при комической дистанции между двумя ситуациями: благоговейным характером момента и преувеличенными проявлениями учтивости госпожи де Невер. Мемуаристка, как *ловкий импресарио* своей жизни,

переписывает историю и выводит на первый план других женщин. Она пользуется этим приемом, чтобы отделить себя от этой пьески в исполнении знаменитых дам (по-прежнему с целью убедить Брантома в своей непричастности). Впрочем, в 1594 году эти дрязги кажутся ей достойными **[249]** фарса («не сопровождающегося страданием и не гибельного» [189]), скорей литературными и смешными, чем трагическими и патетическими. Ее «я» здесь раздваивается и становится как актером, так и зрителем для самого себя; она чувствует себя в состоянии некой «рефлексивности, – пишет Пьер Ореган, – при которой "я" раздваивается, смотрит на себя, судит себя, воздействует на себя» [190]. Тем самым высвечивается сущность реверансов госпожи де Невер, перечень определений которых показывает их выспренность: они *красивы, почтительны и глубоки* – явные признаки лицемерной игры. Мемуаристка углубляет критику и без колебаний использует «неожиданную развязку», окончательно превращая образ мадам де Невер в карикатуру: «Затем, с низким поклоном, полным уважения, она вернулась к нам. Все мы, знавшие их отношения, оценили это...». Происходит переход от напыщенности к пафосу в подражание роли, которую играет эта дама. Отметим стилистическую игру с местоимениями «мы»: первое из них как будто подвергается воздействию со стороны главного персонажа, тогда как второе представляет собой подлежащее. Последнее (это одновременно прочие дамы и Маргарита де Валуа) здесь способно восстановить правду об отношениях между герцогиней де Невер [191] и Жанной д'Альбре. Маргарита хочет продемонстрировать Брантому ясный ум и прозорливость: ее не обманывает то, что творится при французском дворе. Этот «занятный случай» при помощи намеков превращается в изображение одной из черт характера королевы Маргариты, которое она хочет оставить другу, а также потомкам, чтобы исправить свой образ, который создали памфлеты и прочие пасквили. Чтобы верней убедить его в своей правоте, **[250]** она вводит в рассказ детали, известные ее современнику, – чисто риторический прием, достигающий своей цели, так как, «будучи убежден, он примет ее сторону».

В 1594 году устраивать скандал было уже поздно. И, тем не менее, она тратит время на то, чтобы переписать и театрализовать этот эпизод, преследуя совершенно особую цель – чтобы Брантом посмотрел на него новыми глазами, для чего использует театральные приемы, хорошо известные с древности, намеренно демонстрируя свое понимание и даже здравомыслие. Она, несомненно, надеялась, что и Генриетта Неверская (ум. 1601) прочтет это «доброе» воспоминание, нечто вроде заверения

в дружеском сговоре [192]. Между строк явно чувствуется влияние Монтеня, написавшего до нее: «И теперь, когда я на склоне лет размышляю над своим разгульным поведением [déportements – в смысле comportements, поступками, без уничижительного значения. – Л. А.] в молодости, я нахожу, что, принимая во внимание свойства моей натуры, оно было, в общем, вполне упорядоченным» [193]. И еще автор «Опытов» в свое время умел изменить *топос* «театра мира» (theatrum mundi), выводя его из сферы морали, чтобы перенести в сферу личной совести – этот термин встречается и в «Мемуарах». Таким образом, игра воображения в отношении этого «одного особенного события» выглядит миметическим средством, способом, позволяющим воспроизводить реальность и подчинять ее – для ее имитации посредством жанра и риторических игр, ее искажения посредством стилистических приемов и, наконец, ее моделирования в таком виде, чтобы она нравилась читателю.

Тем самым мемуаристка предвещает тот «перекресток жанров», теорию которого развил Марк Фюмароли [194], – раньше появления великих мемуаров классического века. По мнению Надин **[251]** Куперти-Цур, эта смесь представляется явлением жанра: «Фактически мемуары рождаются из смешения форм, родственных историческому повествованию, но – и в этом состоит их новизна – в центре их находится изображение автора, ведущего рассказ от первого лица, и главного героя. Различные формы, из которых состоят мемуары, возникают не случайно, их родовое определение соответствует аргументативным интересам мемуариста» [195].

«Мемуары» Маргариты де Валуа – то комичный симулякр, то трагические сцены. Королева предвосхищает трагикомедии, которые в XVII веке так ценили Александр Арди, Ротру или Корнель. Смешное присутствует в самых мрачных эпизодах ее жизни, потому что «театр, – писал Бергсон, – это преувеличение и упрощение жизни», а «комедия сможет научить нас большему, чем реальная жизнь» [196]. В тот самый момент рождается писатель, потому что из страшного воспоминания мемуаристка делает эстетическое эссе. Вспоминая ночь резни 1572 года, мемуаристка воспроизводит ее в живом и динамичном стиле. Один эпизод быстро сменяет другой: «В комнату вбежал дворянин по имени Леран, племянник господина д'Одона, раненный ударом шпаги в локоть и алебардой в плечо, которого преследовали четверо вооруженных людей, вслед за ним проникнувших в мои покои. Ища спасения, он бросился на мою кровать. Чувствуя, что он схватил меня, я вырвалась и упала на пол, между кроватью и стеной, и он вслед за мной, крепко сжав

меня в своих объятиях».

Эта сцена *априори* совсем не комична. Однако синтаксическая конструкция сообщает ей некоторые нюансы. В самом деле, полный параллелизм в изображении разнородной пары («он»/«я»), необычное место, где происходит эта сцена (он бросается на кровать, она – в простенок, соединение обоих тел после «битвы» («и он за мной») и, наконец, истерический страх, охвативший обоих персонажей, объединенных в одно тело личным местоимением «мы» («Мы оба закричали и были испуганы один больше другого»), придают этой сцене «иллюзию жизни и явственное ощущение механического взаимодействия»; Бергсон так определял комическое: «Смешно любое сочетание действий и событий, которые, вложенные одно в другое, создают иллюзию жизни и явственное **[252]** ощущение механического взаимодействия» [197]. Красноречиво продолжение этого текста, ведь «Бог пожелал, чтобы господин де Нансей, капитан [королевских] гвардейцев, подоспел к нам и, найдя меня в столь печальном положении и проникшись сочувствием, не смог таки сдержать улыбку».

Таким образом, смех – физическое следствие того, что увидел господин де Нансей, но прежде всего это – чувство мемуаристки в момент описания этой сцены, которая после многих лет отсутствия при дворе вспоминается ею с нежностью и ощущением удаленности минувшего. Более того, королева становится здесь «колористкой» события – этот современный термин позаимствован у Луи-Фердинанда Селина [198], для которого театральный эффект, чувство, которое таковой должен вызвать, вытесняет «банальность» и точность факта. То есть волнение и возбуждение, вызванные стилем, должны взять верх.

Итак, еще до Корнеля Маргарита де Валуа вписала свое повествование, окрашенное театральностью, в трагикомический регистр. Ее «Мемуары» включают множество жанров, не только создающих образ «современной» женщины, но исподволь готовящих появление автобиографических сочинений. Итак, мемуары времен Старого порядка – и, в частности, «Мемуары» Маргариты де Валуа – следует рассматривать уже не как предысторию автобиографического жанра, а как его начало. Ее книга вводит нас в Новое время, которое историк и литературовед, направляемые единым желанием, должны понимать и освещать. Отдельные размышления, приведенные в этом послесловии, требуют развития, причем нельзя упускать из виду, что Маргарита де Валуа была женщиной своего времени, писателем, еще не раскрывшим все свои секреты. Читателю будет довольно погрузиться в поток прозы Маргариты и стать, как

изящно заметил Марсель Пруст, «толкователем» произведения.

ПОСВЯЩЕНИЕ БРАНТОМУ

Я еще более восхваляла бы Ваш труд [199], если бы не была в нем столь прославлена, не желая, чтобы похвалу эту воспринимали как стремление удовлетворить мое самолюбие [200], а также думали, что я, подобно Фемистоклу [201], предпочитаю говорить комплименты только тому, кто более всех меня превозносит. Главный недостаток всех дам – благосклонно внимать лести, даже не заслуженной. Я не одобряю их за это и не хотела бы следовать по такому пути. Тем не менее, я весьма польщена, что столь благородный муж, как Вы, пожелал изобразить меня в таких богатых красках. Но на этом полотне приукрашенное изображение в большой степени затмевает истинные черты персонажа, который Вы хотели запечатлеть. Если бы я обладала хотя бы некоторыми из достоинств, которые Вы мне приписываете, то несчастья, оставившие меня теперь, также исчезли бы из моих воспоминаний. Так что, видя свой образ в Ваших «Рассуждениях», я охотно последовала бы примеру старой мадам де Рандан, которая перестала смотреться в зеркало после смерти своего мужа и, спустя время случайно увидев свое отражение у кого-то в гостях, спросила, кто это [202]. Конечно, друзья из моего **[18]** окружения хотят убедить меня в обратном, но я не могу доверять их мнению, поскольку оно связано с проявлением большой любви ко мне. Я думаю, когда Вы сами сможете меня увидеть, то согласитесь со мной и повторите строки Дю Белле, которые я часто привожу: «Пришелец в Риме не увидит Рима, и тщетно Рим искал бы в Риме он» [203].

Но так же как находят удовольствие в чтении книг о разрушении Трои, величии Афин и подобных могущественных городах, некогда процветавших, хотя их развалины сегодня столь незначительны, что мы едва ли можем представить, каковы они были в действительности, так и Вам нравится описывать прелести красоты, от которой не осталось ни следа, ни воспоминаний, кроме Ваших сочинений. И если Вы сделали это, дабы показать борьбу между Природой и Фортуной, то лучшего примера, чем я, Вы не смогли бы найти, поскольку обе они, соревнуясь в своем могуществе, подвергли меня большому испытанию. Что касается Природы, то Вам не нужно объяснять, какой она меня сделала. Но ежели говорить о Фортуне, то невозможно писать о ней, опираясь только на [чьи-то] свидетельства (они исходят от лиц либо плохо осведомленных, либо недоброжелательных, которые не могут рассказать правду по незнанию или же злому умыслу). Я считаю,

что Вам доставит удовольствие обладать воспоминаниями той, кто может знать события лучше всех и кто более всего заинтересован в их правдивом освещении. Ваши «Рассуждения» также побудили меня сделать пять или шесть замечаний, которые поправляют ошибки в тех местах, где Вы говорите о По и моем путешествии по Франции [204]; когда Вы пишете о покойном господине маршале **[19]** де Бироне [205]; а также когда рассказываете об Ажене [206], [равно как] об отъезде из этого замка маркиза де Канийака [207].

Я начертаю свои *Мемуары*, которым не дам более славного названия, хотя они заслуживают быть названными *Историей*, потому что содержат только правду без каких-либо прикрас, на которые я не способна и для чего теперь не имею свободного времени. Этот труд достигнет Вас как послеобеденный гость, как маленькие медвежата, в виде тяжелой и неуклюжей формы, чтобы приобрести надлежащий вид. Это – хаос, из которого Вы уже извлекли свет. Я завершу свой труд приблизительно через пять дней. Конечно, эта история достойна быть написанной благородным мужем, настоящим французом, принадлежащим к известной фамилии, служившим королям моему отцу и моим братьям, родственником и близким другом самых галантных и благородных дам нашего времени, к обществу которых я имею счастье принадлежать.

* * *

События прошлых лет так переплетены с нынешними, что это обстоятельство вынуждает меня начать рассказ с правления **[20]** короля Карла [208], с того времени, когда я была в состоянии запомнить что-либо примечательное для моей жизни. Подобно тому, как говорят географы, описывая землю и достигая предела в своих знаниях: «Далее простираются только песчаные пустыни, необитаемые земли и не судоходные моря» [209], также и я скажу, что от раннего детства у меня остались только смутные воспоминания. В это время мы живем, скорее направляемые Природой, подобно растениям и животным, но не как здравые люди, подвластные разуму. Я оставляю тем, кто воспитывал меня в детском возрасте, вспоминать остальные маловажные детали, хотя, возможно, в моих ранних поступках найдется также что-либо достойное быть описанным, подобно событиям из детства Фемистокла и Александра. Первый бросился на середину улицы перед лошадьми возницы, который не внял его просьбе остановиться, а другой пренебрегал честью награды за соревнование, если только не состязался с царями [210].

1559

В моих воспоминаниях остался ответ, который я дала королю моему отцу за несколько дней до того несчастного события, **[21]** которое лишило покоя Францию, а нашу семью – счастья [211]. Тогда мне было около четырех или пяти лет от роду [212]. Король усадил меня к себе на колени, чтобы побеседовать. Он попросил меня выбрать себе в услужение того, кто мне больше нравится: либо господина принца де Жуанвиля (который впоследствии станет великим и несчастным герцогом де Гизом) [213], либо маркиза де Бопрео, сына принца де Ла Рош-сюр-Йон [214] (наделенного таким блестящим разумом, словно Природа стремилась воплотить в нем свое превосходство над Фортуной, что вызвало зависть и смертельную вражду последней, которая и оборвала его жизнь в возрасте четырнадцати лет, лишив его почестей и наград, по справедливости положенных за его добродетель и благородство). Обоим принцам было шесть или семь лет [215]; я посмотрела на них, как они играют возле короля моего отца, и сказала, что выбираю маркиза. На вопрос отца: «Отчего же? Он не столь красив», ибо принц де Жуанвиль был белокур и белокож, а маркиз де Бопрео обладал смуглой кожей и темными волосами, я ответила: «Потому что он более послушный, а принц не может оставаться в покое, не причиняя ежедневно кому-нибудь зла, и стремится всегда верховодить». Определенно, слова мои стали предвестием того, что мы увидели позднее. **[22]**

Подобную же настойчивость я обнаружила, чтобы сохранить свое вероисповедание, во время диспута в Пуасси, когда весь двор склонялся к ереси [216]. Многие придворные дамы и кавалеры настойчиво побуждали меня изменить решение, и даже мой брат герцог Анжуйский, позднее король Франции [217], в свои детские годы не смог избежать пагубного воздействия гугенотской религии и неуклонно убеждал меня изменить мою веру. Он бросал в огонь мои часословы, а взамен давал псалмы и молитвенники гугенотов, заставляя меня носить их с собой, каковые сразу же по получении я передавала моей гувернантке мадам де Кюртон [218]. Она, благодаря милости Божьей, к моему счастью, осталась католичкой и часто сопровождала меня к добрейшему господину кардиналу де **[23]** Турнону [219], который советовал мне и наставлял меня стойко переживать все, чтобы сохранить истинную веру, и вновь одаривал меня часословами и четками вместо сожженных. Мой брат герцог Анжуйский и его окружение, желая, чтобы я отреклась, находили их у меня и, впадая из-за этого в гнев, оскорбляли меня, говоря, что меня наущают так поступать потому, что я мала, и глупа, как моя гувернантка, и не имею своего рассудка, и что все люди с умом, независимо от возраста и пола, видя, как проповедуется правда, уже отказались от религии ханжей. Брат при этом добавлял угрозы, повторяя, что королева наша мать [220] прикажет меня высечь. Однако все это он говорил только от себя лично, поскольку королева ничего не знала о его ошибочных суждениях, которые он высказывал, а когда однажды узнала о них, то изрядно наказала его и заодно его гувернеров, повелев последним обучать, как и прежде, в духе истинной, святой и древней религии наших отцов, от которой она сама никогда не отходила. Я пребывала еще в довольно нежном возрасте семи или восьми лет, и поэтому, залившись слезами, рассказала ей об угрозах брата, о том, что он хотел приказать меня высечь и даже убить, если того пожелает; но ради моей веры я вытерплю все адские муки, если доведется их испытать.

Среди других моих ответов еще не раз встречались подобные суждения и решительность, но мне более хотелось бы рассказать об ином, и я продолжу мои воспоминания единственно с того времени, когда я получила право присоединиться к свите королевы моей матери с тем, чтобы уже не покидать ее. Так как недовольство **[24]** результатами диспута в Пуасси привело к

началу войны [221], меня вместе с младшим моим братом герцогом Алансонским [222] как самых маленьких отослали в Амбуаз [223], где собрались все окрестные дамы. В их числе была и Ваша тетка, мадам де Дампьер [224], с которой мы тогда подружились, и дружба эта продолжалась вплоть до ее смерти, а также Ваша кузина госпожа герцогиня де Рец [225], которая познала в том месте милость Фортуны, освободившей ее от тягостных оков ее первого мужа господина д'Аннебо, погибшего в битве при Дре [226], ибо он был недостоин обладать такой божественной **[25]** и совершенной дамой. Я говорю здесь главным образом о нежных чувствах ко мне Вашей тетки, но не Вашей кузины, поскольку знакомство с последней переросло в нашу столь прекрасную дружбу только спустя время. Дружба эта продолжается и сейчас, и будет длиться всегда. Однако в тот момент преклонный возраст Вашей тетки и мои детские годы способствовали нашему большему взаимопониманию, поскольку кажется естественным, когда старые люди любят маленьких детей, и наоборот, зрелый возраст Вашей кузины заставлял ее относиться с пренебрежением и раздражением к моей детской простодушной назойливости.

1564

Я прожила в Амбуазе до начала большого путешествия, когда королева моя мать приказала мне присоединиться ко двору с тем, чтобы более не покидать его; о самом путешествии, однако, мне сказать нечего, ибо я была тогда столь юна, что не смогла сохранить память о чем-либо важном, а частные детали вообще исчезли из моих воспоминаний, как сон [227]. Я даю возможность побеседовать на эту тему тем, кто пребывал в более зрелом возрасте, как Вы [228], и может вспомнить то великолепие, которое царило повсюду: крещение моего племянника принца Лотарингского в Бар-ле-Дюке [229], **[26]** приезд в Лион герцога и герцогини Савойских [230], встреча в Байонне моей сестры королевы Испании с королевой моей матерью и королем Карлом, моим братом [231]. (Я убеждена, Вы не забудете описать превосходное празднество с балетом, организованное королевой моей матерью в честь этой встречи на острове [232], когда казалось, будто сама Природа позаботилась обо всем. В центре острова располагался большой луг, окруженный высокой сосновой рощей, на котором королева моя мать приказала разбить пространные беседки и установить в каждой по круглому столу на двенадцать персон. Стол Их Величеств под высоким балдахином единственно возвышался на краю луга, представлявшем собой четыре ступени газонов. Вокруг этих столов прислуживали стайки пастушек, одетых в различные тканые золотом сатиновые наряды, в соответствии с обычаями всех провинций Франции. Двор прибыл из Байонны на этот остров на величественных судах, а само путешествие сопровождалось музыкой, словно морские боги распевали и читали стихи вокруг корабля Их Величеств; названные пастушки, сходя с кораблей, оказывались на боковых лужайках, расположенных по обе стороны от главной аллеи со специально обустроенным **[27]** газоном, ведущей к лугу с беседками. Каждая группа девушек исполняла танец своего края: пастушки из Пуату танцевали под волынку, из Прованса – вольту [233] под цымбалы, из Бургундии и Шампани – под маленький гобой, скрипку и деревенские тамбурины, а бретонки исполнили паспье и бранль-ге [234]. Так же были представлены и другие провинции. После представления пастушек и окончания пиршества мы увидели, как вместе с большой группой музыкантов-сатиров появился огромный иллюминированный грот, который был более озарен красотой и украшениями нимф, спускавшихся сверху, чем

искусно сделанным освещением. Нимфы исполнили прекрасный балет, чей успех не смогла перенести завистливая Фортуна, послав такой сильный дождь и бурю, что нам пришлось в суматохе возвращаться на корабли и там провести ночь. Поутру эта история стала предметом для смешных рассказов, а величественное устроение праздника доставило всем большое удовольствие.) Вы наверняка вспомните великолепные встречи, организованные во всех провинциях и главных городах королевства, которые посещали Их Величества.

1569

В царствование благородного короля Карла, моего брата, несколько лет спустя после нашего возвращения из большого путешествия, гугеноты возобновили войну [235]. Король и королева моя **[28]** мать пребывали в Париже, когда один дворянин из свиты моего брата герцога Анжуйского, ставшего позднее королем Франции, прибыл от него с известием, что он значительно уменьшил армию гугенотов и надеется, что король и королева смогут приехать через несколько дней к началу новой битвы. Он просил оказать ему честь увидеть их перед сражением, чтобы отдать отчет о своих действиях, добавив в конце, что если Фортуна, завидующая его славе (которую он обрел в столь молодом возрасте), после доброй службы королю, католической религии и государству захочет триумф его победы совместить с его похоронами, то он покинет этот мир с малым сожалением, оставив их обоих удовлетворенными его службой, честь исполнения которой была на него возложена. Последнее он счел бы более почетным, нежели трофеи, приобретенные двумя первыми победами [236]. Посудите сами, как эти слова запали в сердце нашей доброй матери, которая жила только ради своих детей и была готова тотчас же отказаться от жизни ради их спасения и спасения их государства, и которая особенно любила герцога Анжуйского.

Она сразу же приняла решение отправиться в путь вместе с королем, заставив его ехать вместе с ней, в сопровождении небольшой группы дам ее свиты: в их числе была я, герцогиня де Рец и мадам де Сов [237]. Летя на крыльях желания и материнской любви, она проделала путь из Парижа в Тур за три с **[29]** половиной дня [238]. Путешествие было связано с неудобствами и многими происшествиями, достойными осмеяния. Особенно это касалось бедного кардинала де Бурбона [239], который никогда не покидал королеву-мать, хотя не обладал ни здоровьем, ни сложением, ни хорошим настроением для подобных тяжелых переездов. Мы прибыли в Плесси-ле-Тур [240], где находился мой брат герцог Анжуйский с главными военачальниками его армии, представлявшими собой цвет принцев и сеньоров Франции. В их присутствии герцог обратился к королю с торжественной речью, дабы дать отчет об отправлении своих обязанностей с того момента, когда он покинул двор. Это было проделано с большим искусством и красноречием, произнесено с такой изысканностью, что он вызвал восхищение у всех присутствующих, тем более что

его весьма юные годы подчеркнули и показали осторожность его высказываний (более подобающих старику, убеленному сединами, или же бывалому капитану, чем юноше шестнадцати лет [241], на чело которого, правда, уже были возложены лавры двух выигранных им сражений). Его красота, которая делает все поступки приятными, настолько блистала, что казалось, будто она бросает вызов Фортуне: кто из них сделает его более знаменитым? **[30]**

Что чувствовала при этом моя мать, которая любила его более всех детей, невозможно выразить словами, как нельзя передать горе отца Ифигении [242]. Наверное, любая другая королева проявила бы открытый восторг из-за такой необыкновенной радости, но только не она, душу которой никогда не покидала осторожность. Сдерживая свои порывы, как она могла это делать, и показав с очевидностью, что *сдержанность помогает не делать того, чего хочешь,* – не выставлять напоказ свою радость и не расточать похвалы (которые заслуживал ее совершенный и обожаемый сын), она единственно отметила в его речи некоторые заключения, которые затрагивали военные дела, дабы вынести их на совет присутствующих при этом принцев и сеньоров и принять нужное решение, обеспечив необходимые условия для продолжения военных действий. С этой целью нам нужно было провести еще несколько дней в этом месте. В один из дней, когда королева моя мать прогуливалась в парке с некоторыми принцами, мой брат герцог Анжуйский попросил меня пройтись с ним по боковой аллее, где обратился ко мне со словами: «Сестра моя, то, что мы росли вместе, только обязывает нас любить друг друга сильнее. Вы, верно, не знаете, что из всех братьев я всегда более остальных желал Вам добра и видел также, что Вы по природе своей отвечаете мне такой же дружбой. До настоящего времени мы поддерживали ее безо всякого умысла, и союз наш не приносил иной пользы, кроме единственно удовольствия, которое мы получали от совместных бесед. Это было хорошо в наши детские годы, но сейчас уже не время быть детьми. Вы видите, какими прекрасными и великими обязанностями наделил меня Бог и в каком духе воспитала меня королева, наша добрая мать. Вы должны верить, что я люблю и почитаю Вас более всего на свете и разделю с Вами все свои почести и блага. Я знаю, что Вы обладаете достаточным **[31]** умом и рассудительностью, чтобы суметь послужить моим интересам перед королевой нашей матерью, дабы помочь мне сохранить милость Фортуны. Ибо моя главная цель – поддерживать доброе расположение королевы. Я опасаюсь, что мое отсутствие может лишить меня ее милостей,

поскольку война и обязанности, которыми я обременен, заставляют меня всегда быть вдалеке. Однако король мой брат постоянно рядом с ней, льстит и угождает ей во всем. Боюсь, если так пойдет и дальше, это причинит мне вред: когда король мой брат возмужает, не будет развлекаться только охотой и, будучи от природы храбрым, станет еще и честолюбивым, то захочет заменить охоту на животных охотой на людей, а меня – отстранить от должности командующего, которую он мне доверил, чтобы самому встать во главе армий. Все это может обернуться для меня крушением и вызвать столь сильное неудовольствие, что я скорее предпочту страшную смерть, чем испытаю подобное унижение. В опасении чего, изыскивая способы предотвратить несчастье, я считаю необходимым воспользоваться помощью особенно преданных персон, которые представляли бы мои интересы подле королевы моей матери. Я не знаю никого более подходящего, чем Вы, поскольку считаю Вас своим вторым я. Вы обладаете для этого всеми качествами, которые только можно пожелать: умом, рассудительностью и преданностью. Только бы Вы захотели быть обязанной помочь мне, присутствуя постоянно при церемонии пробуждения королевы, в ее рабочем кабинете, при ее отходе ко сну, короче говоря, – целый день, дабы вынуждать ее общаться с Вами. Вместе с тем я расскажу королеве о Ваших способностях, о том, что она получит от Вас утешение и поддержку, заверю ее, что стоит не обращаться с Вами как с ребенком, а прибегать к Вашим услугам в мое отсутствие, как это делал бы я. Уверяю Вас, она так и поступит. Оставьте Вашу робость, разговаривайте с ней с уверенностью, как Вы говорите со мной, и поверьте, она будет к Вам расположена. Для Вас настанет золотая пора и выпадет счастье быть любимой ею. Вы сделаете много для себя и для меня. Благодаря Божьей и Вашей помощи моя добрая Фортуна сохранит ко мне свою милость».

Эти слова были для меня откровением, поскольку до тех пор жизнь моя протекала без какой-либо цели, и я думала лишь о танцах или охоте, не имея в то же время представления о том, как красиво одеваться и выглядеть привлекательной, потому что мой возраст тогда не позволял еще выражать подобные намерения. **[32]** Я была воспитана при королеве моей матери по таким строгим правилам, что боялась не только обращаться к ней, но даже когда она смотрела в мою сторону, меня охватывали трепет и страх совершить поступок, который вызвал бы ее неудовольствие. Я едва ли не ответила, как Моисей Богу при виде кустарника: «Кто я? Пошли другого, кого можешь послать» [243]. Однако, почувствовав в себе прилив необыкновенных сил, о которых я раньше и не знала и которые были вызваны его речами,

прежде мне неизвестными, я пришла в себя от первого удивления, благо что родилась довольно смелой, и подумала, что эти речи мне нравятся. Тотчас мне показалось, будто я изменилась и стала гораздо старше, чем была до сих пор. Я начала верить в саму себя и ответила ему так: «Брат мой, если Господь вселит в меня силу и храбрость говорить с королевой нашей матерью, как я бы хотела, дабы оказать Вам услугу, которую Вы от меня ожидаете, то не сомневайтесь, что мои усилия принесут Вам пользу и удовлетворение от того, что Вы мне доверились. Что касается служения королеве нашей матери, то я постараюсь это делать так, что Вы признаете, насколько я Ваше благо ставлю выше всех удовольствий на свете. Вы правы, что доверяете мне, ибо никто в мире не почитает и не любит Вас так, как я. Придайте только значение тому, что Вы, находясь при королеве нашей матери, будете самим собой, а мне придется отстаивать Ваши интересы».

Я произнесла эти слова скорее сердцем, нежели устами, и результаты нашей беседы воспоследовали сразу же, так как перед отъездом из Тура королева моя мать пригласила меня в свой кабинет и сказала: «Ваш брат рассказал мне о Вашей совместной беседе и о том, что не стоит Вас считать ребенком. Я не буду это делать в дальнейшем. Мне доставит большое удовольствие разговаривать с Вами, как с Вашим братом. Сопровождайте меня повсюду и не опасайтесь обращаться ко мне свободно, ибо я того желаю».

Слова ее вызвали в моей душе чувства, доселе мне неизвестные, и удовольствие, настолько безмерное, что мне показалось, будто все радости, которые я познала до сих пор, были только его **[33]** тенью. Оглянувшись в прошлое, я с пренебрежением подумала о своих детских играх, танцах, охоте, воспринимая их теперь как слишком глупые и никчемные забавы. Я последовала этому приятному приказанию моей матери, не пропуская ни дня и будучи в числе первых, присутствующих при церемонии ее пробуждения, и в числе последних – при ее отходе ко сну. Она оказывала мне честь, беседуя со мной порой по два или три часа, и, благодаря милости Божьей, оставалась столь довольна мной, что могла даже хвалить меня дамам своей свиты. Я всегда говорила ей о моем брате и уведомляла его обо всем, что происходило, с такой верностью, что думала только о том, как исполнить его волю.

Какое-то время я пребывала в таком счастливом положении при королеве моей матери, когда случилось сражение при Монконтуре [244]. Мой брат герцог Анжуйский, сообщив об этой новости и всегда стремясь находиться при королеве, нашей матери, испросил разрешения начать осаду Сен-Жан-д’Анжели

[245], а также посчитал, что при этой осаде будет уместно присутствие короля и королевы [246]. Королева, желая видеть его еще сильнее, чем он ее, сразу же решила отправиться в путь, сопровождаемая только обычной свитой, в числе которой была и я. Я поехала с огромной радостью, не подозревая о несчастье, которое приготовила мне Фортуна. Слишком юная и неопытная, я и не думала, что кто-то помешает моему благополучию! Мысль о том, что счастье, коим я наслаждалась, будет постоянным, придавала мне уверенности и не позволяла сомневаться, что что-либо изменится! Однако завистливая Фортуна, которая не могла позволить, чтобы мое успешное положение оставалось долго, приготовила мне большую **[34]** неприятность по прибытии, в то время как я ожидала получить благодарность за верность, которую я проявляла, оказывая услугу моему брату.

С тех пор как отбыл мой брат, он приблизил к себе господина Ле Га [247], который настолько подчинил его себе, что брат видел все только его глазами и говорил только его устами. Этот дурной человек, родившийся, чтобы творить зло, неожиданно заколдовал его разум и заполнил его тысячью тиранических мыслей: *любить нужно только самого себя, никто не должен разделять с ним его удачу – ни брат, ни сестра,* а также иными подобными наставлениями в духе Макиавелли [248]. Они завладели разумом герцога Анжуйского и были применены им на практике. После нашего приезда и первых приветствий моя мать начала хвалить меня брату, говоря ему, сколько преданности по отношению к нему я проявила у нее на службе. На что он неожиданно холодно ответил ей, что все это легко объяснить, ибо он сам очень просил меня об этом, а осторожность не позволяет использовать такие услуги постоянно, и *то, что кажется необходимым сейчас, становится вредным в иное время.* Когда королева спросила, почему он говорит так, он увидел, что настал час воплощения его идеи погубить меня. Он ответил, что я становлюсь красивой, а герцог де Гиз хочет просить моей руки, и его дяди весьма надеются женить его на мне [249]. И если я начну оказывать господину де Гизу знаки **[35]** внимания, то можно опасаться, что я буду пересказывать ему все услышанное от нее, королевы; королеве также хорошо известны амбиции дома Гизов и то, сколько раз эта семья переходила нам дорогу. В связи с этим будет наилучшим, если королева перестанет отныне говорить со мной о делах и мало-помалу прекратит доверительные отношения.

В тот же вечер я ощутила последствия этого пагубного совета и перемены в королеве моей матери. Она опасалась вступать со мной в беседу при моем брате, а заговорив с ним, приказала мне

трижды или четырежды отправляться спать. Я дождалась, когда он покинул ее покои, а затем, подойдя к ней, начала умолять ее сказать мне, *что* совершила я к своему несчастью или по незнанию, вызвавшее ее неудовольствие. Вначале она не пожелала мне ответить, но в конце концов сказала: «Дочь моя, Ваш брат мудр, и не нужно держать на него зла. То, что я Вам скажу, – только ко благу». Тогда она рассказала мне все, приказав отныне не говорить с ней больше при моем брате. Эти слова так же сильно отразились в моей сердце, как и те первые, которыми она выразила ко мне свою милость и от которых я была счастлива. Я попыталась, не упуская ничего, представить ей свою невиновность: я никому не говорила о замужестве, и меня никогда не посвящали в этот замысел, иначе я сразу бы известила о том королеву. Я ничего не добилась. Впечатление от слов моего брата было для нее настолько сильным, что разум ее не воспринимал ни доводов, ни правды. Видя это, я сказала ей, что чувствую больше горечи не от потери ко мне благорасположения, а от его приобретения; и что брат лишил меня милости, которую прежде оказал и каковую я не заслужила, осознавая, что была ее тогда недостойна. Но немилость эта случилась не по моей вине, а по надуманной причине, которая является ничем иным, как плодом фантазии. Я заверила ее, что запомню на всю жизнь урок, который сделал мне мой брат. Королева разгневалась на меня, приказав мне вести себя при нем как ни в чем не бывало.

С этого дня ее благоволение ко мне стало уменьшаться. Делая из своего сына идола, она потакала ему во всем, что он желал от нее. Тоска проникла в мое сердце и завладела всеми уголками души, ослабив мое тело, и вскоре у меня случилось заражение от дурного воздуха, поразившего армию. В течение нескольких дней я тяжело болела – у меня открылась нескончаемая лихорадка и крапивница (pourpre), болезнь, которая распространилась **[36]** тогда повсюду и унесла двух первых медиков короля и королевы – Шаплена и Кастелана, подозревавших во всем пастухов, наживавшихся на продаже скота [250]. Мало кто из пораженных этим недугом избежал подобного исхода. Мне было настолько плохо, что королева моя мать, знавшая одну из причин болезни, не упускала возможности помочь мне и брала на себя труд навещать меня в любое время, пренебрегая опасностью заразиться, что очень облегчало мое положение. И наоборот, двуличие моего брата только увеличивало мои страдания, поскольку он, совершив столь большое предательство и проявив такую неблагодарность, день и ночь не отходил от изголовья моей кровати, заботясь обо мне так трогательно, как было во времена наших с ним наилучших

отношений. Я же помнила о требовании королевы-матери молчать в его присутствии и отвечала на это лицемерие только вздохами; и подобно Бурру в присутствии Нерона, умершему от яда, который дал ему тиран [251], давала ему понять, что единственной причиной моего недуга является инфекция, привнесенная поставщиками, и зараженный воздух. Господь был милостив ко мне и уберег от опасности. Через пятнадцать дней, когда армия снялась с позиций, меня отправили на носилках; и каждый вечер перед сном мне наносил визит король Карл, который брал на себя труд вместе **[37]** с благородными придворными кавалерами переносить меня на приготовленное ложе.

1570

В таком состоянии меня доставили из Сен-Жан-д'Анжели в Анжер [252], более страдающую душевно, нежели телесно, и куда прибыли, к моему несчастью, герцог де Гиз и его дяди. Последнее обстоятельство весьма обрадовало моего брата, придавая силы его лукавству, что, в свой черед, только усилило мою боль. Продолжая свою интригу, брат мой ежедневно посещал мою комнату в сопровождении господина де Гиза, разыгрывая сцену большой любви ко мне и демонстрируя свое расположение к герцогу. Часто обнимая его, он повторял: «Дай Бог, чтобы ты стал моим братом!», на что господин де Гиз отвечал с непониманием. Я же, зная эти уловки, теряла терпение, но не осмеливалась раскрыть герцогу двуличие брата.

Немного спустя начались переговоры о моем замужестве с королем Португалии, который прислал послов просить моей руки. Королева моя мать приказала мне надеть соответствующие наряды для их приема, что я и сделала [253]. Однако мой брат дал ей понять, что я не желаю этого замужества, и в тот же вечер она заговорила со мной на эту тему, выясняя мое мнение и пытаясь найти повод рассердиться. Я отвечала ей, что моя воля зависит только от ее собственной, равно как и все то, что она сочтет нужным сделать, будет воспринято мной как должное. Тогда она сказала с гневом, будучи уже соответственно настроенной, что все мои речи идут не от сердца, а ей хорошо известно, как кардинал Лотарингский **[38]** убеждал меня поскорее стать женой его племянника [254]. Я стала умолять ее вернуться к разговору о браке с португальским королем, убеждая ее в своем повиновении.

Тем временем, благодаря проискам Ле Га, ее вновь продолжали настраивать против меня, заставляя меня терзаться, и в результате чего я не знала ни дня покоя. Вдобавок к этому, с одной стороны, король Испании противился, чтобы брак мой [с королем Португалии] состоялся [255], с другой – присутствие при дворе господина де Гиза постоянно давало предлог меня преследовать, хотя ни он сам, ни его родственники никогда не говорили со мной о замужестве. В течение последнего года, к тому же, они искали для него руки принцессы де Порсиан [256], однако, ввиду того что заключение брака господина де Гиза и принцессы оттягивалось, причиной этого всегда называли его надежду жениться на мне [257]. Видя все это, я решилась написать моей сестре герцогине Лотарингской [258], которая могла повлиять на дом Гизов, чтобы просить ее помочь удалить

господина де Гиза от двора с тем, дабы он поскорее женился на своей возлюбленной принцессе де Порсиан, представив ей, что все происходящее направлено не столько на погибель герцога де **[39]** Гиза и всего его дома, сколько против меня самой. Моя сестра правильно все поняла и вскоре прибыла ко двору, где и устроила их бракосочетание, освободив меня тем самым от наветов [259]. Она рассказала королеве нашей матери всю правду – то, в чем я ее пыталась всегда убедить, и которая заставила замолчать всех моих врагов, дав мне покой.

Между тем король Испании, желавший заключать брачные союзы только внутри своего дома, расстроил мой брак с королем Португалии, и о нем более не вспоминали [260].

1571

Несколько дней спустя заговорили о возможности выдать меня замуж за принца Наваррского, который ныне является нашим славным и благородным государем [261]. Во время одного обеда королева моя мать долго обсуждала это с господином де Мерю, поскольку члены дома Монморанси всегда имели право первого **[40]** совета [262]. Сразу после трапезы он сказал мне, что королева приказала ему поставить меня в известность, о чем шла речь. Я ответила, что это излишне, поскольку я выполню любую ее волю, однако стану умолять ее принять во внимание то, что, являясь католичкой, я буду весьма огорчена стать женой человека, исповедующего иную религию. После, проследовав в свой кабинет, королева призвала меня и сообщила, что господа де Монморанси предложили ей заключить этот брак, и она желает знать мое мнение. В ответ я повторила, что согласна с ее волей и ее выбором, но умоляю помнить, что я – истинная католичка.

Еще какое-то время предложение [о бракосочетании с принцем Наваррским] продолжало обсуждаться, и королева Наваррская, его мать [263], прибыла ко двору, где брачный договор был полностью согласован. Это произошло уже накануне ее смерти, которая была **[41]** отмечена одним занятным случаем, не оставшимся в *Истории*, но заслуживающим того, чтобы Вы [264] о нем знали.

Вместе с мадам де Невер [265], характер которой Вам хорошо известен, ее сестрами [266], господином кардиналом де Бурбоном [267], мадам де Гиз [268], госпожой принцессой де Конде [269] мы приехали в парижский дом усопшей королевы Наваррской с целью отдать последний долг в соответствии с ее положением и нашим семейным родством [270] (это происходило без пышности и церемоний нашей религии, в довольно скромных условиях, которые дозволяла гугенотская вера: она [королева] лежала на своей обычной кровати, с открытым пологом, без свечей, без священников, без креста и святой воды; все мы находились в пяти или шести шагах от ее ложа и могли лишь смотреть) [271]. Мадам де Невер, которую в свою бытность [королева **[42]** Наваррская] ненавидела более, чем кого бы то ни было, и которая отвечала ей тем же, а как Вам известно, она [мадам де Невер] была весьма остра на язык и не щадила тех, кого терпеть не могла, неожиданно отошла от нас и, склоняясь во множестве красивых, почтительных и глубоких реверансов, подошла к кровати и, взяв руку королевы, поцеловала ее. Затем, с низким поклоном, полным уважения, она вернулась к нам. Все мы, знавшие их отношения, оценили это...

[пропуск в рукописи]

Несколько месяцев спустя принц Наваррский, отныне ставший королем Наварры, продолжая носить траур по королеве, своей матери, прибыл сюда [в Париж] в сопровождении восьмисот дворян, также облаченных в траурные одежды, и был принят королем и всем двором со многими почестями [272]. Наше бракосочетание состоялось через несколько дней с таким торжеством и великолепием, каких не удостаивался никто до меня [273]. Король Наваррский и его свита сменили свои одежды на праздничные и весьма богатые наряды; разодет был и весь двор, как Вы знаете, и можете лучше об этом рассказать. Я была одета по-королевски, в короне и в накидке из горностая, закрывающей плечи, вся сверкающая от драгоценных камней

короны; на мне был длинный голубой плащ со шлейфом в четыре локтя, и шлейф несли три принцессы. От дворца епископа до Собора Богоматери были установлены [деревянные] помосты, украшенные золоченым сукном, что полагалось делать, когда выходят замуж дочери Франции. Люди толпились внизу, наблюдая проходящих по помостам новобрачных и весь двор... Мы приблизились к вратам Собора, где в тот день отправлял службу **[43]** господин кардинал де Бурбон. Когда перед нами были произнесены слова, полагающиеся в таких случаях, мы прошли по этому же помосту до трибуны, разделявшей неф и хоры, где находилось две лестницы – одна, чтобы спускаться с названных хоров, другая, чтобы покидать неф. Король Наваррский спустился по последней из нефа и вышел из Собора [274]. Мы...

[пропуск в рукописи]

Фортуна, никогда не дающая людям полного счастья, вскоре обратила состояние счастливого торжества и празднеств в полностью противоположное: покушение на адмирала оскорбило всех исповедующих религию [гугенотов] и повергло их в отчаяние [275]. В связи с этим Пардайан-старший [276] и некоторые другие предводители гугенотов говорили с королевой-матерью в таких выражениях, что заставили ее подумать, не возникло ли у них дурное намерение в отношении ее самой. По предложению господина де Гиза и моего брата – короля Польши, позже ставшего королем Франции [277], было принято решение пресечь их возможные действия. Совет этот [сначала] не был одобрен королем Карлом, который весьма благоволил к господину адмиралу, господину де Ларошфуко [278], **[44]** Телиньи [279], Ла Ну [280] и иным руководителям этой религии, и рассчитывал, что они послужат ему во Фландрии. И, как я услышала от него самого, для него было слишком большой болью согласиться с этим решением. Если бы ему не внушили, что речь идет о его жизни и о его государстве, он никогда бы не принял такого совета.

Узнав о покушении, совершенном в отношении господина адмирала, которого Моревер намеревался убить из окна пистолетным выстрелом, но сумел лишь ранить в плечо [281], король Карл сильно заподозрил, что названный Моревер осуществил свой замысел по поручению господина де Гиза (как месть за смерть покойного господина де Гиза, его отца, которого названный адмирал приказал убить похожим способом посредством Польтро [282]), и был настолько разгневан на господина де Гиза, что поклялся осуществить в **[45]** отношении него правосудие. И если бы господин де Гиз не скрылся в тот же

день, король приказал бы его схватить. Королева-мать никогда еще не прилагала столько стараний, чтобы убедить короля Карла, что покушение было совершено ради блага его королевства. Но как я уже упоминала прежде, король питал расположение к господину адмиралу, Ла Ну и Телиньи, в которых он находил ум и благородство, будучи сам государем великодушным, благоволящим только к тем, в ком он эти достоинства признавал. И хотя названные господа были весьма опасны для его государства, эти хитрецы умели хорошо притворяться и завоевали сердце этого храброго государя тем, что внушили ему уверенность в пользе своих услуг при расширении королевства, предложив план славных и успешных походов во Фландрию, что по-настоящему было приятным его большой и благородной душе. Поэтому королева моя мать попыталась представить ему, что убийство господина де Гиза [старшего], осуществленное по наущению адмирала, извиняет поступок его [Гиза] сына, который, не в силах добиваться справедливости, вынужден был прибегнуть к мести, ставшей также местью за убийство по приказу названного адмирала господина Шарри, одного из командиров королевской гвардии и весьма достойного человека, верно служившего ей во время ее регентства в малолетство его, короля Карла, и что адмирал достоин такого с ним обхождения [283]. И хотя подобные слова могли бы убедить короля, что месть за смерть названного Шарри не покидала сердце королевы-матери, но боль от потери людей, которые, как он полагал, однажды стали бы полезными, захватила его страстную душу и затмила его разум настолько, что он не мог ни умерить, ни изменить свое искреннее желание сотворить правосудие, приказав всем, кто ищет господина де Гиза, схватить его, поскольку не хотел оставить безнаказанным такое деяние.

Наконец, когда благодаря угрозам Пардайана на ужине у королевы моей матери открылся злой умысел гугенотов, она поняла, **[46]** что этот случай может повернуть дела таким образом, что если не разрушить их планы, той же ночью они предпримут покушение на нее и на короля. В таких условиях она приняла решение открыто рассказать королю Карлу правду обо всем и об опасности, которой он подвергается, обратившись с этой целью к господину маршалу де Рецу, поскольку знала, что никто, кроме него, не сможет сделать это лучше, так как он являлся наиболее доверенным лицом короля, пользующимся его особым благорасположением [284].

Каковой маршал вошел в кабинет короля между девятью и десятью часами вечера и сказал, что, как преданный ему слуга, он не может скрывать опасность, которая грозит королю, если тот

продолжит настаивать на своем решении осуществить правосудие в отношении господина де Гиза; ибо король должен знать, что покушение на адмирала не было делом одного лишь господина де Гиза, поскольку в нем участвовали брат короля – король Польши, позже король Франции, и королева, наша мать. Также ему известно о крайнем неудовольствии, которое испытала [в свое время] королева-мать, получив известие о гибели Шарри, и у нее были на то веские основания, потому что она потеряла одного из слуг, зависящих только от нее; ведь, как известно королю, во времена его малолетства вся Франция была разделена на католиков, во главе с господином де Гизом (старшим), и гугенотов, во главе с принцем де Конде (старшим) [285], причем и те, и другие пытались **[47]** отнять у него корону, которая была сохранена по воле Божьей только благодаря осторожности и осмотрительности королевы-матери. И не было у нее в это опасное время более верного слуги, чем названный Шарри. Король также должен знать, что она поклялась отомстить за его смерть, и, кроме того, понимать, что названный адмирал всегда был чрезмерно опасен для его государства, потому что какие бы свидетельства своей покорности он ни предъявлял, включая желание послужить Его Величеству во Фландрии, у него не было иного намерения, кроме организации смуты во Франции. Поэтому она затеяла это дело с целью изгнать в лице адмирала чуму из королевства, но, к несчастью, Моревер промахнулся с выстрелом, а гугеноты пришли в большое возмущение, считая виновниками покушения не только господина де Гиза, но и королеву-мать, и брата короля – короля Польши, поверив также, что и сам король дал на это согласие, а посему этой же ночью они [гугеноты] решили прибегнуть к оружию. В итоге очевидно, что Его Величество пребывает в огромной опасности, исходящей как от католиков из-за господина де Гиза, так и от гугенотов по вышеназванным причинам.

Король Карл, будучи очень осторожным от природы и всегда прислушивающимся к мнению королевы нашей матери, и как государь, ревнитель католической веры, осознав также положение вещей, незамедлительно решил согласиться с королевой-матерью и, следуя ее воле, положиться на католиков, защищая себя от гугенотов. Однако он выразил крайнее сожаление, что не в силах спасти Телиньи, Ла Ну и господина де Ларошфуко. После этого, отправившись в покои королевы-матери, он послал за господином де Гизом и другими католическими принцами и капитанами, и там [у королевы-матери] было принято решение учинить резню той же ночью – ночью на Святого Варфоломея [286]. Сразу же приступили к делу: цепи были натянуты [287], зазвонили

колокола, каждый устремился в свой квартал, в соответствии с приказом, кто к адмиралу, кто к остальным гугенотам. Господин де Гиз направил к дому адмирала немецкого дворянина Бема [288], который, поднявшись в его **[48]** комнату, заколол его кинжалом и выбросил из окна к ногам своего господина, герцога де Гиза.

Что касается меня, то я пребывала в полном неведении всего. Я лишь видела, что все пришли в движение: гугеноты пребывали в отчаянии от покушения, а господа де Гизы перешептывались, опасаясь, что им придется отвечать за содеянное. Гугеноты считали меня подозрительной, потому что я была католичкой, а католики – потому что я была женой гугенота, короля Наваррского. Поэтому никто ничего мне не говорил вплоть до вечера, когда я присутствовала на церемонии отхода ко сну королевы моей матери. Сидя на сундуке рядом со своей сестрой герцогиней Лотарингской [289], я видела, что она крайне опечалена. Королева-мать, разговаривая с кем-то, заметила меня и сказала, что отпускает меня идти спать. Но когда я сделала реверанс, сестра взяла меня за руку и остановила. Заливаясь слезами, она произнесла: «Ради Бога, сестра, не ходите туда», и ее слова меня крайне испугали. Королева-мать обратила на это внимание и, подозвав мою сестру, не сдержала свой гнев, запретив ей что-либо мне говорить. Сестра ответила, что нет никакой надобности приносить меня в жертву, поскольку, без сомнения, если что-нибудь откроется, они [гугеноты] выместят на мне всю ненависть. Королева-мать тогда сказала, что Бог даст, ничего плохого не произойдет, и как бы то ни было, нужно, чтобы я отправлялась и не вызывала у них никаких подозрений, которые могут помешать делу. Я хорошо видела, что они [королева-мать и герцогиня Лотарингская] спорили, но не слышала их слов. Королева-мать вновь мне жестко приказала отправляться спать, а моя сестра, вся в слезах, пожелала мне спокойной ночи, не осмеливаясь что-либо добавить. Я ушла, оцепенев от страха и неизвестности, не в силах представить, чего я должна бояться.

Сразу же, как я оказалась в своих покоях, я вознесла молитвы Господу, прося Его оберечь меня небесным покровом и защитить, не зная от кого и от чего. Видя это, король мой муж [290], который был уже в постели, попросил меня ложиться, что я и сделала. **[49]** Вокруг его кровати [291] находилось тридцать или сорок гугенотов, которых я еще плохо знала, ибо немного времени прошло с момента заключения нашего брака [292]. Всю ночь они только и делали, что обсуждали покушение, совершенное на господина адмирала, решив, как настанет день, потребовать от короля правосудия в отношении господина де Гиза, а если их

требование не будет удовлетворено, осуществить его [правосудие] самим. Мне же запали в сердце слезы моей сестры, и я не могла уснуть из-за опасений, которые она мне внушила и о существе которых я ничего не знала. Ночь так и прошла, и я не сомкнула глаз. На рассвете король мой муж сказал, что собирается поиграть в мяч в ожидании церемонии пробуждения короля Карла, где намерен потребовать у него справедливости. Он покинул мою комнату, и все его дворяне ушли вместе с ним. Видя, что уже занялся день и, полагая, что опасность, о которой предупреждала моя сестра, уже миновала, одолеваемая сном, я приказала своей кормилице запереть дверь, чтобы поспать себе в удовольствие.

Час спустя, когда я была погружена в сон, какой-то мужчина стал стучать в дверь руками и ногами, выкрикивая: «Наварра! Наварра!» Кормилица, думая, что это вернулся король, мой муж, быстро отворила дверь и впустила его. В комнату вбежал дворянин по имени Леран, племянник господина д'Одона [293], раненный ударом шпаги в локоть и алебардой в плечо, которого преследовали четверо вооруженных людей, вслед за ним проникнувших в мои покои. Ища спасения, он бросился на мою кровать. Чувствуя, что он схватил меня, я вырвалась и упала на пол, между кроватью и стеной, и он вслед за мной, крепко сжав меня в своих объятиях. Я никогда **[50]** не знала этого человека и не понимала, явился ли он с целью причинить мне зло или же его преследователи желали ему того, а может и мне самой. Мы оба закричали и были испуганы один больше другого. Наконец, Бог пожелал, чтобы господин де Нансей, капитан [королевских] гвардейцев [294], подоспел к нам и, найдя меня в столь печальном положении и проникшись сочувствием, не смог таки сдержать улыбку. Довольно строго отчитав военных за оскорбительное вторжение и выпроводив их вон, он предоставил мне возможность распоряжаться жизнью этого бедного человека, который все еще держал меня. Я велела его уложить в своем кабинете [295] и оказывать помощь до тех пор, пока он полностью не поправится [296]. Пока я меняла свою рубашку, поскольку вся она была залита кровью, господин де Нансей рассказал мне, что произошло, и уверил, что король мой муж находится в покоях короля [Карла] и ему ничего не угрожает. Меня переодели в платье для ночного выхода, и в сопровождении капитана я поспешила в покои своей сестры мадам Лотарингской, куда вошла скорее мертвая, чем живая. Из прихожей, все двери которой были распахнуты, [сюда] вбежал дворянин по имени Бурс [297], спасаясь от гвардейцев, идущих по пятам, и пал под ударом алебарды в трех шагах от меня. Отшатнувшись в сторону и почти без чувств, я оказалась в

руках господина де Нансея, решив, что этот удар пронзит нас обоих. Немного придя в себя, я вошла в малую комнату моей сестры, где она почивала, и когда я там находилась, господин де Миоссан, **[51]** первый камер-юнкер короля [298], моего мужа, и Арманьяк, его первый камердинер [299], пришли ко мне умолять спасти их жизни. Тогда я отправилась к королю и бросилась в ноги ему и королеве-матери, прося их об этой милости, каковую они в конце концов оказали.

Пять или шесть дней спустя те, кто затеял это деяние, поняли, что не достигли своей главной цели (а таковой были не столько гугеноты, сколько [гугенотские] принцы крови [300]), и, поддерживая раздражение по поводу того, что король мой муж и принц де Конде (младший) были оставлены [в живых], а также понимая, что никто не может посягать на короля Наваррского, поскольку он – мой муж, они начали плести новую сеть. Королеву мою мать стали убеждать в том, что мне нужно развестись. Я узнала об этом уже во время Пасхальных праздников [301], на одной из церемоний утреннего пробуждения королевы-матери. Она взяла с меня клятву что я скажу правду, и потребовала ответа, исполнял ли король мой муж свой супружеский долг, и если нет, то это повод для расторжения брака. Я стала ее уверять, что не понимаю, о чем она меня спрашивает. Могла ли я тогда говорить правдиво, как та римлянка, на которую разгневался ее муж за то, что она его не предупредила о его дурном дыхании, и ответившая, что была уверена в том, что у всех мужчин пахнет так же, потому что кроме него ни с кем не была близка... [302] Но как бы то ни было, поскольку она [королева-мать] выдала меня замуж, в этом положении я и хотела бы оставаться, сильно подозревая, что в желании нас разлучить с мужем заложена злая уловка. **[52]**

[Пропуск в рукописи]

1573

Мы сопровождали короля Польши до Бламона [303]. За несколько месяцев до своего отъезда из Франции он попытался всеми путями заставить забыть меня дурные примеры его неблагодарности и возобновить наши дружеские отношения в той мере, в какой они существовали когда-то, обязывая меня дать соответствующие клятвы и обещания с именем Бога на устах [304]. Его отъезд в Польшу и болезнь короля Карла, возникшая почти в то же время, всколыхнули горячие головы обеих партий королевства, начавших строить различные планы [305]. Гугеноты, в стремлении отомстить за смерть адмирала, заставили в письменной форме короля моего мужа и моего брата герцога Алансонского присоединиться к ним [306]. Незадолго до **[53]** дня Святого Варфоломея мой брат герцог Алансонский был воодушевлен ими надеждой на воцарение во Фландрии [307]. Обоих принцев склоняли бежать в Шампань, пока король и королева моя мать возвращаются во Францию, с тем, чтобы присоединиться к ожидающим их там отрядам [308]. Господин де Миоссан, католический дворянин из свиты моего мужа, обязанный мне жизнью, узнав об этих планах, пагубных для короля, его господина, упредил меня обо всем с целью помешать дурным последствиям, которые обрушатся как на них самих, так и на государство. Я сразу же отправилась к королю и королеве моей матери и сообщила им, что собираюсь рассказать о деле особой важности, но смогу это сделать лишь после того, как они мне пообещают, что никто из названных мною персон не понесет наказания, и, принимая надлежащие меры, они [король и королева] будут действовать так, как будто им ничего не известно. Тогда я рассказала, что мой брат и король мой муж утром намереваются бежать и соединиться с отрядами гугенотов, которые требуют их к себе по причине взятого ими обязательства, связанного со смертью адмирала, и что дело это простительно из-за их юного возраста, поэтому я умоляю их помиловать и помешать их отъезду, не показывая никакого виду. Они согласились со мной, и все было проделано с такой осторожностью, что король мой муж и мой брат не смогли узнать, откуда возникло это препятствие. Более возможности бежать у них не было [309]. **[54]**

1574

По прошествии времени мы прибыли в Сен-Жермен, где надолго задержались по причине болезни короля [310]. В этот момент мой брат герцог Алансонский прилагал всевозможные усилия и искал пути доставить мне удовольствие, рассчитывая на обретение такой же дружбы, которая связывала меня с королем Карлом. В связи с тем, что детство свое он провел почти вне двора, до недавних пор мы мало с ним виделись и не испытывали большой родственной привязанности. Наконец, убедившись, что он проявляет ко мне только услужливость, покорность и преданность, я решила, что буду любить его и принимать близко все его интересы, однако при том условии, что наша дружба не нанесет вреда моим обязательствам в отношении короля Карла, моего доброго брата, которого я почитала превыше всего. Герцог Алансонский продолжать благоволить ко мне, изъявляя добрые чувства, вплоть до своей кончины [311].

Все это время болезнь короля Карла усиливалась день ото дня, и гугеноты непрестанно получали об этом вести, продолжая вынашивать планы бегства от двора моего брата герцога Алансонского и короля моего мужа, и о которых на этот раз я ничего не знала [312]. Однако Богу было угодно, чтобы Ла Моль открыл заговор королеве моей матери незадолго до того момента, когда гугенотские **[55]** отряды должны были достигнуть Сен-Жермена [313]. Мы вынуждены были отбыть в два часа после полуночи, поместив короля Карла на носилки, и отправиться в Париж [314]. Королева моя мать пригласила в свою карету моего брата и короля моего мужа и обращалась с ними намного мягче, чем прежде. Когда король достиг Венсеннского леса, он запретил покидать Венсенн этим принцам, исполненный все возрастающей горечью от этого зла и новыми известиями, которые вселяли в него все большее недоверие и недовольство герцогом Алансонским и моим мужем [315]. Я уверена, что всему произошедшему весьма поспособствовали ухищрения тех, кто постоянно желал сокрушить наш дом [316].

Подозрения короля зашли так далеко, что господа маршалы де Монморанси и де Коссе были взяты под стражу и препровождены **[56]** в Венсеннский лес [317], а Ла Моль и граф де Коконнат расстались с жизнью [318]. Видя, что дела обстоят таким образом, было принято решение послать специальных уполномоченных Парижского парламента, чтобы выслушать объяснения моего брата и короля моего мужа. Рядом с моим

мужем не было никого, кто мог бы ему дать нужный совет, и он попросил меня письменно изложить, что ему надлежит ответить, причем так, чтобы сказанное не нанесло вред ни ему самому, ни кому другому. Господь помог мне составить документ таким образом, что он остался доволен, а уполномоченные удивились, насколько хорошо подготовлен ответ [319]. Видя, что после смерти Ла Моля и графа де Коконната мой брат и мой муж пребывают в опасении за свои жизни, я решилась, пользуясь своей близостью к королю Карлу, который любил меня более всех на свете, помочь их спасти и освободить, даже ценой своей судьбы. Так как я беспрепятственно покидала и возвращалась в замок, гвардейцы не могли ни досматривать мою карету, ни просить **[57]** приоткрыть маски сопровождавших меня дам, поэтому, переодетый в одну из моих фрейлин, кто-то из них двоих мог бежать таким путем. Дело в том, что они не могли это сделать вместе, поскольку охрана была повсюду, но достаточно было одному обрести свободу, чтобы гарантировать жизнь другому. Они, однако, никак не могли договориться, кто же из них должен занять место в карете, не желая более оставаться [в Венсенне], в результате чего мой замысел расстроился. Между тем, Господь избавил всех от опасности, но самым печальным для меня образом, ибо призвал к себе короля Карла – единственную надежду и поддержку в моей жизни, брата, который дарил мне только добро и который всегда защищал меня от преследований моего другого брата – герцога Анжуйского, как это было в Анжере, и оберегал, и давал совет. Одним словом, с его кончиной я потеряла все, что могла потерять [320].

После этой катастрофы, обернувшейся несчастьем для Франции и для меня, мы отправились в Лион встречать короля Польши, который по-прежнему находился под влиянием Ле Га, остававшегося источником злых дел [321]. Прислушиваясь к губительным наветам этого человека, которого он оставил во Франции представлять свои интересы, король Польши впал в крайнее негодование по поводу моего брата герцога Алансонского, считая подозрительным и нетерпимым его союз с королем моим мужем и полагая, что именно я явилась главным связующим звеном, поддерживающим их дружбу [322]. Он решил, что самый лучший способ их разлучить – поссорить нас всех посредством мадам де Сов, которую в то время **[58]** оба они обхаживали: с одной стороны, направив ее усилия на ухудшение моих отношений с мужем, а с другой – на поддержание большой ревности друг к другу у обоих принцев [323]. Этот отвратительный замысел, источник и причина стольких бед, трудностей и горя, от которых потом пострадал и мой брат, и я сама, был претворен в

жизнь с изрядной злобой, хитростью и умением, – так, как и было задумано [324].

Некоторые люди уверены, что Господь Бог особо покровительствует великим людям, чей разум отличен от других своим блеском, и посылает им для этого добрых гениев, упреждающих их о предстоящих событиях, плохих или хороших. Королеву мою мать определенно можно считать принадлежащей к их числу, и тому есть множество примеров. Так, в ночь перед злосчастным турниром ей приснилось, как она видит покойного короля, моего отца, раненного в глаз, что и произошло в действительности; пробудившись, она несколько раз умоляла его не принимать участия в поединке и удовольствоваться только зрелищем состязания [325]. Но неотвратимое предзнаменование не позволило воспользоваться этим советом и даровать благо нашему королевству. Всякий раз, перед тем как потерять одного из своих детей, она видела [во сне] огромное пламя, и при этом внезапно вскрикивала: «Господи, сохрани моих детей!» Вскоре она получала печальное известие об утрате – то, что ей уже было предсказано.

Во время ее болезни в Меце, где она подхватила чумную лихорадку и покрылась язвами, впав в крайне тяжелое состояние [326] (случилось это по причине посещения ею женских монастырей, которых было много в этом городе и которые уже были к тому моменту поражены этой заразой), Бог чудесным образом спас ее, возвратив в прежнее состояние, в котором она так нуждалась (благодаря умению ее медика господина Кастелана, нового Эскулапа, **[59]** который тем самым представил доказательство своего великолепного искусства). Когда она находилась в беспамятстве (и вокруг ее ложа собрались король Карл, мой брат, моя сестра герцогиня Лотарингская и ее муж [327], многие чины Королевского совета, знатные дамы и принцессы, которые, оставаясь при ней, уже не питали надежду на ее исцеление), не приходя в себя, [вдруг] воскликнула, словно увидела перед собой битву при Жарнаке: «Смотрите, как они бегут! Мой сын одерживает победу! Ах, Боже мой, поднимите же моего сына, он – на земле! Смотрите, смотрите на эту шеренгу, принц де Конде мертв!» [328] Все присутствовавшие при этом верили, что она бредит и переживает, зная, что мой брат герцог Анжуйский в это время дает сражение. Однако когда следующей ночью господин де Лосс привез ей весть о победе как наиболее желанную вещь (за что рассчитывал получить вознаграждение), она ему сказала: «Вы напрасно меня разбудили ради этого. Мне все хорошо известно. Я уже видела сражение прошлой ночью» [329]. Тогда все поняли, что слова ее были не следствием болезни,

а особенным знаком, которым Господь отмечает известных и избранных людей. История сохранила для нас ряд подобных примеров, начиная с античных язычников, таких как призрак, явившийся Бруту [330], и многих иных, о чем я не собираюсь писать, поскольку моим **[60]** намерением является не украшение этих *Мемуаров,* а единственно правдивое повествование и скорое окончание моих воспоминаний с тем, чтобы Вы быстрее их получили.

Сама я не удостоилась таких божественных предзнаменований. Однако нельзя быть неблагодарной к милостям, дарованных мне Богом (я готова и способна посвятить всю свою жизнь, дабы воздавать за них Господу, и делать так, чтобы каждый восхвалял Его за чудесные проявления могущества, доброты и милосердия, которыми Ему угодно было удостоить меня), и я признаю, что всегда получала определенные знаки о событиях, зловещих или счастливых, в виде предупреждения, во время сна или как-то иначе. Это даже лучше выразить стихами: «Мой разум, как оракул, укажет на добро иль зло». Такое предупреждение мне было послано во время церемонии встречи короля Польши: королева моя мать вышла приветствовать его, и, когда они обнимались и обменивались соответствующими словами, несмотря на жаркое время года и давку, от которой все задыхались, меня охватил такой сильный озноб и столь заметная дрожь, что сопровождавший меня обратил на это внимание. Мне стоило больших усилий скрыть свое состояние, когда король, оставив королеву-мать, приблизился ко мне для приветствия [331].

Предупреждение это запало мне в сердце. Не прошло и нескольких дней, как король стал поддаваться ненавистному и недоброму влиянию, которое коварный Ле Га стал оказывать на него, настраивая против меня своими отчетами: он докладывал, что в его отсутствие, после кончины короля Карла, я приняла сторону партии моего брата герцога Алансонского и способствовала его сближению с королем моим мужем, посему, нужно всегда использовать любой повод, чтобы осуществить задуманное намерение – положить конец дружбе моего брата герцога Алансонского и короля моего мужа, одновременно поссорив меня с королем Наваррский и столкнув их обоих на почве ревности к их общей страсти – мадам де Сов. Однажды после завтрака королева моя мать удалилась в свой кабинет для составления нескольких важных депеш, а ее **[61]** дамы (герцогиня Неверская, Ваша кузина герцогиня де Рец, другие Ваши родственницы – м-ль де Бурдей [332] и м-ль де Сюржер [333]) спросили меня, не хочу ли я прогуляться по городу. М-ль де Монтиньи [334], племянница герцогини д'Юзес [335], предложила в

связи с этим посетить аббатство Сен-Пьер, где располагался очень красивый монастырь. Туда-то мы и решили отправиться. М-ль де Монтиньи упросила нас взять ее с собой, поскольку в монастыре жила ее тетка, а допускали в обитель только в свите знатных особ. Мы выделили ей место. Однако, когда мы садились в карету, уже довольно переполненную (поскольку нас самих было шесть дам, и к нам присоединились вдобавок мадам де Кюртон, моя гофмейстерина, никогда меня не покидавшая [336], и м-ль деТориньи [337]), господа Лианкур, первый **[62]** шталмейстер короля [338], и Камий [339], находившиеся поблизости, ухватились за дверцы нашего экипажа. Во время движения они держались за них, как могли, и смеялись в шутовской манере, говоря, что также хотят взглянуть на хорошеньких монашенок. То, что мы находились в компании м-ль де Монтиньи, которая никогда не входила в наш круг, и этих двух мужчин – доверенных короля, стало, как мне кажется, Провидением Господним, оградившим меня от наветов, которые могли быть возведены.

Мы отправились в этот монастырь, и моя карета, которую легко было узнать по желтому бархату, отделанному серебром, нас ожидала на площади, где находились жилища многих дворян. В то время, как мы пребывали в аббатстве Сен-Пьер, король в сопровождении только короля Наваррского, г-на д'О [340] и толстяка Рюффе [341] отправился навестить больного Кейлюса [342], и, проезжая через эту площадь и увидев мой пустой экипаж, он повернулся к королю моему мужу и произнес: «Смотрите, ведь это карета Вашей жены, а вот и дом Биде» (таково было прозвище дворянина, позже большого друга Вашей кузины, также находящегося дома из-за болезни) [343]. Он приказал тогда толстяку Рюффе, который наиболее подходил для таких дел, будучи другом Ле Га, осмотреть помещение; никого не найдя в доме, но не желая, тем не менее, чтобы правда расстроила замысел короля, Рюффе громогласно **[63]** доложил ему в присутствии короля моего мужа: «Птички были там, но уже упорхнули». Этих слов было вполне достаточно, чтобы дать повод для обсуждения случившегося [на обратном пути] вплоть до покоев короля Наваррского, наводя его на соответствующие мысли о поводе для ревности и дурном обо мне мнении. Но мой муж, проявив в этом деле доброту и понимание, которые всегда были ему присущи, и ненавидя всем сердцем подобные интриги, легко рассудил, куда все клонится. Король поспешил вернуться [во дворец] ранее меня, чтобы упредить королеву-мать о своей уловке, побуждая ее нанести мне оскорбление. По моему возвращению все уже было с удовольствием подготовлено. Королева моя мать говорила обо мне даже со своими дамами,

причем с отчуждением в голосе, отчасти убеждая их, отчасти стараясь угодить своему сыну, которого превозносила.

Вернувшись и ничего не зная о произошедшем, я проследовала в свои апартаменты со всеми дамами, сопровождавшими меня в Сен-Пьер. Там я встретила короля моего мужа, который, увидев меня, сразу стал смеяться: «Идите к королеве Вашей матери и заверяю Вас, что найдете ее в изрядном гневе». На мой вопрос: «Отчего же, в чем причина?», он ответил: «Этого я Вам не скажу, но знайте, что я ничему не верю, и все это – попытки нас поссорить, Вас и меня, имеющие целью таким образом разрушить дружбу с Месье, Вашим братом [344]». Видя, что мне не добиться от него большего, я отправилась к королеве своей матери. Войдя в залу, я повстречалась с герцогом де Гизом, который, проявляя участие, вовсе не был огорчен раздорами, сотрясающими наш дом, весьма рассчитывая, что соберет обломки разбившегося корабля. Он сказал мне: «Я ожидал Вас здесь, чтобы упредить о том, что король приписывает Вам опасное милосердие». И тотчас передал мне все разговоры об этом деле, которые он узнал от г-на д'О. Последний, находясь в близкой дружбе с Вашей кузиной, сообщил обо всем Гизу, чтобы нас подготовить. Я проследовала в комнату королевы моей матери, где ее не оказалось. Там меня встретила герцогиня де Немур [345] и все другие принцессы и дамы; герцогиня **[64]** сказала мне: «Боже мой, Мадам, королева Ваша мать пребывает в таком великом на Вас гневе, что я не советовала бы Вам представать перед ней». «Нет, – ответила я, – если мне приписывают то, о чем поведал ей король, то я совершенно невиновна. Нужно, чтобы я ей рассказала обо всем и внесла ясность». Я вошла в ее кабинет, отделенный от комнаты только деревянной перегородкой таким образом, что можно было легко слышать всех говорящих. Как только она меня увидела, сразу начала метать молнии и говорить все то, что может выразить безмерный и крайний гнев. Я пыталась представить ей правдивое объяснение, что нас было десять или двенадцать человек, и умоляла их расспросить; если она не поверит моим подругам и фрейлинам, то можно выслушать м-ль де Монтиньи, которая мне малознакома, или Лианкура и Камия, зависящих только от короля. Она не слышала ни голоса правды, ни разума, не желая никаких иных свидетельств (находясь во власти этой ошибочной ситуации и желая угодить своему боготворимому сыну по причине своей преданности, долга, надежды и страха), и не переставала обвинять, кричать и угрожать. И когда я ей сказала, что это «милосердие» приписано мне королем, она пришла в еще большее неистовство, заставляя меня поверить, что ее собственный

камердинер видел меня в том месте. Но понимая, что ее довод слишком неуклюж и что я ей не верю, чувствуя себя бесконечно обиженной королем, она продолжала бушевать и ожесточаться. Все это было слышно в соседней с кабинетом комнате, переполненной придворными.

Я ушла из ее покоев, огорченная донельзя. В моей комнате меня ожидал король мой муж: «Ну что, случилось так, как я Вам говорил?» И, видя, как я удручена, добавил: «Не терзайтесь из-за этого, Лианкур и Камий будут присутствовать при церемонии отхода ко сну короля и расскажут ему о том, что он ошибся. Я уверен, что завтра королева Ваша мать поспешит сделать шаги к примирению». Я ответила ему: «Монсеньор, я получила тяжелое публичное оскорбление из-за клеветы и не намерена прощать тех, кто явился тому причиной. Хотя все эти обиды – ничто по сравнению с тем, что они хотели сделать, желая таким образом сотворить еще больше зло и поссорить нас с вами». Он ответил: «Вы правы, но, благодаря милости Божьей, все открылось». Я продолжала: «Да, Господь милостив, наделив Вас такой добротой. Но из этой ситуации мы должны извлечь для себя пользу. Произошедшее может послужить предупреждением для нас обоих, чтобы **[65]** быть готовыми ко всем ухищрениям, к которым король в состоянии прибегнуть, чтобы причинить нам несчастье. Надо полагать, если у него есть подобный замысел, он не остановится на этом и не прекратит своих попыток разрушить Вашу дружбу с моим братом». Вскоре пришел мой брат, и они дали друг другу новые клятвы, подкрепляющие их дружеские отношения. Но какая клятва имеет значение для любви?

На следующее утро один итальянский банкир, находящийся на службе у моего брата, пригласил его, а также короля Наваррского, меня и многих других принцесс и дам позавтракать в прекрасном саду, которым он владел в городе [346]. Я всегда соблюдала этикет в отношении королевы моей матери, и если сопровождала ее в поездках, будучи незамужней девушкой или замужней дамой, никуда не отправлялась, не уведомив ее об этом. Поэтому я рассчитывала, встретив ее в зале, когда она будет возвращаться с утренней мессы, испросить ее разрешение поехать на праздник. Королева публично отказала мне, сказав, что я могу отправляться, куда захочу, и что ей все равно. Насколько это оскорбление было воспринято мною с достоинством, я оставляю судить тем, кто, подобно Вам, знает мой нрав. В то время, пока мы находились в гостях, король, переговорив с Лианкуром и Камием, а также с м-ль де Монтиньи, узнал об ошибке, которую совершил из-за лукавства толстого Рюффе. В желании смягчить мое оскорбление, которое он так скоро выставил на всеобщее

обозрение, он нашел королеву мою мать, поведав ей правду, и попросил ее устроить все таким образом, чтобы я не осталась его врагом (чего он весьма опасался, поскольку видел, что я далеко не глупа), и как будто бы он и сам не знал, что я была оскорблена.

По возвращении с праздника пророчество короля моего мужа сбылось. Королева моя мать послала за мной и пригласила в свой кабинет, находящийся рядом с покоями короля, где она мне сказала, что узнала всю правду, и я действительно была с ней искренней, и не было всего того, о чем доложил ей камердинер, который оказался лжецом, за что и был выгнан. Понимая по моему виду, что меня не устраивает это объяснение, она приложила все усилия, чтобы изменить мое мнение о том, что именно король приписал мне это «милосердие». Видя, что у нее ничего не выходит, в кабинет вошел король, который принес мне массу извинений, говоря, что его заставили во все поверить, проявляя **[66]** ко мне всевозможные знаки дружеского внимания, какие только можно представить.

Пробыв еще какое-то время в Лионе, мы двинулись в Авиньон [347]. Ле Га, не решаясь больше идти на подобный обман и видя, что своими поступками я не даю никакого повода к ревности, дабы посеять зло между мной и королем моим мужем и расстроить дружбу последнего с моим братом, начал использовать иной способ. Таковым стала мадам де Сов, которую он завоевал настолько, что полностью подчинил ее себе, заставляя выполнять поручения не менее пагубные, чем те, что исходили от Целестины [348]. Спустя немного времени она вызвала такие чувства у моего брата и моего мужа, до тех пор равнодушных и спокойных, что в своей страсти, как это случается с молодыми людьми, они забыли обо всех своих амбициях, долге и замыслах и не могли думать ни о чем другом, кроме любви к этой женщине. Из-за нее они прониклись друг к другу огромной и пылкой ревностью, и хотя мадам де Сов также была в связи с герцогом де Гизом, Ле Га, г-ном де Сувре [349] и многими другими дворянами, которые были более любимы ею, чем эти двое, и которые не боялись ревности ни того, ни другого, мой брат и мой муж не обращали на это внимания! [350] Эта женщина, чтобы лучше сыграть свою роль, убедила короля моего мужа, что я ревную его к ней и по этой причине поддерживаю моего брата! Мы так легко верим тому, что нам говорят люди, которые нас любят... Мой муж поддался на эти слова, отдалился от меня и стал более скрытен, чем кто-либо иной, – то, что ему до тех пор было не свойственно. Какая бы фантазия ни занимала его, он всегда говорил обо всем со мной так же свободно, как с сестрой,

хорошо зная, что я не питаю никакой ревности, желая ему только добра.

Я видела, что событие, которого я опасалась более всего, произошло, и я лишена доброго отношения мужа по причине потери **[67]** искренности, которая всегда была между нами, а недоверие всегда разрушает близкие отношения и является первопричиной ненависти (как между родственниками, так и друзьями). Я понимала к тому же, что если мне удастся отвлечь моего брата от внимания к мадам де Сов, я уберу основание для козней, которые плел Ле Га с целью разлучить и погубить нас. В отношении моего брата я использовала все средства, какие возможно, чтобы привести его в чувство, но моими усилиями воспользовался тот, чья душа не была очарована любовью и хитростью столь ловких людей. Мой брат, который во всех делах доверял только мне, так и не смог пересилить себя ради собственного и моего спасения – настолько сильны оказались чары этой Цирцеи [351], усиленные дьявольским разумом Ле Га. Вместо того чтобы извлечь пользу из моих слов, он передал все этой женщине. Что можно скрыть от того, кого любишь? Она ополчилась против меня и с большим рвением стала воплощать замысел Ле Га: желая отомстить, постоянно настраивала против меня короля моего мужа, чтобы он возненавидел меня и игнорировал. В результате он почти перестал со мной разговаривать. Он возвращался от нее довольно поздно, и, чтобы не видеть меня, по ее совету стал регулярно присутствовать при церемонии пробуждения королевы-матери, где была и сама мадам де Сов, будучи ее гофмейстериной; и позже, в течение всего дня проводил время только с ней. Мой брат прилагал не меньше усилий, добиваясь ее благосклонности, и она каждому из них давала понять, что именно он наиболее любим ею. Это нисколько не уменьшало их соперничества и разногласий, что свело на нет мои усилия.

1575

После долгой остановки в Авиньоне мы совершили большое путешествие через Бургундию и Шампань в Реймс, где произошло бракосочетание короля, и вернулись в Париж [352]. События там **[68]** развивались следующим образом. Замысел Ле Га, воплощенный известными путями, привел к нашему разрыву и краху. Будучи в Париже, мой брат приблизил к себе Бюсси, проявляя к нему такое уважение, которое тот заслуживал по праву [353]. Он постоянно сопровождал моего брата и, стало быть, меня, поскольку с братом мы почти не разлучались. Брат приказал всем своим дворянам почитать меня и добиваться моего расположения не меньше, чем своего собственного. Все благородные мужи его свиты исполняли это приятное приказание с таким рвением, что служили мне не меньше, чем ему. Ваша тетка [354], видя это, говорила мне часто, что такой прекрасный союз брата и сестры заставляет ее вспомнить времена герцога Орлеанского, моего дяди [355], и герцогини Савойской, моей тети [356].

Ле Га, которого распирало от самодовольства, дал этому обратную интерпретацию, полагая, что Фортуна предоставляет ему прекрасный случай самым скорым образом достичь своей цели. Посредством мадам де Сов, вошедшей в совершенное доверие к королю моему мужу, он попытался внушить ему всеми силами, что Бюсси оказывает мне знаки особого внимания. Но видя, что он ничего не добился, поскольку придворные моего мужа **[69]** постоянно окружали меня и не видели в моем поведении ничего предосудительного, Ле Га обратился к королю, убедить которого можно было много легче. Отчасти потому, что король не жаловал особо ни нашего брата, ни меня, а дружба наша казалась ему вообще подозрительной и вызывающей, отчасти по причине ненависти к Бюсси, который прежде служил ему, а затем покинул, посвятив себя моему младшему брату, и одновременно – зависти его врагов, поскольку это столетие не знало лучшего мужчину и дворянина, наделенного такими достоинствами, авторитетом, привлекательностью и умом. Про него говорили, что если верить в переселение душ, о чем рассуждают некоторые философы, то без сомнения, душа г-на д'Арделе, Вашего храброго брата [357], вселилась в его тело. С подачи Ле Га король с радостью рассказал обо всем королеве-матери, побуждая ее поговорить на эту тему с королем моим мужем, чтобы вызвать у него такую же досаду, которую он

испытал в Лионе. Однако она, не видя к тому оснований, отказалась это делать, сказав ему: «Я не знаю зачинщиков, которые сочиняют и сообщают Вам эти фантазии. Моя дочь уже несчастна тем, что родилась в этом веке. Во времена моей молодости мы свободно говорили обо всем на свете, и все благородные господа из окружения короля Вашего отца, господина дофина [358] и герцога Орлеанского, Ваших дядей, в порядке вещей посещали покои мадам Маргариты, Вашей тетки, и мои собственные. Никто не находил это странным, поскольку в этом ничего странного и не было [359]. Бюсси встречается с моей дочерью в Вашем присутствии, присутствии ее мужа у себя в покоях, она находится на виду у придворных короля Наваррского и всех прочих лиц двора; это не происходит втайне или при закрытых дверях. Бюсси – весьма знатный дворянин и первый – в окружении Вашего брата. О чем тут можно думать? Или Вам известно что-либо еще? По навету **[70]** в Лионе Вы заставили меня нанести ей такое большое оскорбление, которое, весьма опасаюсь, она не забудет всю свою жизнь». Король, будучи удивленным, ответил ей: «Но Мадам, я говорю об этом уже со слов других». Она вопросила: «И кто эти другие, сын мой? Те, кто желают заставить Вас поссориться со всеми Вашими родными?» На этом они расстались, и королева-мать пересказала мне этот разговор, добавив: «Вы родились в недостойное время». Затем, призвав Вашу тетку мадам де Дампьер, она принялась вспоминать с ней о добродетельной свободе и удовольствиях, которыми они наслаждались в прошлые времена, не будучи зависимыми, как мы, от грязных сплетен.

Ле Га, видя, что его секрет раскрыт и не вызвал того огня, на который он рассчитывал, обратился тогда к некоторым дворянам из окружения короля моего мужа, которые были товарищами Бюсси по прежней службе и роду деятельности и которые особенно не любили его из зависти к его продвижению и к его славе. Все они, объединившись на почве завистливой злобы и в желании своим рвением оказать «добрую» услугу своему господину, или же, выражаясь точнее, скрыв под этим предлогом зависть, решили однажды вечером, когда в поздний час Бюсси покидал спальню герцога Алансонского и направлялся к себе домой, убить его. Так как благородные господа из свиты моего брата, как правило, сопровождали его, [заговорщики] знали, что встретятся как минимум с 15-20 дворянами, как и то, что Бюсси был ранен в правую руку (за несколько дней до этого он сражался с Сен-Фалем [360]) и не мог держать шпагу, но что одного его присутствия будет достаточно **[71]** для удвоения храбрости тех, кто его окружает. Опасаясь этого и желая быть уверенными в

успехе дела, они решили напасть на него с двумястами или тремястами людьми под покровом ночи, чтобы скрыть позор убийства.

Ле Га, который командовал полком гвардейцев, предоставил им солдат. Они разделились на пять или шесть отрядов и расположились на улице, самой близкой к дому Бюсси, по которой он должен был пройти, зарядив оружие и погасив факелы и фонари. После залпа из аркебуз и пистолетов, которого хватило бы для уничтожения целого полка, не то что группы людей из 15-20 человек, они схватились с отрядом Бюсси, стараясь особенно в ночной темноте не упустить его отличительный знак – перевязь сизого цвета, поддерживавшую его раненую правую руку, – то, что было очень кстати для нападавших и придавало им сил! Но, тем не менее, маленький отряд достойных людей, бывший с Бюсси, не потерял присутствия духа от неожиданного столкновения, и ночной страх не лишил их сердца и рассудительности. В ответ они явили только доказательство благородства и преданности в отношении своего друга, которого силой оружия довели до его дома, потеряв при этом только одного дворянина из их отряда. Это дворянин воспитывался вместе с Бюсси, и, будучи также ранен в руку незадолго до этого, носил перевязь похожего цвета (их перевязи, однако, сильно отличались, ибо у этого дворянина она не была так богато украшена, как у Бюсси [361]). Тем не менее, ночная мгла способствовала тому, что исступление и злоба этого отряда убийц, имеющих приказ поразить человека с сизой перевязью, была направлена на этого бедного дворянина, которого они приняли за Бюсси, и которого оставили умирать на улице.

Один итальянский дворянин из свиты моего брата, также раненный в стычке, охваченный испытанным ужасом и весь окровавленный, бросился в Лувр и добрался до покоев моего брата, который почивал, крича, что Бюсси убивают. Мой брат сразу же пожелал отправиться туда. На мое счастье, я еще не спала, и так как моя комната примыкала к покоям брата, то, подобно ему, я услышала, как кто-то ужасным голосом выкрикивает с лестницы эту тягостную новость. Я сразу же проследовала в апартаменты брата, чтобы помешать ему уйти, и послала за королевой нашей матерью, умоляя ее прийти к нам, чтобы остановить его. Я прекрасно знала, **[72]** что во всех других ситуациях он охотно пошел бы мне навстречу, но в этом случае сильная боль, которую он испытал, настолько вывела его из себя, что без размышлений он бросился бы навстречу всем опасностям, дабы осуществить возмездие. С огромным трудом мы удержали его. Королева моя мать представила ему, что нет никакой

надобности отправляться туда ночью и в одиночку, поскольку темнота скроет всякое злодейство, и что Ле Га, возможно, настолько коварен, что затеял это дело специально, с целью заставить его покинуть [Лувр] и вовлечь в какую-нибудь неприятность. Мой брат пребывал в таком отчаянии, что эти слова не возымели большой силы. Но королева, используя свою власть, запретила ему покидать покои и приказала привратной страже никого не выпускать, желая оставаться с ним до тех пор, пока не выяснится правда.

Бюсси, которого Господь оберег чудесным образом от этой опасности, происшествие, казалось, не взволновало. Его душа не была чувствительна к страху, и рожден он был, чтобы наводить ужас на своих врагов, приносить славу своему господину и быть надеждой своих друзей. По возвращении в свой дом он внезапно подумал о беспокойстве, в котором пребывает его господин, если новость об этой стычке дошла до него в недостоверном виде. В опасении, что герцог Алансонский может попасть в сети своих врагов, что, несомненно, и случилось бы, если бы королева моя мать его не удержала, он срочно отправил [в Лувр] одного из своих людей, который и рассказал моему брату всю правду о произошедшем. Как только наступил день, Бюсси, не опасаясь своих врагов, отправился в Лувр с таким храбрым и счастливым видом, словно это покушение было турниром для удовольствия. Брат мой, обрадовавшийся встрече с ним, но вместе с тем раздосадованный и полный жажды мести, особенно переживал, рассматривая все как свое собственное оскорбление, поскольку его хотели лишить самого благородного и самого храброго слуги, которого только мог иметь принц, прекрасно осознавая, что Ле Га напал на Бюсси, поскольку не осмелился бы тронуть его самого.

Королева моя мать, самая осторожная и благоразумная государыня, каких больше не было, понимала, кто является источником этих событий, и, предвидя, что они способны поссорить обоих ее сыновей, посоветовала моему брату, герцогу Алансонскому, используя любой предлог, на время удалить Бюсси от двора. На что мой брат дал согласие, поскольку и я умоляла его сделать это, предвидя также, если Бюсси останется, Ле Га всегда использует **[73]** его в своей игре и посредством лжи осуществит свой опасный замысел, заключающийся в поддержании ссоры моего брата и моего мужа, в чем названный Ле Га уже преуспел прежде. Бюсси, выполнявший любую волю своего господина, отбыл в сопровождении самого лучшего дворянства двора, служившего моему брату.

Где-то в это же время однажды ночью я увидела, что король мой муж почувствовал огромную слабость, из-за чего в течение

часа находился без сознания (что являлось следствием, и я уверена в этом, его активных отношений с женщинами, ибо я не нашла иных объяснений). Во время болезни я прислуживала и ухаживала за ним, как велел мне мой долг (в результате он остался так доволен мной, что всем расхваливал меня, говоря, что если бы я не заметила его слабость и быстро не позвала на помощь своих дам и его свитских людей, он бы умер). По этой причине я стала ему много дороже, и, наконец, его дружба с моим братом вновь возобновилась. Оба они всегда ценили то, что я была причиной их добрых отношений, подобно тому, что мы видим во всех природных вещах, особенно у расчлененных змей, когда некий естественный эликсир соединяет и сращивает их разделенные части.

Удаление Бюсси никак не повлияло на Ле Га, который продолжал с упорством вынашивать свой первоначальный и опасный план, изыскивая какой-нибудь новый способ разлучить меня и короля моего мужа. Он внушил королю [Франции], который незадолго до этого (по наущению все того же Ле Га) удалил из окружения королевы, своей венценосной супруги, очень доброй и добродетельной государыни [362], ее одну фрейлину – м-ль де Шанжи (которую королева особенно любила и с которой вместе росла) [363], чтобы он **[74]** обязал короля моего мужа проделать то же самое в отношении моей самой любимой фрейлины – м-ль де Ториньи – под надуманным предлогом, что де не стоит оставлять при молодых королевах девушек, с которыми их связывает столь нежная дружба.

Король, склонившись на сторону этого дурного человека, несколько раз говорил на эту тему с моим мужем, который отвечал ему, что он хорошо знает, какое крайнее неудовольствие я испытаю: так как я привязана к Ториньи, значит, у меня есть к тому основания. Кроме того, что она воспитывалась вместе с моей сестрой – королевой Испании [364] и была подругой моего детства, м-ль де Ториньи отличается большой рассудительностью и в особенности оказала ему важные услуги во время его заключения в Венсеннском лесу. Он проявил бы неблагодарность, если бы забыл об этом. Наконец, прежде он видел, что и Его Величество был весьма к ней благосклонен. Не единожды мой муж защищался такими объяснениями. Ле Га, упорно продолжая настраивать короля, через него [однажды] довел до сведения короля моего мужа, что король перестанет его любить, если наутро он не прикажет мне удалить Ториньи. Мой муж был вынужден согласиться, как он мне признался позже, с большим сожалением, попросив меня отослать мою фрейлину [365].

Мне стало так горько, что я не смогла удержаться от слез,

когда объясняла ему, какое неудовольствие мне доставит эта ситуация, показывая, что сильно удручена не столько приказом удалить от двора даму, которая с моих детских лет всегда верно служила мне, и каждому известно, как я ее любила, сколько опасением, что ее отъезд приведет к ущербу моей репутации. Мой муж не смог принять мои доводы, поскольку пообещал королю причинить мне это неудовольствие, иТориньи уехала в тот же **[75]** день, отправившись к одному своему кузену – г-ну де Шастела [366]. Я чувствовала себя настолько оскорбленной таким недостойным поведением, впрочем, как и всеми предшествующими событиями, что, не в силах сопротивляться правому горю, которое я переживала (и которое лишило меня осторожности, погрузив в печаль), я перестала заставлять себя искать общества моего мужа. Таким образом, усилия Ле Га и мадам де Сов, с одной стороны, делали его безразличным ко мне, с другой – я сама отдалилась от мужа: мы больше не спали вместе и перестали разговаривать.

Несколько дней спустя добрые советники короля моего мужа дали ему понять, что существует злобный замысел, который ведет его к краху (поссорив его с моим младшим братом и со мной, его разделили с теми, на чью поддержку он должен полагаться, затем, чтобы после низвести его и не принимать во внимание, тем более что король уже не выказывал ему большого расположения и игнорировал). Эти советники заставили его поговорить с моим братом, положение которого после отъезда Бюсси не изменилось в лучшую сторону, ибо Ле Га постоянно чинил ему новые оскорбления. Оба они знали, что пребывают в равном положении при дворе, удаленные от фавора, и что Ле Га единственно заправляет всем, а они вынуждены просить его передавать их просьбы королю. И если они чего-либо просят, то им отказывают с презрением; если кто-либо появляется в их окружении, то вскоре оказывается в опале и подвергается тысячам испытаний, которые [тем самым] навлекает на себя. Поэтому, видя, что их ссора ведет к падению обоих, они решили объединиться вновь и покинуть двор, дабы, окружив себя друзьями и слугами, потребовать от короля достойного положения и обращения, в соответствии с их рангом. Мой брат до сих пор не имел собственного апанажа [367] и довольствовался единственно некоторыми пенсионами, плохо выплачиваемыми, которые он получал тогда, когда это было угодно Ле Га. Что касается короля **[76]** моего мужа, то он не играл никакой роли в своем губернаторстве в Гиени, не имея даже разрешения для поездки туда, равно как и в свои собственные владения [368].

Они приняли решение о союзе, и мой брат рассказал мне об

этом, говоря, что они снова дружны и ему хотелось бы, чтобы мы с королем моим мужем также были бы вместе, упрашивая меня забыть все, что случилось в прошлом; что король мой муж говорил ему, в какой крайней печали он пребывает, хорошо зная, как наши враги обвели нас вокруг пальца, но что он готов любить меня и доставлять мне только радость. Он просит меня, с моей стороны, также любить его и помогать ему в делах во время его отсутствия (к тому времени они уже условились, что мой брат бежит [из Лувра] первым, спрятавшись по возможности в карете, а несколькими днями спустя за ним последует король мой муж, притворившись, что отправляется на охоту), весьма сожалея, что они не смогут взять меня с собой, но вместе с тем заверяя, что своим бегством и не смеют думать о причинении мне неудовольствия. Уже вскоре они сделают понятным всем, что их намерение – не поднимать мятеж во Франции, а единственно добиваться для себя положения, достойного их ранга, и обеспечения личной безопасности. Ибо, находясь во враждебной среде, они постоянно опасались за свою жизнь, то ли действительно подвергаясь опасности, то ли благодаря тем, кто желал поссорить и обрушить наш дом во имя своих интересов, пребывая в тревоге по причине регулярных предупреждений, которые они получали [369].

Тем же вечером, незадолго до королевского ужина, мой брат сменил верхнюю одежду и, запахнувшись по самый нос, покинул [Лувр] никем не узнанный, в сопровождении одного из своих **[77]** людей. Пешком он добрался до городских ворот Сент-Оноре, где его ожидал Симье [370], одолживший на время карету одной дамы. В этой карете герцог Алансонский доехал до приготовленного дома в четверти лье от Парижа. Там его уже ждали лошади, на которых он проделал путь еще в несколько лье, чтобы встретиться с двумя-или тремястами всадниками из числа своих сторонников, ожидавших его в условленном месте. Его исчезновение заметили только к девяти часам вечера. Король и королева моя мать спросили меня, почему он не появился на ужине и не болен ли он. Я им ответила, что не видела брата с послеобеденного времени. Они послали в его апартаменты посмотреть, чем он занят, но получили ответ, что там никого нет. Тогда отдали приказ поискать его в комнатах придворных дам, которых он обычно посещал. Потом начали осматривать весь замок, искали также и в городе, но никого не нашли. Тотчас все было поднято по тревоге. Король пришел в крайнюю ярость, гневался, угрожал, послал за всеми принцами и сеньорами двора, приказывая им сесть на лошадей и привезти герцога Алансонского живым или мертвым. Он говорил, что его брат

бежал с целью поколебать его королевство и развязать войну и что герцог впал в безумство, если намеревается бросить вызов ему, столь могущественному королю. Многие из этих принцев и сеньоров отказались выполнять такое поручение, демонстрируя королю, что речь идет не простом бегстве и что они готовы отдать свои жизни, служа королю, ибо так им велит их долг, но они хорошо знают, что выступление против Месье, королевского брата, им не простит впоследствии и сам король. Они выражали уверенность, что мой брат не предпримет ничего, что может вызвать неудовольствие Его Величества или нанести вред государству, и что, возможно, существует явная причина, вынудившая герцога Алансонского покинуть двор; также им кажется, что перед тем, как принять решение по всей строгости, король должен послать кого-либо к герцогу, дабы узнать обстоятельства, заставившие его уехать. Иные же сеньоры выразили готовность следовать королевскому **[78]** приказу и седлать лошадей [371]. Они смогли осуществить свое рвение только под утро и, соответственно, уже не нашли моего брата, посему вынуждены были вернуться, чтобы не создавать видимость подготовки к войне [372].

После бегства герцога Алансонского король не стал более доброжелательным в отношении короля моего мужа, проявляя к нему свое обычное невнимание и делая это в присущей ему манере. Это позволило моему мужу немногим позже также бежать под предлогом отправки на охоту. Что касается меня, то после отъезда брата я проплакала всю ночь; наутро мои волнения вызвали столь сильный насморк и так отразились на моем лице, что я слегла с серьезной лихорадкой и была вынуждена несколько дней провести в кровати, одолеваемая болезнью и грустными мыслями. Во время этой болезни король мой муж был столь занят подготовкой к своему бегству в желании как можно скорее покинуть двор, что не доставил мне удовольствия посетить мои **[79]** апартаменты, зато все немногое оставшееся до своего отъезда время проводил, наслаждаясь обществом своей любовницы мадам де Сов. Он возвращался от нее обычно между часом и двумя ночи, ложась в свою кровать, поскольку мы спали раздельно. Я не слышала, как он входил, а когда просыпалась утром, его уже не было, потому что он присутствовал на церемонии пробуждения королевы моей матери, где была и мадам де Сов, о чем я уже говорила. Мой муж и не вспомнил о том, что давал обещание моему брату поговорить со мной; он так и уехал, даже не простившись [373].

Я превратилась в подозреваемую, поскольку король посчитал меня единственной причиной его отъезда. Если бы не

вмешательство королевы моей матери, ярость и неудовольствие короля, направленные против меня, привели бы к какому-нибудь несчастью. Удерживаемый ею, не смея причинить мне большее зло, он, тем не менее, сказал королеве моей матери, что надлежит как минимум заключить меня под стражу с целью воспрепятствовать тому, чтобы я последовала за королем моим мужем, и заодно тем самым пресечь мои контакты с кем бы то ни было, поскольку я могу сообщать мужу и брату обо всем, что происходит при дворе. В желании смягчить ситуацию королева моя мать ответила ему, что находит правильным такое решение, довольная тем, что смогла унять первый приступ его гнева, но что она попытается убедить меня не считать ограничение моей свободы слишком жесткой мерой. Она говорила ему также, что все это ненадолго и у всей вещей на свете есть две стороны: первая – печальная и тревожная – оборачивается всегда второй – более приятной и безмятежной, и уже вскоре новые события потребуют иного решения. Тогда-то, вероятно, возникнет нужда воспользоваться моими услугами; и что осмотрительность советует нам относиться к нашим друзьям так, как к будущим врагам, и нельзя им доверяться до конца, поскольку близкие отношения могут прерваться и обернуться ненавистью, а отношения с врагами, наоборот, однажды станут дружескими [374].

Доводы королевы-матери помогли удержать короля от дальнейших действий в отношении меня, как бы он того ни хотел. Но Ле Га дал ему совет, как избавиться от переполнявшего его гнева. С целью доставить мне самое большое горе, какое только можно **[80]** представить, он неожиданно отправил своих людей к дому г-на де Шастела, кузена м-ль де Ториньи, где она жила, чтобы арестовать мою фрейлину якобы по требованию короля, а затем утопить ее в ближайшей реке [375]. По их прибытии Шастела спокойно впустил их в свой дом, ни о чем не догадываясь. Оказавшись внутри, они сразу стали применять силу, имея в виду губительный приказ, который им отдали, и действовали с наглостью и бестактностью. Схваченную Ториньи связали и заперли в одной из комнат. В ожидании, пока насытятся их лошади, ничего не опасаясь, как это водится у французов, они наелись и напились до отвала, используя все лучшие запасы, какие были в доме (Шастела, который был мудрым человеком, не печалился по поводу утраты своих благ, понимая, что тем самым можно выиграть время и оттянуть отъезд своей кузины. Он знал, *пока у человека есть время, есть и жизнь*, и надеялся, что Господь, быть может, смягчит сердце короля, который отзовет отсюда этих людей, чтобы не наносить ему [Шастела] столь сильное

оскорбление. Поэтому г-н де Шастела не осмеливался предпринимать что-либо против них, хотя для этого у него было достаточно друзей).

Господь Бог всегда видел грозящие мне опасности и поэтому оберегал меня от бед и несчастий, которые готовили мне мои враги, гораздо быстрее, чем я узнавала обо всем и молила защитить меня. Всевышний направил свою помощь м-ль де Ториньи, чтобы освободить ее из рук этих злодеев, и помощь эта заключалась в следующем. Несколько слуг и дворовых людей бежали из дома Шастела, испугавшись этих недостойных людей, которые крушили и ломали все вокруг, как во время грабежа. В четверти лье от дома им встретились, благодаря промыслу Божьему, г-да де Ла Ферте и Авантиньи [376] со своими отрядами (всего около двухсот всадников, направлявшихся под начало моего брата герцога Алансонского). Среди группы крестьян Ла Ферте увидел заплаканного мужчину из дома Шастела и спросил, в чем дело, не причинил ли кто из вооруженных людей им какое-нибудь зло? Слуга ответил, что нет, но причина его слез в том, что он оставил своего господина в крайне **[81]** печальном положении и что в доме захвачена кузина господина. Тотчас Ла Ферте и Аватиньи решили оказать мне добрую услугу и освободить Ториньи, восхваляя Творца за то, что представилась столь прекрасная возможность доказать мне свою преданность, которую они всегда изъявляли. Поспешив, они со своими отрядами прибыли к дому Шастела как раз в тот момент, когда люди Ле Га уже сажали Ториньи на лошадь с намерением везти ее к реке. Всадники ворвались во двор дома со шпагами, вынутыми из ножн, крича: «Остановитесь, палачи! Если причините ей какое-нибудь зло, то умрете!». Теснимые, негодяи стали спасаться бегством, бросив свою пленницу, охваченную радостью и одновременно застывшую от ужаса. Позже, вознеся молитвы Богу и поблагодарив всех за спасительную помощь, воспользовавшись каретой родственницы г-на де Шастела [377], Ториньи отбыла к моему брату в сопровождении своего названного кузена и эскорта благородных господ. Мой брат очень обрадовался, что теперь рядом с ним находится дама, которую я очень любила и которая будет напоминать ему обо мне. Ториньи оставалась при нем, пока ей угрожала опасность; ей оказывали такие знаки внимания и уважение, как будто она по-прежнему была со мной.

В то время как король отдавал распоряжение о принесении Ториньи в жертву своему гневу, королева моя мать, ничего не знавшая о его решении, однажды навестила меня в моей комнате. Несмотря на то что я еще не оправилась от своей болезни, страдая от охватившей меня тоски скорее душевно, чем телесно, в

этот день я решила покинуть свои апартаменты, чтобы узнать последние новости и быть в курсе того, о чем говорят при дворе. Я продолжала печалиться, догадываясь, что какие-то меры будут предприниматься против моего брата и короля моего мужа. Королева моя мать застала меня за утренним туалетом и сказала мне: «Дочь моя, прикажите поскорее одеть Вас. Я прошу Вас не сердиться на то, что я собираюсь Вам сказать. Вы достаточно умны для этого. Я не нахожу ничего странного в том, что король чувствует себя оскорбленным Вашим братом и Вашим мужем, и зная, что все вы дружны, он уверен, что Вам было заранее известно об их планах. Поэтому король принял решение сделать из Вас заложницу в противовес их поступкам. Он знает также, как Ваш муж любит Вас, и лучшего залога, чем Вы, ему не придумать. По этой причине он приказал приставить к Вам гвардейцев, чтобы **[82]** воспрепятствовать возможности Вам покидать Ваши покои. На королевском совете ему представили вместе с тем, что если Вы будете свободно находиться среди нас, то Вам откроется все, что будет говориться в отношении Вашего брата и Вашего мужа, и Вы их обо всем уведомите. Я лишь прошу Вас не искать в этом решении зла, ибо, Бог даст, положение вещей не продлится долго. Не сердитесь на меня за то, что не осмелюсь часто посещать Вас, так как не хочу вызывать подозрения у короля. Но уверяю Вас, что никогда не позволю, чтобы Вам доставляли какие-либо неприятности, и сделаю все возможное, что в моих силах, дабы примирить Ваших братьев». Я дала ей понять в ответ, какое огромное оскорбление наносит мне король, добавив: «Я не хочу отказываться от того, что мой брат всегда свободно говорил мне обо всех несправедливостях, творимых в отношении него. Что касается моего мужа, то после его решения удалить от меняТориньи мы более не разговаривали, а во время моей болезни он ни разу не навестил меня, равно как и не попрощался перед бегством». Она возразила мне: «Это – маленькие ссоры мужа и жены. Но хорошо известно, что своими сладкими письмами он может покорить Ваше сердце, и тогда Вам захочется уехать к нему, что Вы и сделаете. Но именно этого и не желает король мой сын» [378].

С этими словами она и ушла. Я пребывала взаперти несколько месяцев, и никто, даже самые близкие мои друзья, не осмеливались навещать меня, боясь впасть в немилость. При дворе в своем несчастье вы всегда одиноки, а в благоденствии – окружены толпой, и опала – это котел испытаний для настоящих и верных друзей. Только храбрый Грийон [379], презрев все опасности и возможную опалу, пять или шесть раз наносил мне визит, удивляя до крайности церберов, приставленных к дверям моих апартаментов. **[83]** Они не решались ни остановить его, ни сказать ему что-либо. Все то время, что я пребывала в Лувре, король мой муж находился в своих владениях в окружении слуг и друзей, которые указывали ему на ошибку, которую он совершил, уехав, не простившись со мной. Они говорили, что у меня достаточно рассудка, чтобы служить его интересам, и что ему следует меня вновь завоевать, поскольку от моей дружбы и присутствия при дворе можно извлечь много пользы, а когда все успокоится – забрать меня к себе. Короля Наваррского нетрудно было в этом убедить, так как он находился далеко от своей Цирцеи, мадам де Сов, чьи чары теряли свою силу на расстоянии. К нему вернулось ясное понимание, что происки наших врагов и наше с ним разобщение принесли ему вреда ничуть не меньше, чем мне. Он написал мне очень трогательное письмо, где просил меня забыть все, что случилось между нами, и заверял, что хочет доказать мне свою любовь более, чем когда бы то ни было. Он просил меня также сообщать ему о состоянии моих дел, моем положении, новостях от моего брата [герцога Алансонского], поскольку они были далеко друг от друга, объединенные, скорее, своими помыслами: мой брат находился на пути в Шампань, а король мой муж – в Гаскони. Я получила это письмо, будучи еще пленницей, и оно доставило мне значительное облегчение и принесло утешение. С этого времени я не упускала возможности часто писать ему письма, прибегая к изобретательности (дочери необходимости), хотя моим стражникам вменялось следить, чтобы я ничего не писала.

Несколько дней спустя после моего ареста мой брат узнал о моем заключении, которое весьма ожесточило его; и если бы не любовь к своему отечеству, настолько укорененная в его сердце, что он не отделял себя ни от государства, ни от его [государственных] интересов, он развязал бы безжалостную войну (а он был в состоянии это сделать, обладая к тому моменту

хорошей армией), бремя которой, по вине принца, населению пришлось взять на себя. Однако, сдерживаемый этим естественным чувством и исполненный долга, он написал королеве нашей матери, что если со мной продолжат обращаться подобным образом, он будет крайне раздосадован. Королева, в опасении, что не в силах найти путь к сохранению мира и предвидя горькие последствия этой войны, представила королю, насколько опасны для него военные действия, и убедила его принять ее доводы. Король тогда умерил свой гнев, понимая, в какой ситуации он окажется, если против него выступит одновременно король мой муж, при поддержке гугенотов, которые обладали прекрасными крепостями **[84]** в Гаскони, Дофине, Лангедоке и Пуату, и мой брат, у которого была большая армия в Шампани, состоящая из самых храбрых и отчаянных дворян Франции. После отбытия моего брата король никого не смог заставить ни мольбами, ни приказами и угрозами сесть на лошадь и отправиться [воевать] против него. Все принцы и сеньоры Франции справедливо опасались оказаться меж двух огней. Приняв во внимание эти обстоятельства, король изъявил готовность прислушаться к доводам королевы моей матери и, желая мира не меньше, чем она, попросил ее вмешаться в это дело и найти способ его урегулировать. Она тотчас решила отправиться к моему брату, представив королю, что есть необходимость взять и меня с собой. Но король не пожелал согласиться с ней, полагая, что я принесу больше пользы, будучи заложницей. Королева так и уехала без меня, ничего мне не сказав [380]. В свою очередь мой брат, увидев, что меня с ней нет, выразил ей справедливое неудовольствие, вспомнив об обидах и дурном обращении с ним при дворе, равно как об оскорблении, которое мне нанесли, сделав пленницей, о жестокостях, совершенных в отношенииТориньи, только чтобы досадить мне. Он добавил, что не желает слышать ни о каком мире, пока мое положение не изменится и пока я не получу удовлетворение и обрету свободу.

Королева моя мать с этим ответом возвратилась к королю [381] и передала ему слова брата. Если король желает мира, ей нужно вновь отправиться на переговоры, но если она поедет [к герцогу **[85]** Алансонскому] одна, без меня, то визит ее будет бесполезен и даже принесет еще большее зло. Наконец, я не могу сопровождать ее, предварительно не получив удовлетворения, иначе это может причинить вред всему делу, а особенно стоит опасаться того, что после моего приезда к брату я потребую отправить меня к мужу. Поэтому нужно освободить меня из-под стражи и заставить забыть все, что со мной

случилось. Король одобрил ее совет и выразил ей признательность. Вскоре она послала за мной, сказав, что сделает все, чтобы переговоры закончились миром, во благо государства; что ей известно о нашем желании с братом установить мир, столь похвальный для моего брата, равно как о том, что мы искали случай избавиться от тирании Ле Га (а также от всех других злопыхателей, оказывающих влияние на короля). Кроме того, если бы я приложила усилия к заключению доброго соглашения между королем и моим братом, то избавила бы ее от ужасного горя, которое нависло над ней смертельной опасностью, так как она не сможет пережить новость, когда один из ее сыновей одержит победу над другим. Она просила меня, чтобы я желала не скорой мести из-за оскорбления, которое мне нанесли, а только мира, [добавляя], что король опечален, и она видела, как он плачет; он готов принести мне такое удовлетворение, которым я останусь довольна. Я отвечала ей, что никогда не ставила свои собственные интересы выше интересов моих братьев и нашего государства, и ради их блага и покоя готова принести себя в жертву, поскольку больше всего желаю установления доброго мира, чему буду содействовать всеми своими силами.

В этот момент в кабинет вошел король, который постарался множеством прекрасных слов вернуть мое расположение, призывая меня к дружбе и видя, что моя манера держаться и мои слова ничем не напоминают о причиненном мне оскорблении. Я могла выражать только презрение к опасности, равно как и к мести, проводя время своего заключения за чтением, от которого получала удовольствие. И хотя этим занятием я увлеклась не столько по вине Фортуны, сколько в силу Божественного Провидения, с тех пор оно [чтение] стало для меня настоящим лекарством, облегчающим страдания, которые готовило мне будущее [382]. Читая **[86]** прекрасную всеобъемлющую книгу о чудесах Природы, творимых Создателем, для меня как будто открылся путь к благочестию, когда заново рождается душа, поднимаясь в своем познании до высшей ступени, на которой находится Бог, и, восторженная, наполняется счастьем от этого чудесного сияния и величия этой непостижимой сущности, совершая полный круг и думая только о том, чтобы следовать за цепью Гомера, этой приятной энциклопедией, которая, отправляясь от Бога, к Богу и возвращается, как началу и концу всего в мире [383]. И грусть, вопреки радости, уносящей от нас мысли о наших Деяниях, пробуждает саму нашу душу, которая собирает все свои силы, чтобы отбросить Зло в поиске Добра, думая снова и снова, без устали, как достичь этой благой вершины, где, конечно же, ее ожидает спокойствие. Только узнав

их [грусти и радости] прекрасные проявления, можно прийти к пониманию и любви Господа [384]. Во время своего первого заточения я обрела два блага – грусть и уединение, находя удовольствие в обучении и предаваясь благочестию, поскольку у меня никогда **[87]** не было возможности приобщиться к этому из-за суеты и щедрот моей счастливой судьбы [385].

Как я уже сказала, король, не видя ни малейшего проявления неудовольствия с моей стороны, сказал мне, что королева наша мать намеревается отправиться к моему брату в Шампань, чтобы заключить мир, и он просит меня сопровождать ее и приложить к этому все возможные усилия, поскольку знает, что мой брат доверяет мне более, чем кому бы то ни было. Если мы сможем добиться успеха, он окажет мне почести и будет весьма обязан. Я обещала ему, что сделаю все, что в моей власти (ибо действую во благо моего брата и нашего государства), и буду действовать так, чтобы он остался доволен.

Вместе с королевой моей матерью я отбыла в Санс на встречу, которая должна была состояться недалеко от этого города в доме одного дворянина. Мы приехали туда на следующий день. Мой брат уже находился в доме, прибыв в сопровождении своих отрядов, главных принцев и сеньоров своей армии, католиков и гугенотов. Среди них были герцог Казимир [386] и полковник Поне, под началом которых находилось шесть сотен рейтаров, присоединившихся к гугенотам и направленных к моему брату по просьбе моего мужа [387]. Условия мирного договора обсуждались несколько дней, поскольку статьи, касающиеся гугенотов, вызвали много споров. Исповедующие эту религию выдвинули условия, обеспечивавшие **[88]** им значительные преимущества, что ранее не оговаривалось, и настаивали на их исполнении [388]. Королева моя мать была вынуждена, единственно ради сохранения мира, просить отослать рейтаров и разлучить с ними моего брата (к чему у него не было ни малейшего желания, поскольку, всегда оставаясь ревностным католиком, он по причине одной только необходимости пользовался услугами гугенотов). В результате этого мира моему брату были обещаны земли в соответствии с его рангом [389]. Мой брат хотел, чтобы и я потребовала выделить мне удел из земель моего приданого. Господин де Бове [390], делегированный [на переговоры] своей партией, весьма настаивал в мою пользу. Однако королева моя мать упросила меня не разрешать им [поднимать этот вопрос], заверяя, что я получу от короля все, что пожелаю. Для меня это стало основанием просить их войти в мое положение, поскольку я предпочла бы получать милости от короля и королевы моей матери без давления извне, полагая, что так надежнее.

Когда мир был подписан [391], стороны обменялись взаимными уверениями, а королева моя мать делала приготовления к отъезду, я получила письма от короля моего мужа, в которых он выражал **[89]** большое желание видеть меня, умоляя, как только будет заключен мир, чтобы я испросила разрешение отправиться к нему. Я бросилась к королеве моей матери. Она не дала мне своего согласия и всеми возможными способами попыталась отвлечь от этой идеи, говоря, что после Варфоломеевской ночи я не приняла ее предложение расторгнуть наш брак, и тогда она похвалила меня за это, потому что мой муж принял католичество. Теперь же он отрекся от нашей веры и снова стал гугенотом, поэтому она не может мне позволить к нему уехать [392]. Но видя, что я продолжаю настаивать на ее позволении, она сказала со слезами на глазах, что если я не вернусь с ней [в Париж], то погублю ее, потому что король будет убежден, что она сама организовала мой отъезд, в то время как обещала ему, что привезет меня назад и сделает так, чтобы я оставалась [при дворе] до тех пор, пока не вернется мой брат. Когда это произойдет, она сразу же позволит мне уехать.

По возвращении в Париж [393] мы отправились к королю, который принял нас, довольный установленным миром, но вместе с тем нисколько не согласный с теми его условиями, которые давали преимущества гугенотам. Он решил, как только мой брат окажется при дворе, найти повод возобновить военные действия против названных гугенотов с тем, чтобы не позволить им воспользоваться миром, заключенным скрепя сердце под воздействием силы и единственно ради возвращения моего брата. Герцог Алансонский оставался на месте месяц или два, отдавая приказы об отзыве рейтаров и роспуске своей армии. После чего он прибыл ко двору вместе со всеми католическими дворянами своей свиты. Король встретил его с почестями, демонстрируя большое благорасположение и устроив праздничный обед, на котором присутствовал Бюсси. К этому **[90]** времени Ле Га был уже мертв [394], убитый по Божьему приговору, когда он принимал паровую ванну – словно тело его было наполнено всякими гадостями, которые способствовали язвам, от которых он страдал с давних пор, а его душа принадлежала демонам, которым он служил своей магией и всеми проявлениями злости. Это орудие ненависти и раздора ушло из жизни, и короля отныне занимала только идея сокрушить гугенотов. Желая столкнуть с ними моего брата, чтобы поссорить стороны, но опасаясь, что это станет причиной моего отъезда к королю моему мужу, король выказывал и мне, и брату всяческие знаки внимания и устраивал пиры, чтобы удержать нас при дворе. В это же самое время от короля

моего мужа прибыл господин де Дюра [395], чтобы сопровождать меня, и я начала твердо настаивать на позволении уехать. Видя, что уже нет оснований мне отказывать, король сказал (показывая, что дружеские чувства, которые он ко мне питает, и знание того, что я являюсь украшением его двора, не могут позволить, чтобы я отбыла так скоро, как того хочу), что желает сопроводить меня до Пуатье, и с этим заверением отправил господина де Дюра назад [396]. **[91]**

В ожидании отъезда из Парижа прошло несколько дней, а король по-прежнему тянул с моим разрешением, поскольку [в это время] совершались все приготовления, чтобы объявить войну (как и было задумано) гугенотам, а значит, и королю моему мужу. И чтобы найти предлог для войны, был распущен слух, что католики протестуют против выгодных условий, которые гугенотам были предоставлены по договору в Сансе. Этот шепот и недовольство католиков распространялись так быстро, что, в тайне от короля, они начали объединяться как при дворе, так и в провинциях и городах, вербуя новых сторонников и составляя списки, производя при этом много шума и демонстрируя желание избрать [своими вождями] господ Гизов [397]. Об этом говорили и при дворе, и везде – от Парижа до Блуа, где король созвал Генеральные Штаты [398]. Перед их открытием он пригласил в свой кабинет моего брата, королеву нашу мать и некоторых господ из своего Совета. Им он представил, какое значение для его авторитета и государства имеет Лига, создаваемая католиками. И так как последние намереваются выбрать себе руководителей из семьи Гизов, он считает, что во главе этого движения должны встать только он сам и мой брат, добавив, что у католиков есть основания для возмущения; его собственные убеждения и королевский долг заставляют его быть недовольным гугенотами более, чем единоверцами. Поэтому он просит и умоляет моего брата как сына Франции и доброго католика, каковым он является, дать ему помощь и совет в этом деле, от которого зависит судьба его короны и католической религии. Помимо этого, король сказал, что ему кажется, что он лично должен встать во главе Лиги, чтобы воспрепятствовать ее опасной деятельности, и одновременно показать всем, насколько он предан нашей религии; и дабы не допустить избрания других **[92]** руководителей, он первым поставит свою подпись [на документе о создании Лиги] как ее глава, затем бумагу подпишет мой брат, а также все принцы и сеньоры, губернаторы и иные должностные лица его королевства.

В такой ситуации мой брат мог только предложить королю свою помощь, которую он обязан оказывать Его Величеству, во

имя сохранения католической религии. Король, принимая уверения в поддержке от моего брата, что и было главной целью всей уловки с Лигой, тотчас пригласил к себе всех принцев и сеньоров двора, приказав принести список [членов] названной Лиги, и первым поставил свою подпись как ее глава. Затем подписи поставили мой брат и все остальные присутствующие лица.

На следующий день, когда открывались Генеральные Штаты, король принял во внимание доводы господ епископов Лионского, Амбренского и Вьеннского [399], а также иных прелатов, находившихся при дворе, которые убеждали его, что после клятвы, которую он дал во время своего помазания на царство, никакая иная клятва в отношении еретиков не имеет силы. Поэтому клятва при помазании освобождает его от всех обещаний, которые были сделаны этим еретикам. Указанные доводы король привел на открытии Генеральных Штатов, где и была объявлена война гугенотам [400]. Он послал за Жениссаком [401], гугенотом, прибывшим незадолго до этого от короля моего мужа, чтобы ускорить мой отъезд, и в выражениях, полных угроз и оскорблений, сказал ему, что отдавал свою сестру католику, а не гугеноту, и если король мой муж хочет, чтобы я к нему приехала, он должен изменить свою веру. **[93]**

1577

Вовсю уже шли приготовления к войне, и при дворе говорили только о ней. С тем, чтобы еще сильнее разобщить моего брата с протестантами, король назначил его командующим одной из своих армий. Жениссак нанес мне визит и рассказал, какой жесткий ответ он получил от короля. Это побудило меня тотчас же отправиться к королеве моей матери, где я застала и Его Величество. Я пожаловалась на то, что чувствую себя обманутой, поскольку мне чинят препятствия с отъездом к королю моему мужу и, используя хитрость, делают все, чтобы я осталась в Париже и не присоединилась к нему в Пуатье. Я представила, что меня выдали замуж против моего желания и воли, поскольку таково было решение и воля короля Карла, моего брата, королевы нашей матери и его [Генриха III] самого. Раз уж это случилось, никто не вправе помешать мне разделить судьбу моего супруга. Я намерена отправиться к нему; и если даже не получу на это разрешение, то уеду тайно – неважно, каким способом, пусть с риском для жизни. Король ответил: «Сестра моя, сейчас не время обсуждать Ваш отъезд. Я согласен со всем, что Вы говорите, потому что действительно оттягивал его с тем, чтобы в итоге Вам отказать. Ибо с тех пор как король Наварры вернулся в гугенотскую веру, я не считал возможным Ваше с ним воссоединение. Все, что мы делаем с королевой нашей матерью – только ради Вашего же блага. Я собираюсь начать войну с гугенотами и искоренить эту недостойную религию, которая принесла нам столько горя. Что касается Вас, которая является моей сестрой и католичкой, то, окажись Вы в их руках, сразу превратитесь в заложницу, и никак иначе. Кто знает, может, гугеноты в ответ на мои действия способны в своей мести посягнуть на Вашу жизнь, чтобы нанести мне непоправимое оскорбление? Нет, нет. Вы никуда не поедете. А если решитесь бежать, как Вы заявляете, то тем самым станете нашим крайним недругом, что повлечет за собой такие наши ответные действия, на которые мы только способны. Этим Вы скорее ухудшите, а не улучшите положение короля Вашего мужа».

Я вернулась к себе в большом неудовольствии от этой суровой отповеди, решив посоветоваться с самыми влиятельными придворными – моими друзьями и подругами. Они дали мне понять, что мое пребывание при дворе, который столь враждебно настроен против короля моего мужа и при котором открыто идут приготовления к войне, принесет мне несчастье. Друзья

советовали мне **[94]** на время военных действий покинуть двор и, по возможности, даже уехать за пределы королевства, найдя для этого какой-нибудь достойный предлог, например совершение паломничества или визит к кому-нибудь из родственников. Госпожа принцесса де Ла Рош-сюр-Йон [402], которая была среди приглашенных мной на совет, предложила отправиться вместе с ней на воды в Спа. Здесь же присутствовал и мой брат, который пришел в сопровождении Мондусе, посланника короля во Фландрии [403].

Последний, недавно вернувшийся [в Париж], рассказал королю, насколько фламандцы страдают от узурпации, которую, к сожалению, чинит им Испания, попирая законы Франции о владении и суверенитете над Фландрией [404] Многие сеньоры и городские общины просили его передать [королю], что сердцем они остаются французами и примут его власть с распростертыми объятиями. Видя, что король пренебрег этим известием, поскольку голова его была занята гугенотами, к которым он продолжал испытывать враждебность из-за того, что они помогли моему брату, Мондусе более не говорил с ним на эту тему и рассказал обо всем моему брату, который, как настоящий Пирр [405], любил участвовать только в делах великих и рискованных, рожденный скорее завоевывать, чем сохранять. Его сразу же захватила эта идея и тем более **[95]** пришлась ему по душе, когда он увидел, что это предприятие выглядит весьма справедливым, желая единственно возвратить Франции все то, что было отнято Испанией [406]. По этой причине Мондусе перешел на службу к моему брату и готовился вновь отправиться во Фландрию под предлогом сопровождения госпожи принцессы де Ла Рош-сюр-Йон на воды в Спа.

Видя, что каждый из собравшихся ищет какой-нибудь значимый предлог, чтобы помочь мне уехать из Франции на время войны, а среди прочего называли Савойю и Лотарингию, Сен-Клод и Нотр-Дам-де-Лоретт, Мондусе сказал тихим голосом моему брату: «Месье, если королева Наваррская скажется больной и нуждающейся в лечении в Спа, куда собирается госпожа принцесса де Ла Рош-сюр-Йон, они могут поехать вместе, что было бы очень кстати для Вашего предприятия во Фландрии, где королева может оказать Вам прекрасное содействие». Мой брат нашел этот совет очень хорошим и так ему обрадовался, что сразу воскликнул: «О королева, не ищите ничего более! Нужно, чтобы Вы отправились на воды в Спа вместе с госпожой принцессой. Я видел как-то на Вашей руке рожистое воспаление, и поскольку Вы говорили, что доктора уже предписывали Вам лечение на водах, но время года тогда было неблагоприятным, то сейчас – самый

подходящий для этого момент. Попросите же короля отпустить Вас туда».

Мой брат не сказал всего, чего хотел, потому что на этом совете находился также господин кардинал де Бурбон, который слыл гизаром [407] и настроенным происпански. Что касается меня, то, услышав эти слова, я сразу же догадалась, что речь идет о деле во Фландрии, о чем Мондусе прежде говорил нам обоим. Вся компания поддержала это предложение, а госпожа принцесса де Ла Рош-сюр-Йон, собиравшаяся туда, получила в результате огромное удовольствие, пообещав сопровождать меня. Она также изъявила **[96]** желание находиться рядом, когда я буду просить королеву мою мать одобрить мое намерение.

Наутро я нашла королеву в одиночестве и представила ей, как обидно и неприятно видеть мне, что король мой муж будет воевать против короля моего брата. Я хотела бы избежать всего этого, покинув двор на время ведения военных действий, что стало бы самым уместным и достойным решением. Если же я здесь останусь, то не смогу избежать одну из двух бед: либо король мой муж подумает, что я живу при дворе в свое удовольствие и не выполняю по отношению к нему своего долга, что обязана делать, либо король [Франции] начнет подозревать меня в том, что я регулярно передаю [какие-либо] сведения королю моему мужу. И то, и другое принесет мне много несчастий, поэтому я умоляю ее понять, что мой отъезд поможет избежать обеих бед. К тому же какое-то время назад доктора уже предписывали мне воды в Спа по причине рожистого воспаления на руке, которым я страдаю уже долгое время, а сезон для лечения сейчас самый подходящий. Мне кажется, если бы она согласилась с тем, что такой предлог весьма благовиден, дабы покинуть не только двор, но и Францию, а мой отъезд сделал бы понятным королю моему мужу, что я не могу присоединиться к нему по причине недоверия короля [Франции], но и не желаю пребывать в месте, где против него затевают войну, то, как я надеюсь, благодаря своей осторожности, она со временем устроила бы все дела таким образом, чтобы король мой муж заключил бы мир с королем и вернул бы себе ее милостивое расположение. Я же буду ждать этой счастливой новости, чтобы отправиться к королю моему мужу, после того как они [Генрих III и Екатерина Медичи] дадут мне на это разрешение. В моем путешествии на воды в Спа госпожа принцесса де Ла Рош-сюр-Йон, здесь присутствующая, окажет честь меня сопровождать.

Королева одобрила мое намерение, сказав, что весьма довольна тем, что я решила уехать, и [добавив], что дурной совет, который епископы дали королю – не соблюдать свои обещания и

разорвать все соглашения, которые она подписала от его имени, – и который [Генрих III] принял по разным причинам, доставил ей массу огорчений (наблюдая к тому же, что этот бурный поток увлекает за собой и ниспровергает наиболее способных и лучших советников, которые составляли королевский совет, ибо король отправил в отставку четырех или пятерых самых мудрых и опытных [408]). Тем **[97]** не менее, она в состоянии понять все, что я хотела ей сказать: и то, что не смогу избежать одного из двух несчастий, оставаясь при дворе, поскольку это будет неприятно королю моему мужу и обратится против меня, и что король начнет подозревать меня, думая, что я шпионю в пользу своего супруга. Поэтому она готова просить короля разрешить это путешествие, что и было сделано.

Король принял меня уже без тени раздражения, будучи весьма довольным тем, что воспрепятствовал моей встрече с королем моим мужем, которого он ненавидел более, чем кого бы то ни было. Он приказал, чтобы направили курьера к дону Хуану Австрийскому [409], который замещал короля Испании во Фландрии, с просьбой выписать мне необходимые подорожные для свободного проезда в земли, находящиеся под его властью, поскольку для того, чтобы добраться до водных источников в Спа, находящихся на территории епископства Льежского, нужно было проследовать через Фландрию.

Договорившись обо всем, спустя несколько дней (которые мой брат использовал для того, чтобы дать мне поручения, способствующие его делам во Фландрии) все мы расстались. Король и королева отправились в Пуатье [410], чтобы быть ближе к армии господина де Майенна [411], которая осаждала Бруаж и откуда должна была отправиться в Гасконь на войну с королем моим мужем. Брат мой отбыл с другой армией, командующим которой он являлся, с тем, чтобы осадить Иссуар и другие города, вскоре ему **[98]** покорившиеся [412]. Я же держала путь во Фландрию [413], сопровождаемая госпожой принцессой де Ла Рош-сюр-Йон, моей гофмейстериной мадам де Турнон [414], мадам де Муи из Пикардии [415], госпожой супругой миланского кастеляна [416], мадемуазель д'Атри [417], мадемуазель де Турнон [418], и еще семью или восемью другими фрейлинами. Из мужчин в мою свиту входили господин кардинал де Ленонкур [419], господин епископ Лангрский [420], господин де Муи из Пикардии [421], ныне – тесть одного из братьев королевы Луизы – графа де Шалиньи [422], **[99]** а также мои первые гофмейстеры, первые шталмейстеры и другие дворяне моего дома. Все иностранцы, которые видели мое окружение, находили его столь приятным и очаровательным, что еще больше стали восхищаться Францией. Я

передвигалась на опорных носилках [423], обитых ярко-розовым испанским бархатом с золотой вышивкой и тафтой, с девизом (носилки мои были полностью застеклены, а стекла представляли собой изображения девизов в виде солнца и его лучей, которые сочетались с надписями на драпировке и самих окнах, всего – сорок девизов разного содержания со словами на испанском и итальянском языках) [424].

За мной следовала в носилках госпожа принцесса де Ла Рош-сюр-Йон, а за ней – мадам де Турнон, моя гофмейстерина; десять фрейлин вместе со своей наставницей ехали верхом на лошадях, и еще в шести каретах и повозках размещались остальные дамы и девушки из числа наших сопровождающих.

Я проехала через Пикардию, города которой имели приказ короля оказывать мне почести и самый достойный прием, который я только могла пожелать [425]. По прибытии в Катле, крепости на расстоянии трех лье от границы с [областью] Камбрези [426], епископ Камбре (который был сувереном этой территории, являющейся **[100]** церковным владением), признававший короля Испании в качестве покровителя [427], прислал ко мне дворянина, чтобы узнать час моего прибытия, поскольку хотел встретить меня перед въездом в свои земли. Я нашла его в окружении большого числа сопровождающих, которые выглядели как настоящие фламандцы и были одеты соответствующим образом, хотя и весьма простовато.

Сам епископ принадлежал к дому Барлемонов [428], одному из самых знатных во Фландрии, но обладал сердцем испанца, поскольку, как оказалось позже, был среди тех, кто поддерживал дона Хуана. При встрече он не оказал мне особых почестей, а все церемонии напоминали испанские. Город Камбре мне показался приятным, хотя и не выстроен так добротно, как города Франции; его улицы и площади расположены более или менее пропорционально, церкви же – довольно большие и красивые – являются украшением всех городов Фландрии. Однако наиболее достойное внимания и восхищения место в этом городе – его цитадель, одна из самых прекрасных и хорошо сооруженных в христианском мире, что она и доказала позже, будучи под властью моего брата и успешно противостоя испанцам [429].

Губернатором крепости тогда был господин д'Энши, сын графа де Фрезена [430], благородный человек, который по своим манерам, облику и прочим качествам являлся совершенным кавалером и ничем не отличался от наших лучших придворных; ему была не **[101]** свойственна та естественная грубоватость, присущая остальным фламандцам. Епископ, к нашему удовольствию, решил устроить праздник – дать бал, на который

были приглашены все знатные дамы города. Сам же он на балу не появился (удалившись сразу после окончания обеда – как я уже говорила, в соответствии с испанским церемониалом). А господин д'Энши, должный быть со своим отрядом, оставил его, чтобы встретиться со мной на этом празднике и позже сопроводить на ужин со сладостями. Его поведение показалось мне необдуманным, поскольку [прежде всего] он был обязан охранять цитадель. Об этом я могу говорить со знанием дела, так как [в свое время] была слишком хорошо научена, сама того не желая, как важно следить за охраной укрепленного места [431].

Долг перед моим братом занимал все мои мысли, и поскольку я была ему очень предана, то постоянно думала о поручениях, которые он мне дал. Видя, что мне предоставляется прекрасный случай оказать ему добрую услугу в его фламандском деле, ведь город Камбре и его крепость являлись ключом ко всей Фландрии, я не упустила этой возможности. Используя всю силу своего ума, дарованного мне Богом, я склоняла господина д'Энши на сторону Франции и особенно на сторону моего брата. Господь позволил мне достичь в этом успеха: д'Энши находил удовольствие от бесед со мной и позволял себе видеть меня так часто, как только мог; [к тому же] вызвался сопровождать меня в поездке по Фландрии. С этой целью он попросил разрешения у своего господина [епископа] проехать со мной до Намюра, где меня ожидал дон Хуан Австрийский, говоря, что желает видеть мой триумфальный прием. Но этот фламандец, проникнутый испанским духом, был мало расположен позволять ему это...

Во время путешествия в Намюр, которое заняло у нас десять или двенадцать дней, д'Энши разговаривал со мной так часто, как это было возможно, открыто показывая, что обладает сердцем настоящего француза, и только и ждет того часа, когда столь славный принц, как мой брат, станет его господином и сеньором; что он презирает власть епископа и свою зависимость от него. **[102]** Епископ, хотя и являлся его сувереном, по сути, был только дворянином, как и он сам (однако по своим качествам и привлекательности ума и тела намного ему уступал).

Покинув Камбре, я отправилась в Валансьен [432], другую фламандскую область, где намеревалась переночевать. Господин граф де Лален [433], господин де Монтиньи, его брат [434], а также многие другие сеньоры и благородные лица числом около двух или трех сотен прибыли меня встретить в тот момент, когда я покидала земли Камбрези, до тех пор сопровождаемая епископом. Мы достигли Валансьена, города, уступавшего Камбре по своей силе, но отнюдь не по красоте прекрасных площадей и церквей (его фонтаны и башенные часы, сделанные наподобие немецких,

привели в немалый восторг наших французов, не привыкших видеть часы, которые издавали приятный музыкальный звон и приводили в действие разного рода фигурки маленького замка – такое у нас можно увидеть только в Сен-Жерменском предместье как редкость). Господин граф де Лален, который управлял этим городом, устроил пир сеньорам и дворянам моей свиты, а мои дамы продолжили путь и расположились в Монсе. Туда я прибыла наутро следующего дня в сопровождении графа и всего его окружения, а графиня де Лален [435], ее родственница мадам д'Аврек [436] и все самые знатные **[103]** и галантные дамы уже ожидали меня, чтобы устроить прием. Граф состоял в родстве с моим мужем и, будучи сеньором с большим авторитетом и обладая значительным влиянием, для которого испанское господство всегда было невыносимым, считал себя беспредельно оскорбленным после казни графа Эгмонта, своего близкого родственника [437]. Несмотря на то что он правил [в своей области], не вступив ни в лигу принца Оранского [438], ни в лигу гугенотов, будучи убежденным католическим сеньором, тем не менее, он всегда отказывался встречаться с доном Хуаном и не допускал назначения каких-либо испанцев на руководящие должности. Со своей стороны дон Хуан не осмеливался действовать против него, опасаясь, что в противном случае лига католиков Фландрии (которая называлась лигой Штатов) объединится с принцем Оранским и гугенотами, и предвидя, что тем самым он навлечет на себя столько же бед, сколько их испытал король Испании.

Граф де Лален беспрестанно выражал свое удовольствие от того, что может видеть меня, и если бы его естественный государь был на моем месте [439], то он не смог бы получить больше почестей и выражения благожелательности и любви. По прибытию в Монс я разместилась в доме графа, при дворе которого меня встретила графиня де Лален, его супруга, и около восьмидесяти или ста дам этого города. Мне был устроен такой прием, как будто я была для них не иностранной принцессой, а их собственной госпожой. В природе фламандцев заложены непринужденность, жизнелюбие и дружественность, и, являясь типичной фламандкой, графиня де Лален вместе с тем обладала глубоким и развитым умом. **[104]** привлекательной внешностью и манерами, чем напомнила мне Вашу кузину. Все это сразу же дало мне уверенность, что вскоре мы сумеем легко подружиться, из чего можно будет извлечь пользу, чтобы воплотить замыслы моего брата во Фландрии, поскольку эта достойная дама имела большое влияние на своего мужа. Проведя этот день в беседах с дамами, я особенно старалась сблизиться с графиней; тогда же

мы стали настоящими подругами.

Когда настало время обеда, мы отправились на пир и на бал, которые граф де Лален продолжал устраивать все время, пока я жила в Монсе. Я рассчитывала отправиться в путь уже на следующий день, но никак не думала, что графиня, эта благородная дама, убедит меня провести в их обществе целую неделю, чего я не собиралась делать, в опасении причинить им неудобство, но уговорить ни ее саму, ни ее мужа было невозможно. Только через восемь дней с большой неохотой они отпустили меня [440].

Я проводила время в домашней обстановке вместе с графиней, которая часто допоздна засиживалась с разговорами у моего ложа, и делала бы это еще охотнее, если бы не одно занятие, столь несвойственное даме ее положения и свидетельствующее скорее о ее большой природной доброте: она кормила своего маленького сына своим молоком.

Как-то утром в праздничный день мы собрались за столом – месте, где все фламандцы обычно непринужденно общаются. Я же была занята раздумьями о цели своей поездки, направленной на осуществление планов моего брата. Графиня де Лален, вся в драгоценностях и украшениях, была одета в платье по испанской моде, из черного с золотом материала, с лентами, украшенными золотыми и серебряными нитями, и пурпуэн [441] из серебряной ткани с золотым узором и большими пуговицами с бриллиантами, чтобы их было удобно расстегивать при кормлении. Когда ей принесли ее крошку-сына в роскошных пеленках, подобно одежде матери, она положила его на стол между мной и собой, спокойно расстегнула **[105]** пуговицы и дала ему грудь. В отношении кого-либо другого мы подумали бы о его неучтивом отношении к окружающим, но графиня проделала все с такой грацией и естественностью (с какой, впрочем, делала и остальные дела), что заслужила только похвалы всех собравшихся.

Когда столы были собраны, начался бал, устроенный в той же зале, где мы находились. Помещение было просторным и красивым. Мы сели с графиней рядом, и я ей сказала, что удовольствие, которое я получила от гостеприимства в их доме, – из числа тех, что уже невозможно забыть, и я, наверное, даже отказалась бы от него вообще, потому что мысль о расставании с ней доставляет мне огорчение, зная, что Фортуна уже никогда не позволит нам иметь счастье так близко видеть друг друга. Я считаю свою жизнь несчастной уже потому, что мы родились не под небом одной родины. Мне, нужно было это сказать, чтобы начать с ней разговор, который помог бы замыслам моего брата.

Она ответила мне: «Эта страна раньше была частью Франции, и по этой причине судопроизводство до сих пор ведется на французском языке. Естественная привязанность к Франции у многих из нас запрятана в сердце. Что же до меня, то желаю этого всей душой, с той поры, когда имела честь познакомиться с Вами. Наша страна прежде симпатизировала Австрийскому дому [442], но эта привязанность была разрушена казнью графа Эгмонта, господина Горна [443], господина де Монтиньи [444] **[106]** и других сеньоров, лишившихся жизни, которые являлись нашими близкими родственниками и принадлежали по большей части к фламандскому дворянству. Нет ничего более нетерпимого для нас, чем господство испанцев, и мы желаем всеми силами освободиться от их тирании, но не знаем вместе с тем, как достичь этого, потому что области нашей страны разобщены по причине разного вероисповедания. Если бы мы были едины в вере, то вскоре смогли бы избавиться от власти испанского короля, но это разделение делает нас весьма слабыми. Да будет угодно Богу внушить королю Франции, Вашему брату, овладеть этой страной, которая уже принадлежит ему с давних пор! Мы простираем к нему руки».

Графиня сказала мне это в едином порыве, но довольно продуманно, дабы через мое посредничество получить от Франции помощь против бед [Фландрии]. В свою очередь я, видя, что открывается путь к моей желанной цели, ответила ей: «Король Франции, мой брат, не расположен вести войны с иностранными государствами, поскольку в его королевстве существует партия гугенотов, которая очень сильна, и это всегда препятствует внешним предприятиям. Но мой брат, герцог Алансонский, который не уступает ни в достоинстве, ни в справедливости, ни в доброте королям моему отцу и моим братьям, готов взять на себя эту роль. У него не меньше возможностей, чем у короля Франции, моего брата, чтобы помочь вам. Он сызмальства знаком с военным делом и считается одним из лучших капитанов нашего времени, а в данный час возглавляет армию короля, [сражаясь] против гугенотов; с тех пор, как я уехала [из Франции], его армия захватила сильную крепость Иссуар и ряд других мест [445]. Вряд ли фламандцам известен какой-либо другой принц, помощь которого могла бы быть для них такой полезной, тем более что наши страны соседствуют, а во Франции, столь великом королевстве, он обладает хорошей поддержкой, каковая позволит найти ему и средства, и все необходимое для ведения войны. И если мой брат получит доброе содействие со стороны господина графа, Вашего мужа, фламандцы могут быть уверены – он готов испытать свою

Фортуну и, будучи от природы мягким и чуждым неблагодарности человеком, всегда способен оценить службу и настоящую услугу. Он [герцог Алансонский] уважительно и с почитанием относится к людям чести, и посему за ним всегда следуют лучшие из них. Я уверена, что во Франции уже скоро будет заключен мир с гугенотами, и по **[107]** моему возвращению домой все успокоится [446]. Если господин граф, Ваш муж, разделяет Ваше мнение, пусть даст мне знать об этом, когда пожелает, чтобы я сообщила вести моему брату, и, заверяю Вас, фламандские земли и Ваш дом, в особенности, в результате [успеха] обретут процветание. В случае, если мой брат сумеет утвердиться здесь с вашей [фламандцев] помощью, будьте уверены, что мы сможем часто видеться, ибо еще никогда не было столь прекрасной дружбы между братом и сестрой, как у нас с ним». Графиня с большим удовлетворением выслушал мои откровения и ответила, что заговорила со мной на эту тему намеренно, увидев, что я оказываю ей честь, приближая к себе. Посему она приняла решение не отпускать меня отсюда, пока не расскажет мне о положении дел, в котором они пребывают, и просить меня помочь обрести поддержку со стороны Франции, чтобы освободиться от страха, с которым они живут, видя непрекращающуюся войну и уничтожение [населения] при испанской тирании. Она спросила меня, может ли она доверить своему супругу те предложения, которые мы обсуждали, и готова ли я утром поговорить о них с самим графом? Я с радостью согласилась. Весь остаток дня мы провели в подобных беседах, которые, помимо прочего, как я думала, были направлены на воплощение нашего замысла. Я видела, что графиня получает от этих разговоров удовольствие.

После окончания бала мы направились послушать вечерню к канониссам [447] в их церковь Святой Водрю [448], которые принадлежали к ордену, отсутствующему во Франции. Канониссами являлись девушки, помещенные в монастырь совсем маленькими и остававшиеся **[108]** там вплоть до замужества, когда они могли воспользоваться своим приданым. Жили они не в дортуаре [449], а в отдельных домах, каждая в своей келье, как каноники. В каждом доме находилось по три-четыре девушки, иногда по пять-шесть, вместе со старшими канониссами, среди которых были и такие, кто никогда не был замужем, включая аббатису. Девушки одевали монашеское платье единственно, когда посещали утреннюю службу в церкви, а также когда шли после обеда к вечерне. Сразу же после окончания мессы они переодевались и выглядели как обычные девицы на выданье, свободно посещали пиры и балы, подобно другим, хотя им и

приходилось менять одежду четыре раза на дню.

Графиня де Лален не могла дождаться, когда закончится вечер и она расскажет своему мужу о добром начинании, которое она сделала во благо их дел. Их беседа состоялась той же ночью, а утром она привела ко мне своего супруга, который завел длинный разговор о справедливых основаниях, которые позволяют им избавиться от тирании короля Испании [450] (в связи с чем он никогда и не думал что-либо предпринимать против своего естественного государя, зная, что суверенитет над Фландрией принадлежит королю Франции), и представил мне способы, благодаря которым мой брат смог бы утвердиться во Фландрии. Граф де Лален обладал властью над провинцией Эно [451], которая простиралась почти до самого Брюсселя, и сожалел только о том, что область Камбрези разделяет Фландрию и Эно [452], говоря мне, как было бы хорошо склонить на нашу сторону господина д'Энши, который сопровождал меня в путешествии. Я не стала открывать ему правду о словах, услышанных от графа д'Энши, но ответила, что хочу просить его самого [Лалена] поговорить об этом с ним и что это получится у него лучше, чем у меня, ведь он и д'Энши – соседи и друзья. **[109]**

Я заверила его в том, что он может рассчитывать на дружбу и благоволение моего брата, если примет участие в его судьбе, используя для этого весь свой авторитет и влияние, которые будут достойной и значимой службой для человека его положения. Мы решили, что на обратном пути я остановлюсь в своих владениях в Ла Фере [453], куда также приедет мой брат, и где мы встретимся с господином де Монтиньи, братом графа де Лалена, чтобы обсудить дела.

Все то время, пока я жила в гостях, я поддерживала графа и укрепляла его устремление, чему в не меньшей степени способствовала и его жена. Настал день, когда мне нужно было покинуть это чудесное общество в Монсе, и сделано это было не без взаимного сожаления – моего и фламандских дам, а особенно графини де Лален, с которой я так подружилась и которая доверилась мне. С меня взяли обещание, что возвращаться я буду через Монс. На прощание я подарила ей колье из драгоценных камней, а ее мужу – ленту и к ней драгоценное украшение, которые были приняты с огромной благодарностью и восприняты как самые дорогие, ибо получены были от меня, кого они так полюбили.

Все дамы остались в городе, кроме мадам д'Аврек, уже уехавшей в Намюр, в котором я намеревалась переночевать. Там находились ее муж [454] и его брат, господин герцог Арсхот [455], где они проживали со времени заключения мира между королем

Испании и Провинциями Фландрии [456]. Несмотря на то что они принадлежали **[110]** к сторонникам [Генеральных] Штатов, герцог Арсхот, старый придворный, из числа самых галантных, которых только видел двор короля Филиппа в те времена, когда король пребывал во Фландрии и в Англии [457], всегда находил удовольствие бывать при дворе подле грандов [458]. Граф де Лален со всем своим дворянством проводил меня так далеко, как смог, даже на два лье дальше собственных владений, до того момента, когда показался отряд дона Хуана. Тогда он поспешил проститься со мной, чтобы, как я уже говорила, не встречаться с испанцем. Господин д'Энши единственный поехал со мной дальше, чтобы представлять своего господина, епископа Камбре из испанской партии.

После того как это прекрасное и многочисленное окружение отправилось обратно, используя короткий путь, меня встретил дон Хуан Австрийский в сопровождении вооруженной свиты, но не более двадцати или тридцати всадников, среди которых находились сеньоры – герцог Арсхот, господин д'Аврек, маркиз де Варанбон [459] и младший Балансон, испанский губернатор Бургундского графства [460]. Последние, будучи галантными и благородными кавалерами, особенно спешили, чтобы встретить мой кортеж. Из придворных самого дона Хуана в лицо и по имени я запомнила только Людовика Гонзагу, который представился родственником герцога **[111]** Мантуанского [461]. Остальные же были незначительными людьми с дурной внешностью, среди которых не оказалось фламандских дворян. Дон Хуан спешился, чтобы приветствовать меня в моих носилках, которые были в приподнятом положении и открыты. Я ответила ему согласно французскому этикету, равно как герцогу Арсхоту и господину д'Авреку. После обмена несколькими учтивыми фразами он снова сел на лошадь и продолжал беседовать со мной вплоть до города, куда мы смогли прибыть только к вечеру. Это случилось потому, что из Монса я не смогла выехать вовремя: тамошние дамы не позволили мне сделать это, воспользовавшись возможностью развлекать меня в моих же носилках – более часа, я полагаю, – и находя удовольствие в объяснении значения девизов. В Намюре повсюду царил столь прекрасный порядок (в чем испанцы весьма преуспели), а город был таким освещенным, включая окна домов и лавок, заполненных светом, что, казалось, мы видим сверкание нового дня.

Этим же вечером дон Хуан приказал подать ужин мне и моему окружению прямо в наши комнаты и помещения, понимая, что после долгого пути неуместно приглашать нас на праздничный пир. Дом, который он мне предоставил, был заранее

подготовлен к нашему приезду [462]. В его центре обустроили большую и красивую залу, а мои апартаменты состояли из комнат и кабинетов, обставленных самой красивой, дорогой и превосходного изготовления мебелью, которую прежде, я думаю, никогда и не видела, со шпалерами из бархата и сатина, и где также находились массивные колонны, задрапированные серебряной тканью с вышивкой, большими лентами с орнаментом из золотой нити, выполненными в самой превосходной и восхитительной манере, которую только можно себе представить.

Посередине каждой из колонн таким же способом были вышиты большие фигуры, одетые в античные одежды. Господин кардинал де Ленонкур, обладавший пытливым и тонким умом, успел завязать близкие отношения с герцогом Арсхотом (как я уже говорила, старым придворным с обходительным и галантным поведением, определенно, воплощавшим в себе все благородство окружения дона Хуана), и когда мы, находясь вместе, оценивали **[112]** эту величественную и великолепную обстановку, он сказал ему: «Эта мебель, мне кажется, скорее приличествует какому-нибудь великому монарху, чем молодому и неженатому принцу, каковым является дон Хуан». На что герцог Арсхот ему ответил: «Все случилось по воле Фортуны и отнюдь не из-за предусмотрительности или излишнего богатства. Эти ткани были посланы дону Хуану одним пашой Великого Сеньора, детей которого он захватил в плен во время знаменитой победы над турками [463]. Дон Хуан проявил великодушие к детям паши, отослав пленников домой безо всякого выкупа. В свою очередь паша подарил ему большое число тканей из шелка, с золотыми и серебряными нитями. Зная, что в Милане делают лучшие шпалеры, которые вы сейчас видите, принц заказал их для себя, когда находился в этом городе. Там же, чтобы оставить в памяти столь славное событие, благодаря которому эти ткани к нему попали, он велел изготовить обивку, которой обтянуты кровать и навес в комнате королевы, с изображением героической победы в морском сражении, одержанном им над турками».

Когда наступило утро, дон Хуан сопроводил нас послушать мессу, проходившую, по испанскому обычаю, с музыкальным сопровождением скрипок и корнетов. Пройдя в большую залу, мы приступили к завтраку, сидя одни за столом, он и я; пиршественный стол, где расположились дамы и сеньоры, отстоял на расстоянии трех шагов от нашего [464]. За этим столом мадам д'Аврек оказала честь дому ради дона Хуана, приказав подать напитки принцу [465], что было сделано Людовиком Гонзагой, преклонившим при этом колена. [После] столы убрали, и начался бал, который продолжался целый день. Вечер мы провели за тем

же занятием, и дон **[113]** Хуан постоянно беседовал со мной, часто повторяя, что видит во мне подобие покойной королевы [Испании], его госпожи [*signora*], приходившейся мне сестрой, которую он очень почитал [466]; оказывал мне и всему моему окружению благородные и куртуазные знаки внимания [467], подчеркивая, что он получает самое большое удовольствие, принимая меня у себя дома [468]. Судна, на которых я должна была отправиться по реке Мез до Льежа, не успели подготовить к сроку, и мне пришлось задержаться до следующего утра, которое мы провели так же, как и предыдущее. После завтрака мы погрузились на очень красивый корабль, окруженный другими судами, [в которых находились музыканты] с гобоями, корнетами и скрипками, и отправились все вместе на остров, где дон Хуан велел приготовить праздничный стол в беседке, увитой плющом. Вокруг беседки располагались павильоны, из которых звучала музыка гобоев и других инструментов, продолжавшаяся все то время, что мы обедали. Когда пир закончился, несколько часов мы танцевали на балу, а затем вернулись на наше судно, которое доставило нас обратно в Намюр и которое дон Хуан приготовил мне для дальнейшего путешествия.

Следующим утром, когда мы уезжали, дон Хуан сопроводил меня прямо на корабль и, после учтивого и благородного прощания, поручил меня заботам господина и госпожи д'Аврек, которые отплыли вместе со мной в Юи, первый город епископства Льежского, **[114]** где я хотела переночевать [469]. Когда дон Хуан удалился, господин д'Энши, остававшийся последним на корабле, не имея разрешения от своего господина сопровождать меня дальше, простился со мной со словами большого сожаления и уверением, что никому не желает служить, кроме моего брата и меня. Завистливая и изменчивая Фортуна не могла пережить успех столь счастливого начала, которым ознаменовалось мое путешествие, и, чтобы удовлетворить свою ревность, послала два мрачных предзнаменования в преддверии будущих трудностей, которые она приготовила мне на обратном пути. Первое заключалось в том, что как только наше судно начало удаляться от берега, м-ль де Турнон, дочь моей гофмейстерины мадам де Турнон, весьма добродетельная и прелестная девушка, которую я очень любила, оказалась во власти непонятной тоски и вскоре зашлась громким криком из-за ужасной боли, которую она испытывала и которая сжала ее сердце так, что врачи не нашли какого-либо способа помочь ей. Вскоре после того как мы прибыли в Льеж [470], смерть настигла ее. Я [позже] расскажу ее роковую историю, которая является особенной.

Другим предзнаменованием стало наводнение по прибытии в

Юи – город, расположенный у подножия горы, который затопило по щиколотку, особенно здания в низине, по причине бурного горного потока воды, вливавшегося в реку и представлявшего такую опасность, поскольку он увеличивался [на глазах], что, как только наш корабль причалил, мы едва успели спрыгнуть на землю и поспешили как можно быстрее на возвышенное место, чтобы опередить реку и добраться до безопасной улицы, где располагался отведенный мне дом. В этот вечер мы вынуждены были довольствоваться тем, что мог предложить нам хозяин дома, не имея возможности высадить на берег слуг и выгрузить поклажу, тем более выйти в город, в котором случился настоящий потоп, исчезнувший так же чудесно, как и возникший, ибо в начале следующего дня вода вся спала, а река вернулась в обычное русло.

Простившись, господин и госпожа д'Аврек отправились назад в Намюр к дону Хуану, а я вновь взошла на судно, чтобы вечером быть в Льеже и там остановиться на ночлег. Епископ **[115]** Льежский, сеньор этой области [471], принял меня со всем почтением и проявлением доброжелательности, как подобает человеку благородному и весьма любезному. Он являлся сеньором, обладающим многими достоинствами – осмотрительностью, добротой; хорошо говорил по-французски, был приятен в общении, уважаем, щедр, окруженный хорошим обществом, состоящим из членов капитула [472] и многих каноников – сплошь сыновей герцогов и графов, а также других важных сеньоров Германии (потому что в этом епископстве, бывшем суверенной страной с большими доходами и довольно протяженной территорией, где было много богатых городов, [церковные] чины обретались в результате выборов; так, чтобы стать каноником, нужно было быть дворянином и проживать в епископстве в течение одного года).

Город [Льеж] гораздо больше Лиона, но расположен похожим образом (река Мез протекает по его центру). Он очень хорошо отстроен, дома каноников напоминают настоящие дворцы; улицы города – большие и просторные, городские площади – красивы, украшены прекрасными фонтанами; церкви отделаны таким большим количеством мрамора (который добывают в тех местах), что кажутся полностью из него выстроенными; башенные часы (сделанные с немецкой изобретательностью) были поющими и представляли все виды музыки и [движущихся] фигурок.

Епископ встретил меня у [трапа] моего судна и сопроводил в свой дворец, самый замечательный из всех, откуда он специально уехал на время моего визита. Этот дворец, как городской дом, является самым красивым и наиболее удобным местом

пребывания, которое только можно видеть, – с многочисленными галереями, садами, фонтанами, полный живописных произведений, с чудесным убранством, украшенный мрамором таким образом, **[116]** что нельзя представить себе ничего ни более великолепного, ни более дивного.

Воды располагались на расстоянии трех или четырех лье от города, в Спа, маленькой деревушке из трех-четырех убогих домов. По совету врачей госпожа принцесса де Ла Рош-сюр-Йон осталась в Льеже, куда ей и доставляли воду, убеждая, что вода, добытая ночью, до восхода солнца, содержит больше целебных свойств и силы. Это обстоятельно меня весьма порадовало, поскольку наше пребывание в городе было обставлено большими удобствами и проходило в довольно приятном обществе. Так как, помимо собственно Его Милости (именно так именуется при обращении епископ Льежский, [подобно тому], как короля мы называем Ваше Величество, а принца – Ваша Светлость), когда разлетелся слух о моем приезде, многие дамы и сеньоры Германии прибыли [в Льеж], чтобы повидаться со мной. Среди прочих была госпожа графиня Аренберг [473], которая имела честь сопровождать королеву Елизавету в Мезьер [474] на свадебные торжества по случаю ее бракосочетания с королем Карлом, моим братом, а также старшую сестру королевы, которая выходила замуж за короля Испании [475]. Графиня являлась дамой, пользующейся особым уважением императрицы [476], императора [477] и всех христианских государей. **[117]** С ней приехали ее сестра, госпожа ландграфиня [478], ее дочь, госпожа Аренберг [479], и ее сын, господин Аренберг [480] – весьма благородный и галантный мужчина, вылитый отец [481], который организовал [в свое время] помощь из Испании королю Карлу, моему брату, заслужив по возвращении почести и добрую репутацию.

Прибытие этих гостей, столь почетное и радостное, было бы еще более приятным, если бы не печаль от кончины м-ль де Турнон, чья история настолько примечательна, что я не могу ее не поведать, сделав отступление от своего повествования. У мадам де Турнон, бывшей в то время моей гофмейстериной, было несколько дочерей. Старшая из них вышла замуж за господина де Балансона [482], испанского губернатора Бургундского графства. Отправляясь туда вслед за своим супругом, она попросила свою мать, мадам де Турнон, отпустить с ней свою [младшую] сестру, м-ль де Турнон, чтобы принять на себя заботу о ее воспитании и находиться в обществе родственницы в стране, столь удаленной от родного дома. Ее мать согласилась. М-ль де Турнон пробыла в Бургундском графстве несколько лет, став привлекательной и

желанной (ибо она была более чем прекрасна; ее совершенная красота отражала ее добродетель и притягивала внимание). Господин маркиз **[118]** де Варанбон, о котором я уже писала выше, проживал в одном доме со своим братом, господином де Балансоном, и рассчитывал связать свою судьбу со служением церкви, но, часто бывая в обществе м-ль де Турнон, страстно влюбился в нее. Не имея больших обязательств перед церковью, он захотел жениться на девушке. О своих намерениях он известил и ее саму, и ее родственников. Последние одобрили его желание, но его брат, господин де Балансон, полагая, что от него будет больше пользы в случае, если он станет клириком, начал препятствовать этому, склоняя его надеть длинное облачение.

Мадам де Турнон, очень мудрая и осторожная женщина, посчитала себя оскорбленной и призвала к себе м-ль де Турнон, разлучив ее с сестрой, мадам де Балансон. И так как характер у нее был властный и суровый, не замечая, что ее дочь уже выросла и нуждается в более мягком обхождении, она кричала на нее и попрекала без устали, так, что у девушки от слез никогда не просыхали глаза, хотя все, что делала м-ль де Турнон, заслуживало только похвал – просто у ее матери была естественная склонность к строгости.

М-ль де Турнон желала единственно поскорее избавиться от этой тирании, испытав огромную радость от того, что я собираюсь во Фландрию, поскольку надеялась, что маркиз де Варанбон там ее встретит, что и случилось, и, будучи уже в состоянии вступить в брак, совершенно отказавшись от длинного облачения, попросит ее руки у ее матери. Выйдя замуж, она смогла бы освободиться от материнских назиданий. В Намюре она встретила обоих братьев, как я уже говорила, – маркиза де Варанбона и младшего Балансона. Последний, в отличие от маркиза, не обладая столь приятной внешностью (даже близко), общался с девушкой, добивался ее внимания, но сам Варанбон, все то время, пока мы пребывали в Намюре, даже не сделал вид, что знаком с ней... Отчаяние, сожаление, печаль разрывали ей сердце, а ведь ей, наоборот, приходилось изображать хорошее настроение, когда он находился рядом, не показывая, что она чем-то расстроена. Вскоре после того, как братья покинули наш корабль и простились с нами, с м-ль де Турнон случился такой сердечный приступ, что она кричала при каждом вздохе, как будто испытывала смертельные боли. Поскольку не было иной причины ее несчастья, смерть боролась с юностью восемь или десять дней и, вооруженная разочарованием, осталась в итоге победителем, похитив девушку у ее матери и у меня, **[119]** принеся горе одной, не меньше, чем другой. Ибо ее мать,

несмотря на все строгости, любила ее безмерно.

Погребальные церемонии м-ль де Турнон были организованы со всеми почестями, какие были возможны, что и полагалось делать в отношении членов столь знатного рода, к которому она принадлежала, являясь также родственницей королевы моей матери. В сам день похорон четыре дворянина моего дома несли ее тело, и одним из них был Ла Бюсьер [483], всю свою жизнь страстно воздыхавший по девушке, но так и не посмевший ей открыться по причине ее добродетели, которую он ценил в ней, и неравенства в их положении. И вот он, держа эту печальную ношу, беспрестанно убивался, хороня свою любовь. Печальная процессия двигалась по середине улицы по направлению к большой церкви.

[Тем временем] маркиз де Варанбон, виновник этого несчастного события, спустя несколько дней после моего отъезда из Намюра, раскаиваясь в своем жестокосердии и снова воспылав прежней страстью к м-ль де Турнон в ее отсутствие (странное дело!), хотя при ней он был способен демонстрировать только равнодушие, решился приехать и просить ее руки у ее матери, доверившись, возможно, своей удачливости, которая помогала ему быть любимым всеми, на кого он обращал свое внимание. Фортуна ему сопутствовала и в дальнейшем, когда немного позже он взял в жены одну герцогиню, даже против воли ее родственников [484]. Убеждая себя, что ошибка, которую он совершил, легко будет прощена его возлюбленной и, повторяя часто по-итальянски, «*что сила любви прощает преступление*», он попросил дона Хуана позволить ему отправиться ко мне с поручением. Прибыв вскорости [в Льеж], он застал как раз момент, когда тело девушки, невинной и несчастной, прекрасной в своем целомудрии, несли посередине улицы. Большое число участников этой процессии не позволило ему двигаться дальше. Он посмотрел, в чем дело. Издалека он увидел, что в центре этой большой и опечаленной группы людей в траурных одеждах находится белое сукно, покрытое гирляндами цветов. Он задал вопрос, что происходит. Кто-то из городских жителей ему ответил, что это похороны. Решив полюбопытствовать. **[120]** Варанбон пробрался до первых рядов процессии и навязчиво начал выспрашивать в толпе, кого же хоронят. О, смертельный ответ! Любовь, мстящая за подлую измену, пожелала также подвергнуть испытанию его душу; из-за своего пренебрежительного забвения он должен был страдать у тела своей возлюбленной: она поразила его стрелами Смерти. Кто-то из участников церемонии ему ответил, что умерла м-ль де Турнон. От этих слов он лишился чувств и упал с лошади. Его

отнесли в ближайший дом, думая, что он скончался. Я уверена, что душа его, пребывая в такой крайности и желая только справедливости, готова была соединиться с душой м-ль де Турнон в смерти, поскольку в земной жизни она опоздала это сделать, и, отправившись в иной мир просить прощения у другой, которая оказалась там по причине пренебрежительного отношения, оставила тело маркиза на какое-то время без признаков жизни. Вернувшись оттуда, она оживила его снова, чтобы дать ему еще раз пережить Смерть, поскольку он недостаточно был наказан за свою неблагодарность [485].

По завершении этой печальной обязанности я оставалась в окружении иностранцев, желая отвлечься от того горя, которое я испытала от потери столь благородной фрейлины. Епископ (называемый Его Милостью) или его каноники приглашали меня на пиры в различные дома и в прекраснейшие сады, каковых было много в самом городе и за его пределами и которые я посещала ежедневно, сопровождаемая епископом и иностранными дамами и сеньорами, как я уже говорила. Последние каждое утро собирались в моей комнате, чтобы сопровождать, меня в сад, где я пила свою воду. Ибо принимать ее нужно было в движении, прогуливаясь. Несмотря на то что врачом, прописавшим мне воды, был мой брат, тем не менее, они оказали на меня столь благотворное воздействие, что в течение последующих шести или семи лет мое воспаление на руке совсем не чувствовалось... После прогулки в саду мы проводили день все вместе, принимая приглашение позавтракать в каком-нибудь доме, а после бала отправлялись к вечерне в один из монастырей. Отобедав, занимались тем же самым – шли на бал или лечились водой под музыку.

Так прошло шесть недель – именно столько времени обычно отводят для водолечения и столько было предписано г-же **[121]** принцессе де Ла Рош-сюр-Йон. Когда мы приступили к сборам для возвращения во Францию, приехала мадам д'Аврек, направлявшаяся к своему мужу в Лотарингию, и которая поведала нам о странных переменах, случившихся в Намюре и во всей этой провинции после моего отъезда. В тот же день, когда я покинула город, дон Хуан, сойдя с моего корабля, сел на лошадь и, под предлогом желания поохотиться, проследовал к воротам Намюрской крепости, ему не принадлежавшей. Сделав вид, что случайно оказался здесь, перед воротами, и попросив осмотреть крепость, он захватил ее, сместив ее капитана, назначенного [Генеральными] Штатами, а кроме того, пленил герцога Арсхота, господина д'Аврека и ее саму. Однако, после многочисленных жалоб и просьб, отпустил на свободу ее деверя и ее мужа, но ее

оставил в качестве заложницы, пока они не проявят свою лояльность. Ибо все провинции [Фландрии] запылали огнем и взялись за оружие.

Страна разделилась на три партии: партию [Генеральных] Штатов, объединявшую католиков Фландрии, партию принца Оранского и гугенотов, действовавших заодно, и испанскую партию, которой руководил дон Хуан. Я понимала, что оказалась в трудной ситуации, и мне придется возвращаться через владения тех и других [486]. [Тем временем] мой брат направил ко мне своего дворянина по имени Лескар [487] с письмом для меня, в котором сообщал, что со времени моего отъезда от двора Господь был столь к нему милостив в деле служения королю, поручившему ему командовать армией, что помог ему захватить все города, которые предполагалось отбить, изгнав гугенотов из всех провинций, куда вступало его войско. И что он вернулся ко двору, который пребывал **[122]** в Пуатье, откуда король руководил осадой Бруажа, чтобы быть ближе к армии герцога Майеннского и при необходимости оказывать ей помощь [488]. Однако обстановку при дворе, похожем на Протея [489], который ежечасно менял свой облик, дворе, где всегда происходят какие-то перемены, он нашел изменившейся. Его присутствия никто не замечал, словно он не оказывал королю никаких услуг; а Бюсси, которого король так привечал перед их отбытием в армию и который воевал за короля со своими друзьями (и даже потерял родного брата при осаде Иссуара [490]), попал в немилость, и его начали преследовать завистники, как во времена Ле Га. Каждый день им обоим чинили обиды, а миньоны [491], окружающие короля, стали склонять четверых или пятерых его самых благородных дворян – Можирона [492], Ла **[123]** Валета [493], Молеона [494], Ливаро [495] и некоторых других – покинуть его дом и перейти на службу к королю. Он очень сожалел, что позволил **[124]** мне совершить путешествие во Фландрию, так как стало известно, что на обратном пути мне готовят какие-то неприятности из-за ненависти к нему: то ли посредством испанцев, предупредив их о том, что я вела переговоры во Фландрии в его пользу, то ли силами гугенотов, дабы отомстить за поражение, которое он нанес им, начав с ними войну после того, как оказал им помощь.

Все изложенные выше обстоятельства заставили меня призадуматься. Я поняла, что вынуждена буду на обратном пути проезжать через земли разных партий, тем более что самые знатные лица в моем собственном окружении разделились в своих симпатиях на приверженцев испанцев и гугенотов: господин кардинал де Ленонкур уже давно был подозреваем в

сочувствии к партии гугенотов, а о господине Дескаре [496], брате господина епископа Лангрского, говорили, что он обладает сердцем испанца. Переполненная сомнениями и противоречивыми мыслями, я могла поделиться ими только с госпожой принцессой де Ла Рош-сюр-Йон и мадам де Турнон, которые, представляя себе грозящую нам опасность и видя, что потребуется пять или шесть дней, чтобы добраться до Ла Фера, уповая каждый миг на милосердие враждующих сторон, ответили мне со слезами на глазах, что только Бог один сумеет спасти нас от этой опасности, и чтобы я доверилась Его воле и приняла то решение, которое Он мне подскажет. Что же касается их самих, одна из которых нездорова, а другая стара, то я не должна опасаться и оглядываться на это, ибо обе они будут находиться рядом со мной повсюду, чтобы помочь выйти из трудного положения.

Я говорила на эту тему с епископом Льежским, который относился ко мне по-отечески и поручил своему главному распорядителю сопровождать меня на лошадях так далеко, как только возможно. И так как было необходимо получить разрешение на проезд от принца Оранского, я отправила за этим Мондусе, который был знаком с ним и склонялся к его религии. Мондусе **[125]** не вернулся. Я прождала его два или три дня и поняла, что если его ждать и дальше, как постоянно советовали мне поступить господин кардинал де Ленонкур и шевалье Сальвиати, мой первый шталмейстер [497], плетущие одну интригу, я тут и останусь, не тронувшись с места. Я приняла решение выехать утром следующего дня. Эти двое поняли, что не смогут помешать мне с отъездом, используя этот предлог, и [тогда] Сальвиати, вступив в сговор с моим казначеем (также являвшимся скрытым гугенотом), попросил его сказать мне, что у нас совсем нет денег, и нечем даже расплатиться за гостеприимство. Это оказалось ложью. Ибо когда мы добрались до Ла Фера, я пожелала ознакомиться со счетами и увидела, что денег, которые были выделены на мое путешествие, оставалось еще в таком количестве, что можно было содержать мой дом в течении более шести недель! Сальвиати сделал так, чтобы моих лошадей задержали, подвергая меня опасности публичного оскорбления. Госпожа принцесса де Ла Рош-сюр-Йон не могла перенести такое бесчестье и, видя положение, в которое меня поставили, приготовила необходимую сумму денег. Оставив интриганов в смущении, я выехала, предварительно подарив господину епископу Льежскому бриллиант стоимостью три тысячи экю, а всем его служителям – по золотой цепочке и кольцу. Мы направились в сторону Юи, чтобы переночевать там,

имея в качестве пропуска на проезд только свою веру в Господа Бога [498].

Этот город, как я уже писала, располагался во владениях епископа Льежского, однако горожане, взбудораженные и мятежные, подобно остальным жителям, поднявшим восстание в Нидерландах, более не принимали власть своего епископа из-за того, что он соблюдал нейтралитет, и поддерживали [Генеральные] Штаты. Поэтому, не признавая [полномочий] главного распорядителя двора епископа Льежского, который был со мной, и пребывая в тревоге после захвата доном Хуаном Намюрской крепости, через которую пролегал мой путь, вскоре после того, как мы расположились в доме, [горожане] начали звонить в колокола, стягивать артиллерию на улицы и нацеливать ее прямо на мои окна, натянув цепи, чтобы **[126]** я не смогла соединиться со своими людьми. Всю ночь мы провели в тревоге, не видя никакого смысла вести переговоры со всем этим сбродом, грубиянами и невеждами. Утром они позволили нам уехать, расставив по краям всей улицы вооруженных людей.

Мы держали путь в Динан, рассчитывая провести там [следующую] ночь [499]. К несчастью, мы попали в то время, когда в городе праздновали избрание городских бургомистров, подобно консулам в Гаскони и эшевенам во Франции [500]. Целый день в городе царил разгул, все были пьяны, городских магистратов не было видно, короче говоря – настоящий хаос и сумятица. Наше положение изначально усугубляло то, что главный распорядитель двора епископа Льежского когда-то воевал с Динаном и считался там заклятым врагом. Этот город, когда его жители пребывали в уравновешенном состоянии, держал сторону [Генеральных] Штатов. Но когда они находились во власти Бахуса [501], то принадлежали только сами себе и никого не признавали. Вскоре после того, как они увидели, что мы приближаемся к городским предместьям в сопровождении большого числа сопровождающих, то явно забили тревогу. Они побросали свои стаканы, схватились за оружие и, подняв настоящий гвалт, вместо того, чтобы открыть, закрыли перед нами ворота. Я послала к ним одного дворянина с фурьерами и квартирмейстером [502], чтобы просить их позволить нам въехать, но увидела, как моих людей задержали, крича при этом что-то невразумительное. Наконец, я поднялась в полный рост в своих носилках, сняла маску [503] и жестом дала понять ближайшему [горожанину], что желаю говорить с ним. Когда он приблизился ко мне, я попросила его помочь установить тишину, чтобы я имела возможность быть **[127]** услышанной; сделано это было с большим трудом. Я представилась им, кто я такая, и назвала причину своей

остановки: так как у меня нет намерения причинять им какое-нибудь зло своим приездом и я не хотела бы вызывать у них каких-либо подозрения, то прошу единственно позволить войти в город мне, моим дамам и небольшому числу моих людей с целью переночевать, в то время как все остальные расположатся в предместье. Их устроило такое предложение, и они согласились со мной.

Таким образом, я вступила в их город вместе с моим ближайшим окружением, в котором был и главный распорядитель двора епископа Льежского. К несчастью, его узнали, когда я входила в отведенный мне дом, сопровождаемая толпой пьяных и вооруженных людей. Тогда они подняли крик и начали оскорблять его, желая расправиться с этим добряком, который был, к тому же, почтенным стариком восьмидесяти лет с белой, до пояса, бородой. Когда мы были уже в доме, эти пьяницы начали палить из аркебуз по его стенам, которые являлись землебитными. Видя это безобразие, я спросила, дома ли сейчас хозяин. К великому счастью, он оказался на месте. Тогда я попросила его выглянуть в окно и сделать так, чтобы я смогла поговорить с теми, кто находился ближе всего к дому. Уговорить его сделать это мне удалось с огромным трудом. Наконец, я, почти крича из окна, увидела, что со мной пришли поговорить бургомистры, пьяные до такой степени, что не понимали, о чем говорили [504]. Кое-как убедив их в своем неведении относительно того, что главный распорядитель является их врагом, я ясно дала им понять, какие последствия принесет им оскорбление персоны моего ранга, являющейся другом всех главных сеньоров Штатов, [добавив], что убеждена в том, что господин граф де Лален и все иные именитые руководители [Генеральных Штатов] найдут весьма дурным прием, который мне здесь оказали. Бургомистры, услышав имя графа де Лалена, поменялись в лице. Изъявляя в его отношении столько же почтения, сколько проявляют ко всем монархам вместе взятым, включая меня саму, самый старый из них спросил меня, улыбаясь и запинаясь, правда ли то, что я друг господина графа де Лалена? Понимая, что знакомство с графом сейчас поможет мне более, чем родственные связи со всеми государями христианского мира, я ответила ему: «Да, я его друг и даже родственница». После чего они склонились в поклоне и облобызали мою руку, оказывая столько же куртуазных знаков **[128]** внимания, сколько дерзостей я претерпела от поведения горожан, прося меня простить их и обещая, что они не тронут этого добряка главного распорядителя и отпустят его со мной.

На следующее утро [505], когда я собиралась пойти к мессе, представитель короля [Франции] при доне Хуане по имени Дюбуа

[506], преданный испанцам, прибыл ко мне, говоря, что у него есть письма от короля, в которых он обязал его найти меня и обеспечить мне безопасное возвращение. По этой причине он попросил дона Хуана отрядить кавалерийский отряд во главе с Барлемоном [507], который будет сопровождать меня прямо в Намюр ради моей безопасности. А от меня требуется, чтобы я попросила у бургомистров разрешения войти в город господину де Барлемону (который являлся сеньором этой провинции) и его отряду, с тем, чтобы он мог организовать мое сопровождение. Все это преследовало двоякую цель: с одной стороны, чтобы захватить город, с другой – чтобы я оказалась в руках испанцев. Я поняла тогда, что попала в весьма затруднительное положение. Рассказав обо всем господину кардиналу де Ленонкуру, у которого не было Никакого желания очутиться во власти испанцев, так же, как и у меня, мы решили, что нужно разузнать у горожан, нет ли какого-нибудь иного пути [из города], благодаря которому я смогла бы избежать встречи с отрядом господина де Барлемона. Поручив господину кардиналу де Ленонкуру занимать этого ничтожного Дюбуа отвлекающими разговорами, я проследовала в другое помещение, где собрались городские [бургомистры]. Я объяснила им, что если они впустят **[129]** отряд господина де Барлемона, то потеряют город, ибо он захватит его по приказу дона Хуана, и что я им советую вооружаться и держать городские ворота на запоре, показывая, что им все известно и они не хотят быть захваченными врасплох. Они могут впустить одного лишь господина де Барлемона, и никого больше.

Их хмель предыдущего дня прошел, и они полностью согласились с моими доводами и заверили меня, что готовы отдать свои жизни, дабы послужить мне, предоставив проводника, который и покажет путь, для чего меня нужно будет переправить через реку. Река отрежет мой отряд от кавалерии дона Хуана, и мы сможем уехать так далеко, что уже никто нас не нагонит, а дорога наша будет пролегать только по городам и весям, держащим сторону [Генеральных] Штатов. Согласившись с таким планом действий, я послала их впустить одного только господина де Барлемона. Последний, войдя, начал их уговаривать разрешить въезд всему его отряду, но увидел, что горожане пребывают в состоянии бунта в такой мере, что еще немного, и они растерзают и его самого, говоря при этом, если он не прикажет своему отряду отойти от города за пределы видимости, то они расчехлят артиллерию. Все это делалось, чтобы дать мне время пересечь реку до того, как этот отряд сможет настигнуть меня. Находясь в городе, господин де Барлемон и посланец Дюбуа делали все возможное, чтобы склонить меня отправиться с ними в

Намюр, где меня ожидал дон Хуан. Я выразила желание поступить так, как они мне советовали, и, прослушав мессу и наскоро пообедав, я вышла из моего дома в сопровождении двух или трех сотен вооруженных людей. Ведя постоянную беседу с господином де Барлемоном и посланцем Дюбуа, я направилась прямо по пути, ведущему к речному причалу и находящемуся противоположно дороге в Намюр, где стоял отряд господина де Барлемона. Они, увидев это, сказали мне, я иду не в ту сторону. Я же, увлекая их разговорами, оказалась у городских ворот. Выйдя из города, сопровождаемая по-прежнему внушительным числом горожан, я ускорила шаг при виде реки и взошла на судно, куда спешно погрузилась и вся моя свита. Господин де Барлемон и Дюбуа постоянно кричали мне с берега, что я поступаю опрометчиво и не следую воле короля, желающего, чтобы я проследовала через Намюр. Невзирая на их крики, мы быстро переправились на другую сторону реки, а за два или три раза перевезли также наши носилки и наших лошадей, делая это как можно скорее. Для того чтобы я выгадала время, горожане, **[130]** сбивая с толку местным наречием господина де Барлемона и Дюбуа, отвлекали их своими воплями и жалобами на несправедливость дона Хуана, не сдержавшего своего слова, данного [Генеральным] Штатам, и нарушившего мирные соглашения; [вспоминая] и старые обиды в связи со смертью графа Эгмонта, и постоянно угрожая [Барлемону], что они откроют артиллерийский огонь, если только его кавалерия появится вблизи города. Все это дало мне время отъехать так далеко, что я уже не опасалась погони, ведомая Богом и проводником, мне предоставленным.

Я намеревалась расположиться на ночлег в укрепленном замке под названием Флерин [508], принадлежавшем одному дворянину, который поддерживал партию [Генеральных] Штатов и которого я видела в обществе графа де Лалена. К сожалению, этого сеньора не оказалось дома – в замке была только его жена. И когда мы вступили в нижний двор, найдя ворота открытыми, она подняла тревогу и заперлась в донжоне, подняв мост и решив ни за что не впускать нас, несмотря на все уговоры. Тем временем на расстоянии тысячи шагов от нас на небольшом холме появился отряд из трехсот пехотинцев, который дон Хуан послал, чтобы отрезать нам путь и захватить названный замок Флерин, зная о том, что я собиралась там остановиться. Полагая сначала, что мы уже вошли в донжон, но вскоре осознав, что я и моя свита все еще находимся в нижнем дворе, они расположились на привал в деревушке неподалеку, рассчитывая захватить меня на следующее утро. Поскольку мы опять попали в трудное положение,

оказавшись взаперти во внутреннем дворе (от внешнего мира он был отгорожен некрепкими стенами и такими же воротами, которые было довольно легко сломать), то беспрестанно продолжали упрашивать хозяйку замка, остававшуюся неумолимой к нашим мольбам. Господь снизошел к нам, послав на исходе ночи ее мужа, господина де Флерина, который по прибытии сразу же приказал впустить нас в свой замок, весьма рассердившись на свою жену **[131]** за ее неучтивость, которую она проявила к нам, заставив столько ждать [509]. Названный сир де Флерин прибыл к нам от имени графа де Лалена, чтобы обеспечить мне безопасный проезд через города, [подконтрольные Генеральным] Штатам, поскольку сам граф не мог покинуть армию Штатов, командующим которой он являлся, чтобы проводить меня лично.

Эта добрая встреча стала для нас счастливой, потому что хозяин замка вызвался сопровождать меня вплоть до Франции, и не было ни одного города, через который мы проезжали, где нам не оказывали бы почести и радушный прием, ибо все они находились на территории, поддерживающей [Генеральные] Штаты. Единственным сожалением для меня стало то, что я не смогла на обратном пути заехать в Монс, как обещала графине де Лален. Мы не продвинулись дальше Нивеля (находившегося на расстоянии семи больших лье [510] от Монса), поскольку вблизи уже шла настоящая война, что и помешало нам вновь увидеться с ней, равно как и с графом де Лаленом, пребывавшим, как я уже сказала, в армии Штатов у Антверпена. Из Нивеля [511] я отправила ей письмо с одним дворянином, меня сопровождавшим. Она сразу же, узнав мое **[132]** местонахождение, послала ко мне двух своих преданных дворян, которые были постоянно со мной и помогли добраться до границы с Францией (ибо мне пришлось проезжать всю область Камбрези, часть которой осталась за испанцами, часть присоединилась к [Генеральным] Штатам), вплоть до моей остановки в Като-Камбрези [512]. Только отсюда они отбыли в обратный путь, и с ними я отправила подарок графине на память обо мне – свое платье, которое ей очень понравилось, когда я одевала его в Монсе, сшитое из черного сатина, все украшенное лентами, стоимостью восемь или девять сотен экю [513].

По прибытии в Като-Камбрези я получила известие, что несколько отрядов гугенотов имеют намерение напасть на меня вблизи границы Фландрии и Франции. Сообщив об этом только узкому кругу лиц, я уже была готова к отъезду за час до рассвета, послав приготовить наши носилки и лошадей. Шевалье Сальвиати начал затягивать отъезд, как он уже делал это в Льеже. Разгадав

его замысел, я отказалась от носилок и пересела на лошадь, и те [из свиты], кто собрался в числе первых, последовали за мной. Благодаря этому, в десять часов утра я прибыла в Катле, славя единственно милость Господа, который помог избежать всех опасностей и ловушек моих врагов. Далее я направилась к себе в Ла Фер, намереваясь находиться в этом месте, пока не будет заключен мир; здесь же меня нашел курьер от моего брата, который имел от него поручение дожидаться моего приезда. Сразу же, как только я появилась, он отправился в обратный путь, чтобы известить об этом [герцога Алансонского]. В письме, мне переданном, брат писал, что мир уже подписан [514], и король возвращается в Париж. Что касается его самого, то положение постоянно ухудшается, **[133]** поскольку ежедневно он и его окружение испытывают немилость и оскорбления, равно как не проходит и дня, чтобы не затевались новые ссоры с Бюсси и прочими благородными дворянами на его службе. Вот почему он ожидает с большим нетерпением моего возвращения в Ла Фер, чтобы здесь встретиться со мной. Я сразу отослала к нему его курьера, дабы сообщить о своем прибытии [515]. Брат, в свою очередь, отправив немедля Бюсси со всем своим домом в Анжер [516], тут же поспешил ко мне в Ла Фер, сопровождаемый только пятнадцатью или двадцатью своими дворянами [517]. При встрече с ним я испытала такую огромную радость, которой у меня никогда еще не было, видя воочию человека, столь мной любимого и почитаемого. Здесь я постаралась окружить его такими условиями, которые, как я думаю, сделали его пребывание приятным. Он настолько ценил мои усилия, что охотно произнес бы вслед за Святым Петром: «Сделаем здесь наши кущи» [518], если бы его совершенно королевская храбрость и благородство души не были востребованы для более важных дел. Спокойствие нашего двора, по сравнению с суматохой двора короля, откуда он прибыл, мой брат находил очень милым и получал от этого столько удовольствия, что каждый раз не мог сдержаться, чтобы не сказать: «О моя королева, как же хорошо мне с Вами! Бог мой, это **[134]** общество – просто рай, насыщенный наслаждениями, а то, откуда я приехал, – ад, наполненный только яростью и муками».

Вместе мы провели около двух месяцев, которые показались нам двумя днями – настолько мы были счастливы [519]. За это время я подробно рассказала брату о том, что удалось для него сделать во время моего путешествия во Фландрию, и об обстоятельствах, при которых я отстаивала его интересы. Он весьма порадовался, когда господин граф де Монтиньи, брат графа де Лалена, приехал к нам [в Ла Фер], чтобы обсудить

действия, которые нужно предпринять, и согласовать свою волю с намерениями моего брата. В свите графа было четверо или пятеро именитых людей из Эно, один из которых привез письмо от господина д'Энши и имел от него поручение передать брату, что д'Энши предлагает ему свои услуги и заверяет, что цитадель Камбре – в его распоряжении. Господин де Монтиньи, со своей стороны, передал слова своего брата графа де Лалена о готовности помочь установить власть [герцога Алансонского] над всем Эно и Артуа, в которых много богатых городов. Эти предложения с соответствующими заверениями были приняты моим братом. Перед их отъездом брат подарил им золотые медали, на которых были изображены две фигуры – его и моя, и дал обещание о том, что его поддержка с их стороны обернется для них выгодами и благодеяниями. Таким образом, возвратившись к себе, они подготовили все для приезда моего брата, который, обдумывая, каким образом собрать свои войска в короткое время, чтобы двинуться во Фландрию, вернулся ко двору, рассчитывая добиться королевских милостей и организовать это предприятие.

Что касается меня, то, желая отправиться в Гасконь и сделав для этого необходимые приготовления, я также отбыла в Париж. Мой брат встречал меня на расстоянии одного дня пути от города. В свою очередь король, королева моя мать, королева Луиза и весь двор оказали мне честь, выехав мне навстречу в Сен-Дени, где я отобедала. Меня приняли с большими почестями и доброжелательством, находя удовольствие от моего рассказа обо всех знаках уважения и празднествах во время моего путешествия и пребывания в Льеже, равно как о приключениях на обратном пути. За этими приятными беседами, расположившись все вместе в карете **[135]** королевы моей матери, мы прибыли в Париж. После того как был подан ужин и состоялся бал, я подошла к королю и королеве нашей матери, находившихся вместе, и сказала им, что умоляю их не думать ничего плохого о моих словах, поскольку собираюсь просить их о милостивом разрешении отправиться к королю моему мужу. Мир уже заключен, и это обстоятельство не позволит ему относиться ко мне подозрительно; к тому же мне кажется несправедливым и недостойным, если я буду и далее задерживаться с отъездом. Оба они благосклонно отнеслись к моей просьбе и похвалили мое желание, которое я им выразила. Королева моя мать ответила мне, что сама хочет сопровождать меня, считая, что ее визит в эти края совершенно необходим для интересов короля. Последнего она попросила, чтобы мне были выделены соответствующие средства для путешествия; на что король охотно дал свое

согласие. Я, в свою очередь, не желая оставлять каких-либо долгов, которые призвали бы меня обратно ко двору (где я не могла больше чувствовать себя хорошо, поскольку мой брат должен был его покинуть – я видела, как он готовился сделать это в скором времени, отправляясь во Фландрию), я напомнила также королеве моей матери о том, что она мне обещала при подписании мира с моим братом: если случится, что я отправлюсь в Гасконь, она поможет мне обрести земли, являющиеся моим приданым. Она вспомнила об этой просьбе, которую король также нашел вполне обоснованной, обещая мне, что он выделит мне приданое. Я упрашивала его сделать это поскорее, так как желала бы уехать, с его позволения, уже в начале следующего месяца. На этом [решении] и остановились, однако, в духе нашего двора. Ибо вместо моего скорого отъезда, а я каждый день напоминала об этом, они задержали его на пять или шесть месяцев [520]. Так же и мой брат, занятый подготовкой своего похода во Фландрию, представлял королю, что его предприятие окажет честь и принесет прибавление [земель] Франции, станет способом предотвращения гражданской войны (все беспокойные и жаждущие приключений умы получат возможность отправиться во Фландрию, выпустят там свой пар и насладятся войной), послужит также школой для дворянства Франции, где оно могло бы поупражняться во владении оружием и возродить времена Монлюков и Бриссаков, Термов и Бельгардов – великих **[136]** маршалов [521], которые, оттачивая свое мастерство в Пьемонте, столь победоносно и успешно служили королю и родине…

Приведенные аргументы были хороши и правдивы, но не обладали силой, способной перевесить зависть, возникшую из-за растущих успехов моего брата. Последнему каждый день чинились новые препятствия с целью задержать военные приготовления и сбор средств, что было необходимо для ведения кампании во Фландрии, и при этом ему самому, Бюсси и другим его сторонникам наносились многочисленные обиды, устраивались бесконечные ссоры с Бюсси, и днем, и ночью, и всякий час, то со стороны Кейлюса, то Грамона [522], которые надеялись, что мой брат примет **[137]** участие в какой-нибудь из этих стычек. Все это происходило без ведома короля. Но Можирон, который имел тогда на него влияние, покинув службу моего брата и зная, как брат относится к этому его поступку [523] (поскольку, по обычаю, *оскорбивший не может быть прощен никогда),* воспылал к нему такой ненавистью, что замыслил погубить его любым способом. Он стал дерзить ему и относиться с презрением, делая это с безумной опрометчивостью, которая свойственна юности и была усилена благоволением короля. Все это толкало его на непозволительные поступки и, объединившись с Кейлюсом, Сен-Люком [524], Сен-Мегреном [525], Грамоном, Молеоном, Ливаро и некоторыми другими молодыми людьми, которым покровительствовал король и которые задавали тон при остальном дворе (а придворные следуют только за теми, кто в фаворе), они делали все, что хотели, на что хватало их фантазии. В результате не проходило и дня, чтобы не устраивалась очередная ссора между ними и Бюсси, который из-за своего бесстрашия не мог уступить кому-либо.

Мой брат, понимая, что эти обстоятельства не способствуют его фламандским делам, желая скорее смягчить короля, чем его разгневать (чтобы добиться поддержки своего предприятия), и видя также, что Бюсси, находясь вне двора, скорее начет формирование отрядов, необходимых для его армии, послал его в свои земли, отдав соответствующий приказ [526]. Но даже после отъезда Бюсси преследование моего брата не прекратилось. Надо полагать, что главной причиной ненависти к Бюсси было то, что он служил моему брату, равно как и то, что его прекрасные личные качества вызывали огромную ревность у Можирона и других молодых **[138]** людей из окружения короля. Ибо с тех пор, как он уехал, они относились к моему брату с таким презрением и высокомерием, причем настолько открыто, что об

этом знал весь двор. Вместе с тем мой брат от природы был довольно терпелив и осторожен и решил сносить все оскорбления ради устройства своих дел и предприятия во Фландрии, надеясь благодаря этому вскоре покинуть двор и более туда никогда не возвращаться. Это преследование и эти обиды для него всегда были очень унизительными и стыдными, и было очевидно, что в своей ненависти к нему [его недруги] всеми способами задевают и его окружение. Так, господин де Ла Шатр [527] вскорости проиграл судебную тяжбу, поскольку с недавних пор перешел на службу к моему брату, ибо король, оказавшийся во власти убеждений Можирона и Сен-Люка, друзей мадам де Сеннетер [528], сам от имени этой дамы затеял процесс против Ла Шатра. Последний почувствовал себя обиженным (надо думать), и мой брат полностью разделял его справедливое сожаление.

В эти самые дни случилась свадьба Сен-Люка [529], на которой мой брат отказался присутствовать, попросив меня сделать то же самое. Королева моя мать, которой совершенно не нравились заносчивость и выходки этих молодых дворян, и опасавшаяся, что весь этот день они будут веселиться и предаваться разгулу, а мой брат, не желающий участвовать в празднике, может пострадать от каких-либо их действий, сообщила королю о своем намерении **[139]** поехать пообедать в Сен-Мор [530] и пригласить с собой меня и моего брата. Это был скоромный понедельник. Мы вернулись тем же вечером, и королева моя мать начала настоятельно уговаривать брата согласиться прийти на бал, чтобы доставить удовольствие королю [531]. Но вместо того, чтобы поправить дела, все обернулось обратным образом. Ибо там находившиеся Можирон и прочие из его клики стали насмехаться над ним в выражениях столь непристойных, что как меньшее их можно было посчитать за обидные, говоря ему, что де напрасно он так старался принарядиться, так как никто не сожалеет, что его не было в послеобеденное время, и что он явился в час сумерек, чтобы слиться с ними, высмеивая также его некрасивую внешность и сложение [532]. И все это говорилось в присутствии новобрачной, которая была рядом, и настолько громко, чтобы слышно было всем. Мой брат, понимая, что это делается намеренно, дабы вынудить его ответить и таким образом поссориться с королем, удалился оттуда, переполненный досады и гнева, каких у него еще не было. После чего, посоветовавшись с господином де Ла Шатром, он решил отправиться на несколько дней на охоту, думая, что его отсутствие охладит враждебность этих молодых людей и облегчит его переговоры с королем по вопросу подготовки армии, необходимой ему для отправки во Фландрию. С этим он отправился к королеве нашей матери на

[140] церемонию ее отхода ко сну, рассказав ей, что произошло на балу, от чего она пришла в огорчение, и сообщил ей о своем решении, принятом в связи с этим, каковое она нашла очень разумным. Королева пообещала ему получить на это согласие короля, а в отсутствие моего брата поспособствовать в скором времени обрести все необходимое, о чем было договорено ранее, для предприятия во Фландрии. Господин де Виллекье [533], присутствовавший при этом, был послан ею к королю с целью известить его о желании моего брата отправиться поохотиться на несколько дней – то, что ей кажется уместным, с тем, чтобы прекратить все ссоры, возникшие между герцогом Алансонским и молодыми людьми из окружения короля – Можироном, Сен-Люком, Кейлюсом и другими.

Мой брат удалился в свои покои, полагая, что разрешение на отъезд уже получено, и отдал распоряжение всем своим людям быть готовыми назавтра к выезду на охоту в Сен-Жермен, где он хотел остаться на несколько дней, чтобы загнать оленя, приказав своему обер-егермейстеру подготовить для этого собак. Он лег спать с намерением, проснувшись поутру, отправиться на охоту и ненамного отвлечься и отдохнуть от волнений двора. Господин де Виллекье тем временем отправился, согласно повелению королевы моей матери, просить о названном разрешении у короля, который поначалу согласился его дать. Но, оставшись в своем кабинете наедине только с советом Иеровоама из пяти или шести молодых людей [534], которые ему указали, что этот отъезд очень подозрителен, и внушили ему такое опасение, что король под их **[141]** влиянием совершил одно из самых больших своих безумств, которые случались в наше время, – он решил взять под стражу моего брата и всех главных лиц его дома. И если само это решение было неблагоразумным, то его исполнение стало нарушением приличий, поскольку король, спешно переодетый в костюм для ночного выхода, отправился к королеве нашей матери весь взволнованный, как будто повсюду протрубили тревогу и враг стоял у ворот, и сказал ей: «Итак, мадам, о чем же Вы думали, прося у меня разрешение на отъезд моего брата? Разве Вы не видите, в случае, если он уедет, какая опасность угрожает моему государству? Несомненно, под предлогом этой охоты он затевает опасное дело. Я намерен захватить его и его людей и обыскать все сундуки. Уверен, что мы обнаружим важные вещи». Короля сопровождали также господин де Лосс, капитан гвардейцев [535], и несколько шотландских стрелков.

Королева моя мать, опасаясь, как бы в этой спешке жизнь моего брата не подверглась опасности, попросила короля сопровождать его. И так как была уже раздетой, довольствовалась

только платьем для ночного выхода, которое на нее наспех одели. Она последовала за королем, поднявшимся к покоям моего брата, где он стал со всей силой стучать в дверь, крича, чтобы ему открыли, и что это он, король. Мой брат проснулся от шума и, зная, что он ничего не сделал, за что ему можно было бы опасаться, сказал своему камердинеру Канже отпереть дверь. Король, в ярости ворвавшись в комнату, начал попрекать его, говоря, что он по-прежнему продолжает действовать против его государства и что он покажет ему, как строить козни против своего короля. Затем он приказал своим стрелкам вынести все сундуки и удалить всех камердинеров из комнат брата. Он лично перерыл всю кровать моего брата, чтобы понять, прячет ли он там какие-нибудь бумаги. У брата было при себе одно письмо от мадам де Сов, полученное накануне вечером, каковое он держал в руке, чтобы его никто не нашел. Король потребовал отдать письмо. Брат сопротивлялся и, сложив руки вместе, просил не настаивать. Это еще более усилило желание короля, убежденного, что в этой бумаге заключено достаточно оснований для организации судебного процесса против моего брата... Наконец, открыв его в присутствии королевы нашей матери, они остались в смущении, подобно Катону [536], вынудившему **[74]** Цезаря [537] показать в сенате бумагу, которую тот хранил при себе, и говорившему, что речь идет об очень важном документе для блага республики, что на деле оказалось любовным посланием сестры самого Катона, адресованным Цезарю [538].

Неловкость от этой ошибки еще более увеличила досаду и гнев короля, который был унижен и, не желая выслушивать моего брата (который без конца просил сказать ему, в чем его обвиняют и почему с ним так обращаются), поручил охранять его господину де Лоссу и шотландцам, приказав им никого к нему не впускать. Все это случилось в час после полуночи. Мой брат остался взаперти, страшась более за меня, чем за себя, и думая, что со мной поступили таким же образом, не веря, что столь жестокое и несправедливое начало может привести к хорошему концу. Видя, что у господина де Лосса выступили слезы на глазах, вызванные сожалением от всего произошедшего, и все же он не осмеливается говорить с ним открыто из-за стрелков, находящихся здесь же, брат единственно спросил его, что со мной. Господин де Лосс ответил, что насчет меня не получал никаких приказаний. Мой брат сказал ему: «Это сильно облегчает мою боль – знать, что сестра моя свободна. Но даже в этой ситуации, я уверен, ее любовь ко мне такова, что она предпочла бы разделить со мной заключение, чем остаться на свободе без меня». Он попросил Лосса умолить королеву мою мать, чтобы она получила от короля

разрешение, позволяющее мне быть вместе с ним во время его заключения. Король согласился с его просьбой. Эта твердая уверенность в величии и крепости нашей с ним дружбы налагала на меня **[143]** особенные обязательства, и хотя благодаря именно моим услугам он завязал множество важных связей, я всегда ставила его интересы на первое место.

Вскоре после того как король дал свое согласие, на рассвете следующего дня, брат попросил господина де Лосса направить ко мне одного из шотландских стрелков, чтобы поставить меня в известность об этой грустной новости и передать просьбу прийти в его покои. Этот стрелок, войдя ко мне, увидел, что я еще сплю и пребываю в полном неведении того, что случилось. Он отодвинул полог кровати и сказал мне на языке, свойственном шотландцам: «Доброе утро, мадам, господин Ваш брат просит Вас прийти к нему». Я смотрела на этого человека, вся еще во власти сна, думая, что это – его продолжение, и, приходя в себя, спросила: «Вы из шотландской гвардии?» Он ответил утвердительно, и я продолжила расспросы: «А что такое? Моему брату больше некого послать за мной, кроме Вас?» Он сказал, что так и есть, поскольку все слуги моего брата удалены. И поведал мне на своем языке обо всем, что случилось с герцогом Алансонским минувшей ночью, и что брат получил разрешение для меня пребывать с ним во время его заключения. Видя, насколько я удручена, он наклонился ко мне и прошептал: «Не печальтесь так сильно. Я знаю способ спасти господина Вашего брата, и я это сделаю, не сомневайтесь. Однако нужно будет, чтобы я уехал вместе с ним». Я заверила его, что мы возместим ему все, что он ожидает от нас, и, поспешив одеться, отправилась вместе с ним безо всякого сопровождения в комнаты моего брата. Мне предстояло пересечь весь двор, наполненный придворными, которые обычно стремились попасть мне на глаза и оказать знаки почтения. Теперь же каждый из них (как настоящий придворный), понимая, что Фортуна отвернулась от меня, делал вид, что меня не замечает.

Войдя в комнату моего брата, я нашла, что он прекрасно владеет собой, и ничего не изменилось ни в его облике, ни в его спокойной манере Держаться. Увидев меня, он произнес, заключая меня в свои объятия, скорее с радостью, чем грустью: «Моя королева, прошу Вас, утрите Ваши слезы. В таком положении, в котором я нахожусь, Ваша печаль – единственное, что может расстроить меня. Ибо моя невиновность и правота, каковые на моей стороне, позволяют не бояться обвинений моих врагов. Если кто-либо в своей несправедливости замыслит поставить мою жизнь под угрозу, а жестокость толкнет их и на большее, у меня хватит **[144]** мужества и воли, чтобы презреть

неправедную смерть. Но не по этому поводу я буду сожалеть более всего, ибо моя жизнь до сего дня была здесь наполнена невзгодами и трудностями, и я знал только, что нет счастья в этом мире, поэтому не буду печалиться, покидая его. Единственно опасаюсь того, что мне не дадут здесь умереть достойной смертью и заставят долго томиться в одиночестве в этой тюрьме, откуда я буду презирать их тиранию. Только бы Вы пожелали быть обязанной остаться со мной». Слова эти, вместо того, чтобы высушить мои слезы, вызвали у меня такие потоки, что лицо стало совсем мокрым. Рыдая, я ответила ему, что жизнь моя и судьба связаны с ним, и только воля Божья может воспрепятствовать тому, чтобы я не смогла остаться и помочь ему в таком положении, а если мне не разрешат быть вместе с ним и начнут разлучать, я покончу с собой в его присутствии.

Проводя время в беседах и пытаясь понять причину, заставившую короля принять столь жестокое и несправедливое решение в отношении брата, мы так и не смогли найти приемлемое объяснение. Настал час, когда открывали ворота замка [Лувра], и [на входе] гвардейцы узнали и задержали молодого человека из свиты Бюсси. Его спросили, к кому он направляется. Удивленный неожиданным вопросом, он ответил им, что идет к своему господину. Эти слова были доведены до короля, который заподозрил, что Бюсси – где-то в Лувре, куда тот действительно прибыл во второй половине предыдущего дня, возвращаясь из Сен-Жермена [539]. Мой брат сам приказал ему приехать в составе отряда, чтобы обсудить с ним вопрос о формировании армии, которая предназначалась для Фландрии, и не думая в тот момент, что должен будет так скоро покинуть двор, ибо решение уехать [на охоту] было принято неожиданно. Вечером, после всех событий, о которых я говорила, Л'Аршан [540], капитан гвардейцев, получив приказ короля найти и арестовать Бюсси и Симье, в случае, если их найдет (приказ этот он воспринял с сожалением, потому что был близким другом Бюсси, который называл его своим отцом, а тот относился **[145]** к нему, как к своему сыну), поднялся в комнату Симье и взял его под стражу. Но сомневаясь, что Бюсси прячется здесь, он лишь поверхностно обыскал все и остался доволен, что не нашел его. Бюсси же, который затаился на кровати, увидев, что Л'Аршан остался один в этой комнате, и опасаясь, что если приказ найти его получит кто-нибудь другой, и он не будет в такой безопасности, решил, что лучше уж быть арестованным Л'Аршаном, достойным человеком и его другом, обладавшим веселым и непринужденным нравом, с которым, ничего не страшась, можно было переживать все опасности и тревоги. И

когда Л'Аршан закрывал дверь, чтобы сопровождать Симье, Бюсси высунул голову из-за полога и сказал ему: «Как, отец мой! Не хотите ли Вы уйти без меня? Или Вы считаете более почетным сопровождать этого негодяя Симье?» Л'Аршан повернулся и ответил: «Эх, сын мой, видит Бог, я готов отдать руку на отсечение, чтобы только не видеть Вас здесь!» Бюсси произнес: «Отец мой, это – знак того, что дела мои в порядке», продолжая подшучивать над Симье, который от волнения потерял присутствие духа. Л'Аршан поместил их обоих под стражу в одном помещении, а сам отправился за Ла Шатром, чтобы препроводить его в Бастилию [541].

В то время как происходили все эти события, господин де Лосс, добрый старик, бывший еще наставником короля, моего отца, и который любил меня, как дочь, осуществляя охрану моего брата и видя несправедливость, которой подвергся герцог Алансонский, а также проклиная дурной совет, которым руководствовался король, и, считая себя обязанным по отношению к нам обоим, решил спасти моего брата. Чтобы открыть мне свой замысел, он приказал шотландским стрелкам удалиться за дверь на лестницу и там оставаться, оставив при себе только двоих из них, которым доверял. Отведя меня в сторону, он произнес: «Нет ни одного доброго француза, сердце которого не обливалось бы кровью от того, что мы видели. Я служил еще королю, Вашему отцу, и готов отдать жизнь за его детей. Я уверен, что мне будет поручено охранять Месье Вашего брата в любом месте, куда его поместят. Заверяю Вас, что спасу его ценой своей жизни. Но для того, чтобы не раскрылись мои планы, мы не должны более говорить друг с другом. Так нужно». Эти слова вселили в меня надежду и немного **[146]** успокоили. Приходя в себя, я сказала моему брату, что мы не можем более находиться под гнетом этой инквизиции, не зная, что мы совершили, и содержаться здесь как последние преступники. Я попросила господина де Лосса, ибо король позволил нам видеться только с королевой нашей матерью, оказать нам услугу и узнать у кого-нибудь из окружения короля причину нашего заключения. К нам прислали господина де Комбо [542], главу совета этих молодых людей, который с присущей ему степенностью заявил, что он направлен к нам узнать, что именно желаем мы услышать от короля. Мы ответили, что хотим спросить у короля о причине нашей неволи, поскольку она нам не известна. Он ответил важно, что не стоит спрашивать у богов и королей о мотивах их решений, которые принимаются во имя блага и справедливости. Мы возразили ему, что не являемся простыми смертными, подсудными инквизиции, которые должны теряться в догадках,

что с ними сделают. [Однако] ничего более мы не смогли из него вытянуть, кроме того, что он пообещал сделать для нас все возможное, что в его силах. Брат мой начал смеяться. Я же, впав в отчаяние и видя, что [этот смех] может только усугубить положение моего брата, которого я почитала больше, чем саму себя, в своем огорчении готова была перестать с ним разговаривать, как он того заслуживал.

Пока Камбо передавал королю наш с ним разговор, королева моя мать, как видно, пребывая в печали в своих покоях (будучи весьма осторожной государыней, она как никто предвидела, что эта крайность, не имевшая ни смысла, ни оснований, могла бы принести немало несчастий нашему королевству, не будь мой брат столь добр от природы), послала собрать всех членов старого совета: господина канцлера [543], принцев, сеньоров и маршалов Франции, которые были единодушны в своем крайнем возмущении дурным советом, который дали королю, говоря королеве моей матери, что она должна противостоять всему этому и показать королю, что он **[147]** совершил ошибку. И так как уже невозможно вернуть то, что сделано, следует найти наилучший выход из создавшегося положения. Королева моя мать сразу же отправилась к королю со всеми этими господами и представила ему, какие последствия могут иметь его действия. Король, у которого открылись глаза на опасный совет своих молодых людей, положительно отнесся к речам этих старых сеньоров и советников и попросил королеву мою мать уладить это дело, сделав так, чтобы мой брат забыл все, что с ним произошло, не держал зла на этих молодых людей, и чтобы посредством этого установилось согласие между Бюсси и Кейлюсом.

Приняв такое решение, вскоре всю стражу отозвали из покоев моего брата. Королева моя мать поднялась к нему и сказала, что он должен благодарить Бога за милость, которую ему ниспослали, избавив от столь большой опасности, так как был момент, когда она сама опасалась за его жизнь. И поскольку он знает теперь, благодаря этим событиям, что нрав короля таков, что он может посчитать себя оскорбленным не столько реальными поступками, сколько воображаемыми, и если будет руководствоваться последними, не слушая никаких доводов – ни ее самой, ни других лиц, то сделает все, что захочет его фантазия. Посему, чтобы не вызывать более гнев короля, нужно проявить сговорчивость в соответствии с его волей – прийти к нему и показать, что он [герцог Алансонский] не в обиде за то, что с ним случилось, и никогда не станет об этом вспоминать. Мы ответили ей, что с радостью возблагодарим Господа нашего, который своей

волей защитил нас от несправедливости, которую нам уготовили, и признательны ей за все хлопоты о нас, однако высокий ранг моего брата не позволяет помещать его просто так в тюрьму и затем так же просто освобождать, без формального оправдания и удовлетворения. Королева ответила, что сделано, то сделано, и даже Бог не смог бы помешать этому, но для того, чтобы восстановить [протокольный] порядок, нарушенный вследствие его заключения, освобождение моего брата будет сопровождаться всеми почестями и удовлетворением, что он только пожелает. Нужно однако, чтобы он во всем угождал королю, говоря с ним с таким уважением и демонстрируя такую преданность его службе, чтобы тот остался доволен. Помимо этого, король поможет примирению Бюсси и Кейлюса так, чтобы уже ничто не могло их поссорить, признавая тем самым, что основным мотивом, который породил этот дурной совет и эти действия, стало опасение возможного поединка, на который **[148]** старший Бюсси [544], достойный отец столь же достойного сына, просил разрешения у короля, с тем, чтобы быть секундантом храброго Бюсси. Господин де Кейлюс, в свою очередь, намеревался сделать секундантом своего отца [545]. Все они обязаны положить конец своей ссоре и более не будоражить двор, как это было, держа в страхе столько людей. Мой брат пообещал королеве нашей матери, что Бюсси, увидев, что нет никакой надежды сражаться и стремясь выйти из тюрьмы, исполнит все, на чем она настаивает.

Королева моя мать спустилась вниз и заручилась обещанием короля обставить с почетом освобождение моего брата. С этой целью король явился в ее покои со всеми принцами, сеньорами и прочими членами своего совета, послав за нами господина де Виллекье. Пока мы направлялись к Его Величеству, шествуя через залы и комнаты, то видели, что все они наполнены придворными, которые смотрели на нас со слезами на глазах, благодаря Бога, что мы избавлены от опасности. Войдя в комнату королевы нашей матери, мы встретились с королем и его свитой, о чем я уже говорила. Король при виде моего брата сказал, что просит его не считать странным и оскорбительным все произошедшее, проникнутое только заботой о покое в государстве, и заверяет, что никто не имел намерений причинить ему неудовольствие. Мой брат ответил ему, что он обязан и давал клятву служить Его Величеству, всегда одобряя то, что было угодно королю, но он покорнейше хотел бы обратить внимание короля на преданность и верность, которые он проявлял и которые не заслуживают подобного с ним обращения; однако же в этом он винит одну свою несчастную судьбу и останется довольным, если с него снимут обвинения. Король в ответ произнес, что мой брат

невиновен, и в этом нет никаких сомнений, и просит его пребывать с ним в такой дружбе, которой они еще не знали. При этом королева наша мать подвела их обоих друг к другу, чтобы они обнялись. Вскоре король приказал, чтобы привели Бюсси для примирения с Кейлюсом и заодно освободили Симье и господина де Ла Шатра. Бюсси вошел в комнату с сияющим **[149]** видом, обычным для него, и король выразил ему свое желание – чтобы он помирился с Кейлюсом и тем самым прекратились все разговоры об их ссоре, попросив его обнять Кейлюса. Бюсси ответил: «Сир, если Вам угодно, чтобы я поцеловал его, я намерен это сделать». И, сопровождая свои слова соответствующими движениями, он обнял Кейлюса на манер Панталоне [546]. От этой сцены все общество, будучи еще во власти удивления и осознания важности происходящего, не смогло удержаться от смеха. Наиболее опытные придворные посчитали, что столь слабое удовлетворение, полученное моим братом, не соответствует тому большому злу, от которого он пострадал. После завершения примирения король и королева моя мать, подойдя ко мне, сказали, что мне нужно позаботиться о том, чтобы мой брат никогда не вспоминал о случившемся, иначе он может выйти из повиновения и потерять дружбу короля, которую он обязался блюсти. Я ответила ей, что мой брат довольно осторожен и настолько предан своему долгу, что нет надобности напоминать ему об этом ни мне, ни кому-либо еще, а от меня он получал и будет получать только те советы, которые сообразуются с их волей и его обязанностями.

Поскольку было уже три часа пополудни, и никто еще не обедал, королева моя мать пожелала, чтобы мы пообедали все вместе, попросив моего брата и меня пойти переодеться (что было уместным по причине неподобающих условий, в которых мы пребывали до недавнего времени), и мы отправились наряжаться для трапезы у короля и последующего бала. Королева могла нас заставить поменять и надеть новые одежды, но не изменить лица, которые являются живым отражением души, ибо наши переживания, не получившие удовлетворения, были настолько очевидны, что она прочитала их в наших глазах, которые говорили со всей силой **[150]** и страстью о досаде и справедливом презрении ко всем актам этой трагикомедии. Все это закончилось тем, что шевалье де Серр [547] (которого королева моя мать отрядила к моему брату ночевать в его покоях и с которым она находила удовольствие беседовать на разные темы, поскольку он обладал острым языком и немного напоминал философствующего циника, благосклонно относясь ко всему, о чем он говорил), находясь рядом с ней, был спрошен ею: «Итак,

господин де Серр, что скажете обо всем этом?» «Этого слишком мало, чтобы воспринимать всерьез, – ответил он, – и слишком много, чтобы принимать за игру». И, повернувшись ко мне, сказал тихо, что она не услышала: «Я не верю, что сейчас разыграли последний акт этой пьесы. Наш персонаж (так он пожелал назвать моего брата) удивит меня, если останется здесь и далее».

Так и прошел этот день: зло было смягчено только внешне, но не внутри. Молодые люди, которые управляли королем, судили о моем брате, опираясь на свой небольшой жизненный опыт (а им-то не позволительно было судить о том, что значат долг и любовь к родине для столь благородного принца с таким высоким происхождением), и убеждали короля, постоянно навязывая ему свое мнение, что мой брат никогда не забудет публичного оскорбления, которое ему нанесли, и поэтому собирается отомстить. Король, уже не вспоминая об ошибке, которую он совершил из-за этих молодых людей, вскоре поддался этому второму наговору и приказал капитанам гвардейцев тщательно нести охрану ворот, чтобы мой брат не мог выходить, и каждый вечер удалять из Лувра всех людей из его свиты, оставляя при нем только тех, кто обыкновенно ночевал в его комнате или в его гардеробной.

Мой брат, видя, что отдан на милость этих незрелых умов, которые настраивают короля обращаться с ним без уважения и понимания, как подсказывает им их фантазия, и опасаясь, как бы с ним не случилось худшее (уже познав на себе пример дурного обращения без причины и повода), пережив три дня в состоянии опасности, решился бежать из замка в свои владения и более не возвращаться ко двору. Там он хотел как можно быстрее устроить свои дела, необходимые для отправки во Фландрию. Он сообщил мне о своем желании. Понимая, что речь идет о его безопасности, **[151]** а король и королевство не могут пострадать из-за этого [бегства], я одобрила его намерение. В поисках способов осуществить это и зная, что он не сможет покинуть входные ворота Лувра (настолько хорошо охранявшиеся, что всем следующим через них стражники смотрели в лицо), он не нашел ничего иного, кроме как бежать через окно моей комнаты, которое выходило на ров и находилось на третьем этаже. С этой целью он попросил меня раздобыть моток надежной веревки необходимой длины, чем я сразу и занялась, в тот же день поручив одному своему верному слуге вынести футляр из-под лютни, который прохудился и якобы требовал починки. Спустя несколько часов слуга вернулся назад с футляром, где уже находилась нужная нам веревка.

Настал час ужина, и так как король постился, то королева

моя мать ужинала одна в своей малой зале. Я присоединилась к ней. Мой брат, хотя и был довольно осторожен и сдержан в отношении своих поступков, никак не мог отойти от пережитого оскорбления, которое он получил, и опасности, которая ему угрожала, горя желанием покинуть двор; он вошел к нам, когда я уже вставала из-за стола, и сказал мне на ухо, что просил бы меня поторопиться и как можно быстрее пройти к себе в покои, где он будет меня ожидать. Господин де Матиньон, который в ту пору еще не был маршалом [548], – опасный и хитрый нормандец, который никогда не любил моего брата, был уведомлен о его намерении кем-то, кто не держал язык за зубами, или же заподозрил что-то в момент наших шептаний, сказав королеве моей матери, когда она вошла в свою комнату (то, что я смогла расслышать, находясь недалеко от нее и обратив на это внимание, тщательно следя за всем, что происходит, – как делают те, кто находится в таком же положении и перед своим освобождением трепещет от страха и надежды), что мой брат, несомненно, собирается бежать, и уже завтра его здесь не будет, и ему [Матиньону] это хорошо известно, [поэтому] она должна принять меры. Я увидела, как она разволновалась от этого известия, что прибавило мне опасений в том, как бы наши планы **[152]** не были раскрыты. Когда мы вошли в ее кабинет, она отвела меня в сторону и спросила: «Вы слышали, что сказал мне Матиньон?» Я ответила ей: «Я не расслышала, Мадам, но вижу, что это повергло Вас в печаль». «Да, – сказала она, – и в большую печаль. Ибо Вы знаете, что я заверила короля в том, что Ваш брат никуда не собирается бежать. А Матиньон начал мне говорить, что ему прекрасно известно, что Вашего брата не будет здесь уже завтра». Оказавшись в результате меж двух крайностей – или же пренебречь верностью, в которой я поклялась своему брату, и поставить его жизнь под угрозу, или же свидетельствовать против правды, чего я не хотела бы делать под страхом тысячи смертей, – я почувствовала себя в такой большой растерянности, что если бы Господь не помог мне, то один мой вид без всяких слов сказал бы сам за себя, и то, чего я боялась, оказалось бы раскрыто. Но так как Всевышний помогает добрым намерениям (и свою божественную доброту Он направил на спасение моего брата), я настолько совладала со своим видом и своими словами, что она ничего не смогла распознать, как я и хотела, и я не запятнала свою душу никакой ложной клятвой.

В ответ я произнесла: «Разве Вам не известно о той ненависти, которую господин де Матиньон питает в отношении моего брата и, будучи злобным смутьяном, сожалеет о том, что между всеми установилось согласие? И если мой брат уедет, то

мне придется поплатиться за это своей жизнью, но я уверена, так как брат никогда и ничего от меня не скрывал, если бы у него было подобное желание, он сообщил бы мне о нем. Что бы ни случилось, моя жизнь – в его руках». Говоря это, я убеждала себя, что если мой брат спасется, мне не посмеют причинить неприятность; а в противном случае, если замыслы наши раскроются, я предпочла бы поплатиться своей жизнью, чем отягощать свою душу лжесвидетельством и ставить под угрозу его жизнь. Королева, не особо вникая в суть моих слов, сказала мне: «Подумайте хорошо о том, что Вы говорите. Вы останетесь как заложница и ответите за все своей жизнью». Улыбаясь, я ответила, что именно это я и имела в виду. И, пожелав ей доброй ночи, направилась в свои покои. Там я приказала себя наскоро раздеть и уложить в кровать, чтобы побыстрей отпустить своих придворных дам и фрейлин. Когда я осталась наедине только с камеристками, пришел мой брат в сопровождении Симье и Канже. Я поднялась с кровати, и вместе мы привязали веревку к опоре. Выглянув в ров и никого не заметив поблизости, с помощью трех моих камеристок, ночевавших в моей **[153]** комнате, и одного камердинера, который и доставал веревку, мы помогли спуститься сначала моему брату, который смеялся и шутил, не проявляя никакого страха, несмотря на довольно большую высоту, затем – Симье, бледному и взволнованному, который почти не скрывал своей боязни, наконец, Канже, камердинеру брата. Бог помог моему брату, не будучи узнанным, счастливо добраться до аббатства Святой Женевьевы, где его уже ждал Бюсси, который, с согласия аббата, проделал дыру в городской стене, через которую они и покинули Париж [549]. За стеной уже были наготове лошади, на которых брат добрался до Анжера без каких-либо происшествий.

Когда последним мы спускали Канже, изо рва выбрался какой-то человек, находившийся в его глубине, который побежал по направлению к зданию возле площадки для игры в мяч, где пролегала дорожка, по которой ходили гвардейцы, несущие охрану. Увидев все это, я испугалась не столько за саму себя, сколько за безопасность своего брата, почти лишившись чувств от страха и будучи убежденной, что этот некто – человек Матиньона, который прятался там, чтобы следить за нами. Полагая, что мой брат уже схвачен, я впала в такое отчаяние, которое можно себе представить, лишь пережив что-либо подобное. Мои женщины, взволнованные и озабоченные моей и своей безопасностью, смотали веревку и кинули ее в огонь с тем, чтобы ничего не было найдено, если наше несчастье столь велико и выскочивший изо рва человек действительно следил за всем. Эта веревка, довольно

длинная, породила такое большое пламя, что искры посыпались из дымовой трубы и таким образом привлекли внимание стражников, находившихся внизу, которые несли дежурство этой ночью. Они пришли и начали стучать в мою дверь изо всех сил, требуя, чтобы им тотчас открыли. Я же, находясь в ударе от того, что мой брат уже арестован, и оба мы погибли, тем не менее, призвала на помощь Господа Бога, помогавшего мне всегда сохранять трезвость ума (благодаря Его божественной милости я, пользуясь этой способностью, избегала всех опасностей, которые меня подстерегали). Видя, что веревка сгорела еще только наполовину, **[154]** я сказала камеристкам, чтобы они подошли к двери и как можно любезно спросили, чего они хотят, говоря при этом негромко, как будто я уже сплю. Что они и сделали. Стрелки им ответили, что виден огонь из трубы моего камина и что они пришли его погасить. Мои женщины уверили их, что ничего не надо делать и они сами со всем справятся, иначе стрелки разбудят меня... Последние удалились.

Моя тревога прошла два часа спустя, когда явился господин де Лосс, посланный, чтобы сопроводить меня к королю и королеве моей матери для дачи объяснений по поводу бегства моего брата. Они уже были извещены обо всем аббатом Святой Женевьевы, который, не желая неприятностей, с согласия моего брата, когда тот находился уже далеко и его не могли настигнуть, прибыл к королю с объяснением, что был удивлен присутствием в аббатстве герцога Алансонского и сумел запереть его, но они [герцог и его спутники] проделали эту дыру, поэтому он и не смог сразу упредить обо всем короля. Господин де Лосс застал меня в кровати, ибо была ночь. Быстро одев меня в платье для ночного выхода, одна из моих камеристок, не сдержав испуга, схватилась за мое платье, крича и плача, говоря, что я уже никогда не вернусь. Господин де Лосс, отстранив ее, сказал мне тихо: «Если бы эта женщина повела себя так в присутствии другого человека, а не меня, Вашего преданного слуги, Вам бы это весьма навредило. Не печальтесь и благодарите Бога, ибо Месье, Ваш брат, спасен». Эти слова стали для меня той нужной опорой, которая укрепила меня перед угрозами и запугиванием, которые мне предстояло услышать от короля. Его я нашла сидящим у изголовья кровати королевы моей матери в такой ярости, которая, верится мне, обрушилась бы на меня, если бы не опасения из-за возможных действий моего брата и присутствие королевы. Они одновременно начали говорить мне о том, что я ведь ручалась, что мой брат никуда не денется. Я ответила утвердительно, но добавила, что оказалась обманутой так же, как и они. Однако могу поклясться своей жизнью, что отъезд моего

брата не нанесет никакого урона службе короля и что он отправился в свои владения с единственной целью – подготовить все необходимое для своего предприятия во Фландрии. Это немного смягчило ситуацию, и мне разрешили вернуться к себе. Вскоре пришли вести от моего брата, которые подтвердили его намерение – то, о чем я им говорила. Причитания прекратились, но осталось раздражение, проявлявшееся в том, что при внешнем **[155]** желании оказывать помощь моему брату, в действительности же подготовке его армии для Фландрии оказывалось всяческое противодействие [550].

Время текло своим чередом, и я, не переставая, просила короля разрешить мне отправиться к королю моему мужу. Видя, что он не может и далее мне в этом отказывать, и не желая, чтобы я уехала недовольная им, рассчитывая во что бы то ни стало порвать мои дружеские связи с братом, он осыпал меня всеми видами благодеяний и пожаловал мне – в соответствии с обещанием, которое королева моя мать дала мне при заключении мира в Сансе, – земли в счет моего приданого, а кроме того, право назначения на должности и бенефиции [551]. Помимо этого, мне был предоставлен пенсион, который обычно получали дочери Франции, и король лично достал мне наличные деньги из своих сундуков. Он брал на себя труд каждое утро посещать меня, демонстрируя, насколько его дружба может быть для меня полезней, чем дружба с моим братом, ведущая только к печальному концу, и насколько он способен сделать мою жизнь гораздо счастливее, [приводя также] тысячу других подобных доводов. Этим он никогда не мог поколебать верность, которую я питала к своему брату, добившись от меня только изъявления того, что моим самым большим желанием было бы видеть моего брата в милости у короля, поскольку мне кажется, что он несправедливо лишен ее. Я также выражала уверенность, что брат приложит все усилия, чтобы заслужить эту милость своим крайним повиновением и самой преданной службой. Что касается **[156]** меня, то я чувствую себя весьма благодарной и обязанной королю за столько почестей и благ, которые он мне даровал, и он может быть спокоен за то, что, находясь рядом с королем моим мужем, я никогда не стану пренебрегать его распоряжениями, которые ему будет угодно мне отдавать, и буду стараться делать все возможное, чтобы удерживать короля моего мужа в повиновении ему. Мой брат к тому моменту уже готовился к отправке во Фландрию. Королева моя мать пожелала перед его отбытием встретиться с ним в Алансоне. Я упросила короля соблаговолить дать согласие на то, чтобы сопровождать ее и попрощаться с братом, что он сделал с неохотой [552].

По возвращении из Алансона, так как все приготовления для моего отъезда [в Гасконь] были завершены, я также умолила короля отпустить меня [553]. В связи с тем, что королева моя мать намеревалась совершить поездку в Гасконь по делам короля, которые требовали ее личного присутствия в этой области, она решила, что должна отправиться вместе со мной. Покинув Париж, король сопровождал нас до своего замка Долленвиль, где, проведя вместе несколько дней, мы с ним расстались [554]. Спустя немного времени мы **[157]** уже были в Гиени, где нам устраивались торжественные въезды, поскольку король мой муж являлся губернатором этой провинции. Он выехал навстречу королеве моей матери в Ла Реоль [555] – город, принадлежавший представителям [протестантской] религии, поскольку из-за некоторых опасений, связанных с тем, что мир еще не установился окончательно, ему не разрешили проехать дальше. Его сопровождали все сеньоры и дворяне Гаскони, как гугеноты, так и католики.

Королева моя мать предполагала недолго пробыть [на юге], но случился ряд инцидентов как со стороны гугенотов, так и католиков, что заставило ее задержаться здесь на пятнадцать месяцев [556]. Будучи рассерженной из-за этого, она была склонна в то же время думать, что ее удерживают намеренно, дабы как можно дольше видеться с ее фрейлинами, тем более что король мой муж был весьма влюблен в м-ль Дейель [557], а господин де Тюренн [558] – в м-ль **[158]** де Ла Вернь [559]. Все это не мешало тому, что король мой муж оказывал мне большие почести и проявлял такую же дружбу, и теперь мог говорить мне все, что хотел. В первый же день нашего приезда он рассказал мне обо всех кознях, которые ему строили, когда он пребывал при дворе, чтобы только нас поссорить (он прекрасно понимал, что все это делается с одной целью – разрушить его дружбу с моим братом и тем самым погубить нас троих), демонстрируя огромную радость от того, что теперь мы вместе.

1579

Мы пребывали в этом счастливом состоянии, пока королева моя мать оставалась в Гаскони. Но после того, как установился мир [560], она, заменив по просьбе короля моего мужа генерального наместника провинции (отстранив господина маркиза де Виллара [561] **[159]** и назначив на его место господина маршала де Бирона [562]), направилась в Лангедок. Мы проводили ее до Кастельно, где она простилась с нами [563], а затем вернулись в По, в Беарн [564]. Здесь уже не проводились католические службы, и мне разрешили молиться в единственной маленькой часовне, которая, будучи очень узкой (всего три или четыре шага в длину), едва вмещала в себя семь или восемь человек. В час, когда мы хотели прослушать мессу, замковый мост был поднят из опасения, что католики этой страны, у которых не было возможности присутствовать на церковной службе, могли бы ее услышать, хотя они бесконечно желали присутствовать на этой мессе, поскольку были лишены ее уже несколько лет. Охваченные этим священным и справедливым желанием, жители По в Троицын день [565] нашли способ, перед тем как подняли мост, проникнуть в замок и затем в часовню. Там на них никто не обращал внимания вплоть до окончания службы, когда открыли двери, чтобы впустить одного из моих людей. Какой-то гугенот, приставленный следить за дверьми, увидел их и тут же сообщил об этом Ле Пену, секретарю короля моего мужа [566], который имел на него безграничное влияние и обладал большим авторитетом в его доме, будучи ответственным за все дела, касающихся их религии. Ле Пен послал в часовню стражу короля моего мужа, которая, вытащив этих католиков оттуда и избив их в моем присутствии, затем отвела в тюрьму, где они пробыли долгое время, заплатив большой штраф [567].

Эта недостойная сцена до крайности возмутила меня, поскольку я не ожидала ничего подобного. Я пошла жаловаться королю моему мужу, умоляя его помиловать этих бедных католиков, **[160]** которые не заслуживали такого наказания из-за своего желания, после столь долгого отсутствия церковных служб нашей религии, воспользовавшись моим приездом, прослушать мессу в день столь славного праздника. Ле Пен вмешался в наш разговор с мужем, не будучи к нему приглашенным, и, безо всякого уважения к своему господину, не дав ему ответить, взял слово и сказал мне, чтобы я не занимала голову короля моего мужа этим событием, так как, чтобы я ему ни говорила, он ничего

не станет предпринимать, а эти люди понесли то наказание, которое заслужили, и все мои усилия ни к чему не приведут. И вообще, чтобы я была довольна тем, что мне специально разрешили прослушать мессу, равно как людям моей свиты, которых я взяла с собой. Такие слова человека столь низкого положения сильно оскорбили меня, и я настойчиво попросила короля моего мужа, если он и дальше желает, чтобы я была счастлива от его добрых милостей, согласиться со мной в том, что этим ничтожным человеком мне было нанесено очевидное оскорбление, и чтобы он принял соответствующие меры. Король мой муж, понимая, что я возмущена по-справедливости, приказал ему выйти и больше не показываться мне на глаза, говоря мне, что он очень огорчен бестактностью Ле Пена, но того толкнуло на это его религиозное рвение, и он [Генрих Наваррский] сделает все так, как я хотела бы. Что касается католиков, томящихся в тюрьме, он посоветуется с советниками парламента По с тем, чтобы доставить мне удовлетворение.

Сказав мне это, король направился в свой кабинет, где его ожидал Ле Пен, и после беседы с ним он изменил свое мнение: опасаясь, как бы я не потребовала удаления его секретаря, он стал избегать встреч со мной. Наконец, видя, что я упорствую и прошу его сделать выбор между мной и Ле Пеном, кто из нас ему более приятен, все его старые [приближенные], находившиеся при нем, которые ненавидели высокомерие этого человека, посоветовали королю не обижать меня из-за его секретаря, так оскорбившего меня. Ведь если об этом станет известно королю и королеве моей матери, последние найдут весьма дурным то, что он терпимо относится к Ле Пену и держит его при себе. В конце концов король мой муж вынужден был удалить его [568], но при этом не перестал причинять мне боль и делал это намеренно, находясь там [в По] и действуя по наущению, как он признавался мне позднее, **[161]** господина де Пибрака [569], который вел двойную игру: мне он [Пибрак] говорил, что я не должна терпеть вызывающее поведение такого выскочки, как Ле Пен, и что нужно настаивать, чтобы его прогнали; королю же моему мужу он советовал, что совсем не нужно лишаться из-за меня услуг человека, которые ему так необходимы. Все это господин де Пибрак делал для того, чтобы склонить меня, под тяжестью неприятностей, вернуться во Францию, где он очень был привязан к своему месту президента [Парижского парламента] и должности советника в совете короля. Ко всему прочему положение мое еще более ухудшилось: после того как удалилась м-ль Дейель, король мой муж стал оказывать знаки внимания Ребур [570], девушке со злобным нравом, которая совсем не

любила меня и чинила мне все возможные козни, какие только могла.

Несмотря на эти трудности, я всегда уповала на милость Господа, который в итоге узрел мои слезы и позволил нам уехать из По – этой маленькой Женевы [571], где, к огромной моей радости, **[162]** осталась Ребур, будучи больной. Король мой муж, не видя ее, потерял к ней интерес, начав оказывать знаки внимания Фоссез [572], в то время еще совсем ребенку, которая была гораздо красивее и добрее. Держа наш путь в Монтобан, мы следовали через городок под названием Эоз, где решили остановиться на ночь. Здесь король мой муж слег с очень сильным жаром, сопровождающимся головными болями, который продолжался в течение семнадцати дней, во время которых он не мог принимать пищу ни днем, ни ночью [573]. Ему постоянно требовалось перестилать кровать. Я так усердно ухаживала за ним (совсем не отлучаясь от него и не переодеваясь) и ему настолько приятна была моя помощь, что он начал всем хвалить меня и особенно моему кузену господину де Тюренну, который оказал мне услугу как добрый родственник, способствовав такому нашему сближению с мужем, на что я и не рассчитывала [574]. Мое счастье продолжалось около четырех или пяти лет, пока я жила с мужем в Гаскони [575] по большей части в нашей резиденции в Нераке, где наш двор был таким прекрасным и столь приятным, что мы совсем не завидовали двору Франции. При нашем дворе находилась мадам принцесса Наваррская, сестра мужа, которая позже будет выдана замуж за господина герцога **[163]** де Бара, моего племянника [576]; при мне состояло много придворных дам и фрейлин, а короля моего мужа окружал прекрасный эскорт сеньоров и дворян – весьма благородных людей, галантных не менее, чем те, кого я видела при французском дворе. Не было никакого сожаления из-за того, что они являлись гугенотами, никто и не говорил о различии религий: король мой муж и мадам принцесса его сестра отправлялись слушать проповедь, а я со своей свитой шла на мессу в церковь, находившуюся в парке. Когда все заканчивалось, мы встречались, чтобы совершить совместную прогулку по прекраснейшему саду, в котором располагались аллеи с лавровыми деревьями и кипарисами огромной высоты, или по парку, который я велела разбить, где находились аллеи длиной в три тысячи шагов, протянувшиеся вдоль реки. Остальную часть дня мы проводили в разного рода светских развлечениях; бал обычно проходил после обеда или вечером.

В течение всего этого времени король ухаживал за Фоссез, которая, во всем зависев от меня, держалась с таким

достоинством и была столь добродетельна, что если бы так продолжалось и дальше, она не испытала бы несчастье, которое потом выпало на нее, равно как и на меня. Но Фортуна, завидуя этой нашей счастливой жизни (которая, казалось, своим спокойствием и союзом, в котором мы пребывали, презирала ее [Фортуны] могущество, как будто мы не были подвержены ее изменчивости), решила нас потревожить новыми поводами для войны между королем моим мужем и католиками, сделав его и господина маршала де Бирона (которого назначили на должность генерального наместника Гиени по требованию гугенотов) такими врагами, что, несмотря на все мои попытки поддержать их согласие, я не сумела воспрепятствовать тому, когда они, впав в состояние крайнего недоверия и ненависти друг к другу, начали жаловаться один на другого королю [Франции]. Король мой муж требовал, чтобы господина маршала де Бирона отозвали из Гиени, а господин маршал обвинял его и последователей реформированной религии в том, что они делают все для того, чтобы нарушить мирный договор. **[164]**

1580

К моему большому сожалению, этот начавшийся разлад постоянно усиливался, и я была бессильна что-либо сделать. Господин маршал де Бирон советовал королю приехать в Гиень, говоря, что его присутствие установит здесь порядок. Гугеноты, извещенные об этом, стали думать, что король явится только за тем, чтобы захватить их города и выгнать их оттуда. Это подтолкнуло их взяться за оружие – то, чего я опасалась более всего, поскольку, будучи связанной с судьбой короля моего мужа, я, следовательно, оказывалась в партии противников короля и моей религии. Я говорила об этом королю моему мужу, пытаясь удержать его, равно как всем его советникам, доказывая им, как мало выгод может принести эта война, в которой противную сторону возглавит такой человек, как господин маршал де Бирон, знаменитый капитан, весьма плохо настроенный по отношению к ним, который не будет церемониться и щадить их, как это делали другие. А если все могущество короля обрушится на них с целью уничтожить их всех, они не смогут оказать этому сопротивление. Однако из-за опасения, что король действительно прибудет в Гасконь, и в надежде на многие предприятия, которые позволят им захватить большую часть городов Гаскони и Лангедока, гугеноты были настроены решительно, и хотя король мой муж оказывал мне честь, выслушивая меня и доверяя мне больше, чем своим советникам, а главные лица их религии уважительно относились к моим доводам, я не смогла тогда убедить их прислушаться ко мне. Уже очень скоро они поняли, понеся потери, что были не правы. Нужно было выпустить этот горный поток, который, начав свое движение, вскоре столкнулся с реальностью, о которой я всех предупреждала [577]. **[165]**

Задолго до того, как мы оказалась в таких обстоятельствах, видя, что все идет к войне, я часто извещала об этом короля и королеву мою мать с целью склонить их дать какое-либо удовлетворение королю моему мужу. Но они не придавали значения моим письмам [578], и казалось, были даже довольны тем, что дела обернулись таким образом, слушая только покойного [ныне] маршала де Бирона, который обещал им найти способ уменьшить число гугенотов, насколько возможно. Пренебрегая моими советами, в условиях мало-помалу нарастающего ожесточения, все взялись за оружие. Последователи реформированной религии сильно просчитались в своих силах, которые они в состоянии были выставить, и король

мой муж оказался гораздо слабее, чем маршал де Бирон, поэтому все их предприятия потерпели поражение, за исключением Кагора (где гугеноты, используя емкости, начиненные порохом, потеряв много людей, сражались на протяжении двух или трех дней с господином де Везеном [579], отстаивавшем каждую улицу, каждый дом) [580]. Здесь король мой муж показал свою осторожность и достоинство, не только как принц крови, но также как отважный и мудрый капитан. Захват Кагора [вместе с тем] ослабил гугенотов больше, чем укрепил их положение: маршал де Бирон вел военную кампанию постепенно, нападал и захватывал **[166]** все маленькие города, которые находились в их руках, нанизывая всех на острие шпаги [581].

С самого начала этой войны, видя, что король мой муж оказывает мне честь, продолжая любить меня, я не могла покинуть его. Я решила следовать за его Фортуной, признавая с крайним сожалением, что из-за мотива этой войны я не могу желать победы ни одной из сторон и в состоянии выражать лишь свое неудовольствие. Ибо если бы гугеноты получили преимущество, это привело бы к погибели католической религии, ради сохранения которой я готова была отдать собственную жизнь. Также, если бы католики взяли верх над гугенотами, я увидела бы крушение короля моего мужа. Оставшись вместе с ним, в соответствии с моим долгом и по причине дружбы и доверия, которые ему угодно было проявлять ко мне, я написала письма королю и королеве моей матери, объяснив положение вещей в этой стране, как я их понимала, хотя мои [прежние] послания, которые я им направляла, действий не возымели. Я их умоляла, во имя уважения ко мне, которое они питают, погасить этот огонь, в центре которого я оказалась, и хотя бы соблаговолить упредить господина маршала де Бирона, что город [Нерак], где я пребывала, будет держать нейтралитет, поэтому никаких военных действий не должно вестись в пределах трех лье от него, и что я также добьюсь от короля моего мужа, чтобы представители его религии согласились с этим. В ответ я получила согласие короля, с условием, что в Нераке не будет короля моего мужа. И как только он там появится, нейтралитет будет считаться недействительным. Названное условие соблюдалось одной и другой стороной с таким уважением, которое только можно было пожелать. Это не мешало королю моему мужу часто одному наведываться в Нерак, где находились я и мадам его сестра. В его природе было заложено получать удовольствие от дамского общества, тем более что он был серьезно влюблен в Фоссез (за которой постоянно ухаживал после того, как оставил Ребур), которая не доставляла мне никаких

хлопот. Вместе с тем король мой муж не переставал жить со мной в родственной привязанности и дружбе, как будто я была его сестрой, видя, что я желаю только, чтобы он всем был доволен.

Все это влекло его в Нерак, где однажды он появился со своим войском и задержался на три дня, не в силах оставить столь **[167]** приятное общество и такое же приятное место. Маршал де Бирон, который только и ждал этого случая, будучи извещен обо всем, двинул свою армию в нашем направлении, чтобы соединиться у речной переправы с господином де Корнюссоном, сенешалем Тулузы [582], который привел ему свои отряды, но, не доходя до нее, повернул на Нерак. Около девяти часов утра он появился со всей своей армией, готовой к бою, на расстоянии пушечного выстрела [от города]. Король мой муж, еще вечером получив известие о прибытии господина де Корнюссона, решил воспрепятствовать его соединению [с Бироном] и сразиться с каждым из них поодиночке (имея достаточно сил для этого, так как вместе с ним тогда находился господин де Ларошфуко [583] со всем дворянством Сентонжа [584], а также восемьсот конных аркебузиров, специально им [королем Наваррским] созванных). На рассвете утром он отправился к речной переправе, полагая встретить там обоих [противников]. Однако, не увидев их там, поскольку получил неверные сведения (господин де Корнюссон уже вечером переправился через реку), он вернулся в Нерак и, как только миновал городские ворота, узнал, что маршал де Бирон в боевом порядке находится перед воротами с другой стороны. В тот день стояла очень плохая погода – шел такой сильный дождь, что аркебузиры были бесполезны [585]. Тем не менее, король мой муж отрядил несколько своих отрядов в виноградники, дабы не допустить, чтобы маршал де Бирон мог продвинуться еще ближе, не имея более возможности предпринять что-либо из-за крайней непогоды. Маршал де Бирон, тем не менее **[168]** продолжал стоять в боевой готовности в пределах нашей видимости (разрешив, единственно, двум или трем своим дворянам отлучиться с предложением [к гугенотам] сразиться на пиках ради любви к дамам), пребывая в спокойствии и держа зачехленной свою артиллерию до того момента, когда она потребуется. Затем внезапно его войско пришло в движение, и по городу было выпущено семь или восемь пушечных залпов, один из которых попал в замок. После чего он снялся с места и удалился, послав ко мне трубача, чтобы извиниться передо мной, объясняя, что если бы я была одна, то он ни за что на свете не предпринял бы подобных действий. Я понимала, что он имеет в виду: нейтралитет Нерака, с чем согласился король, не имел

силы, если в городе находился король мой муж, по отношению к которому Бирон имел приказ нападать на него, где бы тот ни был.

Во всех других случаях господин маршал де Бирон оказывал мне большое уважение и проявлял дружеские чувства (ибо если мои письма во время войны попадали ему в руки, он отсылал их мне назад нераспечатанными), а все, кто имел ко мне отношение, получали от него только почести и доброе обхождение. Я передала с его трубачом, что мне хорошо известно о военном долге и приказе короля, которыми он руководствовался в своих действиях, но, будучи человеком осторожным, он мог бы найти способ удовлетворить и одну, и другую сторону, не обижая при этом своих друзей; что он был в состоянии позволить мне насладиться обществом короля моего мужа в Нераке в течение трех дней, и в его силах было не нападать на город, когда я там находилась, поскольку тем самым напали и на меня, чем я весьма оскорблена и собираюсь жаловаться королю. Эта война еще продолжалась какое-то время, и положение последователей этой религии постоянно ухудшалось – то, что помогло мне склонить короля моего мужа к миру. Я часто писала об этом королю и королеве моей матери, но они ничего не желали слушать, полагаясь на добрую Фортуну, которая до сих пор способствовала господину маршалу де Бирону.

В то же самое время, когда началась эта война, город Камбре, который после моего отъезда из Франции попал под власть моего брата, благодаря господину д'Энши, о котором я уже говорила выше, был осажден силами испанцев [586]. Об этом был извещен мой **[169]** брат, находившийся у себя в Плесси-ле-Туре [587], в который он вернулся незадолго до этого из своего путешествия во Фландрию, где его приняли в Монсе, Валансьене и других городах, управляемых графом де Лаленом, вставшим на его сторону и способствовавшим признанию его как сеньора во всех провинциях, которые ему подчинялись. Мой брат, желая оказать ему помощь, сразу же начал собирать людей, чтобы сформировать армию и направить ее во Фландрию. Но так как армия не могла быть подготовлена так скоро, вместо себя он послал туда господина де Баланьи [588], чтобы помочь осажденным, рассчитывая, что со своей армией он [позже] сумеет снять осаду. В то время как шли [военные] приготовления и брат приступил к сбору сил, необходимых для похода, гугеноты развязали свою войну. Для проведения этой кампании потребовалось направить всех солдат в армию короля в Гаскони. Последнее обстоятельство лишило моего брата всякой надежды на оказание помощи Камбре, а с потерей этого города он терял и все остальные земли, которые приобрел ранее, и вместе с тем – господина де Баланьи и

всех благородных людей, посланных им туда, о чем он сожалел более всего.

Герцог Алансонский впал в крайнее отчаяние. Но при этом, обладая здравым рассудком, брат никогда не переставал бороться со всеми несчастьями, и, видя, что единственным средством для этого является установление мира во Франции, он мужественно решил преодолеть все трудности, отправив с одним дворянином депешу королю, в которой склонял его к миру, и предложил поручить ведение мирных переговоров ему (поскольку опасался, что те, кому это может быть поручено, затянут их так, что не останется уже никакой надежды поддержать Камбре; туда, как я уже говорила, был отправлен господин де Баланьи, который сообщил моему брату, что у того в распоряжении есть только шесть месяцев для сбора армии, и в случае, если он не сможет в течение этого времени помочь снять осаду, в городе закончится все необходимое для поддержания жизни горожан, и уже не будет никакой возможности удержать людей и помешать им сдаться). Господь **[170]** помог замыслу моего брата склонить короля к миру. Король согласился с его предложением – поручить ему заняться мирными соглашениями (рассчитывая на то, что они отвлекут его от похода во Фландрию, который он никогда не одобрял) и наделить моего брата полномочиями подписать этот мирный договор, сообщив ему, что он отрядил с целью помочь ему в ведении переговоров господ де Виллеруа [589] и де Беллиевра [590]. Это поручение было весьма успешно исполнено моим братом, так как, прибыв в Гасконь, он задержался там на семь месяцев (которые ему показались вечностью – настолько он желал отправиться на помощь Камбре, несмотря на то, что радость от нашего совместного пребывания смягчала его горечь) и [в итоге] заключил мир к удовольствию короля и всех католиков, оставив короля моего мужа и гугенотов из его партии не менее довольными, действуя с такой осторожностью, что заслужил похвалу и любовь всех сторон [591]. Во время своего визита он **[171]** завоевал [доверие] этого великого капитана – господина маршала де Бирона, который поклялся ему взять на себя командование его армией во Фландрии. Мой брат отозвал его из Гаскони, чем доставил удовлетворение королю моему мужу; на место Бирона был назначен господин маршал де Матиньон.

1581

Перед тем как уехать, мой брат пожелал, чтобы король мой муж и господин маршал де Бирон примирились, но это было невозможно, так как в своих обидах они зашли слишком далеко. Он единственно добился от короля моего мужа разрешить мне увидеться с господином маршалом де Бироном, с условием, что последний при встрече со мной сразу же доставит мне удовлетворение, принеся благородное извинение за произошедшее в Нераке. Муж заставил меня отчитать Бирона в самых жестких и нелицеприятных выражениях, которые я только знала. Я выполнила это его страстное приказание, посоветовавшись со своим братом, со сдержанностью, требуемой в таких случаях, прекрасно понимая, что однажды он [король Наваррский] сильно пожалеет, когда ему потребуется большая помощь, что не сможет воспользоваться услугами этого кавалера. Мой брат возвращался во Францию (в сопровождении господина маршала де Бирона) [592], замирив столь большое волнение ко всеобщему удовлетворению, стяжав почет и славу, не меньшую, чем была добыта им во всех победах, одержанных с помощью оружия. Это сделало его армию еще больше и еще привлекательней. Но так как слава и почести всегда сопровождаются завистью, король не испытал никакого удовольствия (от того, что в течение почти семи месяцев мой брат и я находились вместе в Гаскони во время переговоров о мире) и, в поисках объекта для своего гнева, вообразил, что я и есть причина этой войны, поскольку подталкивала к ней короля моего мужа (который с радостью свидетельствовал бы об обратном), [и делала это] только для того, чтобы предоставить моему брату честь заключить мир... Но если все так зависело от меня, почему же он не заключил его в краткие сроки и без проволочек? Ибо его дела во Фландрии и в Камбре терпели огромный ущерб от его **[172]** задержки [в Гаскони]. Но о чем я? Зависть и ненависть застилают глаза и никогда не позволяют видеть вещи такими, какие они есть в действительности [593].

Король, возводя на этих ложных представлениях смертельную ненависть ко мне и возрождая в своей памяти обиды прошлых лет (так как в то время, пока он был в Польше, и потом, по его возвращении я всегда заботилась о делах и благе моего брата больше, чем о его [интересах]), собрав все это воедино, он поклялся погубить меня и моего брата. Сама Фортуна способствовала его враждебности, сделав так, что во время тех

семи месяцев, которые мой брат провел в Гаскони, он, к несчастью для меня, влюбился в Фоссез. А за ней, как я уже говорила, ухаживал король мой муж, с тех пор, когда он покинул Ребур. Надо полагать, это побуждало короля моего мужа хуже относиться ко мне, поскольку он думал, что я оказываю добрые услуги моему брату, направленные против него. Понимая все это, я очень просила моего брата (говоря ему о неприятном положении, в которое он меня поставил своими преследованиями [Фоссез]), чтобы он, всегда готовый доставить удовольствие скорее мне, чем себе самому, порвал со своей страстью и прекратил с ней все разговоры. Видя, что я справилась с этим. Фортуна (которая, если начинает кого-нибудь преследовать, никогда не останавливается после первого своего удара) подготовила мне другую ловушку, не менее опасную, чем предыдущая. Фоссез, которая была до крайности влюблена в короля моего мужа, но до недавнего времени, однако, позволявшая оказывать ей только приличествующие и почетные знаки внимания, с целью унять его ревность к моему брату и показать ему, что она любит его одного, уступила ему в том, что он хотел от нее, чтобы доставить ему удовлетворение. Огромное несчастье заключалось в том, что она забеременела. Будучи в этом положении, она полностью изменила свое поведение в отношении меня. Если прежде она свободно держалась в моем присутствии и оказывала мне добрые услуги, какие могла, в общении с королем моим мужем, и все текло своим чередом, то [теперь] она начала прятаться от меня и чинить столько **[173]** пакостей, сколько прежде делала добра, для того, чтобы удержать короля моего мужа. Скоро я поняла, что он также изменился. Король мой муж избегал меня, скрывался, а в моем присутствии уже не старался быть приятным, что он делал в течение четырех или пяти счастливых лет, которые мы вместе провели в Гаскони и когда Фоссез заправляла им в рамках приличий.

Когда был заключен мир, о чем писала выше, мой брат отправился во Францию, чтобы собирать армию, а я вместе с королем моим мужем вернулась в Нерак. Здесь, вскоре после нашего прибытия, Фоссез убедила его, то ли чтобы скрыть свою беременность, то ли с целью избавиться от нее, отправить ее на воды в Эг-Код [594] в Беарн. Я просила короля моего мужа простить меня, если я не буду ее туда сопровождать, так как помнила, что со времени оскорбления, которое я получила в По, я поклялась никогда не приезжать в Беарн, пока там не восстановят католическую религию. Он же сильно настаивал на обратном, вплоть до того, что вышел из себя. Я даже принесла извинения. Он сказал мне тогда, что его дочь (ибо так он называл Фоссез)

нуждается в этой поездке по причине болей в животе. Я ответила, что также хочу, чтобы она поехала на воды. Он продолжал говорить, что будет неправильно, если она отправится без меня, и об этом могут плохо подумать, потому что так не должно быть, и весьма рассердился на меня, видя, как я упорствую в своем нежелании быть с ней. Наконец, я нашла решение, которое его устроило; он сам поедет вместе с Фоссез, взяв для сопровождения двух девушек (это были Ребур и Вильзавен [595]) и наставницу фрейлин. Они и отправились все вместе, а я ожидала их в Баньере [596]. Каждый день я получала **[174]** известия от Ребур (той самой, которую прежде любил король мой муж и которая была испорченной и двурушной девицей, желавшей только устранить Фоссез, чтобы занять ее место и воспользоваться его милостями), что Фоссез оказывала мне самые дурные услуги в мире, постоянно злословя обо мне и говоря, что убеждена в рождении сына, а это позволит ей избавиться от меня и выйти замуж за короля моего мужа [597]. И что у нее есть намерение заставить меня поехать в По, и она хочет склонить короля моего мужа принять такое решение по возвращении в Баньер – увезти меня в По, согласна я или нет. Эти известия доставляли мне столько огорчений, что невозможно представить. Тем не менее, уповая на доброту Господа Бога и короля моего мужа, я коротала время, находясь в Баньере, и, ожидая их [короля Наваррского и Фоссез], пролила столько слез, сколько капель [целебной] воды они там выпили, несмотря на то что меня окружали все католические дворяне этого края, которые прилагали много усилий, чтобы я могла отвлечься от своих грустных мыслей.

Примерно через месяц или пять недель король мой муж, вернувшись с Фоссез и с сопровождавшими их лицами, узнал от кого-то из своих сеньоров, кто оставался со мной, о моем огорчении и опасении того, что мне придется отправиться в По. По этой причине он не стал принуждать меня ехать туда, сказав мне только, что было бы желательно, чтобы я согласилась. Но, увидев мои слезы и услышав мои ответы, понимая, что я скорее предпочту смерть, он изменил свое намерение, и мы вернулись в Нерак [598]. Здесь все уже говорили о беременности Фоссез, и не только при нашем дворе, но также во всей стране – новость стала общеизвестной. В таких условиях мне захотелось постараться избавиться от этой шумихи, и я решилась поговорить с Фоссез. Пригласив ее в свой кабинет, я сказала ей: «Так как с некоторого времени Вы избегаете меня и у меня есть основания утверждать, что Вы оказываете мне дурные услуги при короле моем муже, то дружеские отношения, которыми я Вас отмечала и которые я поддерживаю с благородными лицами, подобными Вам, не

позволяют мне быть **[175]** безучастной к Вашему печальному положению, в котором Вы оказались. Я готова помочь Вам и прошу Вас ничего не таить от меня, не желая подвергать бесчестью ни Вас, ни себя, поскольку заинтересована в этом так же, как и Вы. Поверьте, что я готова заботиться о Вас как мать. У меня есть возможность уехать, под предлогом чумы, которая, как Вы сами видите, распространилась и в городе, и по всей стране, в Мас д'Ажене [599], где в уединенном месте располагается дом короля моего мужа. Я захвачу с собой только тех людей, которых Вы захотите [взять]. В это же время король мой муж отправится на охоту в другую сторону и не будет беспокоить Вас до тех пор, пока Вы не разрешитесь от бремени. Сделав все таким образом, мы прекратим эти слухи, которые задевают и меня, и Вас». Она же, вместе того, чтобы поблагодарить меня, с крайним высокомерием ответила, что опровергает слова тех, кто наговаривает на нее, и ей хорошо известно, что я с некоторых пор перестала любить ее и ищу предлог, чтобы ее погубить. Сказав это громким голосом, в то время как я разговаривала с ней тихо, она вышла из моего кабинета в гневе и направилась прямо к королю моему мужу. После чего он очень рассердился на меня за то, что я сказала его дочери, говоря, что она даст отпор всем, кто обвинит ее, и продолжал сердиться довольно долго, в течение нескольких месяцев, вплоть до того момента, когда настал положенный [для родов] час.

Это случилось на рассвете утром, когда она почивала в комнате для фрейлин. Послав за моим доктором, она попросила его известить короля моего мужа, что он и сделал. Мы с мужем спали в одной комнате, в разных кроватях, как было заведено. Когда медик сообщил ему эту новость, он пришел в сильное волнение, не зная, что делать: с одной стороны опасаясь, что все получит огласку, с другой, что Фоссез, которую он очень любил, не будет оказана должная помощь. [Тогда] он решился, наконец, признаться мне во всем и попросил меня пойти оказать ей помощь, хорошо зная, что, несмотря ни на что, я всегда готова услужить ему, чтобы только сделать приятное. Он открыл полог моей кровати и произнес: «Друг мой, я утаил от Вас одно дело, в котором мне нужно признаться. Прошу Вас извинить меня за это и никогда не вспоминать, что я говорил раньше по этому поводу. Буду весьма Вам признателен, если Вы поднимете и сразу же пойдете к Фоссез, **[176]** которой очень плохо и которая нуждается в помощи. Я уверен, что Вы сами не захотите, увидев ее положение, вспоминать о прошлом. Вам известно, как я люблю ее, и прошу Вас, сделайте это ради меня». Я ответила ему, что слишком почитаю его, чтобы обижаться на то, что исходит от

него; я тотчас же пойду к ней и буду обращаться с ней, как со своей дочерью. Однако нужно, чтобы он отправился на охоту и увез с собой весь двор, дабы не было никаких разговоров.

Я отдала распоряжение незамедлительно перенести ее из комнаты для фрейлин и устроить в удаленном помещении вместе с врачом и женщинами из прислуги, которым наказала хорошо ухаживать за ней. Господь пожелал, чтобы она разрешилась от бремени дочерью, родившейся мертвой. После всего Фоссез возвратили назад в комнату для фрейлин, и, хотя были соблюдены все меры предосторожности, какие возможно, мы не смогли воспрепятствовать тому, чтобы слухи о произошедшем не распространились по всему замку. Король мой муж, возвратившись с охоты, как обычно, пошел к ней. Она попросила его, чтобы я навестила ее, поскольку обыкновенно я посещала всех своих фрейлин, если они заболевали; тем самым она думала избежать распространявшихся разговоров. Король мой муж, войдя в нашу спальню, нашел меня уже в кровати, весьма уставшую от того, что пришлось подниматься слишком рано, и от хлопот по оказанию помощи Фоссез. Он попросил меня подняться и навестить ее. Я ответила, что была с ней, когда она нуждалась в этом, но в такой час идти к ней нет надобности; и если я так поступлю, то тем самым открою все еще больше, чем есть, а двор начнет показывать на меня пальцем. Он сильно вспылил на меня, что было весьма неприятно: мне казалось, что я не заслужила подобного обхождения после того, что сделала утром. Фоссез продолжала и после настраивать мужа против меня.

В то время как мы переживали эти события, король (который был осведомлен обо всем, что происходило в домах самых знатных сеньоров его королевства, особенно интересуясь поведением нашего двора), был уведомлен о произошедшем и, по-прежнему сохраняя желание отомстить мне по причине, о которой я уже говорила (из-за почестей, которые достались моему брату после заключения мира), решил, что представился прекрасный случай, чтобы сделать меня несчастной, чего он и добивался – вызвать меня [ко двору в Париж] и разлучить с королем моим мужем в надежде, что, **[177]** удаляя меня, он пробьет брешь в македонском батальоне [600]. С этой целью он обязал королеву нашу мать написать мне, что она желает видеть меня, поскольку уже прошло пять или шесть лет, как я уехала, и настало время мне прибыть ко двору с тем, чтобы послужить делам короля моего мужа и моим собственным; и что ей известно о большом желании короля видеть меня, а если у меня нет средств на это путешествие, он мне их предоставит. Король написал мне в тех же выражениях. Он отправил ко мне Манике,

который являлся моим гофмейстером [601], чтобы тот уговорил меня (поскольку по прошествии пяти или шести лет, что я пребывала в Гаскони, у меня никогда не возникало желания вернуться ко двору). Манике увидел, что я склоняюсь последовать этому совету по причине неудовольствия, которое я испытала из-за Фоссез, о чем он и известил двор. Король и королева моя мать написали мне еще подряд два или три раза, прислав шестнадцать тысяч экю для того, чтобы неудобства меня не задерживали. Королева моя мать к тому же дала мне знать, что собирается встретить меня в Сентонже, и если король мой муж сопроводит меня туда, она готова с ним увидеться, чтобы сказать ему лично о воле короля. Ибо король сильно желал удалить его [короля Наваррского] из Гаскони и вернуть ко двору на тех же условиях, на каких раньше он находился там вместе с моим братом [602]. Маршал де Матиньон склонял короля к этому, желая единолично распоряжаться в Гаскони. **[178]**

Все эти чудесные проявления доброжелательности не могли заставить меня поверить в блага, которые ожидали меня при дворе, учитывая весь мой прошлый опыт. Но я решила извлечь пользу из своих сундуков и совершить путешествие ко двору только на несколько месяцев, чтобы устроить свои дела и дела короля моего мужа, рассчитывая, что это поспособствует также отвлечению его от любви к Фоссез, которую я забирала с собой. Если король мой муж престанет видеть ее, он, возможно, найдет себе другую, настроенную ко мне не столь враждебно. Мне с большим трудом удалось получить согласие на отъезд от короля моего мужа, поскольку он был раздосадован из-за [предстоящей] разлуки с Фоссез, о чем говорил мне. Он стал устраивать мне превосходные обеды, желая во что бы то ни стало изменить мое желание ехать во Францию. Но, так как я уже пообещала это в своих письмах королю и королеве моей матери, а также получила названную сумму на дорожные расходы, несчастье, которое заставляло меня покинуть Гасконь, оказалось сильнее моего нежелания возвращаться ко двору, видя, что король мой муж вновь начал проявлять ко мне больше дружеских чувств [603].

[Рукопись обрывается]

II. ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА (1578-1606)

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПИСЬМА МАРГАРИТЫ ДЕ ВАЛУА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Рукописные фонды Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге содержат сорок два письма Маргариты де Валуа, адресованных разным персонажам, по большей части ее матери Екатерине Медичи и брату – королю Генриху III. Из них значительная часть (около 30) представляет собой единый массив, поскольку написана королевой во время ее первого пребывания в Гаскони в 1579-1581 годах, при наваррском дворе. Все эти автографы королевы входят в состав знаменитой коллекции рукописей П. П. Дубровского, секретаря-переводчика русского посольства в Париже, который в первые годы Французской революции (1789– 1792) сумел приобрести более одиннадцати тысяч автографов XIII–XVIII веков, главным образом французских, а также большое количество рукописных книг. Все они были вывезены в Россию и в 1805 году осели в фондах Императорской публичной библиотеки, ныне Российской национальной [604].

Сегодня уже нет сомнений, что все петербургские письма Маргариты когда-то входили в состав коллекции книг и рукописей, принадлежавшей семье Арле (Harley), потомственным президентам Парижского парламента, и большая часть рукописных сокровищ в 1755 году была передана в королевское аббатство Сен-Жермен-де-Пре в Париже по решению последнего владельца – хранителя печати Франции Жермена-Луи де Шовлена. Затем, благодаря **[276]** помощи королевского библиотекаря Ормессона де Нуазо (погибшего на гильотине в 1794 году), который руководствовался идеей спасения книжных и архивных фондов аббатства от революции, эти автографы в числе прочих оказались в руках его друга П. П. Дубровского.

Вместе с тем есть основания предполагать, что четыре письма королевы Наваррской попали к Дубровскому другим путем, поскольку в свое время из собрания Арле они перешли в

коллекцию автографов, собранную семьей Годфруа (Godefroy) и хранящуюся сейчас в библиотеке Института Франции [605]. Дело в том, что на этих письмах имеются пометы и аннотации, сделанные неизвестной рукой в XVII веке, возможно Дени II Годфруа (1615-1681). Одно время он являлся библиотекарем генерального прокурора Парижского парламента Ашиля де Арле и обладал возможностью пополнять собственное собрание. Ф. Жеблен при составлении каталога рукописей коллекции Годфруа сравнил автографы коллекции Годфруа из Института Франции с собранием писем, находящихся в Национальной библиотеке Франции в фонде Арле (MS. Fr. 15540-15584), и выяснил, что внешний вид документов одинаков: вверху на полях находится аннотация, содержащая краткое резюме письма, с указанием «Orig.» и астрологическим знаком Юпитера. По его мнению, оставить эти записи мог только их хранитель – Д. Годфруа. На одном из писем Маргариты де Валуа [606] также имеется аналогичная аннотация, правда, без «Orig.», но со знаком Юпитера и буквой «R» [607]. На остальных трех письмах есть только краткие пометы, написанные, однако, тем же самым почерком, что и аннотация предыдущего документа: «Marguerite Roine de Navarre» и «La Roine Marguerite» [608]. Наконец, в составе коллекции П. П. Дубровского присутствует масса писем иных персонажей XV-XVII веков, где также имеются идентичные записи, почерк и оформление которых не отличаются от аннотаций на письмах Маргариты. Все это дает основание предполагать, что **[277]** названные четыре автографа прошли через руки Д. Годфруа и находились в составе его собрания. Когда и при каких обстоятельствах русский дипломатический агент приобрел часть коллекции семьи Годфруа, остается неизвестным [609].

В целом богатая коллекция французских автографов П. П. Дубровского остается малоизвестной западным, да и отечественным историкам по причине отсутствия ее подробного печатного каталога, который существует единственно в виде суммарного описания [610]. Только в 1993 году известный палеограф и историк Т. П. Воронова выпустила каталог французских автографов XV века из собрания Дубровского под редакцией Ю. П. Малинина [611]. Правда, в 1950-1980-х годах в СССР было издано несколько сборников французских документов под редакцией проф. А. Д. Люблинской, в том числе ценные публикации автографов XVI века, хронологически охватывающие канун и начало Религиозных войн во Франции (1559-1562) [612]. Веком ранее знаменитый проф. И. В. Лучицкий впервые издал письма французских государственных деятелей, относящихся к периоду Четвертой и Пятой религиозных войн (1572-1574) и

времени Католической лиги [613]. Насколько важной **[278]** представляется коллекций автографов XVI века, происходящих из Сен-Жермен-де-Пре, говорит численное соотношение писем, хранящихся в Национальной библиотеке Франции и в Российской национальной библиотеке: только за период 1559-1568 годов в первой насчитывается всего 85 документов, в то время как во второй – около 1300, а за период 1569-1599 годов, соответственно, около 5000 и 3000 [614].

Одним из первых исследователей, кто посетил Императорскую публичную библиотеку с целью ознакомления с французскими автографами, был граф Эктор де Ла Ферьер. Он подготавливал издание писем Екатерины Медичи, в связи с чем в 1863-1864 годах занимался их копированием в Санкт-Петербурге. Пораженный богатством коллекции, он расширил свой проект и в отчетной публикации впервые дал обзор писем Маргариты де Валуа. Одно из них он опубликовал, но с массой неточностей [615].

Почти одновременно с ним в Санкт-Петербурге работал известный архивист и эрудит Гюстав Бертран, который первым составил каталоги французских рукописей и французских автографов, хранящихся в Публичной библиотеке [616]. Однако его каталог автографов изобилует ошибками и помарками, хотя и дает представление о богатстве рукописного фонда. Вместе с каталогом автографов Г. Бертран опубликовал большинство писем (те, которые представляли собой единый массив) Маргариты Французской, герцогини Савойской, сестры короля Генриха II [617]. В переплете с этими письмами случайно оказалось также письмо Маргариты де Валуа, королевы Наваррской, которое вошло в названную публикацию, о чем этот ученый специально уведомил читателя [618].

Настоящим же первооткрывателем писем Маргариты де Валуа в Санкт-Петербурге стал историк из Гаскони Филипп Лозен. **[279]** Видимо, в середине 1880-х годов по его просьбе в виде чрезвычайного исключения фолиант («Автограф») с письмами королевы Наваррской был послан во Францию дирекцией Публичной библиотеки в Национальную библиотеку Франции, где Ф. Лозен скопировал 38 автографов [619]. Они были изданы отдельным изданием в 1886 году [620]. Для того времени это была блестящая публикация: документы были транскрибированы с большой точностью, каждое письмо верно датировано (с небольшими погрешностями) и хорошо откомментировано. Вместе с тем, Ф. Лозен не привел архивные и адресные записи на оборотах писем и посчитал, что часть писем была написана секретарями Маргариты [621]. В действительности,

по нашему мнению, рука секретарей присутствует только на пяти из них. После тщательного сравнения почерка писем королевы, написанных ею в разные годы и в разных местах, не остается никаких сомнений в подлинности ее руки на большей части петербургских автографов. Образец почерка Маргариты был в свое время опубликован в специальном издании факсимильных автографов известных персонажей, и он идентичен петербургским образцам [622]. В своем издании, которое сразу стало библиографической редкостью, Ф. Лозен не смог опубликовать одно из писем [623], поскольку оно находилось на выставке автографов в Императорской публичной библиотеке и не было послано во Францию. **[280]**

После публикации Ф. Лозена среди французских историков было распространено мнение, что петербургская часть ее корреспонденции издана полностью. Однако в 1996 году при перлюстрации корреспонденции герцогов Савойских (также из коллекции П. П. Дубровского) мы обратили внимание на одно из писем неизвестного персонажа, без даты, указания места написания и монограммы вместо подписи [624]. После его прочтения и изучения не осталось никаких сомнений, что оно принадлежит перу королевы Наваррской. Послание, адресованное Генриху III и написанное, видимо, в последних числах декабря 1579 года или в самом начале 1580 года, сообщает о религиозно-политической ассамблее в Мазере [625]. На сегодняшний день это – предпоследнее из «открытых» писем Маргариты, и его перевод присутствует в настоящей публикации (№ 2).

ИЗДАНИЕ «КОРРЕСПОНДЕНЦИИ МАРГАРИТЫ ДЕ ВАЛУА. 1569-1614»

В 1998 году в известном парижском издательстве «Honoré Champion» вышло критическое издание всех писем королевы Маргариты, которые на тот момент были известны, изучены и атрибутированы, подготовленное Элиан Вьенно, профессором университета Сент-Этьен и автором знаменитой книги «Маргарита де Валуа. История одной женщины. История одного мифа» (Париж, 1993).

Надо отдать должное мадам Вьенно, которая, не в силах добраться до оригиналов всех 470 писем, разбросанных по разным странам, библиотекам, хранилищам и архивам, сумела в краткие сроки вовлечь в свою работу ведущих специалистов – историков и филологов, занимающихся XVI веком, французских, английских и российских. Среди этих имен – Патрисия Бейсинг

из Британской библиотеки, профессора Робер Десимон (Высшая школа социальных исследований), Арлетт Жуана (университет Монпелье), Мадлен Лазар, Николь Казоран (Сорбонна) и многие другие. Они взяли на себя обязанность сверить тексты оригиналов с **[281]** имеющимися копиями или уже опубликованными письмами и помогали готовить это издание советами и материалами. Так, все 42 письма, хранящиеся в рукописном отделе Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, были нами заново транскрибированы и прочитаны для этого издания.

Вместе с тем Э. Вьенно справедливо отметила, что найдена и опубликована далеко не вся корреспонденция королевы. Известно наверняка, что много писем рассредоточено в частных собраниях, пребывает в безвестности (главным образом по причине сложности атрибуции, отсутствия печатных каталогов и др.) в муниципальных архивах и различных библиотеках Франции и других стран [626]. Фонды Ватикана также хранят свою тайну.

В подтверждение этого при подготовке настоящего издания мы столкнулись с одной цитатой из неизвестного письма Маргариты Генеральным Штатам Нидерландов от 10 октября 1577 года, которое хранится (хранилось?) в Королевской библиотеке Бельгии в Брюсселе:

«843. – Sans date (Paris, 10 octobre 1577). Lettre de Marguerite de Valois, soeur du roi de France, aux Etats Généraux, en réponse à celle qu'ils lui ont écrite par les seigneurs baron d'Aubigny et de Mansart. Elle les assure qu'elle s'emploiera tellement auprès du roi et du duc d'Anjou, ses frères, afin qu'ils obtiennent d'eux ce qu'ils requièrent,

«qu'ils cognoistront de combien elle les aime et estime, et le singulier désir qu'elle a de les aider et favoriser a une si juste et équitable cause comme elle a cognue estre la leur».

Elle ajoute: «Croyer, messieurs, que vous ne requererez jamais princesse qui de meilleure volunte et affection s'employe pour vostre secours, que je feray en tout ce qu'il me sera possible».

(«843. – Без даты (Париж, 10 октября, 1577). Письмо Маргариты де Валуа, сестры короля Франции, Генеральным Штатам, в ответ на написанное ей сеньорами бароном д'Обиньи и де Мансаром. Она заверяет их, что приложит все силы, чтобы добиться от Короля и герцога Анжуйского, своих братьев, всего, чего им требуются,

«и они убедятся, как она любит их и уважает, и единственное ее желание – помогать и содействовать их делу, справедливость и правота которого ей хорошо известны».

Она добавляет: «Поверьте, господа, вам нигде не найти

принцессы, с бóльшими желанием и возможностью оказать вам помощь, и я сделаю все, что в моих силах». – *Перевод распознавателя*)

Bibl. roy.: MSS. 7199, 322, 9238» [627]

Летом 2008 года мы дважды запрашивали рукописный отдел этой библиотеки по вопросу наличия письма в ее фондах, но ответа не последовало. Возможно, при помощи наших западных коллег таинственное и, судя по всему, довольно важное письмо Маргариты станет доступно сообществу историков. **[282]**

Наконец, совсем недавно в региональном журнале «Revue de l'Agenais» Daniel Christiaens опубликовал вновь найденное письмо королевы в связи со смертью ее последнего возлюбленного Бажомона, сеньора де Лафо (ум. 1613). Этот персонаж неоднократно упоминается в ее переписке, равно как в переписке Генриха IV. [628]

Издание писем Маргариты де Валуа 1998 года, снабженное обширной критической статьей мадам Вьенно, отражающей разные аспекты публикации, до сих пор является неким эталоном, что отмечается в рецензиях многих западных исследователей. Хотя с точки зрения сегодняшнего дня и новых информационных возможностей, конечно, некоторые примечания к письмам и датировка отдельных посланий уже кажутся неполными, сомнительными и даже ошибочными, но исправить это – задача тех ученых и студентов, для которых издание корреспонденции Маргариты представляет собой важный источник для собственных трудов.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПУБЛИКУЕМЫХ ПИСЕМ

Для настоящей книги были отобраны наиболее интересные, на наш взгляд, и, главным образом, политические по содержанию письма Маргариты де Валуа, написанные в разное время и разным адресатам. С одной стороны, они дополняют и продолжают сюжетную линию «Мемуаров», с другой, отражают реальную жизнь королевы в разные, часто критические для нее времена.

Первое из писем касается любопытного сюжета о переговорах о возможном браке английской королевы Елизаветы I Тюдор с младшим и любимым братом Маргариты Франсуа Анжуйским и Алансонским, как известно, так и не состоявшемся. Судя по всему, королева Англии вообще не собиралась выходить замуж, и многолетние разговоры, а затем переговоры на тему ее замужества с последующим сватовством французского принца

были не более чем хитроумной и хорошо поставленной пьесой для европейских политических кругов, равно как и для самих англичан. Елизавета бесконечно тянула время и в итоге дождалась смерти принца в 1584 году, в связи с чем, правда, выразила искреннее сожаление: Алансон ей нравился [629]. **[283]**

Известно также, что англичанка благосклонно внимала комплиментам Маргариты и состояла с ней в переписке [630]. Письмо № 4 настоящей публикации также затрагивает эту тему.

Второе письмо (из петербургской части корреспонденции), адресованное Генриху III, характеризует королеву Наваррскую как политика. Будучи в Нераке, она рассказывает о политической ассамблее гугенотов и католиков в городке Мазере в декабре 1579 года и своем участии в политических консультациях. Представление о том, что она не играла никакой роли в процессе мирного урегулирования на юге Франции в конце 1570 – начале 1580-х годов, опровергается как этим, так и последующим посланием (№ 3) к влиятельной герцогине д'Юзес («моей Сивилле», как она ее называла), подруге королевы-матери. Здесь она подробно характеризует военные действия так называемой Седьмой религиозной войны 1580 года и для ее окончания предлагает французскому двору сделать политическим посредником своего дорогого младшего брата Франсуа Алансонского.

Вообще, вся ее переписка с французским двором в это время, равно как и сами ее «Мемуары» за 1579-1581 годы доказывают, что Маргарита прилагала максимум усилий для сохранения мира и, как настоящая Валуа и член правящей семьи, регулярно и подробно информировала брата-короля и свою мать о происходящих в Гаскони событиях, но в то же время неустанно просила их быть гибче в отношениях с наваррским двором, занимая по отношению к мужу защитительную позицию [631].

О последнем свидетельствует письмо № 4, которым она, в бесподобных красках описывая мужу состояние французского двора (куда вернулась весной 1582 года), по просьбе Генриха III и Екатерины Медичи пыталась завлечь Генриха Наваррского в Париж и где присутствует ее не случайное признание: «*Я всегда отвечала своей жизнью, чтобы* с *Вами ничего не случилось*». Как известно, хитрый Бурбон не внял увещеваниям своей жены и не вернулся тогда ко двору, а спустя всего три года, по сути, вынудил ее спасаться бегством в Ажен. **[284]**

Три последующих письма (№ № 5-7) написаны в сложное время для Маргариты де Валуа. Поссорившись со своей семьей и попытавшись вернуться к мужу в Гасконь, королева Наваррская столкнулась с новыми, малопреодолимыми для нее

обстоятельствами: король Наваррский, ставший в 1584 году наследником французского трона и, к тому же, увлеченный своей фавориткой – графиней де Гиш, мечтавшей занять место Маргариты, более не нуждался в своей жене как политической союзнице и посреднице в его отношениях с двором. Оставшись в одиночестве, королева Наваррская присоединилась к Католической Лиге и Гизам, однако в итоге была арестована по приказу Генриха III, причем ее собственная мать устроила ей ловушку. Об этом она и пишет в своем самом отчаянном письме из всей ее переписки (№ 5), адресуя его даже не Екатерине Медичи, а ее гофмейстеру, не в силах пережить такое предательство и оскорбление.

Однако судьба хранила Маргариту. Уже в начале 1587 года она фактически оказалась на свободе и снова была готова бороться с обоими королями – своим братом и своим мужем, поддерживая партию Лиги. Об этом свидетельствуют ее следующие послания, адресованные герцогу де Гизу (№ 6), а также испанскому королю Филиппу II (№ 7). Перед нами – самые подробные свидетельства ее злоключений в 1585-1587 годах, написанные ее собственной рукой.

Между тем, королева Наваррская всегда оставалась принцессой дома Валуа, и первая же попытка Генриха III помириться со своей мятежной сестрой вызвала ее самое горячее согласие (письмо № 8). Одной-единственной фразой она объяснила королю Франции, что все ее неповиновение, на которое ее толкнули ее собственная семья и муж, было связано только «со спасением моей жизни».

Маргарите, начавшей было сборы для возвращения ко двору, суждено было задержаться в замке Юссон в Оверни, где она была узницей, а затем и хозяйкой, на долгие годы. Генрих Наваррский после убийства Генриха III в 1589 году волей судеб стал новым королем Франции, однако не спешил возвращать свою королеву в Париж. Ее место было занято очередной фавориткой – Габриэль д'Эстре, на которой, как полагали, король всерьез вознамерился жениться. Письма № № 9-11 настоящей публикации посвящены теме развода короля и Маргариты и вообще законности их брачного союза. В первых двух королева, по сути, придумывает **[285]** аргументы, которые не позволили бы папе дать разрешение на развод или были бы унизительны для Генриха IV (неосуществление брачных обязанностей), не желая, чтобы трон французских королей заняла дама с сомнительным происхождением. В письме № 11, написанном уже после неожиданной смерти Габриэль в 1599 году, Маргарита откровенно говорит о том, что намеренно тянула время, но в силу

новых обстоятельств не станет препятствовать расторжению своего брака с королем.

Последнее из приводимых писем (№ 12) тоже можно назвать политическим. Речь идет о 1606 годе, когда развод был уже осуществлен, Маргарите оставили титул королевы с соответствующим содержанием, и к тому же король вернул ее ко двору. Распространено мнение, опирающееся на свидетельство Летуаля, что в этом письме королева просит Генриха IV покарать убийцу ее придворного-любовника Сен-Жюльена, убитого на ее глазах из ревности [632]. Но был ли Сен-Жюльен ее любовником? У нас нет доказательств. Фаворитизм королевы далеко не всегда предполагал интимные отношения. Вместе с тем есть серьезные основания говорить, вслед за Элиан Вьенно, что гибель Сен-Жюльена была инспирирована графом Оверньским, Шарлем де Валуа, незаконным племянником Маргариты, который в тот момент судился с ней за наследство Екатерины Медичи. Возможно, граф нанял одного из дворян королевы для совершения убийства с целью запугать королеву, сыграв на его чувствах отставленного фаворита [633]. Известно, что король выполнил просьбу Маргариты, и виновный был обезглавлен спустя несколько дней, а позже королева выиграла процесс у своего племянника, тут же завещав все свои блага наследнику трона – будущему Людовику XIII.

В заключение можно добавить, что все необходимые пояснения к письмам представлены в примечаниях.

Перевод выполнен по изданию: Marguerite de Valois. Correspondance. 1569-1614 / Éd. Éliane Viennot. Paris: Honoré Champion, 1998.

№ № 25, 62, 94, 152, 238, 241, 242, 243, 301, 307, 312, 385.

PP. 82, 120-121, 154-155, 218-219, 323-324, 326-334, 405-407, 414-418, 422-423, 513. **[286]**

№ 1. ЕЛИЗАВЕТЕ I АНГЛИЙСКОЙ

ЕЛИЗАВЕТЕ I АНГЛИЙСКОЙ [634]

Нерак. Декабрь 1578 года.

Автограф.

Мадам, я не хотела бы упустить [возможность] снабдить настоящим письмом господина де Симье [635], направляемого к Вам по столь хорошему делу моим братом господином герцогом Анжуйским [636], и которым свидетельствую Вам, Мадам, насколько счастье моего брата герцога Анжуйского я почитаю превыше всего, [равно как] и удовлетворение всех, кто находится рядом с ним; и если возможно достигнуть этого блаженства, то только [благодаря] Вашей милости и брачному союзу, который для него является, как я знаю, самым желанным.

Мадам, умоляю Вас верить, что среди всех, кто обязан по родственной близости желать ему благ, нет никого, кроме меня, кто так хотел бы для него этого счастья, ради одной привязанности, которую я к нему питаю, считая Ваши добродетели и заслуги самыми достойными изо всех в мире; последние пробуждают желание у всех, кто, благодаря своей доброй фортуне, знает Вас, служить Вам, а у меня, которая всегда будет искать повод обрести такую же привязанность, – в особенности.

Я смиреннейше целую Ваши руки, Мадам, прося Господа [даровать] Вам счастливую и процветающую жизнь.

[Без подписи]

Great Britaln. Rlchmond. Public Record Office. SP 78/2, F. 193 B. Великобритания. Ричмонд. Государственный архив. **[287]**

№ 2. ГЕНРИХУ III

ГЕНРИХУ III

Нерак. 26 декабря (?) 1579 года.
Автограф.

Монсеньор, господин де Гадань [637] расскажет Вам в деталях обо всех событиях, которые происходили до недавнего времени в Мазере [638] при участии короля моего мужа и господина де Монморанси [639], и поэтому в этом письме я не стану Вам о них говорить, чтобы не утомлять Вас, надеясь также, что господин де Рамбуйе [640] вскоре отбудет и представит Вам самый полный отчет обо всем, в частности, о депеше от Равиньяна [641], которая заставила короля моего **[288]** мужа, не оглядываясь ни на что и без всех своих советников, спешно покинуть это место, чтобы прибыть сюда [642].

Это [доклады Гаданя и Рамбуйе], Монсеньор, избавляет меня пространно писать Вам обо всем, что я думаю о своем долге, соблюдаемом мною ради службы Вам и каковым я никогда не пренебрегала ни в своей преданности, ни в верности, и посему смиреннейше умоляю Вас оказать мне честь верить моим словам.

Господин де Гадань, к моему большому сожалению, возвращается, почти ничего не добившись в деле примирения господина маршала де Бирона [643] [и короля Наваррского], что являлось главной целью его поездки, равно как и я сама мало в чем преуспела; [однако] всю свою жизнь я буду исполнять все то, что касается Вашей службы и Ваших приказаний как самая нижайшая и покорнейшая из всех Ваших подданных.

[Подпись в виде монограммы]

Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург. Отдел рукописей. Собрание П. П. Дубровского. Авт. 48. № 32\

№ 3. ЛУИЗЕ ДЕ КЛЕРМОН, ГЕРЦОГИНЕ Д'ЮЗЕС

ЛУИЗЕ ДЕ КЛЕРМОН, ГЕРЦОГИНЕ Д'ЮЗЕС [644]

Нерак. Июль 1580 года.
Автограф.

Моя Сивилла, Вы всегда пишете мне, что я извещаю Вас обо всем, что я думаю, и обо всем, что я знаю. Это приносит мне **[289]** самое большое утешение, но не доставляет удовольствия Вам по причине Вашей уверенности, что, говоря о том, о чем мне хочется, я скрываю свое [настоящее] положение, в котором пребываю, – более печальное, чем есть на самом деле. Ибо [до сих пор] я не рассказывала Вам ничего о том, сколько выпало мне горестей и печалей, но говорила о состоянии дел в этой стране [645], и посредством этого Вы могли судить, в каком положении я пребываю.

После взятия Кагора, о чем Вы уже знаете [646], король мой муж возвратился на исходные позиции, которые [вскоре] были оставлены Лаверденом [647], Фавасом [648] и бесчисленным количеством других [людей] после того, как господин де Бирон, расположившийся на полях, в течение восьми или десяти дней осаждал Базас [649] или какой-то другой город. Это [оставление позиций], по моему мнению, не позволило ему продолжать осаду, и, приняв бой у Кастеля [650], он захватил несколько знамен. После чего господин маршал де Бирон принял решение пересечь реку [651], чтобы двинуться на Ажен, и на пути его следования король мой муж ожидал его в течение восьми дней с тем, чтобы не позволить ему уйти, не дав сражения [652]. **[290]**

Посудите же, умоляю Вас, в какой печали я могу находиться, моя Сивилла; и если Вы пожалеете мои несчастья, я буду почитать Вас не меньше. Умоляю Вас, когда будете говорить с королевой моей матерью, напомните ей о том, что если я еще существую для нее, она не может оставить меня в таком положении, самом несчастном в мире, и что я продолжаю уповать на ее добрую милость и защиту. Если бы моего брата наделили соответствующей властью, мы обрели бы мир, ибо это – единственный способ его достижения [653].

[Подпись в виде монограммы]

Bibliothèque Nationale de France. Paris. MS. Fr. 3387. F. 56. Национальная библиотека Франции. Париж.

№ 4. ГЕНРИХУ ДЕ БУРБОНУ, КОРОЛЮ НАВАРРСКОМУ

ГЕНРИХУ ДЕ БУРБОНУ, КОРОЛЮ НАВАРРСКОМУ

Замок Фонтенбло [654]*. Середина мая 1582 года.*
Автограф.

[...] [655] с видимой холодностью, но при этом он использовал почтительные выражения и в отношении Вас, и в отношении меня [656].

Что касается господина де Женеву а, мне нечего сказать о нем [657]. Здесь много говорят о другом – господине де Мене [658]: он так **[291]** невероятно растолстел, что стал уродлив. Господин де Гиз [659] же сильно похудел и постарел. Оба они пребывают в том же расположении духа, в каком Вы их и оставили, хотя ведут себя уже не столь вызывающе, [как прежде]. У них небольшая свита, они часто играют в мяч, посещают балы и уже не так сильны, чтобы привлекать к себе дворянство. Те же, кто решит присоединиться к ним во второй раз, могут быть уверены, что обретут неприятности, что, как известно, связано с соперничеством Гизов и герцогов [660].

Если бы Вы были здесь, то стали тем, от кого зависели бы и одни, и другие, ибо каждый так считает; и поверьте, [не стоит] опасаться этих Гизов – никто из них не обладает ни влиянием, ни возможностью причинить Вам зло. Что же касается короля, то я всегда отвечала своей жизнью, чтобы с Вами ничего не случилось. Вы вернете всех своих служащих, которых Вы потеряли из-за продолжительности смут, и, находясь здесь, за восемь дней приобретете больше, чем за все то время, что Вы прожили в Гаскони [661]. Здесь Вы сможете получить дары от короля, чтобы поправить Ваши дела, и сделать гораздо больше для членов Вашей партии одним своим словом (поскольку будете находиться подле короля), так что все те, кто обратится к Вам с просьбой, будут удовлетворены. Весьма необходимо, по всем этим соображениям, чтобы Вы, не медля, прибыли сюда, что возможно осуществить безо всякого риска.

Я смиреннейше умоляю Вас поступить именно так, как та, кто любит Вас больше всего на свете и больше всех желает Вам благ –

в чем, я надеюсь, Вы уже могли убедиться. **[292]**

Поступили новости от Лаквиля [662], направленного моим братом в Англию, что королева светится радостью от его несомненного заверения жениться на ней как можно скорее [663].

[Однако] я Вам уже надоела. [Эти] мои размышления – единственное удовольствие, на которое я могу рассчитывать, будучи в разлуке с Вами, и из-за которого я умоляю Вас продолжать оказывать мне честь Вашими милостями и разрешить мне нижайше целовать Ваши руки.

[Подпись в виде монограммы]

Bibliothèque Nationale de France. Paris. Dupuy 217. F. 21. Национальная библиотека Франции. Париж. Фонд Дюпюи.

№ 5. АНТУАНУ ДЕ СЕРЛАНУ

АНТУАНУ ДЕ СЕРЛАНУ [664]

Замок Сент-Аман-Талланд [665].

Конец октября – начало ноября 1586 года.

Автограф.

Господин де Сарлан, поскольку мои ужасные несчастья и жестокосердие тех, кому я никогда не переставала служить [666], **[293]** настолько велики, ибо, не довольствуясь оскорблениями, от которых я страдала в течение стольких лет, они решили положить конец моей жизни, я желаю, как минимум, перед своей смертью получить удовлетворение от того, что королева моя мать будет знать – у меня достаточно храбрости, дабы не оказаться в руках моих врагов живой, уверяя Вас, что сделаю это без колебаний.

Заверьте же ее, что первой новостью, которую она получит обо мне, станет моя смерть. Следуя ее [королевы-матери] приказаниям и увериям, я пыталась спастись у нее [в замке] [667]; но вместо доброго приема, который мне обещали, я нашла там только позорную гибель! Терпение! Она произвела меня на свет, она меня и хочет погубить. Так как я знаю наверняка, что попаду в руки Господа, со мной ничего не случится, помимо Его воли. Я обручена со Всевышним, простершим ко мне Свою длань.

Ваша самая преданная и лучшая подруга,

Маргарита

Bibliothèque Nationale de France. Paris. Dupuy 217. F. 192. Национальная библиотека Франции. Париж. Фонд Дюпюи.

№ 6. ГЕНРИХУ ЛОТАРИНГСКОМУ, ГЕРЦОГУ ДЕ ГИЗУ

ГЕНРИХУ ЛОТАРИНГСКОМУ, ГЕРЦОГУ ДЕ ГИЗУ

Замок Юссон. Осень 1587 года.
Автограф.
[Монограмма вместо обращения]

Прошло немного времени с того момента, как я направила к Вам господина де Фламмарана [668], что избавляет меня от необходимости пересказывать Вам все новости. Я нахожусь в окружении единственно двух действительно достойных людей и готова Вам засвидетельствовать, что я всегда испытывала особую привязанность к тем, кто был послан Вам на благо Вашей службы и заслуживает **[294]** наград и поддержки с Вашей стороны, в отличие от тех, кто вышел из Вашего повиновения и вскоре обрел столь презренную судьбу, чего господин [епископ] Родезский [669] счастливо избежал.

Теперь у него появился повод послужить Вам, которого не было раньше. Он расскажет Вам о делах, которые направлены во вред Вашей службе и замышляются лицами, являющимися Вашими врагами. Для него существует большая опасность потерять этот город [670]. И так как речь идет о моих собственных интересах, поскольку я получаю [от города] часть своих доходов [671], мне не хотелось бы, чтобы он находился под властью кого-либо, кроме Вас, и я умоляю Вас помочь в этом деле. Мы всегда будем ждать счастливых новостей о Вашей [новой] победе [672].

Я же буду неустанно возносить молитвы Господу, как всегда это делала, умоляя Его даровать Вам удачу и славу, что также желают Вам все добрые люди, а я более, чем кто-либо, выражаю Вам свою вечную преданность и любовь.

[Подпись в виде монограммы]

Bibliothèque Nationale de France. Paris. Dupuy 217. F. 64. Национальная библиотека Франции. Париж. Фонд Дюпюи.

№ 7. ФИЛИППУ II, КОРОЛЮ ИСПАНИИ

ФИЛИППУ II, КОРОЛЮ ИСПАНИИ

Замок Юссон. Ноябрь-декабрь 1587 года.
Автограф.

Господин мой брат [673], даже выпавшие на меня несчастья и происки моих недругов, с которыми я столкнулась, не смогут помешать **[295]** мне исполнять мой долг – продолжать смиренно благодарить Вас за те блага, которые я от Вас получила, и в письмах моих заверять Вас, насколько мне доставило радость и удовольствие то, что Вам угодно было мне написать [674]; а дела мои, даже сверх моего главного обязательства, теперь навсегда связаны и полностью посвящены Вашей службе и почитанию, для чего нужны сила духа, слуги и способы достижения успеха, – именно так я понимаю счастье быть Вам полезной, и каковое желание, заверяю Вас, я сохраню навеки.

Вместе с тем я хотела бы оправдать себя, ибо опрометчивость господина де Дюра и хитрость моих врагов соблазнили его покинуть меня, удержав при себе все средства, которые Вам угодно было ему доверить [675]. И так как одна ошибка порождает другую, побуждаемый моими недругами по наущению маршала де Бирона (человека двуличного и полностью преданного еретикам) [676], он решил, что наиболее удобным делом для него является дальнейшее обогащение. Скупость и отчаяние от первой ошибки вселили в его сердце измену и желание захватить [замок] Карла, где я находилась, и меня саму, о чем я также была извещена своими людьми. Видя, что его замысел раскрыт, он бежал, захватив с собой шифры и ключи к документам, выданные ему во время его поездки, чтобы **[296]** писать Вам [677]. Это ввергло меня в крайнее огорчение, не столько из-за опасения, что Дюра передаст их за вознаграждение (что и произошло) королю моему брату, зная о желании последнего преследовать меня, сколько из-за слухов о моей пострадавшей репутации, представляющих меня неблагодарной и преданной Вашей службе только на словах.

К тому моменту я уже испытала самую большую досаду, поскольку из-за промедления Дюра я потеряла Ажен (а вместе с

Аженом – возможность противодействовать миру, заключенному с таким ущербом для Вас, хотя, если бы у меня тогда были средства, я без труда смогла бы это сделать, владея землями [Аженского графства] и располагая людьми, которые были преданы мне) [678], и если у меня до недавнего и оставалась какая-либо надежда, что дурные и пагубные замыслы наших врагов не смогут исполниться, а переговоры о мире с еретиками не состоятся, то это была надежда на армии господина де Майенна и господина де Жуайеза [679]. Названные обстоятельства, вызвавшие мою ненависть и сожаление, дали мне повод написать Вам это письмо и представить положение моих дел.

Итак, как я и предвидела, случилось то, что известие о поездке господина де Дюра породило гнев и страх у короля моего брата и дало ему предлог, заключив мир с Лигой, преследовать меня (говоря, что это его личное дело), потому что я решилась известить Вас о многих важных вещах. Линьерак, человек скупой и безумный, вынудил меня отдать ему замок [Карла], которым **[297]** я владела и который господин де Гиз считал особенно верным (а поскольку я хорошо знала недостатки господина де Гиза, я не осмелилась, из боязни вызвать его неодобрение, просить у него помощи), и осуществил свое предательство за десять тысяч экю, которые ему пообещал и отчасти заплатил король, захватив меня и мою крепость [680]. В такой великой опасности Господь, который никогда не покидал меня, укрепил мой дух и подсказал слова, настолько убедившие Линьерака приведенными доводами и выражениями, что он освободил меня. Я представила ему, какое огорчение принесла бы моя смерть господину де Гизу, потому что король мой брат желает моей гибели единственно с целью вновь женить принца Беарнского, дабы усилить родственные отношения в Германии и укрепить его [Генриха Наваррского] позиции, открывая ему путь к короне Франции, – то, чему [женитьбе и обретению права наследования] господа Гизы не в силах будут помешать и что не смогут оспорить и иные католики; и тогда господин де Гиз не преминет вспомнить о его [Линьерака] роли в этом деле [681]. **[298]**

Однако находиться в Карла вместе с этим безумцем было небезопасно, и так как я не могла вернуться в Гасконь, поскольку в Родезе стояла армия господина де Жуайеза, оставался единственный свободный путь в сторону Оверни, и мне пришлось отправиться в укрепленный замок Ибуа, принадлежавший королеве моей матери, капитан которого был мне предан [682]. Отряды из армии господина де Жуайеза преследовали меня с таким рвением, что, прибыв вечером в замок, наутро я уже была ими осаждена, не обладая ни съестными запасами, ни порохом,

ни удобствами. Продержавшись два дня без пищи, не надеясь на помощь господ Гизов, один из которых пребывал в Шампани, а другой в Гаскони, и не имея возможности добыть пороха для своей защиты, я принуждена была сдаться солдатам, рассчитывая только на позорную и жестокую смерть.

Господь, проявляющий Свою милость даже в самых безнадежных ситуациях, позволил, чтобы я оказалась во власти порядочного человека [683], который всегда был хорошим католиком и настолько ненавидел еретиков, что, узнав о желании и намерении короля моего брата умертвить меня (подобно тому, что случилось с королевой Шотландской, благодаря помощи и особым стараниям господина де Беллиевра, о чем ему [Канийаку] было прекрасно известно [684]), **[299]** он принял решение спасти меня и никому не отдавать ни этот укрепленный замок, ни меня саму [685].

Зная о том, что Вы, господин мой брат, являетесь настоящим покровителем католической партии, которой он всецело предан, и что переговоры особой важности, каковые он вел по поручению короля моего брата, показались Вам весьма опасными, [Канийак] попросил меня отправить Вам его отчеты (mesmoires), – то, что я посчитала необходимым сделать не столько с целью расстроить замыслы и махинации [короля Франции], заключившего мир с еретиками, но скорее ради того, чтобы найти причину разжечь и продолжить войну [686]. Я считаю своим долгом держать Вас в курсе событий и представить это дело на Ваше мудрое и осторожное усмотрение (не только в силу моей преданности, которую я к Вам питаю, и в виду больших несправедливостей и оскорблений, полученных от короля моего брата, но также из-за страха перед увеличением еретического движения, ибо я опасаюсь за судьбу всей католической религии, равно как и за свою собственную).

Для этой цели я выбрала господина епископа Комменжа, которому поручила осуществить это предприятие, поскольку он **[300]** обладает редкими качествами ревностного защитника святой веры и Божьего дела и будет следовать только тому, что ему приказано; к тому же его епархия соседствует с Вашей границей [687]. Все это позволит сохранить дела в большем секрете, с чем не смог справиться господин де Дюра.

Я не торопилась с настоящим письмом, так как война продолжилась; но видя, что победа, которую еретики одержали над господином де Жуайезом [688], дает предлог королю моему брату заключить с ними мир, что является только частью его замысла сделать гугенотов такими сильными, чтобы они смогли потом заставить Папу [689] и всех католиков согласиться на

подписание мира на условиях, желаемых для них, и видя также, что предложения о названном мире уже представлены, а господа Гизы не столь сильны и вынуждены с ним согласиться [690], я решила, что не должна более ждать. Посему извещаю Вас и прошу Вас верить, рассчитывая на Вашу волю поддержать меня, что я снова укрепила связи, обрела крепости и людей, чего у меня не было прежде, которые находятся в руках господина маркиза де Канийака, захватившего меня, человека благодарного и выполняющего мои приказания, который контролирует весь здешний край, бесчисленное число укрепленных мест [691]. **[301]**

В мемуаре, который я Вам посылаю [692], рассказывается обо всех делах более детально, а господин де Комменж остальное представит Вам устно. Я же прошу Вас, господин мой брат, верить, что никто на свете не властен надо мной, кроме Вас, и я буду счастлива, если смогу представить Вам достойное доказательство моей преданности и воли. В ожидании чего я прошу Бога, господин мой брат, даровать Вам полное благоденствие и совершенное утверждение Вашего превосходства.

Ваша самая покорная и преданная сестра,

Маргарита

Espana. Archives Simancas. Flandres. E 595. France. Besançon. Bibliothèque municipale. MS. 1792. F. 157-158.

Испания. Архив Симанкас. Фонды Фландрии. Копия: Франция. Муниципальная библиотека г. Безансона.

№ 8. ГЕНРИХУ III

ГЕНРИХУ III

Замок Юссон. Начало 1588 года.
Автограф.

Монсеньор, так как среди всех своих несчастий я считала самым большим потерю Вашего доброго расположения, и поскольку среди всех милостей, получаемых мною от Бога, Ваши (дающие мне надежду вернуться в число Ваших самых покорнейших подданных) являются теми, за которые, я знаю, должна неустанно восхвалять и благодарить Господа, Всевышний внял моим самым истовым молитвам, которые я Ему когда-либо возносила. **[302]**

Я не могу найти таких слов, Монсеньор, способных выразить радость и удовольствие, которые я получила, услышав от Рупейре [693], как Вы меня почитаете. Для меня это – такая огромная честь и счастье, что все невзгоды, Фортуна и любые другие силы в мире не смогут поколебать моего обета (который будет Вам приятен, Монсеньор) покорнейше служить Вам и навеки посвятить себя [этой службе], с нижайшей мольбой забыть и простить мне то отчаяние, во многом вынудившее меня поступать [так] ради спасения моей жизни.

И поверьте, Монсеньор, поскольку я обрела это блаженство (которого я желаю не меньше, чем своего спасения), и Вам угодно продолжать оказывать мне честь Вашими добрыми милостями, то я надеюсь, что своей верной и скромной службой докажу Вам, Монсеньор, свою совершенную преданность, и если возможно заслужить хотя бы одно из столь великих благ, я постараюсь быть его достойной, так же как и всех остальных.

(И, чтобы не надоедать Вам, Монсеньор), я дала поручение Рупейре, который отправляется назад, рассказать Вам об этом, а я нижайше целую Ваши руки, прося Господа, Монсеньор, даровать Вам здоровье, очень долгую и счастливую жизнь.

Ваша нижайшая и покорнейшая служанка, сестра и подданная,

Маргарита

British Library. London. Add. 24182. F. 1. Британская библиотека. Лондон.

№ 9. НИКОЛА ДЕ НЕФВИЛЮ, СЕНЬОРУ ДЕ ВИЛЛЕРУА

НИКОЛА ДЕ НЕФВИЛЮ, СЕНЬОРУ ДЕ ВИЛЛЕРУА [694]

Замок Юссон. 14 мая 1598 года.
Автограф.

Господин де Виллеруа, я узнала с облегчением, посредством господина Эрара [695], что дело, с которым я его отправила, передано **[303]** Вам с заверением, что оно будет решено не в ущерб моим интересам; я убеждена совершенно, что именно такова воля короля.

Я всегда была готова повиноваться королю и подтвердила это ему в предыдущем представлении [procuration], аналогичном настоящему, которое я направила по его первому требованию [696]. То же самое я делаю и на этот раз, поступаясь своим положением к удовлетворению Его Величества. Я умоляю его единственно, и прошу Вас уважить меня и поспособствовать в этом деле, предоставив возможность сохранить мое содержание в соответствии с моим рангом, что я детально изложила в мемуаре, который доверила господину Эрару и который Вы увидите. В связи с чем я прошу Вас оказать мне дружескую услугу ради памяти короля Карла, моего доброго брата. Вы должны помнить, как он любил меня. В память об этом, я верю, что не буду лишена Вашей дружеской поддержки, которую очень ценю и весьма желаю. При первом же важном случае я не премину это подтвердить.

Я не прошу ничего, что может навредить королю и его Государству, и, отказавшись, ради исполнения воли короля, от многих почестей, королевских отличий и содержания, передала королю [право получать] двадцать три тысячи экю ренты с моих владений в Пикардии и десять тысяч франков, которые были дарованы мне моими братьями. После того как я вернула названные владения, а тому уже четыре года, мои кредиторы, переставшие извлекать из них доходы, свои требования увеличили на треть, что доставляет мне уже долгое время такие неудобства, каковых я еще не испытывала [697]. Вот почему, в бесконечном опасении остаться ни с чем, я желаю быть уверенной, что королю будет угодно согласиться [с моими

просьбами], в чем я и прошу Вас помочь. Тем самым Вы окажете услугу нам обоим без ущерба одному и другому, и с этим **[304]** делом не нужно медлить, поскольку королю довольно легко его решить. Я нисколько не сомневаюсь в его доброй воле и его могуществе, предвидя, что и мои друзья будут склонять короля все уладить. Мне известно, насколько Вы можете повлиять на это [дело]. Я же буду Вам обязана более, чем кто-либо, и заранее благодарна за оказанную Вами услугу.

Господин Эрар попросил меня вспомнить, кто был получателем разрешения [папы] [698]. Со мной никогда не говорили по этому поводу, и я уверена, что [сейчас] ничего уже нельзя выяснить по причине смуты, начавшейся сразу после нашей свадьбы и событий Варфоломеевской ночи; я думаю, что все решилось только по устной договоренности между королевой моей матерью и господином нунцием [699], ибо миссия господина де Дюра была связана единственно с получением прощения папы по причине обращения короля после Варфоломеевской ночи [700]. Разводы Людовика Седьмого с герцогиней Гиеньской и Людовика Двенадцатого с Жанной Французской [701] являются примерами недалекого прошлого, и этот [развод] не станет затруднением для Его Величества. Когда речь **[305]** идет о деле, которое в его власти, и раз уж его начали, я не сомневаюсь, что Вы со своей осторожностью доведете его только до счастливого конца.

Я молю Бога сделать все к его славе и дать мне возможность убедиться в достойном разрешении этого дела.

Ваша самая преданная подруга

Маргарита

Из Юссона, сего 14 мая 1598 года

Bibliothèque Nationale de France. Paris, n.a.f. 22938. F. 84-85· Национальная библиотека Франции. Париж.

№ 10. ДИАНЕ ДЕ ВАЛУА, ГЕРЦОГИНЕ АНГУЛЕМСКОЙ

ДИАНЕ ДЕ ВАЛУА, ГЕРЦОГИНЕ АНГУЛЕМСКОЙ [702]

Замок Юссон. 21 марта 1599 года.
Автограф утрачен.

Сестра моя, я тщательно просмотрела содержание представлений, уже Вам направленных [703], и нахожу, что мы оба, я и король, совершили ошибку: его [ошибка] заключается в том, что [эти представления] в их нынешнем виде папа [704], несомненно, сочтет недостаточным основанием для признания недействительным нашего брака, чего желает король, и откажет ему [в этом]. Моя же состоит в том, что я выражаю очень постыдную **[306]** для себя просьбу – чтобы мое замужество было объявлено недействительным [после того, как] я жила с королем как супруга со своим мужем.

Все это подвигло меня переписать оба представления, которые я Вам [вновь] направляю; и одно, и другое повторяют во всем предыдущие, кроме добавления, которое я сделала, – что король никогда не знал и не дотрагивался до меня. Это является таким же основанием, по которому был осуществлен развод короля Людовика XII и Жанны Французской, дочери Людовика XI, и этот [развод] стал весьма счастливым и приемлемым, поскольку [затем] на свет появились короли – наши отцы и братья. Ибо король Людовик XII, после своего развода женился на Анне Бретонской, матери королевы Клотильды, моей бабки [705]. Понимаете, если я добавлю эту оговорку с целью признания недействительным брака, папа сможет сказать, что, по моему мнению, наш брак не был осуществлен, следовательно, его и не было; а причины, которые я называла прежде, не являются убедительными для развода, так как его [папы] предшественник предоставил соответствующее разрешение [на брак] [706], несмотря на наше [с королем] кровное родство [707] и разное вероисповедание. Если я говорю, что не видела и не требовала [сама] такого разрешения, то всем хорошо известно, что я пребывала в таком возрасте, который не позволял **[307]** мне участвовать в этом, и достаточно того, что королева моя мать просила и получила его для меня. А если скажут, что я никогда не

соглашалась на брак и была к нему принуждена, можно также ответить, что я была тогда во власти матери, в том возрасте, когда я могла [лишь] покорно подчиняться.

На то, что я добавила, с целью признания недействительным брака, папа ничего не сможет возразить. Ибо если король никогда не был со мной, никогда не дотрагивался до меня, и если и король и я говорим так, этому нужно верить и уже нельзя отказывать в расторжении брака по причине его неосуществления. По правде говоря, и не нужно иного доказательства, кроме слова короля, но если мы оба будем говорить об этом (о чем я смиреннейше умоляю короля, который желает развода и признания брака недействительным), Его Святейшество согласится с нами, видя также, что это – правда, и у меня уже нет возможности иметь детей, необходимых Его Величеству, ради его собственного блага и блага его Государства, да и всего Христианского мира. Об этом я прошу Вас, сестра моя, поговорить с королем; и я была бы весьма счастлива, если бы Его Величество пожелал взять за труд прочитать мое письмо и понял, насколько мы, он и я, ошибаемся относительно [содержания] этих последних представлений. Я очень бы желала, чтобы Его Величеству было угодно ничего не предпринимать, пока я не получу известий от моих сборщиков налогов, чего ожидаю в ближайшее время и о чем Вас уведомлю [708]: после того как король увидит оба [новые] представления, приложенные [к этому письму], также датированные 21 марта, я умоляю Вас острым пером уничтожить предыдущие [представления] [709], и вернуть их мне, уже испорченные, с этим же нарочным, и постараться, чтобы король это обязательно увидел; передать ему мое вложенное письмо так быстро, насколько это возможно [710], и пересказать ему как можно лучше содержание моего письма [к Вам]. **[308]**

Я сделала бы [добавления] и в предыдущих [представлениях], которые я Вам направляла, но господин де Борепэр [711] и некоторые другие написали мне, что существует опасение осмотра меня медиками [712]. Справившись со своей удрученностью и выслушав их совет, я поняла, что нельзя согласиться ни с одной из сторон, к тому же эта [процедура] недостойна для персоны моего ранга; Жанна Французская, разведенная с королем Людовиком XII под этим же предлогом, не подвергалась ничему подобному. Решив, что он [аргумент о неосуществлении брака] наиболее приемлем для короля и более почетен для меня, я сразу же взялась за перо, чтобы сочинить это послание; я буду в высшей степени обязана Вам, сестра моя, и знаю, что от Вашего вмешательства в это дело, [осуществляемого]

с честью для меня, я обрету удовольствие, а не постыдное положение, в которое меня хотят поставить. Я прошу Вас отправить назад ко мне моего слугу Гилена, настоящего нарочного, сразу же, как Вы поговорите с королем, и вместе с ним послать мне мои предыдущие испорченные представления; так как они уже бесполезны, пусть будут возвращены.

Я по-прежнему уверена в доброте короля, который никогда не допустит, чтобы я оказалась в постыдном положении, и не заставит меня признать мое замужество недействительным без добавлений, внесенных мной сейчас, [иначе] это нанесет такое оскорбление и мне, и всей моей семье, к которой я принадлежу, что большего и быть не может. По этой причине я продолжала пребывать в волнении, не осмеливаясь, с одной стороны, отказаться выполнять приказание короля, в опасении [признания] недействительным брака, и боясь, с другой стороны, если я поступлю так, как поступаю теперь, осмотра медиков, которыми он [713] пугал меня, наконец, видя, что мне угрожает крайняя нужда – мне не хотят выплачивать мой пенсион и делать иные выплаты, **[309]** пока я не отправлю названное представление. Я вижу, что на меня оказывают давление, и в такой манере, чтобы свалить меня в моем несчастье и затянуть в итоге исполнение воли короля. Тем самым, несомненно, они показывают себя как недостойные люди, нанеся урон моей чести и проявив неуважение к моему рангу, но это всегда можно исправить, чтобы по-доброму осуществить развод, сделав так, как я предлагаю. Все это я прошу Вас довести до короля и воспрепятствовать тем, у кого имеется злой умысел склонить его не принимать то, что я [сейчас ему] направляю. Вы оказываете, сестра моя, такую услугу королю и мне, что после Бога я должна Вам всю себя, и внутри, и снаружи. Используйте же [в этом деле] полностью все Ваше влияние и сохраните для меня благо Вашей дружбы, настолько искренней, что я прошу Господа, сестра моя, от всей моей души даровать Вам самую счастливую и долгую жизнь.

Ваша самая верная сестра на Вашей службе,

Маргарита

Из Юссона, сего 21 марта 1599 года

[P. S.] Я приказала своему лакею, настоящему нарочному, передать Вам этот пакет так, чтобы никто не видел. Я умоляю Вас написать мне, исполнил ли он это поручение, остался ли запечатанным пакет, и [указать] день, когда Вы его получили.

№ 11. МАКСИМИЛИАНУ ДЕ БЕТЮНУ. БАРОНУ ДЕ РОНИ

МАКСИМИЛИАНУ ДЕ БЕТЮНУ. БАРОНУ ДЕ РОНИ [714]

Замок Юссон. 29 июля 1599 года.
Автограф утрачен.

Мой кузен, я начинаю обретать добрую надежду на решение моих дел, ибо я уже счастлива от того, что Вы пожелали взять их **[310]** под свое покровительство, как заверяете меня в своих письмах. Я желаю, чтобы они достигли успеха и способствовали удовлетворению короля, равно как и всех добрых французов, которые, пишете Вы мне, столь страстно желают увидеть законных детей короля, обладавших бы бесспорным правом наследовать эту корону [715], каковую он спас от гибели и краха с таким трудом и опасностями для себя.

Да, ранее я оттягивала время и испытывала сомнения и трудности, о причинах чего Вам известно более, чем кому-либо другому, не желая видеть на своем месте эту порочную шлюху [bagasse [716]], которую я считала ни достойной царствовать, ни способной даровать Франции плоды, которые та жаждет. Сейчас положение дел изменилось, благодарение небесам, и я нисколько не сомневаюсь в осторожности короля и мудрости членов его совета, чтобы сделать правильный выбор [717], в то время как я рассчитываю на безопасность моих дел, моих титулов, моего положения и образа жизни (ибо я хочу прожить остаток своих дней, пребывая в спокойствии тела и духа, что король и Вы можете [обеспечить мне] полностью). Я соглашусь со всеми приемлемыми для себя условиями, которые Вы мне и посоветуете.

[Но] прежде всего, обеспечьте мне выплату моего пенсиона и прочих средств, дабы расплатиться с моими кредиторами, чтобы они не беспокоили меня более. Я уже дала поручение господину де Ланглуа [718] потребовать у Вас эти деньги от моего имени, и я Вам буду обязана, если мне выплатят все то, что полагается. **[311]**

Берегите же себя и считайте меня
Вашей самой преданной и верной кузиной,
Маргарита

В Юссоне, сего 29 июля 1599 года

№ 12. ГЕНРИХУ IV

ГЕНРИХУ IV

Париж. 5 апреля 1606 года.

Автограф.

Монсеньор, [сегодня] возле ворот моего дома [719], в моем присутствии и прямо напротив моей кареты произошло убийство, совершенное сыном [мадам де] Вермон [720], который выстрелом из пистолета поразил одного из моих дворян по имени Сен-Жюльен [721].

Я нижайше умоляю Ваше Величество приказать, чтобы [в отношении него] была осуществлена справедливость и не было проявлено никакого снисхождения. Пока этот негодяй не будет наказан, никто не будет чувствовать себя в безопасности. Я снова нижайше умоляю Ваше Величество покарать этого убийцу [722]. **[312]** Я направила господина де Фуркево [723], чтобы нижайше просить об этом Ваше Величество, которому я смиренно целую руки и беспрестанно прошу Бога даровать самую долгую и счастливую судьбу. Ваша самая покорная и смиренная служанка и подданная,

Маргарита

Bibliothèque Nationale de France. Paris. Dupuy 217. F.144. Национальная библиотека Франции. Париж. Фонд Дюпюи.

III. НЕИЗДАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

на сайте отсутствует текст данного раздела. Возможно оцифровка книги не была завершена.

Вступительное слово

№ 1. Письмо Маргариты Французской, герцогини Савойской, Карлу IX

№ 2. Письмо Шарля де Бирага Екатерине Медичи

№ 3. Письмо Шарля де Бирага Екатерине Медичи

№ 4. Письмо Шарля де Бирага Генриху III

№ 5. Денежная расписка Маргариты де Валуа

Письмо Маргариты де Валуа Филиппу II (1587 г.)

Данная публикация письма не входит в состав книги. Оно опубликовано отдельно с отдельными комментариями.

Я взял на себя смелость поместить его в эту редакцию.
Гусев Р.Ю.

Текст воспроизведен по изданию: Письмо Маргариты де Валуа Филиппу II (1587 г.) // Historia animata. Сборник статей, Часть 3. М. ИВИ РАН. 2004

© текст (перевод) - Шишкин В. В. 2004
© сетевая версия - Thietmar. 2006
© OCR - Malinin S. 2006
© дизайн - Войтехович А. 2001
© ИВИ РАН. 2004

Вступление

Жестокий гражданский и одновременно религиозно-политический конфликт во Франции, случившийся в царствование последних Валуа и получивший название Гугенотских войн (1559-1598), казалось, обрушил весь миропорядок государства, складывавшийся веками. Гражданское противостояние порой принимало такие формы, что заставляло говорить о принципиальной невозможности примирения гугенотов и католиков и вообще ставило под сомнение единство французской нации. Ссоры и разногласия раздирали королевскую семью, судьба членов которой стала зеркалом всей истории Франции этого времени.

В 1584 г. умер наследник трона герцог Франсуа Анжуйский, 30-летний неженатый и бездетный брат царствующего Генриха III, несчастливый претендент на руку Елизаветы Английской. Смерть последнего принца из рода Валуа донельзя обострила политическую ситуацию в стране, поскольку вставал вопрос о преемнике. К тому моменту все уже понимали, что брак короля и Луизы Лотарингской будет бездетен. По Салическому закону корону должен был наследовать гугенот Генрих де Бурбон, король Наваррский, прямой потомок Людовика Святого и ближайший родственник Генриха III по мужской линии. Его, как известно, в 1572 г. женили на Маргарите де Валуа, сестре последних Валуа и дочери Екатерины Медичи. Сама вероятность прихода к власти гугенота-еретика, пусть королевской крови, всколыхнула всю Францию и стала поводом для очередной, последней, но самой

кровавой гражданской войны. Она получила наименование "Войны трех Генрихов", потому что за власть **[156]** стали бороться три противоборствующие стороны: Генрих III, возглавлявший королевский лагерь, герцог Генрих де Гиз, глава Католической Лиги, мощного военно-политического союза католиков, и одновременно претендент на трон, и, конечно, Генрих Наваррский, лидер протестантского движения. Невольной заложницей этой войны стала Маргарита де Валуа, королева Наваррская (1553-1615).

Ее судьба после 1584 г. - это цепь невероятных и трагических приключений, лучше всего представленных ею самой в ее корреспонденции. Как известно, после себя она оставила мемуары, но до нас дошел, видимо, далеко не весь текст, обрывающийся неожиданно, на полуслове, событиями 1581 г. [724] Поэтому письма королевы, написанные неповторимым ренессансным языком, одновременно изысканным и прагматичным, являются для нас важным источником и зачастую - ключом к разгадке ряда запутанных событий, происходивших во Франции в 80-90 гг. [725]

В настоящей публикации мы предлагаем перевод особенного письма Маргариты, адресованного "*Католическому королю, господину моему брату*", т.е. Филиппу II, королю Испании, женатому в свое время на старшей сестре королевы Наваррской Елизавете де Валуа (ум.1568) (отсюда и такая форма обращения), самому могущественному государю того времени, который регулярно вмешивался во французские события, помогая Гизам и Лиге. В этом письме довольно подробно описываются злоключения Маргариты в 1585-87 гг., и цель его предельно ясна — добиться финансовых субсидий от испанского короля. Послание написано в Юссонском замке и датируется, видимо, концом 1587 — началом 1588 гг., о чем мы представим соответствующее объяснение в комментариях. Оригинал хранится в знаменитом архиве Симанкас в Мадриде [726].

Наверное, королева Наваррская была бы изрядно удивлена, узнав, что спустя 400 лет ее секретное послание Филиппу II будут читать на русском языке… **[157]**

Письмо Маргариты де Валуа Филиппу II

Господин мой брат, даже выпавшие на меня несчастья и происки моих недругов, с которыми я столкнулась, не смогут помешать мне исполнять мой долг — продолжать смиренно благодарить Вас за те блага, которые я от Вас получила, и в письмах моих заверять Вас, насколько мне доставило радость и удовольствие то, что Вам угодно было мне написать [727]; а дела мои, даже сверх моего главного обязательства, теперь навсегда связаны и полностью посвящены Вашей службе и почитанию, для чего нужна сила духа, слуги и способы достижения успеха, - именно так я понимаю счастье быть Вам полезной, и каковое желание, заверяю Вас, я сохраню навеки.

Вместе с тем я хотела бы оправдать себя, ибо опрометчивость господина де Дюра и хитрость моих врагов соблазнили его покинуть меня, удержав при себе все средства, которые Вам угодно было ему доверить [728]. И, так как одна ошибка порождает другую, побуждаемый моими недругами по наущению маршала де Бирона (человека двуличного и полностью преданного еретикам) [729], он решил, что наиболее удобным делом для него является дальнейшее обогащение. Скупость и отчаяние от первой ошибки вселили в его сердце измену и желание захватить [замок] Карла, где я находилась, и меня саму, о чем я также была извещена своими людьми. Видя, что его замысел раскрыт, он бежал, захватив с собой шифры и ключи к документам, выданные ему во время его поездки, чтобы писать Вам [730]. Это ввергло меня в крайнее огорчение, не столько из-за опасения, что Дюра передаст их за вознаграждение (что и произошло) королю моему брату, зная о желании последнего преследовать меня, сколько из-за слухов о моей пострадавшей репутации, представляющих меня неблагодарной и преданной Вашей службе только на словах.

К тому моменту я уже испытала самую большую досаду, поскольку из-за промедления Дюра я потеряла Ажен (а вместе с Аженом — возможность противодействовать миру, заключенному с таким ущербом для Вас, хотя, если бы у меня тогда были средства, я без труда смогла бы это сделать, **[158]** *владея землями [Аженского графства] и располагая людьми, которые были преданы мне)[731], и если у меня до недавнего и оставалась какая-либо надежда, что дурные и пагубные замыслы наших врагов не смогут исполниться, а переговоры о мире с еретиками не состоятся, то это была надежда на армии господина де Майенна и господина де Жуайеза[732]. Названные обстоятельства, вызвавшие мою ненависть и сожаление, дали мне повод написать Вам это*

письмо и представить положение моих дел.

Итак, как я и предвидела, случилось то, что известие о поездке господина де Дюра вызвало гнев и страх короля моего брата, и дало ему предлог, заключив мир с Лигой, преследовать меня (говоря, что это его личное дело), потому что я решилась известить Вас о многих важных вещах. Линьерак, человек скупой и безумный, вынудил меня отдать ему замок [Карла], которым я владела и который господин де Гиз считал особенно верным (а поскольку я хорошо знала недостатки господина де Гиза, я не осмелилась, из боязни вызвать его неодобрение, просить у него помощи), и осуществил свое предательство за десять тысяч экю, которые ему пообещал и отчасти заплатил король, захватив меня и мою крепость [733]. В такой великой опасности, Господь, который никогда не покидал меня, укрепил мой дух и подсказал слова, настолько убедившие Линьерака приведенными доводами и выражениями, что он освободил меня. Я представила ему, какое огорчение принесла бы моя смерть господину де Гизу, потому что король мой брат желает моей гибели единственно с целью вновь женить принца Беарнского, дабы усилить родственные отношения в Германии, и укрепить его [Генриха Наваррского] позиции, открывая ему путь к короне Франции, - то, чему [женитьбе и обретению права наследования] господа Гизы не в силах будут помешать и что не смогут оспорить и иные католики; и тогда господин де Гиз не преминет вспомнить о его [Линьерака] роли в этом деле [734].

Однако находиться в Карла вместе с этим безумцем было небезопасно, и так как я не могла вернуться в Гасконь, поскольку в Родезе стояла армия господина де Жуайеза, **[159]** *оставался единственный свободный путь в сторону Оверни, и мне пришлось отправиться в укрепленный замок Ибуа, принадлежавший королеве моей матери, капитан которого был мне предан [735]. Отряды из армии господина де Жуайеза преследовали меня с таким рвением, что, прибыв вечером в замок, наутро я уже была ими осаждена, не обладая ни съестными запасами, ни порохом, ни удобствами. Продержавшись два дня без пищи, не надеясь на помощь господ Гизов, один из которых пребывал в Шампани, а другой в Гаскони, и не имея возможности добыть пороха для своей защиты, я принуждена была сдаться солдатам, рассчитывая только на позорную и жестокую смерть.*

Господь, проявляющий свою милость даже в самых безнадежных ситуациях, позволил, чтобы я оказалась во власти порядочного человека [736], который всегда был хорошим католиком и настолько ненавидел еретиков, что, узнав о желании и намерении короля моего брата умертвить меня (подобно тому,

что случилось с королевой Шотландской, благодаря помощи и особым стараниям господина де Беллиевра, о чем ему [Канийаку] было прекрасно известно [737]), он принял решение спасти меня и никому не отдавать ни этот укрепленный замок, ни меня саму[738].

Зная о том, что Вы, господин мой брат, являетесь настоящим покровителем католической партии, которой он всецело предан, и что переговоры особой важности, каковые он вел по поручению короля моего брата, показались Вам весьма опасными, [Канийак] попросил меня отправить Вам его отчеты (mesmoires), - то, что я посчитала необходимым сделать не столько с целью расстроить замыслы и махинации [короля Франции], заключившего мир с еретиками, но скорее ради того, чтобы найти причину разжечь и продолжить войну[739]. Я считаю своим долгом держать Вас в курсе событий, и представить это дело на Ваше мудрое и осторожное усмотрение (не только в силу моей преданности, которую я к Вам питаю, и в виду больших несправедливостей и оскорблений, полученных от короля моего брата, но также из-за страха перед увеличением еретического движения, **[160]** *ибо я опасаюсь за судьбу всей католической религии, равно как и за свою собственную).*

Для этой цели я выбрала господина епископа Комменжа, которому поручила осуществить это предприятие, поскольку он обладает редкими качествами ревностного защитника святой веры и Божьего дела, и будет следовать только тому, что ему приказано; к тому же его епархия соседствует с Вашей границей [740]. Все это позволит сохранить дела в большем секрете, с чем не смог справиться господин де Дюра.

Я не торопилась с настоящим письмом, так как война продолжилась; но, видя, что победа, которую еретики одержали над господином де Жуайезом [741],дает предлог королю моему брату заключить с ними мир, что является только частью его замысла сделать гугенотов такими сильными, чтобы они смогли потом заставить Папу [742] и всех католиков согласиться на подписание мира на условиях, желаемых для них, и видя также, что предложения о названном мире уже представлены, а господа Гизы не столь сильны и вынуждены с ним согласиться [743],я решила, что не должна более ждать. Посему извещаю Вас, и прошу Вас верить, рассчитывая на Вашу волю поддержать меня, что я снова укрепила связи, обрела крепости и людей, чего у меня не было прежде, которые находятся в руках господина маркиза де Канийака, захватившего меня, человека благодарного и выполняющего мои приказания, который контролирует весь здешний край, бесчисленное число укрепленных мест[744].

В мемуаре, который я Вам посылаю [745],рассказывается обо

всех делах более детально, а господин де Комменж остальное представит Вам устно. Я же прошу Вас, господин мой брат, верить, что никто на свете не властен надо мной, кроме Вас, и я буду счастлива, если смогу представить Вам достойное доказательство моей преданности и воли [746]. *В ожидании чего я прошу Бога, господин мой брат, даровать Вам полное благоденствие и совершенное утверждение Вашего превосходства.*

Ваша самая покорная и преданная сестра,

Маргарита

notes

Примечания

1

1. Мемуары королевы Марго / Пер. И. В. Шевлягиной под ред. С. Л. Плешковой. М., 1995.

2

2. Marguerite de Valois. Mémoires et autres écrits. 1574-1614 / Édition critique par Éliane Viennot, Paris, 1999.

3

3. См: Éliane Viennot. Histoire d’une femme. Histoire d’un mythe. Paris, 1993; Marguerite de Valois. Correspondance. 1569-1614 / Éd. Éliane Viennot. Paris, 1998, См. подробнее статьи к разделам I и II настоящей книги. Кроме того, мадам Вьенно много лет возглавляет авторитетную международную ассоциацию исследователей французских женщин Старого порядка – STEFAR. См.: www.siefar.org.

4

1. Ср. сонет Брантома: «Вы как-то мне сказали, чтоб написал о Вас я...» (Recueil d'aucunes rimes // Brantôme. Recueil des Dames, Poésies et Tombeaux / Éd. Etienne Vaucheret. Paris: Gallimard, Coll. « La Pléiade », 1992. P. 906). О динамических связях между этими разными текстами см.: Éliane Viennot. Les métamorphoses de Marguerite de Valois, ou les cadeaux de Brantôme // J.-P. Beaulieu & D. Desrosiers-Bonin (dir.). Dans les miroirs de l'écriture. La réflexivité chez les femmes écrivains d'Ancien Régime. Montréal : Paragraphes, 1998.

2. Marguerite de Valois. Correspondance. 1569-1614 / Éd. Éliane Viennot. Lettre 248. P. 338.

6

1. К. Ловернья-Ганьер и др. История французской литературы / Под ред. Д. Берже. М., 2007 (Paris: Nathan, 2002).

2. J.-L. Bourgeon. Pour une histoire, enfin, de la Saint-Barthélemy // Revue historique. № 282, 1989. P. 105-106.

3. Сошлемся только на основательное двухтомное исследование Элиан Вьенно «Франция, женщины и власть. Изобретение салического закона (V-XVIII века)»: Éliane Viennot. La France, les femmes et le pouvoir. L'invention de la loi salique (V-XVIII siècle). Paris, 2006-2008.

4. Черняк Е. Б. Вековые конфликты. М., 1988. С. 123.

5. Там же. С. 126.

6. Черняк Е. Б. Вековые конфликты. М., 1988. С. 126.

7. Мемуары королевы Марго / Перевод И. В. Шевлягиной. Вступ. ст. и комм. С. Л. Плешковой. М., 1995.

8. Там же. С. 18-20, 23.

9. Marguerite de Valois. Mémoires et autres écrits. 1574-1614 / Éd. Éliane Viennot. Paris, 1999. Introduction. P. 51-55.

10. Мемуары королевы Марго. С. 16.

11. Там же. С. 18.

12. Там же. С. 28-29.

13. Плешкова С. Л. Екатерина Медичи. Черная королева. М., 1994. С. 296, 298.

14. Кастело А. Королева Марго. М., 1999.

15. Там же. С. 54

16. Lettres d'Antoine de Bourbon et Jehanne d'Albret / Éd. Le Marquis de Rochambeau. Paris, 1877. P. 350.

17. Garrison Janine. 1572. La Saint Barthélémy. Paris, 1987; Marguerite de Valois. Paris, 1994.

18. Castarède Jean. La triple vie de la reine Margot. Paris, 1992.

19. См. нашу статью в разделе II настоящего издания.

20. Castarède Jean. La triple vie de la reine Margot. P. 135-136.

21. Ее материалы были опубликованы в кн.: Marguerite de France, reine de Navarre et son temps. Actes du colloque d'Agen. Sept. 1991. Agen, 1994.

22. Cocula A.-M. Marguerite de Valois, de France et de Navarre: impossible identité de la Reine Margot // Marguerite de France, reine de Navarre et son temps. Actes du colloque d'Agen. P. 17-27.

23. Boucher J. Le double concept du mariage de Marguerite de France, propos et comportement // Marguerite de France, reine de Navarre et son temps. Actes du colloque d'Agen. P. 81-98.

24. Éliane Viennot. Marguerite de Valois. Histoire d'une femme. Histoire d'un mythe. Paris: Éditions Payot et Rivages, 1993.

25. Mariéjol J.-H. La vie de Marguerite de Valois, reine de Navarre et de France. 1553-1615. Paris, 1928.

26. См. раздел II настоящего издания.

27. Viennot Éliane. Marguerite de Valois. P. 394.

28. См. «От составителя».

29. Boucher J. Deux épouses et reines à la fin du XVIe siècle: Louise de Lorraine et Marguerite de France. Saint-Etienne, 1995.

30. Sealy Robert T. The myth of the Reine Margot: toward elimination of a legend. New York, 1994.

31. Moisan Michel. L'exil auvergnat de Marguerite de Valois. Carlat – Usson. 1585-1605. Nonette, 1999.

32. Sluhovsky Moshe. History as voyeurism: from Marguerite de Valois to la Reine Margot // Rethinking History. Vol. 4. Issue 2. July 2000. P. 193-210; Слуховски Моше. Совращение и бойня: «Королева Марго» Патриса Шеро // Варфоломеевская ночь. Событие и споры / Под ред. П. Ю. Уварова. М., 2001. С. 198-225.

33. Lettres d’Antoine de Bourbon et Jehanne d’Albret. P. 144.

34. Бабелон Ж.-П. Генрих IV. Ростов-на-Дону, 1999. С. 60 и далее.

35. Цит по: Эрланже Ф. Резня в ночь на Святого Варфоломея. 24 августа 1572 года. СПб., 2002. С. 268.

36. К слову сказать, именно Жан Нико (отсюда – никотин), дипломат и интеллектуал, прославился тем, что в 1560 году отправил ко французскому двору образцы табака, который уже был в обиходе при дворе португальском, и тем самым положил начало его распространению во Франции, а затем в Европе.

37. Эти малоизвестные письма хранятся в Санкт-Петербурге, в Российской национальной библиотеке, в коллекции П. П. Дубровского, Автограф 110. В свое время они были опубликованы Э. Фальгеролем: Jean Nicot, ambassadeur de France en Portugal au XVIe siècle. Sa correspondance diplomatique / Éd. Edmond Falgairolle. Paris, 1897;

См. Дополнительные материалы. {1}

38. Jean Nicot, ambassadeur de France en Portugal au XVIe siècle. Sa correspondance diplomatique. P. 3-8.

39. Ibid. P. 107-116.

40. Клула Иван. Екатерина Медичи. М., 1997. С. 539 и далее.

41. São M. de. Don Sebastien et Phelipe II. Expose des négociations entammées en vue de mariage du roi de Portugal avec Marguerite de Valois. Paris, 1884. P. 13.

42. Jean Nicot, ambassadeur de France en Portugal au XVIe siècle. Sa correspondance diplomatique. P. 69-72.

43. São M. de. Don Sebastien et Phelipe II. P. 26-27.

44. См.: Леони Фрида. Екатерина Медичи. М., 2006. С. 276-281; Гармсен О. М. Байоннское свидание 1565 г. (из истории французско-испанских дипломатических отношений XVI века) // Ученые записки Московского городского педагогического института. Т. VIII. Кафедра истории средних веков. Вып. I. / Под ред. А. А. Фортунатова. М., 1948. С. 95-114.

45. Monluc Biaise de. Commentaires. 1521-1576 / Éd. P. Couteault. Paris, 1971. P. 582.

46. Эти письма также хранятся в Санкт-Петербурге в составе коллекции П. П. Дубровского, Авт. 69. См. прим. к разделу III «Неизданные документы» настоящей книги.

47. Эрланже Ф. Генрих III. СПб., 2002. С. 62-63.

48. São M. de. Don Sebastien et Phelipe II. P. 43-46.

49. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть 3. М., 2004. С. 216-217.

50. Мать герцога Генриха де Гиза Анна д'Эсте, итальянская принцесса из Феррары, по матери являлась внучкой Людовика XII, а Мария де Гиз, тетка Генриха де Гиза, была замужем за Иаковом V Шотландским и была матерью Марии Стюарт, вдовы Франциска II.

51. Lettres du Cardinal Charles de Lorraine (1525-1574) / Publ. D. Cuisiat. Genève, 1998. P. 610.

52. В письме Генриху IV от 9 апреля 1593 года: Marguerite de Valois. Correspondance. 1569-1614 / Éd. Éliane Viennot. Paris, 1998. № 251. P. 343.

53. Кастело А. Королева Марго. С. 45-47.

54. Lettres de Catherine de Medicis / Publ. Hector de La Ferrière. T. IV (1570– 1574). Paris, 1891. P. 5, 14.

55. Ibid. P. 94.

56. Lettres de Catherine de Medicis. P. 25 (письмо от 8 января 1571 г.)

57. Lettres de Catherine de Medicis. P. 97.

58. Bourdon L. L’ambassade de Joào Gomes da Silva en France. Lisboâ, 1958.

59. Lettres de Catherine de Medicis. P. 75-79, 106-107.

60. Lettres de Catherine de Medicis. P. 106-107.

61. Эрланже Ф. Резня в ночь на Святого Варфоломея. С. 161.

62. Lettres de Catherine de Medicis. P. 110

63. Ibid. P. 144.

64. Эрланже Ф. Резня в ночь на Святого Варфоломея. С. 165.

65. Lettres d’Antoine de Bourbon et Jehanne d’Albret. P. 335.

66. Recueil des letters missives de Henri IV / Éd. Berger de Xivrey. T. I (1562-1584). Paris, 1843. P. 32.

67. Lettres d’Antoine de Bourbon et Jehanne d’Albret. P. 340; Recueil des letters missives de Henri IV. P. 32.

68. Ibid. P. 340, 393.

69. Кнехт Р. Екатерина Медичи: святая или грешница? // Варфоломеевская ночь. Событие и споры / Под ред. П. Ю. Уварова. М., 2001. С. 24-25.

70. Toleranzedikt und Bartholomäusnacht. Französische Politik und Europäische Diplomatie. 1570-1572 / Éd. J. Mieck. Göttingen, 1969. P. 14.

71. См. в связи с этим статью Лорана Ангара в настоящем издании.

72. Marguerite de Valois. Correspondance. № 200. P. 283.

73. Viennot Éliane. Introduction // Marguerite de Valois. Mémoires et autres écrits. P. 51.

74. Эрланже Ф. Резня в ночь на Святого Варфоломея. С. 197. В действительности Филипп погиб в Варфоломеевскую ночь.

75. Mémoires et autres écrits de Marguerite de Valois / Éd. Yves Cazaux. Paris, 1986. P. 293.

76. Шишкин В. В. Маргарита де Валуа. Путь к кровавой свадьбе // Варфоломеевская ночь. Событие и споры. С. 42. Мы использовали тогда издание 1789 года, имеющееся в нашей библиотеке.

77. Mémoires et letters de Marguerite de Valois. Nouvelle édition revue sur les manuscrits des Bibliothèques du Roi et de l'Arsenal /Publ. par François Guessard. Paris, 1842.

78. Viennot Éliane. Introduction // Marguerite de Valois. Mémoires et autres écrits. P. 55.

79. Brantôme, Pierre de Bourdeille, abbé de. Marguerite, reyne de France et de Navarre // Oeuvre complètes / Publ. par J. A. C. Buchon. T. II. Paris, 1848. P. 167.

80. Брантом. Галантные дамы. Пер. И. Я. Волевич, Г. Р. Зингера. М., 1998. С. 413.

81. Mémoires de Marguerite de Valois, reine de France et de Navarre // Collection universelle des mémoires particuliers relatives à l'histoire de France. Londres-Paris, 1789. P. 181.

82. Aubigné T.-A. d'. Histoire universelle. 1550-1601 / Éd. Alphonse de Ruble. Paris, 1886. Vol. 3. P. 338-339.

83. Mémoires et letters de Marguerite de Valois / Éd. F. Guessard. Paris, 1842. P. 34.

84. Во всяком случае, это утверждает Элиан Вьенно, исследовавшая все эти списки: Viennot Éliane. Introduction // Marguerite de Valois. Mémoires et autres écrits. P. 59.

85. Haag Eug. et Haag Em. La France protestante. T. VII. Paris, 1857. P. 61-66.

86. Haag Eug. et Haag Em. La France protestante. T. VII. P. 62-63.

87. Описанную картину восстановил Иван Клула: Екатерина Медичи. М., 1997. С. 391-392.

88. Haag Eug. et Haag Em. La France protestante. P. 62.

89. Ibid. P. 63-66.

90. Anselme de Sainte-Marie. Histoire généalogique et chronologique de la maison royale de France. T. IV. Paris. 1729. P. 18, 23.

91. Согласно мемуарам Таванна-младшего, сына маршала де Таванна, участника утренней сцены в королевских апартаментах, такое мнение действительно отстаивал Альбер де Гонди, граф де Рец, королевский советник: Gaspard de Saulx-Tavannes. Mémoires (écrits par son fils Jean) / Éd. Michaud et Poujoulat. Vol. 8. Série 1. Paris, 1836. P. 387, 390.

92. Brantôme, Pierre de Bourdeille, abbé de. Marguerite, reyne de France et de Navarre. P. 167.

93. Ришелье Арман-Жан де. Мемуары. 1610-1617 / Пер. Т. В. Чугуновой. М., 2005. С. 260-261.

94. Люблинская А. Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630-1642 гг. Л., 1982. С. 19-20.

95. См. письмо № 4 в разделе II настоящей книги.

96. Эрланже Ф. Резня в ночь на Святого Варфоломея. С. 195.

97. Мémoire justificatif pour Henri de Bourbon // Marguerite de Valois. Mémoires et autres écrits. 1574-1614 / Éd. Éliane Viennot. Paris, 1999. P. 213-250.

98. В письме от июня 1581 года: Marguerite de Valois. Correspondance. № 113. P. 171.

99. Brantôme, Pierre de Bourdeille, abbé de. Marguerite, reyne de France et de Navarre. P. 162.

100. Ibid. P. 159.

101. Droz E. La reine Marguerite de Navarre et la vie littéraire à la cour de Nérac. 1579-1582 // Bulletin de la Société des bibliophiles de Guyenne. № 80, juilet-déc. 1964. P. 77-120.

102. См. подробное описание «Исторической Библии» Л. И. Киселевой: Искусство западноевропейской рукописной книги V-XVI вв. СПб., 2005. С. 124-127.

103. Новосельская И. Н. Французский рисунок XV-XVI веков в собрании Эрмитажа. СПб., 2004. С. 92-93.

104. См. Дополнительные материалы {2}.

105. Удивительно, но эти бесподобно красивые письма пока ушли от внимания исследователей: Marguerite de Valois. Correspondance. № 110, 115, 117, 124, 155, 157-159, 161-164, 167, 170-175.

106. Об этом недвусмысленно пишет Брантом, отразивший мнение двора, уверенного в том, что причина отъезда Маргариты заключалась только в ее ссоре с д'Эперноном: Brantôme, Pierre de Bourdeille, abbé de. Marguerite, reyne de France et de Navarre. P. 168-169.

107. Об этом докладывал Екатерине Медичи ее дипломатический посланец на юге Франции Помпон де Беллиевр в письме от 5 апреля 1585 года: Lettres de Catherine de Medicis. T. VIII. P. 432.

108. Бабелон Ж.-П. Генрих IV. Ростов-на-Дону, 1999. С 245.

109. Brantôme, Pierre de Bourdeille, abbé de. Marguerite, reyne de France et de Navarre. P. 169-170.

110. Viennot Éliane. La France, les femmes et le pouvoir. L'invention de la loi salique. T. 1. P. 600 etc.

111. Marguerite de Valois. Correspondance. № 236. P. 321-322.

112. Цит по: Леони Ф. Екатерина Медичи. С. 504.

113. См., например, денежную расписку Гиза от 19 июня 1586 года, подтверждающую получение в пользу Лиги 50 тысяч золотых экю от посланца испанского короля Габриеля де Аллегриа: Quittance donnée par le duc de Guise au roi d’Espagne // René de Bouillé. Histoire des ducs de Guise. T. 3. Paris, 1850. Appendice. P. 505.

114. Цит по: Mariéjol J.-H. La vie de Marguerite de Valois, reine de Navarre et de France. P. 261.

115. Цит по: Moisan Michel. L’exil auvergnat de Marguerite de Valois. P. 96.

116. Идея женить Генриха Наваррского на Кристине Лотарингской, внучке королевы-матери, как отмечалось, принадлежала самой Екатерине Медичи, мечтавшей тем самым примирить три рода – Валуа, Бурбонов и Гизов, но не была поддержана ни одной из сторон: Moisan Michel. L'exil auvergnat de Marguerite de Valois. P. 94.

117. Moisan Michel. L'exil auvergnat de Marguerite de Valois. P. 94.

118. Donation de la reine Marguerite de Valois au marquis de Canillac / Éd. É. Vimont // Revue d'Auvergne. T.l. 1884. P. 231-232.

119. Клула И. Екатерина Медичи. С. 649-650.

120. Marguerite de Valois. Correspondance. № 364. P. 493-494.

121. Jensen L. de. Diplomacy and dogmatism. Bernardino de Mendoza and the French Catholic League. Cambridge (Mass.), 1964. P. 74-75.

122. [Aubigné T.-A. d']. Divorce satyrique // Castarède Jean. La triple vie de la reine Margot. P. 273.

123. Vaissière Pierre de. Marguerite de Valois et la Ligue en Auvergne // Revue des questions historiques. № 131, 1938 (Janvier). P. 32-33.

124. Marguerite de Valois. Correspondance. № 454. P. 588.

125. Цит по: Moisan Michel. L’exil auvergnat de Marguerite de Valois. P. 1.

126. Viennot Éliane. Marguerite de Valois. P. 179; Boucher J. Deux épouses et reines à la fin du XVIe siècle. P. 347-348.

127. Во всяком случае, не сохранилось ни одного ее письма сторонникам Лиги после этого времени и ни одного свидетельства об ее связях с лигерами

128. Marguerite de Valois. Correspondance. № 248. P. 338.

129. Recueil des letters missives de Henri IV / Éd. Berger de Xivrey. T. II (1585-1589). Paris, 1843. P. 417.

130. Новоселов В. Р. Последний довод чести. Дуэль во Франции в XVI – начале XVII столетия. СПб., 2005. С. 112-113.

131. Archaud Roger. Yves d'Alègre, marquis d'Auvergne. Polignac, 2006; Jouanna A., Boucher J. et als. Histoire et Dictionnaire des Guerres de Religion. Paris, 1998. P. 897.

132. См. подробнее: Шишкин В. В. Французский двор в конце Гугенотских войн: потеря единства и проблема воссоздания // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: теория, символика, церемониал / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2004. С. 141-152.

133. Бабелон Ж.-П. Генрих IV. С. 459-461.

134. Флейшгауэр В. Пурпурная линия. Пер. с нем. А. Н. Анваера. М.: АСТ, 2005.

135. Desjardins A., éd. Négociations de la France avec la Toscane, 1311-1610. Documents recueillis par G. Canestrini. T. 6. Paris, 1886.

136. Bolle J. Pourquoi tuer Gabrelle d'Estrée? Paris, 1954.

137. Флейшгауэр В. Пурпурная линия. С. 435-436.

138. Там же. С. 436.

139. Таллеман де Рео Ж. Занимательные истории. Л., 1974. С. 16.

140. Solnon J.-F. La cour de France. Paris, 1987. P. 193-194.

141. Marguerite de Valois. Correspondance. № 407. P. 538-539.

142. Viennot Éliane. Introduction // Marguerite de Valois. Mémoires et autres écrits. 1574-1614. Paris, 1999. P. 23.

1. Janine Garrison. 1572. La Saint Barthélémy. Paris: Complexes, 1987. P. 41.

2. Ibid. P. 45.

3. Ibid. P. 38.

4. Ibid. P. 44.

5. Ibid. P. 45.

6. В том смысле, в каком это понимает Пьер Паше: «Само слово «интимный», как известно, происходит от латинского intimus, превосходной степени от прилагательного в сравнительной степени interior [внутренний], иначе говоря, интимное – это самое глубинное, более глубокое, чем внутреннее»: Pierre Pachet. Les Baromètres de l'âme. Paris: Hachettes littératures, 2001. P. 14.

7. Pierre de Vaissière. Marguerite de Valois, princesse de la Renaissance // Revue de l'histoire de la philosophie. Lille, № 6. vol. 47 (1938). P. 98.

8. Marc Fumaroli. L’Age de l’éloquence. Genève: Droz, 1980. P. 521.

9. Об этом см.: Michel Moisan. L'Exil auvergnat de Marguerite de Valois. La reine Margot, Carlat-Usson 1585-1605. Nonette : Créer, 2001. P. 121-151.

10. Evelyne Berriot-Salvadore. La Femme dans la société française de la Renaissance. Genève: Droz, 1990. P. 586.

11. Ibid.

12. Ibid.

13. В этих словах виден образ гуманистической культуры, и с ними Маргарита де Валуа становится прямой наследницей Рабле, призывавшего в своем знаменитом «Гаргантюа и Патагрюэле» к созданию «школы, которая научит не механическому повторению бесконечно повторяющихся силлогизмов, а сумеет вырастить свободных людей, вдохновенных и столь же умело использующих воображение, как и рассудок, способных наслаждаться миром и выражать оригинальные мысли, людей, которых обучило жизни свободное и плодотворное взаимодействие с реальностью». См.: Eugenio Garin. L'Éducation de l'homme moderne, 1400-1600. Paris: Fayard, Coll. Pluriel, 2003. P. 71-72.

14. Это мнение Жана-Ипполита Марьежоля, утверждавшего в своей книге «Жизнь Маргариты де Валуа, королевы Наварры и Франции» (Jean-Hippolyte Mariejol. La Vie de Marguerite de Valois, reine de Navarre et de France, 1553-1615. Paris: Hachette, 1928), что «начальное образование» Маргариты де Валуа, «вероятно, было поверхностным». А ведь, согласно Эуджению Гарену, «отношение к детям [уже тогда] было проникнуто не только чувством конкретного, земного бессмертия, но также предполагало ответственность перед будущим людей и перед обществом», см.: Eugenio Garin. Op. cit. P. 27. Оба тезиса интересны и показывают, что образование юной Маргариты де Валуа было основано не на эрудиции, а на постепенном приобретении устной, общераспространенной и «естественной» культуры. Что касается политической культуры мемуаристки, Элиан Вьенно говорит о «капиллярном» усвоении этой культуры, и эти же слова нетрудно отнести к литературно-гуманистической культуре Маргариты: Éliane Viennot. Ecriture et culture chez Marguerite de Valois // Femmes savantes, savoirs des femmes. Du crépuscule de la Renaissance à l'aube des Lumières. Actes du colloque de Chantilly (22-24 sept. 1995) / Dir. Colette Nativel. Genève: Droz, 1999. P. 169. В самом деле, например, в одиннадцать лет она сыграла роль в пьесе Ронсара, см.: Éliane Viennot. Les poésies de Marguerite de Valois // XVII e siècle. № 183, avril-juin 1994. P. 349-375.

15. Представление о беседе как о средстве передачи культуры сложится в первые годы XVII века благодаря Марии Ле Жар де Гурне, писательнице, знакомой с деятельностью литературных салонов королевы Маргариты.

См.: L’ombre de la damoiselle de Gournay в дополнительных материалах {3}

16. Эудженио Гарен подчеркивает значение, которое придавали «языку, формам выражения, воспринимаемым как инструмент общественного развития»: Op. cit. P. 51.

17. Этот термин встретится также в одном из ее писем, адресованных барону де Фуркево.

18. Маргарита нашла его у Эквиколы, секретаря Изабеллы д'Эсте, маркизы Мантуанской, написавшего знаменитый трактат о любви: Libro di natura d'amore di Mario Equicola novamente stampato et con somma diligentia corretto. Venise, 1536, французский перевод которого вышел под названием: Les Six livres de Mario Equicola d'Alveto autheur célèbre. De la nature d'amour tant humain que divin et de toutes les différences d'iceluy Remplis d'une profonde doctrine meslée avec facilité et plaisir. Imprimez de ce temps plusieurs fois en Italie et maintenant mis en François par Gabriel Chappuys, Tourangeau, Paris, 1584; именно его цитировал Ж.-И. Марьежоль в предисловии к изданию: Marguerite de Valois. La Ruelle mal assortie. Arles: Sulliver, 2000.

19. В тексте еще упоминаются святой Иероним, Плутарх, Плиний, Фернандо де Рохас, а также Платон, Аристотель, Эквикола.

20. Femmes savantes, savoirs des femmes. P. 173.

21. Жан-Жак Руссо. Избранные сочинения. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1961. С. 9-568.

22. «Une pratique d'avant-garde», entretien avec Philippe Lejeune, propos recueillis par Michel Delon // Magazine littéraire, № 11 (Hors-série), mars-avril 2007. P. 8.

23. Эту проблематику глубоко изучали многие специалисты, не вырывавшие произведения из контекста. Мы позволим себе сослаться на их работы: Gilbert Schrenck. La question autobiographique à la Renaissance : l'émergence du «moi» à travers l'exemple de Montaigne, L'Estoile et d'Aubigné; et Madeleine Lazard. Les Mémoires de Marguerite de Valois et la naissance de l'autobiographie féminine // Problématiques de l'autobiographie. Littérales, № 33. Nanterre, 2003. P. 49-61; Nadine Kuperty-Tsur. Se dire à la Renaissance. Les Mémoires au XVI e siècle. Paris: Vrin, 1997; Emmanuèle Lesne. La Poétique des mémoires (1650-1685). Paris: Champion, 1996.

24. Brantôme. Recueil des Dames, poésies et tombeaux. Paris: Gallimard, Coll. « Bibliothèque de la Pléiade », 1991. P. 119-158.

25. Philippe Lejeune. Le Pacte autobiographique. Paris: Seuil, 1996. P. 14.

26. Значение этого нового обмена хорошо показал Жильбер Шренк: «Близость обоих произведений не случайна, а следует из их тесной связи, ведь Маргарита де Валуа посвятила «Мемуары» Брантому в знак признательности за «Жизнеописание...», которое тот недавно посвятил ей. Таким образом, эти произведения, перекликающиеся и порожденные сходным опытом придворной жизни, [...] и писались почти одновременно; понимание этого делает еще более отчетливыми цели, которые, соответственно, преследовали оба автора». См.: Gilbert Schrenck. Brantôme et Marguerite de Valois : d'un genre l'autre ou les Mémoires incertains // La Cour au miroir des Mémorialistes, 1530-1682. Paris: Klincksieck, 1991. P. 183.

27. Nadine Kuperty-Tsur. L'inoubliable et le non-dit dans certains mémoires de la Renaissance // L'Expression de l'inoubliable dans les Mémoires d'Ancien Régime / Dir. Jean Garapon. Nantes: Cécile Defaut, 2005. P. 16.

28. Marc Fumaroli. Les Mémoires du XVII e siècle au carrefour des genres // La Diplomatie de l'esprit. Paris: Hermann, 1998. P. 214.

29. См. уже цитированную основополагающую статью Жильбера Шренка: Gilbert Schrenck. Brantôme et Marguerite de Valois : d'un genre l'autre ou les Mémoires incertains. P. 183-192.

30. Laurent Angard. Les Mémoires de Marguerite de Valois. Une autobiographie au XVI e siècle ? Entre (pré)-texte et (pré)-histoire d'un genre // Texte, revue de critique et de théorie littéraire. № 41/42. Toronto: Trintexte, 2007. P. 81-102.

31. Dictionnaire des littératures. Paris: Larousse, 1986. P. 124.

32. Элиан Вьенно пишет, что мемуаристка «стремится к более обширному исправлению: она считает нужным объясниться перед потомками. [...] Дело мемуаристов [...] имеет свои законы: пересказать свою жизнь часто значит пережить ее заново». См: Éliane Viennot. Marguerite de Valois : histoire d'une femme, histoire d'un mythe. Paris: Payot, 1994. P. 21.

33. Philippe Lejeune. Op. cit. P. 14.

34. В письме, адресованном Помпонну де Беллиевру, она пишет: «Не в первый раз я становлюсь жертвой клеветы тех, кто истолковывает всё сообразно своим дурным умыслам, а не по моим истинным делам, которые направлены только на то, чтобы служить добру»; в другом письме, отвечая матери, она пишет: «Мадам, можете поверить, какое огорчение я испытываю, находясь вдалеке от [родных] мест, став мишенью множества злых слухов»: Marguerite de Valois. Correspondance. 1569-1614 / Éd. Éliane Viennot. Paris: Champion, 1998. P. 202, 185.

35. Маргарита Валуа передавала королю Наварры то, о чем говорилось при дворе. Она писала ему о слухах, ходивших насчет Фоссез, девушки, «которой Вы сделали ребенка, по всеобщему мнению»: Marguerite de Valois. Correspondance. P. 223.

36. Ibid. P. 188.

37. Roland Barthes. L’ancienne rhétorique, aide-mémoire // Communications. № 16, 1970.

38. Jean-François Chiantaretto. De l'acte autobiographique : le psychanalyste et l'écriture autobiographique. Seyssel : Champ Vallon, 1995. P. 264.

39. «Екатерина [Медичи] поощряла, – пишет Мадлен Лазар, – постановку драматических спектаклей, которые очень любила, особенно пьесы на античные сюжеты, до которых Италия была падкой». См.: Madeleine Lazard. Les Avenues de Fémynie, Les femmes et la Renaissance. Paris: Fayard, 2001. P. 258. Брантом верно описывает ее вкус к театру: «[Она] очень любила смотреть комедии, и трагедии [...], и трагикомедии, и даже представления дзанни и Панталоне, и получала великое удовольствие, и смеялась на них во все горло, как всякий другой; ибо смеяться она любила». См.: Brantôme. Recueil des Dames, poésies et tombeaux. P. 36.

40. Мы считаем нужным поблагодарить Владимира Шишкина за ценные сведения об этом эпизоде. Позволим себе сослаться на его исследование: Шишкин В. В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI-XVII веках. СПб.: Евразия, 2004. С. 62-67; см. также: Françoise Kermina. Jeanne d'Albret. La mère passionnée d'Henri IV. Paris: Perrin, 1998. P. 316-340.

41. В 1566 г. он был объявлен еретиком за переход на сторону реформатов.

42. Маргарита Валуа читала «Поэтику» Аристотеля, где могла найти определение комедии. Он писал в V главе, что «комедия [...] есть подражание [людям] худшим, хотя и не во всей их подлости; ведь смешное есть [лишь] часть безобразного. В самом деле, смешное есть некоторая ошибка и уродство, но безболезненное и безвредное; так, чтобы недалеко [ходить за примером], смешная маска есть нечто безобразное и искаженное, но без боли». См.: Аристотель. Поэтика / Пер. М. Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 650.

43. Pierre Auregan. Les Figures du moi et la question du sujet depuis la Renaissance. Paris: Ellipses, 1998. P. 9.

44. Новая редакция этой сцены, в которой госпожа де Невер столь церемонна в отношении покойной, не отличается такой критичностью со стороны мемуаристки. Обе дамы были связаны крепкой дружбой. Кстати, любительница эпистолярного жанра называла ее «мое сердце и не только»: Marguerite de Valois. Correspondance. P. 115.

45. В 1580 (или 1581) году Маргарита Валуа адресовала ей письмо, исполненное поэтичности, с целью подтвердить прежнюю дружбу, даже если у них почти нет больше возможности встретиться: «Пусть мое слишком долгое удаление от небес Вашего прекрасного присутствия не лишит меня, кузина, Вашей доброй милости, каковую я ценю в тысячу раз более своей жизни. Хотя разлука способна разобщить друзей, но не допустите, Бога ради, чтобы таковое воздействие она оказала на нас, что для меня было бы невыносимей смерти, ибо я желаю Вас любить, почитать и служить Вам до конца дней». См.: Marguerite de Valois. Correspondance. P. 156.

46. Монтень Мишель. Опыты: в 3-х т. Т. 3. М.: Голос, 1992. С. 34.

47. Marc Fumaroli. Les Mémoires au XVII e siècle au carrefour des genres // La Diplomatie de l'esprit. Paris: Hermann, 1998. P. 214.

48. Nadine Kuperty-Tsur. Se dire à la Renaissance. Les Mémoires au XVI e siècle. P. 26.

49. Bergson. Le Rire. Essai sur la signification du comique (1900). Paris: PUF, 1940. P. 51.

50. Bergson. Le Rire. P. 3.

51. Интервью с Луи-Альбером Збинденом, Radio-Lausanne, 1957.

199

1. Речь идет о сочинении Пьера де Бурдея, аббата де Брантома «Жизнеописание Маргариты, королевы Наваррской» (1593), которое и побудило Маргариту взяться за перо и исправить допущенные им отдельные неточности в повествовании.

2. В оригинале – philautie, греческое слово, употребляемое французскими авторами эпохи Возрождения, например Франсуа Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле» (Книга третья, XXIX).

3. Фемистокл (537-459 гг. до н.э.), знаменитый афинский государственный деятель и полководец периода греко-персидских войн (500-449 гг. до н. э.).

4. Очевидно, что Маргарита это прочитала у самого Брантома в его «Знаменитых дамах»: «Она [мадам де Рандан] пребывала в столь большой печали от своей потери, что больше не желала смотреться в свое зеркало». Госпожа де Рандан – это итальянка Фульвия Пико делла Мирандола (ум. 1607), вдова с 1562 г. Шарля де Ларошфуко, графа де Рандана, генерал-полковника пехоты.

5. Маргарита цитирует сонет из «Древностей Рима» Жоашена Дю Белле (1522-1560), французского поэта, члена «Плеяды». В 1553-1557 гг. он жил в Вечном городе, где создал свои лучшие книги – сборники сонетов «Древности Рима», «Сожаления» и сборник од «Сельские игры» (1558). См.: Поэзия Плеяды / Сост. И. Ю. Подгаецкая. Пер. с франц. В. Левика. М., 1984. С. 257.

6. О событиях в городе По см. «Мемуары» Маргариты за 1579 год. Под «путешествием по Франции» королева имеет в виду, скорее всего, свое возвращение ко французскому двору в начале 1582 года, когда она в первый раз покинула Наварру. К сожалению, текст обрывается именно на этом сюжете.

7. Арман де Гонто, барон де Бирон (1524-1592) – известный французский военачальник, преданный королям правящей династии. Прославился в боях с гугенотами при Жарнаке и Монконтуре (1569), маршал Франции с 1577 года. Во время первого пребывания Маргариты в Наварре занимал должность генерального наместника короля в Гиени и одновременно являлся мэром Бордо (1578-1582).

8. «Мемуары» королевы Наваррской, как отмечалось, обрываются на событиях конца 1581 года, поэтому период ее пребывания в Ажене в 1585 году нам известен по ее корреспонденции и другим источникам, в том числе благодаря свидетельствам Брантома.

9. Под «этим замком» Маргарита имеет в виду Юссон в Оверни, где она провела около двадцати лет (1587-1605). Маркиз де Канийак, Жан де Бофор-Монбуасье (ок. 1540-1589) по приказу Генриха III в конце 1586 года арестовал мятежную королеву Наваррскую и доставил ее в Юссон. Однако вскоре он перешел на сторону Лиги и в феврале 1587 года по требованию герцога де Гиза освободил Маргариту, сделав ее хозяйкой замка. Видимо, сразу же после этого он покинул Юссон, чтобы присоединиться к отрядам лигеров. Погиб при осаде одного из гугенотских замков в Турени. Его роль в судьбе королевы отражена в письме Маргариты Филиппу II Испанскому 1587 г. См. также: Moisan Michel. L'exil auvergnat de Marguerite de Valois. Nonette, 2001. P. 93-94.

10. Карл IX (1550-1574) – старший брат Маргариты, третий сын Генриха II Валуа и Екатерины Медичи, наследовал своему старшему брату Франциску II в 1560 году.

11. Маргарита перефразирует «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, («Тесей и Ромул»): «Подобно тому, как ученые мужи, трудясь над описанием земель, все ускользающие от их знания оттесняют к самым краям карты, помечая на полях: «Далее безводные пески и дикие звери», или: «Болота Мрака», или: «Скифские морозы», или: «Ледовитое море» [...]».

12. Сюжеты из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха. В первом случае, правда, королева, очевидно, путает Фемистокла с Алкивиадом: «В другой раз, будучи еще совсем маленьким, он [Алкивиад] играл в кости на узкой улице, и, когда была его очередь бросать, подъехала нагруженная повозка. Сперва Алкивиад приказал вознице остановиться, так как кости падали как раз в том месте, где повозка должна была проехать. Но грубый человек продолжал двигаться, не слушая его; другие дети расступились, Алкивиад же бросился лицом вниз на землю перед повозкой и велел вознице ехать, если он хочет. Тот, испугавшись, осадил лошадей, а товарищи Алкивиада в страхе за мальчика с громкими криками окружили его» («Алкивиад и Гай Марций Кориолан»).

Во втором речь идет об Александре Македонском: «Однажды, когда приближенные спросили Александра, отличавшегося быстротой ног, не пожелает ли он состязаться в беге на Олимпийских играх, он ответил: «Если моими соперниками будут цари, тогда я готов!» («Александр и Цезарь»).

211

1. Маргарита говорит о трагической смерти своего отца Генриха II, которая наступила 10 июля 1559 года в результате смертельного ранения короля в голову во время рыцарского турнира 30 июня. Копье графа де Монтгомери, капитана королевской шотландской гвардии, вонзилось в глаз Генриха II. Турнир был частью придворных празднеств, посвященных заключению Като-Камбрезийского мира с Испанией, который положил конец Итальянским войнам (1494-1559), и двойному бракосочетанию сестры короля Маргариты Французской и герцога Савойского, а также старшей дочери Генриха Елизаветы де Валуа и Филиппа II Испанского. Вскоре после смерти короля во Франции начались кровопролитные гражданские войны, продлившиеся почти сорок лет (1559-1598).

2. Маргарита де Валуа, седьмой ребенок Генриха II и Екатерины Медичи, родилась 14 мая 1553 года, поэтому на момент смерти отца ей было шесть лет.

3. Генрих Лотарингский (1550-1588), третий герцог де Гиз после смерти своего отца Франсуа Лотарингского (1563), до этого – принц де Жуанвиль. Будущий глава Католической лиги, убитый по приказу Генриха III.

4. Маркиз де Бопрео, Генрих де Бурбон (1547-1560) – принц крови, единственный сын Шарля де Бурбона, принца де Ла Рош-сюр-Йон, и Филиппы де Монтеспедон. Погиб в результате несчастного случая.

5. В действительности девять и двенадцать лет соответственно.

216

1. Религиозно-политический диспут в доминиканском монастыре Пуасси открылся 9 сентября 1561 года и продолжался чуть больше месяца. Его инициаторами стали королева-регентша Екатерина Медичи и канцлер Франции Мишель де Лопиталь, отстаивавшие позиции веротерпимости. На диспуте присутствовала вся королевская семья, включая одиннадцатилетнего Карла IX и восьмилетнюю Маргариту де Валуа. Королева-мать и канцлер пытались примирить враждующие религиозные стороны путем открытого диспута и изъявления мнений представителей обеих религий: католиков представляли кардиналы Гиз-Лотарингский и Турнон, кальвинистов (гугенотов) – Теодор де Без, один из духовных лидеров протестантов, однако в итоге дело закончилось безрезультатно. При дворе и повсеместно во Франции к тому моменту возникла даже некая мода на протестантизм: о своей приверженности новой религии объявили как знатнейшие персоны королевства – королева Наваррская Жанна д'Альбре, принцы Конде, семейство Шатийонов (Колиньи, д'Андело), старшая герцогиня де Монпансье, – так и простые дворяне. Такой выбор был связан в том числе с политическим засильем т.н. триумвирата герцогов Гиза, Монморанси, маршала де Сент-Андре и их клиентел, фактически находившихся тогда у власти.

2. Герцог Анжуйский, Эдуард-Александр, в то время еще герцог Орлеанский, после конфирмации принявший имя Генрих (1564), четвертый сын Генриха II и Екатерины Медичи (после Франциска II, принца Луи, скончавшегося в 1550 году, и Карла IX), будущий король Польши (1573-1575) и последний король Франции из династии Валуа под именем Генриха III (1574-1589).

3. Мадам де Кюртон, Шарлотта де Вьенн (1514 – ум. после 1580), дочь Жерара де Вьенна, с 1548 года – супруга Жоашена де Шабанна, сеньора де Кюртона, сенешаля Тулузы и капитана почетной свиты Екатерины Медичи. В первом браке – жена Жака-Луи де Монбуасье, маркиза де Канийака. В 1552 году назначена воспитательницей королевских детей.

4. Кардинал Франсуа де Турнон (1489-1562) – видный государственный и религиозный деятель, одна из самых значительных фигур во французской истории XVI века. Известен как вдохновитель итальянских походов французских королей, писатель и талантливый дипломат. Пользовался особым влиянием при Генрихе II, возглавляя частный совет короля. Проявил себя как сторонник Контрреформации и непримиримый противник протестантской религии. Во многом благодаря его усилиям религиозный диспут в Пуасси 1561 года потерпел неудачу. См.: François Michel. Le Cardinal François de Tournon. Homme d'Etat, diplomate, mécène et humaniste (1489-1562). Paris, 1951.

5. Королева наша мать – Екатерина Медичи (1519-1589), с 1533 г. – жена второго сына Франциска I герцога Генриха Орлеанского, с 1559 г. – короля Франции Генриха II. Дочь герцога Урбинского Лоренцо Медичи и Мадлен де Ла Тур д'Овернь, французской принцессы. Начиная с 1559 г., регулярно привлекалась своими сыновьями Франциском II, Карлом IX и Генрихом III к управлению страной, в том числе дважды – в качестве регентши Франции.

6. Широкомасштабные гражданские войны во Франции начались после резни гугенотов в местечке Васси 1 марта 1562 года, которая была осуществлена по приказу герцога Франсуа де Гиза, однако столкновения на религиозной почве начались двумя годами ранее. Историки расходятся во мнении, с какого года начинать отсчет гражданских войн: называются, соответственно, 1559, 1560, 1561 и 1562 годы. А. Д. Люблинская настаивала на первой дате, см.: Документы по истории гражданских войн во Франции. 1561-1563 гг. / Под ред. А. Д. Люблинской. М.-Л., 1962. С. 6.

7. Герцог Алансонский (1554-1584) – младший и самый любимый брат Маргариты, в описываемое время носил имя Эркюль (Геркулес) и титул герцога Анжуйского. После конфирмации стал именоваться Франсуа (1566), получив в апанаж герцогство Алансонское. В 1576 году вновь стал герцогом Анжуйским, сохранив при этом прежний титул. Маргарита в своих мемуарах называет его герцогом Алансонским.

8. Имеется в виду одна из укрепленных королевских резиденций – Амбуазский замок на Луаре, в котором в 1563 году был подписан мир об окончании так называемой Первой религиозной войны.

9. Тетка Брантома – Жанна де Вивонн (ок. 1511-1583), дочь Андре де Вивонна и Луизы де Дайон дю Люд, жена Клода де Клермона, барона де Дампьера. Она была сестрой матери Брантома и матерью герцогини де Рец (см. ниже). Сам мемуарист пишет о ней следующее: «Она так хорошо знала все о прошлом и настоящем, что ее речи воспринимали как оракул».

10. Клод (Клотильда)-Екатерина де Клермон-Дампьер (1543-1603) – единственная дочь предыдущей дамы, в первом браке жена Жана д'Аннебо, барона де Реца, затем (1565) – Альбера де Гонди, маршала Франции (1573) и герцога де Реца (1581). Одна из самых образованных дам Франции, в 1570-е годы держала блестящий салон.

11. Битва при Дре состоялась 19 декабря 1562 года. Противниками были, с одной стороны, католики под предводительством герцогов Гиза и Монморанси и маршала де Сент-Андре, с другой – гугеноты под командованием принца де Конде и адмирала Колиньи. Сражение известно тем, что закончилось вничью, а командующие попали в плен друг к другу: Монморанси оказался у гугенотов, а принц де Конде – у католиков. Маршал де Сент-Андре погиб. Такой исход позволил Екатерине Медичи взять на себя роль посредницы и начать переговоры о мире, который и был подписан в Амбуазе 19 марта 1563 года.

227

1. Речь идет о так называемом «большом путешествии», которое королева-мать в сопровождении юного Карла IX и всего королевского двора предприняла в 1564-1566 годах, посетив Бургундию, Дофине, Прованс, Лангедок, сделав продолжительные остановки в Лионе, Марселе, Ниме, Тулузе и Байонне. Целью путешествия было восстановление королевского авторитета и правосудия, главным образом, в мятежных южных провинциях Франции, где наиболее усилилось гугенотское движение. Екатерина Медичи и канцлер де Лопиталь выбрали для этого весьма удачное время, поскольку католики и гугеноты после битвы при Дре (см. выше) были деморализованы и обессилены. Королева-мать и королевский совет, в свою очередь, демонстрировали веротерпимость и, по сути, выступали как политические посредники между враждующими сторонами, искренне надеясь на окончательное замирение королевства. См.: Boutier Jean et al. Un Tour de France royal: le voyage de Charles IX. Paris, 1984.

2. Брантом был старше Маргариты на двенадцать лет.

3. Королевский двор прибыл в Бар-ле-Дюк 1 мая 1564 года. Принц Лотарингский Генрих (1563-1624), сын герцога Лотарингского Карла III и Клод Французской, второй дочери Генриха II Валуа и Екатерины Медичи, будущий герцог под именем Генриха II (с 1608).

4. В Лион двор переехал 13 июня 1564 года. Герцогиней Савойской была сестра Генриха II Валуа Маргарита Французская (1523-1574), жена (с 1559) Эммануэля-Филиберта Савойского, высокообразованная и одаренная дама.

5. Одним из важнейших событий «большого путешествия» стала встреча королевской семьи в Байонне с королевой Испании Елизаветой де Валуа (1545-1568), старшей из дочерей Генриха II и Екатерины Медичи, и сопровождавшим ее герцогом Альбой (в середине июня 1565 года). Альба от имени Филиппа II Испанского потребовал в резких выражениях от французской короны и лично от королевы-матери прекратить политику умиротворения, запретить протестантское богослужение и принять решения Тридентского собора. По сути, испанский король в лице Альбы настаивал на новой гражданской войне во Франции, на что не могла пойти Екатерина, с таким трудом восстанавливающая единство королевства и утраченные позиции королевской власти. С другой стороны, королева-мать опасалась возможности испанского вторжения, и поэтому в итоге она ограничилась туманными обещаниями. К ее огромному разочарованию, в лице дочери Елизаветы она не нашла никакой поддержки. См.: Гармсен О. М. Байоннское свидание 1565 г. (из истории французско-испанских дипломатических отношений XVI века) // Ученые записки Московского городского педагогического института. Т. VIII. Кафедра истории средних веков. Вып. I. / Под ред. А. А. Фортунатова. М., 1948. С. 95-114.

6. Речь идет об острове Эгмо на реке Адур, на котором 23 июня 1565 года было устроено пышное празднество с театрализованным представлением.

7. Вольта – (итал. volta, от voltare – поворачивать) – старинный парный танец, очевидно, итальянского происхождения, исполнялся в быстром темпе. Во второй половине XVI – начале XVII веков, был популярен при дворе некоторых европейских стран, в частности, во Франции и в Англии. Главное движение танца состоит в том, что кавалер быстро поворачивает высоко в воздухе танцующую с ним даму, обнимая ее за талию. Даже для XVI века казался довольно смелым.

8. Паспье (passe-pied) – «старинный французский танец, возникший, по-видимому, в Северной Бретани. [...] Музыкальный размер придворного паспье – ¾ или ⅜, начинается с затакта. Паспье близок к менуэту, но исполнялся в более быстром темпе. Включался в инструментальную сюиту между ее основными танцевальными частями (обычно между сарабандой и жигой)» (Музыкальный словарь);

235

1. Маргарита продолжает свои воспоминания уже в период Третьей религиозной войны (1568-1570).

2. Герцог Анжуйский, с 29 августа 1568 года генерал-лейтенант королевских армий, весьма успешно воевал с протестантами в 1568-1569 годах и одержал ряд блестящих побед. Видимо, Маргарита имеет в виду сражение у Жазенея (провинция Пуату на западе Франции) 17 ноября 1568 года, когда войскам герцога удалось дать отпор отрядам принца Конде и заставить их отступить, и знаменитую битву при Жарнаке 13 марта 1569 года, когда гугеноты во главе с Конде потерпели сокрушительное поражение от армии герцога Анжуйского, а сам принц был убит. См.: Шевалье П. Генрих III. Шекспировский король. М., 1997. С. 165-172.

3. Мадам де Сов, Шарлотта де Бон (1547-1617) – знаменитая куртизанка XVI века, дочь Жака де Бона де Санблансе и Габриэли де Сад, внучка суперинтенданта финансов Франции Жака де Санблансе, казненного за растраты по приказу Франциска I. Придворная дама Екатерины Медичи, которая активно использовала ее в политических и сексуальных махинациях. С 1581 года – хранительница гардероба и драгоценностей королевы-матери. В описываемое время была замужем за Симоном де Физесом, бароном де Совом.

4. Маргарита здесь смешивает несколько эпизодов: в момент битвы при Жарнаке (см. выше) двор находился в Лотарингии, где оставался до середины мая, после вернувшись в Париж. Столицу Карл IX и Екатерина Медичи покинули 27 мая (точнее говоря, королевский кортеж отправился из пригородного королевского замка Сен-Мор) и уже 1 июня прибыли в лагерь герцога Анжуйского, располагавшегося в местечке Блан (провинция Берри). Видимо, этот переезд и запомнился Маргарите. Однако в Турень и город Тур королевская семья прибыла гораздо позже – в августе 1569 года. См.: Шевалье П. Генрих III. С. 180-182; Клула И. Екатерина Медичи. М., 1997. С. 337-338.

5. Кардинал Шарль де Бурбон (1523-1590) – брат Антуана де Бурбона и принца Людовика де Конде. Венчал своего племянника Генриха Наваррского и Маргариту де Валуа в 1572 году. Как единственный католик в доме Бурбон-Вандомов – наследников Валуа – в 1589 году Католической лигой был провозглашен королем Карлом X. Умер в плену у Генриха Наваррского.

6. 28 августа 1569 г. в замке Плесси-ле-Тур состоялся королевский совет, на котором Генрих Анжуйский выступил с большой речью об успехах в войне с гугенотами. См.: Эрланже Ф. Генрих III. СПб., 2002. С. 82.

7. Генриху Анжуйскому, родившемуся 19 сентября 1551 года, в августе 1569-го было, соответственно, почти восемнадцать лет.

8. «Ифигения – в греческой мифологии дочь Агамемнона, предводителя греческого войска во время Троянской войны. Когда греческий флот, направлявшийся под Трою, задержался из-за отсутствия попутного ветра, жрец Калхант объявил, что богиня Артемида гневается на греков за оскорбление, нанесенное ей Агамемноном, и требует принести ей в жертву Ифигению. Уступая настойчивым требованиям ахейского войска, Агамемнон вызвал Ифигению под предлогом ее бракосочетания с Ахиллом. В момент жертвоприношения Ифигения была похищена с алтаря Артемидой, заменившей ее ланью. Сама же Ифигения была перенесена богиней в Тавриду и сделана жрицей в ее храме» (Мифология. Иллюстрированный энциклопедический словарь. СПб., 1996. С. 338).

9. Контаминация двух библейских фраз. Речь идет о сюжете, когда Яхве воззвал из горящего куста к Моисею, чтобы тот вывел страдающий народ из Египта: «Моисей сказал Богу: кто я, чтобы мне идти к фараону и вывести из Египта сынов Израилевых?» (Ветхий Завет. Исход. Гл. 3, 11), и далее: «Моисей сказал: Господи! Пошли другого, кого можешь послать» (Исход. Гл. 4, 13).

10. Битва при Монконтуре (провинция Пуату), состоявшаяся 3 октября 1569 года, закончилась полным разгромом гугенотов во главе с адмиралом Колиньи и их немецких и нидерландских союзников. Католическими войсками командовали герцог Анжуйский и маршал де Таванн.

11. В стремлении развить успех после Монконтура, королевские армии 16 октября 1569 года начали осаду важной гугенотской крепости Сен-Жан-д'Анжели, защищавшей подступы к Ла-Рошели, тогдашней гугенотской «столицы», однако застряли под ее стенами до 2 декабря. Екатерина Медичи, понимая, что война затягивается и у гугенотов появляется надежда взять реванш, начала переговоры о мире с королевой Наваррской Жанной д'Альбре, находившейся в Ла-Рошели, послав к ней дипломата Мишеля де Кастельно. Итоговые мирные соглашения, положившие конец Третьей гражданской войне, были подписаны в королевской резиденции Сен-Жермене 8 августа 1570 года.

12. Двор прибыл в военный лагерь 24 октября 1569 года.

13. Луи де Беранже, сеньор де Ле Га (Le Guast, иногда встречается написание Du Guast – Дю Га; в отечественной литературе часто присутствует ошибочная транскрипция – Легаст) (ок. 1545-1575) – капитан гвардейцев Генриха Анжуйского и один из его фаворитов. Смертельный враг Маргариты.

14. Макиавелли Никколо (1469-1527) – итальянский политический мыслитель, писатель и историк. Видел главную причину бедствий Италии в ее политической раздробленности, преодолеть которую способна лишь сильная государственная власть («Государь», 1513). Ради упрочения государства считал допустимыми любые средства. Отсюда термин «макиавеллизм» для определения политики, пренебрегающей нормами морали. Судя по этому фрагменту мемуаров, Маргарита, несомненно, была знакома с сочинениями флорентийца. См.: Эльфонд И. Я. Макиавелли, макиавеллизм во Франции второй половины XVI века // От средних веков к Возрождению. Сб. в честь проф. Л. М. Брагиной. СПб., 2003. С. 287-301.

15. В октябре 1569 года начался роман Маргариты с Генрихом де Гизом, а весной 1570 года об этом заговорил французский двор. Однако Гизы никогда не делали официальной попытки просватать Маргариту, хотя дяди герцога – кардинал Шарль Лотарингский (1525-1574) и Клод Лотарингский, герцог д'Омаль (1526-1573) – старались подготовить почву для начала брачных переговоров и внимательно следили за отношениями влюбленных.

16. Надо полагать, речь идет о поставках в армию мяса больных животных. В одном из своих писем Екатерина Медичи подтверждает серьезную болезнь дочери осенью 1569 года.

Жан Шаплен – первый медик короля, Оноре Кастелан – врач Екатерины. Жак-Огюст де Ту пишет, что оба они были друзьями, довольно известными в медицинском мире, и «умерли в один и тот же час, в одном и том же доме, от одной и той же болезни». См.: Thou de, J.-A. Histoire universelle. T. V. Londres/Paris, 1734. P. 658-659.

17. Тацит. Анналы. Кн. XIV. Гл. 51; Бурр – Секст Афраний Бурр (? – 62 н. э.) – римский военачальник и государственный деятель, префект претория во время правления императора Нерона. Умер от опухоли в горле, возможно, от рака. В литературе весьма популярной была версия об отравлении: Нерон якобы под видом лекарственной мази для нёба передал ему яд.

Нерон – Тиберий Клавдий Друз Нерон Германик Цезарь (37-68 н. э.), римский император (54-68), сын патриция Гнея Домиция Агенобарба, и Агриппины Младшей, дочери полководца Юлия Цезаря Германика, племянника и приёмного сына императора Тиберия. Был усыновлён императором Клавдием, женившемся на его матери. «Традиция, идущая от сенаторских кругов, рисует его как тирана, наделяя чертами преувеличенной, легендарной жестокости» (Словарь античности. М., 1994. С. 378).

1. В Анжер двор прибыл в январе 1570 года и оставался там до начала марта.

2. История с португальским браком Маргариты началась еще в 1559 году, когда ее стали прочить в жены королю Себастьяну (1557-1578), внуку Жуана III и сыну принца Жуана Португальского и Хуаны Австрийской. Правда, непонятно, о каком именно португальском посольстве идет речь. Видимо, Маргарита, рассказывая о нем, впадает в анахронизм. Французские издатели мемуаров королевы (Ив Казо и Элиан Вьенно) также оставили этот пассаж без комментариев. Дело в том, что посольство Жуана Перейры Дантаса закончилось в 1568 году, а следующее – Гомеса да Сильвы – прибыло во Францию только осенью 1571 года. См.: Шишкин В. В. Маргарита де Валуа. Путь к кровавой свадьбе // Варфоломеевская ночь. Событие и споры / Под ред. П. Ю. Уварова. М., 2001. С. 31-48.

3. Одно из писем дяди герцога де Гиза кардинала Лотарингского (см. выше) от 24 апреля 1570 года, адресованное матери Гиза Анне д'Эсте, герцогине Немурской, подтверждает рассказ Маргариты и наличие конфликта в королевской семье: «Бедная малышка [Маргарита] полагается только на фортуну, и Ваш сын [Гиз] делает то же самое, что очень плохо. Вот что происходит, когда он не прислушивается к советам [...]. Месье [герцог Анжуйский] не разговаривает с малышкой и совсем не выходит из своей комнаты» // Lettres du Cardinal Charles de Lorraine (1525-1574) / Publ. D. Cuisiat. Genève, 1998. P. 610.

4. См. статью В. В. Шишкина.

5. Принцесса де Порсиан, Екатерина Клевская (1548-1633) – вторая дочь Франсуа Клевского, герцога Неверского, и Маргариты де Бурбон, младшая сестра близкой подруги Маргариты Генриетты Неверской. Вдова Антуана де Круа, принца де Порсиан.

6. Гизы действительно до последнего часа не теряли надежду обрести родство с Валуа. Однако заключение Сен-Жерменского мира в августе 1570 года, появление Колиньи при дворе, а вслед за этим и начавшиеся разговоры о браке Маргариты с принцем Наваррским похоронили их матримониальные претензии.

7. Герцогиня Лотарингская Клод (Клотильда) Французская (1547-1575) – вторая дочь Генриха II и Екатерины Медичи, жена Карла III, герцога Лотарингского (с 1559). Любимая дочь королевы-матери. Посредничество Лотарингского дома в деле Гизов было возможным, поскольку последние являлись младшей ветвью семьи лотарингских герцогов.

8. Свадьба герцога Генриха де Гиза и принцессы де Порсиан была подготовлена в спешке и была отпразднована с большой пышностью при дворе уже в октябре 1570 года.

9. Король Испании Филипп II Габсбург (1556-1598) – самый могущественный государь христианского мира – умело манипулировал брачными союзами ради сохранения и преумножения своей власти в Европе. Именно он, действительно, всячески противодействовал женитьбе своего племянника Себастьяна Португальского на Маргарите де Валуа, опасаясь усиления французского влияния, и действовал, опираясь на португальских королев – свою сестру Хуану Австрийскую, мать Себастьяна, и на свою тетку Екатерину Австрийскую, бабку португальского короля, вдову Жуана III. В итоге Себастьян так и не женился, погибнув в африканском походе, а уже в 1581 году Филипп II провозгласил себя королем Португалии. Говоря о желании испанского монарха заключать брачные союзы только внутри своего дома – дома Габсбургов, – Маргарита, возможно, намекает на то, что ее собственную кандидатуру Филипп II отверг в 1568 году, после смерти Елизаветы де Валуа, женившись на Анне-Марии Австрийской, своей родственнице из семьи Габсбургов (см. выше).

261

1. Принц Наваррский Генрих де Бурбон (1553-1610) – единственный сын Антуана де Бурбона, герцога Вандомского, первого принца крови, и Жанны д'Альбре, королевы Наваррской. Был воспитан своей матерью в гугенотской вере. После ее смерти (9 июня 1572 года) – король Наваррский, с 1589 года – король Франции, основатель династии Бурбонов. Разговоры, а затем и переговоры о его свадьбе с Маргаритой начались вскоре после заключения Сен-Жерменского мира 1570 года.

2. Сеньор де Мерю, Шарль де Монморанси (1537-1612) – третий сын коннетабля Анна де Монморанси и Мадлены Савойской, активный участник религиозных войн. Командовал швейцарцами в битве при Монконтуре, участвовал во всех крупных сражениях – при Дре, Сен-Дени, Краоне и Арке. При Генрихе IV стал адмиралом, а при Людовике XIII был пожалован титулом герцога (Данвиля) и пэра. Брантом написал о нем: «Сегодня его считают самым достойным членом королевского совета, обладающим наилучшим умом и дающим наилучшие советы».

Дом Монморанси являлся самым древним баронским родом во Франции и обладал большим влиянием на французскую политику. Его члены придерживались примирительной позиции в борьбе религий и стояли у основания центристского движения «политиков». Поэтому по вопросу межконфессионального брака гугенота и католички королева-мать прежде всего обратилась за советом к членам этой семьи, тем более связанной родством с королевской семьей: Диана де Валуа, незаконная дочь Генриха II, была замужем за старшим из братьев – герцогом Франсуа де Монморанси.

263

1. Королевой Наваррской была Жанна д'Альбре (1528-1572) – единственная дочь Генриха д'Альбре, короля Наваррского, и Маргариты Ангулемской (чаще называемой Наваррской), сестры Франциска I и известной писательницы (автора одного из шедевров французской ренессансной литературы – «Гептамерона»). Вдова Антуана де Бурбона, герцога Вандомского, первого принца крови (1562), фактически возглавляла гугенотское движение с конца 1560-х гг., отличившись организацией обороны Ла-Рошели во время Третьей религиозной войны. С целью закрепления Сен-Жерменского мира 1570 года, после долгих проволочек и сомнений, в апреле 1572 года дала согласие на брак своего сына Генриха де Бурбона, принца Наваррского и Маргариты де Валуа. Скончалась в Париже 9 июня от туберкулеза во время подготовки свадебных торжеств.

2. Т. е. Брантом.

3. Герцогиня Неверская, Генриетта Клевская (1542-1601) – старшая дочь Франсуа Клевского, герцога Неверского, и Маргариты де Бурбон, наследница герцогства Неверского, которое принесла в приданое своему мужу Людовику Гонзаге из дома герцогов Мантуанских. Одна из самых близких подруг Маргариты. О ее ненависти к Жанне д'Альбре ходили легенды.

4. Сестрами герцогини Неверской были Екатерина, жена Генриха де Гиза, в первом браке принцесса де Порсиан (1548-1633), и Мария Клевская (1553-1574), первая супруга Генриха де Бурбона, принца де Конде, двоюродного брата Генриха Наваррского, платоническая возлюбленная герцога Анжуйского, будущего Генриха III.

5. См. выше.

6. Речь идет о вдовствующей герцогине де Гиз Антуанетте де Бурбон (1494-1582), дочери Франсуа де Бурбона, герцога Вандомского, и Марии де Сен-Поль де Люксембург, супруге первого герцога де Гиза – Клода Лотарингского (ум. 1550), и бабке Генриха де Гиза. Она также приходилась бабкой королеве Шотландии Марии Стюарт. Жанна д'Альбре являлась вдовой ее родного племянника Антуана де Бурбона.

7. Принцесса де Конде – Франсуаза-Мария де Лонгвиль-Орлеанская (ок. 1544-1601), дочь Франсуа Орлеанского, герцога де Лонгвиль, и Жаклин де Роган, вторая жена принца Людовика де Конде, погибшего при Жарнаке в 1569 году. Мать Шарля де Бурбона, графа Суассонского, двоюродного брата Генриха Наваррского.

8. Судя по вышеперечисленным лицам, к Жанне д'Альбре приехали родственники, так или иначе имеющие отношение к дому Бурбонов. Собственно королевскую семью представляла одна Маргарита де Валуа, невеста ее сына, которой королева Наваррская приходилась двоюродной теткой.

9. Религиозные различия католиков и протестантов касались и правил погребения. Эту тему исследовал Бернар Руссель, см.: «С почетом предать земле»: церемония погребения и Реформация во Франции XVI-XVII веков // Французский ежегодник 2004. Формы религиозности в XV – начале XIX вв. М., 2004. С. 83-97.

10. Генрих де Бурбон, первый принц крови, после смерти матери принял титул короля Наваррского. В начале июля 1572 года с огромной свитой он прибыл в Париж на свадебные торжества. В течение июля-августа гугеноты со всей Франции продолжали стекаться в Париж, не столько на свадьбу одного из своих лидеров, сколько в ожидании скорого похода во Фландрию, которая восстала против власти испанского короля Филиппа II, в том числе под лозунгами протестантизма. То, что Париж с его преимущественно католическим населением, враждебно настроенным к гугенотам, был донельзя переполнен протестантами, готовящимися воевать, порождало многочисленные столкновения в городе уже до дня бракосочетания и последующей Варфоломеевской ночи.

11. Свадьба состоялась 18 августа 1572 года.

12. Согласно сложному церемониалу, специально разработанному для свадьбы гугенота и католички и одобренному совместно Екатериной Медичи и Жанной д'Альбре, Генрих Наваррский не мог присутствовать собственно на католическом богослужении и покинул Собор Парижской Богоматери. Его представлял герцог Анжуйский, брат Маргариты.

13. Свадебные торжества должны были продолжаться целую неделю, однако 22 августа 1572 года произошло покушение на одного из лидеров гугенотов и инициатора войны с Испанией во Фландрии адмирала Гаспара де Колиньи (1519-1572).

14. Видимо, Блез де Пардайан, сеньор де Ла Мот-Гондрен, гасконец из окружения Генриха Наваррского. Погиб в Варфоломеевскую ночь.

15. В действительности Генрих Анжуйский, будущий Генрих III, еще не был тогда королем Польши. Он будет выбран польской шляхтой в следующем году.

16. Ларошфуко – Франсуа III, граф де Ларошфуко, принц де Марсийак (ок. 1524-1572) – французский капитан, командующий отрядом тяжелой кавалерии, сын Франсуа II де Ларошфуко и Анны де Полиньяк. Был женат вторым браком на Шарлотте де Руа, сестре принцессы де Конде, первой жены принца Людовика. Несмотря на свою протестантскую религию, являлся приближенным Карла IX, который пытался спасти его от резни. Погиб в Варфоломеевскую ночь.

17. Шарль, сеньор де Телиньи, являлся зятем адмирала де Колиньи, мужем его дочери Луизы де Колиньи, и принадлежал к одному из самых известных дворянских родов Франции. Один из тех, кто подписывал Сен-Жерменский мир (1570) от имени гугенотов. Вместе с адмиралом погиб во время событий Варфоломеевской ночи. Его вдова стала женой принца Вильгельма Оранского.

18. Франсуа де Ла Ну, сеньор де Ла Ну-Бриор (1531-1591) – принадлежал к старинному бретонскому роду, сын Франсуа (I) де Ла Ну, муж Маргариты де Телиньи, сестры предшествующего персонажа. Чудом избежал смерти во время резни в Париже. Один из командующих гугенотской армией, отличался веротерпимостью, патриотизмом и высокими моральными качествами. Будучи в испанском плену, в 1580-1585 годах написал «Политические и военные речи» (частично переведены и опубликованы И. В. Кривушиным и Е. С. Кривушиной в кн.: Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. Вып. 4. СПб., 2003. С. 189-217). Погиб на службе Генриха IV во время осады одного из городов.

19. Покушение на Колиньи совершил Шарль Лувье, сеньор де Моревер (ум. 1583) – авантюрист и бретер, долгое время бывший пажом в доме Гизов. Известен также тем, что был женат на знатной итальянке – Маргарите Аквинской.

20. Герцог Франсуа де Гиз, отец Генриха де Гиза, был убит в январе 1563 года гугенотом Жаном де Польтро, сеньором де Мере, близким к Колиньи. В течение ряда лет Гизы пытались осуществить в отношении Колиньи правосудие и в 1569 году добились от Парижского парламента – главного судебного органа Франции – заочного смертного приговора адмиралу. Однако после подписания Сен-Жерменского мира с гугенотами (1570) приговор был аннулирован. Месть Гизов не состоялась, и, возможно, это был один из мотивов их стремления уничтожить Колиньи. Вместе с тем, к покушению их подталкивала и Испания, с которой они были связаны в течение ряда лет и которая опасалась войны с Францией во Фландрии.

21. Жак Прево, сеньор де Шарри являлся одним из командиров королевских гвардейцев и был предан королеве-матери. Служил под началом полковника д'Андело, брата Колиньи. Брантом пишет, что он был убит в январе 1564 года из мести пуатевинским дворянином Шателье-Порто, «которого очень любил господин адмирал и господин д'Андело» и брат которого погиб несколькими годами ранее от рук Шарри. Впоследствии Шателье-Порто, попав в плен к католикам, был умерщвлен по приказу Екатерины Медичи. См.: Новоселов В. Р. Последний довод чести. Дуэль во Франции в XVI – начале XVII века. СПб., 2005. С. 108-109.

22. На самом деле Альбер де Гонди (1522-1602) тогда еще не был маршалом Франции. Сын Антуана де Гонди, прибывшего из Италии во Францию в свите Екатерины Медичи и ставшего гофмейстером Генриха II, он был женат на Клод-Екатерине де Клермон-Дампьер, баронессе де Рец (см. выше), одной из подруг королевы-матери. Благодаря жене стал доверенным лицом Екатерины Медичи, затем маршалом Франции в 1573 году, графом и, наконец, герцогом де Рец в 1581 году. Свидетельства современников подтверждают рассказ Маргариты: Реца действительно считали одним из ответственных за события Варфоломеевской ночи. Вместе с тем не все историки согласны с этим мнением, см.: Эрланже Филипп. Резня в ночь на святого Варфоломея. 24 августа 1572 года. СПб., 2002. С. 184-185.

23. Маргарита вкладывает в уста Реца напоминание о событиях Первой религиозной войны, когда Карл IX еще находился под полной опекой матери, поскольку не считался совершеннолетним (с 1563). Как известно, тогда старший герцог де Гиз, Франсуа Лотарингский (1519-1563), глава католиков, вел борьбу с принцем де Конде Людовиком I де Бурбоном (1530-1569), лидером гугенотов. Последний приходился младшим братом королю Наваррскому Антуану де Бурбону и был женат первым браком на Элеоноре де Руа, представительнице семьи Шатийонов (1551), которая и обратила его в протестантскую религию.

24. Ночь на святого Варфоломея – с 23 на 24 августа 1572 года, соответственно, с субботы на воскресенье.

25. Образное выражение, означающее, что пути к отступлению закрыты. В средние века цепями на ночь перегораживали улицы городов.

26. На самом деле он был чехом, на службе у Гизов. Бем – прозвище, переиначенное Bohême – Чехия, Богемия. Его настоящее имя – Карел Дианович (ум. 1575).

27. Клод Французская, герцогиня Лотарингская (см. выше) находилась в то время в Париже, приехав на свадьбу своей младшей сестры. Во время церемонии отхода ко сну королевы-матери, в отличие от всех остальных, Клод и Маргарита обладали привилегией сидеть в ее присутствии как дочери Франции.

28. В дальнейшем своем повествовании Маргарита так и будет называть его – «король мой муж», в отличие от «короля», под которым она будет подразумевать только короля Франции.

29. По обычаю супруги спали в отдельных кроватях.

30. Свидетельство секретаря графа де Ларошфуко сеньора де Мерже: «Названный граф позвал меня и поручил вернуться в покои короля Наваррского, чтобы сказать ему, что получил известие о том, что господа де Гиз и Невер остались в городе и не ночуют в Лувре. Я так и поступил, найдя короля спящим вместе с королевой, его женой, и сказав ему на ухо то, что велел мне передать ему господин граф [...]. Король [Франции] попросил названного короля Наваррского призвать к себе по возможности как можно больше дворян, поскольку он опасался, что господа Гизы что-то затеяли; по этой причине вооруженные дворяне вернулись в гардеробную названного короля Наваррского» (Mergey Jean de. Mémoires / Éd. Michaud et Poujoulat. Paris, 1838. P. 575).

31. Габриель де Леви, барон де Леран (ок. 1550-1638) – сын Гастона де Леви, барона де Лерана, и племянник Жана-Клода де Леви, барона д'Одона – известных гугенотских капитанов, активных участников гражданских войн.

32. Гаспар де Ла Шатр, сеньор де Нансей (1539-1576) – сын Жоашена де Ла Шатра, губернатора Орлеана, и Франсуазы Фуше. Являлся капитаном королевских гвардейцев с 1568 года, участник многих военных кампаний.

33. Как правило, кабинет представлял собой смежное со спальней помещение.

34. О дальнейшей судьбе барона де Лерана см. статью В. В. Шишкина.

35. В оригинале – Bourse. Французские издатели мемуаров Маргариты обошли молчанием этот трагический персонаж, видимо, по причине отсутствия какой-либо информации. Возможно, погибший (?) в резне дворянин – это Жан де Монморанси, сеньор де Бурс (ок. 1520-1570-е), гугенот, который упоминается в самом подробном биографическом справочнике «Протестантская Франция» братьев Хааг. При каких обстоятельствах и когда он умер, неизвестно, см.: Haag Eug. et Haag Em. La France protestante. T. VII. Paris, 1857. P. 492-493. Не исключено также, что королева пишет об одном из его сыновей, носившем такой же титул – Жозиа де Бурсе.

36. Генрих д'Альбре, барон де Миоссанс и де Коарраз (ок. 1536-1599) – сын Жана д'Альбре и Сюзанны де Бурбон, родственник Генриха Наваррского как со стороны отца, так и матери, в то время – его первый камер-юнкер. Будущий генеральный наместник и губернатор Беарна и Нижней Наварры.

37. Жан д'Изоре, сеньор д'Арманьяк (ум. 1591) – (точнее – Жан д'Арманьяк, сеньор д'Изоре, – см. http://armagnac.narod.ru/Texts/MercFr.htm, – Распознаватель) – первый камердинер короля Наваррского. Благополучно пережил Варфоломеевскую ночь, позднее был назначен бальи Лудена. Погиб при осаде Шартра.

38. Гугенотские принцы крови – это Генрих де Бурбон, король Наваррский, и его двоюродный брат Генрих I де Бурбон, принц де Конде (1552-1588) – сын принца Людовика I де Конде и Элеоноры де Руа. Оба отреклись от протестантской веры во время Варфоломеевской ночи, чтобы спасти свои жизни.

39. По сути, Маргарита говорит здесь уже о пасхальных праздниках следующего, 1573 года, которые выпали на март.

40. Королева Наваррская намекает здесь на сюжет из «Славных мужей» св. Иеронима Стридонского (347 – ок. 420), который приводит диалог римлянки Билии и ее мужа, римского консула.

303

1. Генрих де Валуа, герцог Анжуйский был провозглашен королем Польши 11 мая 1573 года на сейме польского дворянства. В то время он находился в армии, осаждавшей Ла-Рошель. В августе в Лувре состоялся пышный прием польской делегации, прибывшей за своим королем. В конце сентября двор двинулся в путь провожать избранного польского монарха на его новую родину и в итоге достиг Бламона, маленького городка в Лотарингии, на границе с германскими княжествами. Пребывание двора в Бламоне продлилось с 29 ноября по 2 декабря 1573 года. Проводив короля Польши, двор направился назад в Париж. См.: Шевалье Пьер. Генрих III. С. 289 и далее.

2. Свидетельствует мемуарист Шеверни: «Королева Наваррская в моем присутствии обещала [королю Польши] сохранять к нему большие дружеские чувства, и я уверен, она так и сделает, если вскоре ее не развлечет что-либо иное» // Cheverny, Philippe Hurault, comte de. Mémoires / Ed. Michaud et Poujoulat. Paris, 1838. P. 472.

3. Здоровье Карла IX стало заметно ухудшаться летом 1573 года, когда кровь пошла горлом. Это был туберкулез – наследственная болезнь всех последних Валуа. В ноябре королю стало так плохо, что он был вынужден прервать проводы своего брата и остался в Реймсе. Уже тогда все политические интриги стали разворачиваться вокруг потенциального наследника трона – герцога Алансонского. См: Simonin Michel. Charles IX. Paris, 1995. P. 392, 397.

4. Маргарита пытается преуменьшить роль своего мужа и своего брата в серии заговоров против короны в конце 1573 – начале 1574 годов, хотя во главе их стоял именно Франсуа Алансонский. Неизвестно, была ли вообще письменная форма каких-либо обязательств обоих принцев в отношении гугенотов, поскольку вокруг них во время болезни короля стало стремительно группироваться религиозно терпимое дворянство, как католическое, так и протестантское, – так называемые «недовольные», которых в будущем назовут «политиками» и которые искренне надеялись на скорое воцарение Франсуа Алансонского.

5. Начиная с 1572 года, восставшие против власти испанского короля фламандцы, в желании восстановить собственную государственность, начали искать принца, который бы устраивал их в конфессиональном и политическом отношении, с целью призвать его в качестве суверена. Франсуа Алансонский весьма подходил для этой роли, поскольку был известен своей религиозной индифферентностью и не запятнал себя участием в событиях Варфоломеевской ночи. Это весьма устраивало и католические, и протестантские провинции Нидерландов. В том же 1572 году начались переговоры о его возможном браке с Елизаветой Английской, союзницей мятежников, что сразу добавило веса его кандидатуре.

6. Речь идет о первой попытке бегства принцев от двора в середине декабря 1573 года, когда двор возвращался в Париж и находился в пути между Компьенем и Суассоном. Герцог Алансонский и король Наваррский планировали бежать в Седан с целью обрести там помощь немецких протестантских князей и встать во главе армии наемников, чтобы повести ее затем во Фландрию.

7. Упрежденная Маргаритой, Екатерина Медичи установила строгий надзор за принцами: их апартаменты обыскивались ежедневно, а сами они были ограничены в передвижении. См.: Бабелон Ж.-П. Генрих IV. Ростов-на-Дону, 1999. С. 143.

310

1. 10 января 1574 года двор обосновался в пригороде Парижа – Сен-Жерменском замке, где был более чистый воздух, полезный для больного короля.

2. По сути, Маргарита говорит здесь о своем переходе на сторону партии «политиков». Видя, что король умирает, а герцог Анжуйский находится в другой части Европы, она посчитала единственно возможным поддержать своего младшего брата в его претензиях на французский трон, не без пользы для себя, конечно. Ее искренняя привязанность к герцогу Алансонскому, возникшая в конце 1573 года, продолжалась вплоть до его кончины в июне 1584 года.

3. Маловероятно, чтобы Маргарита, уже ставшая на сторону своего младшего брата, ничего не знала о заговоре «политиков» – партии, в которую входили равно и гугеноты, и католики. На 10 марта 1574 года было намечено очередное бегство принцев и последующий вооруженный мятеж «политиков» с целью заставить Карла IX признать наследником престола герцога Алансонского в обход короля Польши – герцога Анжуйского. Однако когда отряд из двухсот заговорщиков прибыл в Сен-Жермен за принцами гораздо ранее намеченного срока, 27 февраля, Франсуа Алансонский не рискнул к нему присоединиться. Тем не менее, гугеноты восстали в Ла-Рошели, Пуату, Сентонже и высадились в Нормандии.

4. Жозеф де Бонифас, сеньор де Лерак де Ла Моль (ок. 1528-1574) играл роль политического советника при герцоге Алансонском и, возможно, являлся любовником королевы Наваррской. Скорее всего, сам Франсуа де Валуа признался во всем королеве-матери по совету Ла Моля. См. свидетельские показания герцога: Castelnau de La Mauvissière Michel. Mémoires / Éd. Le Laboureur. Bruxelles, 1731. Vol. 2. P. 359.

5. В действительности Карл IX отбыл из Сен-Жермена утром 28 февраля 1574 года под охраной швейцарцев.

315

6. Королевская семья и двор переместились в более надежный и укрепленный Венсеннский замок, располагавшийся на юго-востоке от Парижа в Венсеннском лесу. Замок, построенный Карлом V в XIV веке, представлял собой одновременно королевскую тюрьму. Герцог Алансонский и король Наваррский там и были арестованы 9 или 10 апреля 1574 года после раскрытия очередного заговора против короля.

7. Очевидный намек на Гизов, внимательно следивших за маневрами враждебных им «политиков», настаивающих на религиозной терпимости и войне с Испанией во Фландрии. Видя, что в начале 1574 года Карл IX склоняется закрепить за герцогом Алансонским освободившееся (после отъезда короля Польши – герцога Анжуйского) место генерального наместника королевства, и роль «политиков» растет с каждым днем, герцог де Гиз спровоцировал стычку с сеньором де Вантабраном, дворянином из свиты герцога Алансонского, обвинив его в том, что по поручению герцога Франсуа де Монморанси он готовит на него покушение. Большая и влиятельная семья Монморанси – первые бароны королевства и постоянные враги Гизов – активно поддерживала претензии Франсуа де Валуа на трон и разделяла его политические амбиции. Скандал получил значительную огласку и вынудил герцога де Монморанси покинуть двор. В итоге не без влияния королевы-матери генеральное наместничество получил глава лотарингского клана – герцог Карл Лотарингский, зять короля. См.: Holt Mack P. The Duke of Anjou and the Politique Struggle during the Wars of Religion. Cambridge, 1986. P. 36.

8. Франсуа герцог де Монморанси (1530-1579) – старший сын коннетабля Анна де Монморанси и Мадлены Савойской, супруг внебрачной дочери Генриха II Дианы де Валуа, сводной сестры Маргариты, маршал Франции с 1559 года (см. выше); Артюс де Коссе, сеньор де Гоннор (1512-1582) – сын Рене де Коссе и Шарлотты Гуфье, маршал с 1567 года. Оба были замешаны в заговоре брата короля и арестованы 4 мая 1574 года, уже после казни главных зачинщиков конспирации – Ла Моля и Коконната. Они пробыли в тюрьме (сначала в Венсенне, затем в Бастилии) больше года и были освобождены Генрихом III по требованию герцога Алансонского.

9. Аннибаль граф де Коконнат (1535-1574) – дворянин из Пьемонта на службе у Франсуа Алансонского, возлюбленный герцогини Неверской, подруги королевы Наваррской. Коконнат и Ла Моль (см. выше) без конца интриговали в пользу своего патрона, и после очередного заговора в начале апреля, аналогичного по замыслам событиям февраля 1574 года (см. выше), были признаны виновными, подверглись пытке и были казнены на Гревской площади в Париже 30 апреля. См.: Jouanna Arlette. Le temps des guerres de religion en France (1559-1598) // Jouanna Arlette, Boucher Jacqueline, et als. Histoire et dictionnaire des Guerres de religion. Paris, 1998. P. 237-238.

10. Документ, о котором говорит Маргарита, сохранился и известен как одно из блестящих политических сочинений королевы – «Mémoire justificatif pour Henri de Bourbon», «Оправдательная записка Генриха де Бурбона». (Многократно публиковался, см.: Marguerite de Valois. Mémoires et autres écrits. 1574-1614 / Éd. Éliane Viennot. Paris, 1999. P. 213-250). Екатерина Медичи и члены Парижского парламента – главной судебной инстанции Франции – согласились с письменными доводами короля Наваррского (Маргариты), и разбирательство на этом было завершено.

11. Известно, что Маргарита самоотверженно ухаживала за умирающим королем и была с ним до последнего часа, который наступил 30 мая 1574 года. Надо полагать, не без ее участия герцогу Алансонскому и королю Наваррскому было даровано королевское прощение. Говоря о герцоге Анжуйском, мемуаристка забегает вперед, чтобы подготовить читателя к рассказу об их дальнейших сложных взаимоотношениях.

12. Получив депешу от королевы-матери, которая сообщала ему о смерти Карла IX и призывала любимого сына как можно быстрее прибыть во Францию, Генрих Анжуйский 19 июня тайно покинул Польшу и, проследовав через владения императора, Венецию и Савойю, 6 сентября прибыл в Лион, где его уже ожидали королевская семья и весь двор. Ле Га (см. выше) в свое время последовал за ним в Польшу, оставаясь одним из самых верных людей короля. См.: Эрланже Филипп. Генрих III. С. 172 и далее.

13. В действительности, Ле Га, бывший все время с Генрихом Анжуйским в Польше, в мае 1574 года был послан им во Францию заранее для выяснения политической обстановки в стране и при дворе. За время ожидания прибытия короля он успел поссориться с Маргаритой.

14. О баронессе де Сов см. выше. В действительности она выполняла прямое поручение королевы-матери, опасавшейся слишком тесных отношений наваррской четы и герцога Алансонского.

15. Генриху III было на что гневаться: Маргарита покинула его партию и поддержала младшего брата.

16. Биографы Екатерины Медичи единодушны в том, что в ночь с 29 на 30 июня 1559 года ей приснился описанный Маргаритой пророческий сон, предвещавший смертельное ранение Генриха II на турнире 10 июля. См.: Леони Фрида. Екатерина Медичи. М., 2006. С. 177; Клула Иван. Екатерина Медичи. С. 163.

17. Этот эпизод относится к весне 1569 года.

18. Герцогом Лотарингским в то время был Карл III (1545-1608), единственный сын Франциска I Лотарингского и Кристины Датской. Став герцогом в два года, по требованию Генриха II Валуа он был отправлен в Париж, где получил французское воспитание при дворе и впоследствии являлся надежным союзником Франции. С 1559 году женился на второй дочери Генриха II и Екатерины Медичи Клод (Клотильде) Французской, от которой имел девятерых детей.

19. О битве при Жарнаке см. выше.

20. Жан де Лосе, сеньор де Бан и де Пьертайад (ум. 1586) – капитан шотландской гвардии короля. Сразу же после сражения при Жарнаке был послан Генрихом Анжуйским к Екатерине Медичи с депешей о победе. См.: Шевалье Пьер. Генрих III. С. 176-177.

21. Очередной сюжет из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха («Александр и Цезарь»): «Рассказывали, что перед битвой при Филиппах Марку Юнию Бруту ночью явился страшный призрак, который на вопрос Брута, кто он, ответил: «Я – твой злой гений. Мы увидимся при Филиппах». И снова будто бы этот призрак явился Бруту перед вторым сражением при Филиппах, завершившимся полным разгромом войск Брута и его смертью от собственной руки». О явлении призрака Брута упоминает и Монтень в главе XIX кн. 2 «О свободе совести», см.: Монтень Мишель. Опыты. Т. 2. М., 1992. С. 378.

22. Встреча с Генрихом III, которого Маргарита еще называет королем Польши, состоялась 6 сентября 1574 года около 17 часов возле городских ворот, выходящих на Рону. Екатерина Медичи пригласила на церемонию огромное число людей. Рядом с Маргаритой находились также ее муж и брат.

23. Жанна де Бурдей (ок. 1560 – ок. 1641) – придворная дама на службе у королевы-матери, дочь виконта Андре де Бурдея, старшего брата Брантома, камергера Франсуа Алансонского, и Жаккет де Монброн.

24. Элен де Фонсек (1546-1580), дочь Рене барона де Сюржера, и Анны де Коссе-Бриссак, фрейлина Екатерины Медичи с 1566 года, «Елена» поэта Ронсара. Славилась красотой, но так и не вышла замуж (ее возлюбленный и жених Жак де Ла Ривьер погиб в одном из сражений с гугенотами в 1569 году).

25. Скорее всего, имеется в виду Шарлотта де Клермон, называемая также м-ль де Монтиньи, штатная придворная дама Екатерины Медичи, зафиксированная в списке за 1573 год с жалованием в 400 ливров, дочь Антуана де Клермона, виконта де Тайара, и вдова Клода д'Амонкура, сеньора де Монтиньи-сюр-Об. См.: Caroline zum Kolk, éd. Maison de Catherine de Médicis (1547-1585) // www.cour-de-france.fr.

26. Луиза де Клермон (1504-1596) – потомок Людовика Святого, дочь Бернардена де Клермона, виконта де Тайара, и Анны Юссон, графини де Тоннер, во втором браке жена Антуана, графа де Крюссоль и герцога д'Юзес, близкая подруга Екатерины Медичи (с 1533 года) и самой Маргариты, которая в своих письмах именовала ее «моя Сивилла». Двоюродная бабушка предыдущей дамы.

27. Первая по счету гофмейстерина (глава дома, т. е. всех лиц, занятых на службе) королевы Наваррской, см. выше.

28. М-ль Мельшиор де Ториньи (между 1545-1550 – после 1606) – фрейлина с 1561 года, затем гофмейстерина Маргариты де Валуа, которая практически не расставалась с ней вплоть до 1606 года. Наполовину итальянка по происхождению, с весьма не ясной родословной. С 1580 года – жена испанского дворянина Оливье Диобахо, так называемого сеньора де Вермон, шталмейстера королевы Наваррской. См.: Jouanna Ariette, Boucher Jacqueline, et als. Histoire et dictionnaire des Guerres de religion. P. 1327-1328.

29. Шарль VII дю Плесси, сеньор де Лианкур (ум. 1620) – первый шталмейстер Генриха III, отец первого герцога де Лианкура. В 1594 году женился на Антуанетте де Пон, маркизе де Гершвиль, знатной и влиятельной придворной даме (бывшей фрейлиной еще при Екатерине Медичи) дворов Генриха III, Генриха IV и Людовика XIII.

339

30. Камий Фер – королевский курьер.

31. Франсуа маркиз д'О (1535-1594) – один из тогдашних фаворитов Генриха III, будущий сюринтендант финансов.

32. Филипп де Вольвир, барон, затем маркиз де Рюффек (1534-1585), муж Анны де Дайон, родственницы Брантома.

33. Жак де Леви, граф де Кейлюс, или Келюс, (1554-1578) – фаворит короля, погибший во время знаменитой «дуэли миньонов». См. подробнее: Новоселов В. Р. Последний довод чести. Дуэль во Франции в XVI – начале XVII столетия. С. 140-142.

34. Речь идет о Шарле де Бальзаке д'Антраге (1545-1599), сеньоре де Дюне, по прозвищу Антраге или просто Биде. Он был сыном Гийома д'Антрага и Луизы д'Юмьер, дружил с Брантомом и являлся большим фаворитом Генриха III, которого сопровождал в Польшу. Агриппа д'Обинье пишет, что он был любовником Маргариты, но это – единственное, и, видимо, заведомо ложное свидетельство. Известно, что в это время любовницей Антрага являлась графиня де Рец («Ваша кузина»), жена маршала.

35. Месье (Monsieur) – официальный титул брата короля.

36. Герцогиня Немурская – это мать герцога Генриха де Гиза, Анна д'Эсте (1531-1607), дочь Рене Французской, младшей дочери Людовика XII, и герцога Феррарского Эрколе II д'Эсте. Овдовев после смерти мужа, Франсуа де Гиза (1563), в 1566 году стала женой Жака Савойского, герцога Немурского. Одна из самых влиятельных придворных дам, настоящая глава клана Гиз-Лотарингских.

37. Двор по-прежнему пребывал в Лионе.

38. В Авиньон, папский город на территории Франции, двор прибыл 16 ноября 1574 года.

39. Целестина – плутовская героиня одноименной трагикомедии (1499) испанского писателя Фернандо де Рохаса, переведенной на французский язык в 1520-е годы. Это произведение пользовалось исключительной популярностью в XVI веке.

40. Жиль де Сувре, маркиз де Куртанво (1540-1626) – фаворит Генриха III, обергардеробмейстер короля, будущий маршал Франции.

41. Маргарита не преувеличивает. Мадам де Сов действительно была любовницей всех перечисленных персонажей, причем довольно длительное время. Однако действовала она, как отмечалось выше, по заданию Екатерины Медичи.

42. Цирцея – персонаж из «Одиссеи», богиня-чародейка, заманившая Одиссея и его спутников на свой остров и превратившая последних в свиней.

352

1. 10 января 1575 года двор покинул Авиньон и, проехав через Лион и Дижон, 11 февраля прибыл в Реймс, где 13 февраля в Реймсском соборе состоялась коронация последнего короля из рода Валуа. А уже 15 февраля Генрих III женился на Луизе де Водемон-Лотарингской (1553-1601) – вел торжественное богослужение все тот же кардинал де Бурбон, венчавший Генриха Наваррского и Маргариту де Валуа. 21 февраля двор выехал в Париж, куда прибыл 27 февраля. См.: Шевалье Пьер. Генрих III. С. 418-428.

2. Луи де Клермон д'Амбуаз, сеньор де Бюсси (1549-1579) – сын Жака де Клермона д'Амбуаза и Катрин де Бово, легендарный дуэлянт и символ галантного дворянина XVI века. Сопровождал Генриха Анжуйского в Польшу, но по возвращении во Францию перешел на сторону Франсуа Алансонского. Друг Брантома и первый бесспорный любовник Маргариты де Валуа (1575-1578), вплоть до ее отъезда в Гасконь. Погиб во время любовной авантюры с графиней де Монсоро. Судя по мемуарам Маргариты, она продолжала сохранять к нему свои чувства спустя многие годы.

3. Речь идет о мадам де Дампьер.

4. Карл де Валуа, герцог Орлеанский (1522-1545) – третий сын Франциска I и Клотильды (Клод) Французской и Бретонской, старшей дочери Людовика XII. Маргарита не зря приводит этот пример: ситуация, возникшая в королевской семье в 1540-е годы, с точностью повторилась в 1570-1580-е. Карл был очень дружен со своей сестрой Маргаритой (см. ниже) и ненавидел своего брата Генриха II, тогда еще только наследника трона. Двор также был разделен на противоборствующие партии – сторонников Карла и Генриха. См. Эрланже Филипп. Диана де Пуатье. СПб., 2002; Клула Иван. Диана де Пуатье. М., 2004.

5. Маргарита Французская (1523-1574) – дочь Франциска I и Клотильды Французской, герцогиня Беррийская, с 1559 года (после заключения мира в Като-Камбрези) – жена герцога Эммануэля-Филиберта Савойского, мать будущего герцога Карла-Эммануэля. Являлась близкой подругой Екатерины Медичи.

6. Младший брат Брантома – Жан де Бурдей, барон д'Арделе (ум. 1568), погиб при осаде Шартра.

7. Франсуа де Валуа (1517-1536) – старший сын Франциска I и Клотильды Французской, дофин Франции – наследник трона. Скончался при неясных обстоятельствах (подозревали отравление). Его неожиданная смерть открыла путь к короне его брату Генриху Орлеанскому, будущему Генриху II.

8. Екатерина Медичи, прибывшая во Францию и ставшая женой Генриха в 1533 году, могла наблюдать описываемую ею картину только в течение трех лет: к моменту смерти дофина Франсуа, в 1536 году, ей и Генриху было по 17 лет, самому дофину – 19, Карлу Орлеанскому – 14, а Маргарите Французской – 13 лет.

9. Жорж де Водрей, сеньор де Сен-Фаль (ок. 1545 – после 1607) – бургундский дворянин. Свидетельствует Брантом: «Я находился вместе с ним [Бюсси], когда он вступил в ссору с Сен-Фалем в Париже. Мы были у комедиантов, где также присутствовала большая группа дам и кавалеров. Спор возник из-за муфты, украшенной вставкой из черного янтаря в виде двух букв «XX». Господин де Бюсси сказал, что на ней изображены буквы «YY». И тут же пожелал перейти от слов к делу, но одна дама, которую я знал, обладающая на него большим влиянием, попросила его замолчать и не продолжать ссору, опасаясь скандала, который начинался прямо в ее присутствии». См.: Brantôme, Pierre de Bourdeille, abbé de. Oeuvres complètes / Éd. L. Lalanne. vol. VI. Paris, 1864. P. 182. Дамой с муфтой, надо полагать, была сама Маргарита, которая попыталась погасить ссору, но смогла убедить Бюсси оставить в покое Сен-Фаля только до следующего дня, когда и состоялась дуэль. См. также описание этого сюжета (с небольшими неточностями) у В. Р. Новоселова: Последний довод чести. Дуэль во Франции в XVI – начале XVII столетий. СПб., 2005. С. 134-135.

10. Видимо, эта богатая перевязь Бюсси была подарком королевы Наваррской.

11. Супругой Генриха III была Луиза де Водемон-Лотарингская (1553-1601) – дочь графа Никола Лотарингского, графа де Водемона, и его первой жены Маргариты Эгмонт. Король женился на ней сразу по возвращении из Польши, в 1575 году, несмотря на полное отсутствие каких-либо политических или материальных выгод от этого брака (принцесса была бесприданницей). У Маргариты и Луизы в действительности не было никаких теплых отношений, обе с трудом переносили друг друга. См.: Boucher Jacqueline. Deux épouses et reines à la fin du XVIe siècle. Louise de Lorraine et Marguerite de France. Saint-Etienne, 1995.

12. Клод де Сен-Блез, дамуазель де Шанжи, числилась в штате королевы Луизы в 1575-1590 годах с жалованьем в 200 ливров без какого-либо временного перерыва. Скорее всего, в том же 1575 году ей позволили вернуться ко двору. См.: Caroline zum Kolk, éd. Maisons des reines de France // www.cour-de-france.fr.

13. См. выше.

14. О м-ль де Ториньи см. выше. По свидетельству флорентийского посла в Париже Аламанни, эта фрейлина Маргариты выполняла роль посредницы в отношениях королевы и герцога Алансонского с Бюсси, о чем было известно королю. В частности, посол пишет в очередной депеше: «Королева Наваррская поддерживает партию своего брата д'Алансона. Она очень сердита на короля, который позволил ее мужу удалить из ее свиты одну из самых дорогих для нее дам» // Négotiations de la France avec Toscane, 1311-1610 / Éd. A. Desjardins. Vol. IV. Paris, 1859. P. 38.

15. Неизвестный персонаж, такой же таинственный, как и личность самой м-ль де Ториньи.

16. Апанаж – часть королевского домена (земель короны, не подлежащих отчуждению, на которые распространялась королевская юрисдикция), предоставлявшаяся во Франции королями своим младшим братьям в пожизненное пользование. Правда, у Франсуа Алансонского уже был свой апанаж – герцогство Алансонское, с которого он получал доходы. К тому же корона брала на себя расходы по содержанию служащих его дома.

17. Король Наваррский являлся губернатором Гиени номинально, поскольку реальную власть в этой полугугенотской провинции всегда осуществлял королевский генеральный наместник. Собственные владения Генриха – это герцогство Вандомское, доставшееся ему от отца, Антуана де Бурбона, и княжество Беарн с Нижней Наваррой – наследство матери, Жанны д'Альбре.

18. В одном из писем барону де Миоссансу (январь 1576 года), которого Маргарита спасла в Варфоломеевскую ночь, Генрих Наваррский пишет: «Мы постоянно готовы перерезать горло друг другу, носим с собой кинжалы [...] и очень часто – кирасу под плащом. Вся лига, которую Вы знаете, до смерти желает мне несчастий по причине моей любви (amour) к Месье [Алансону]» // Henri IV. Recueil des letters missives de Henri de Navarre / Éd. M. Berger de Xivrey et J. Guadet. vol. 1. Paris, 1843. P. 81.

19. Жан де Симье (ум. 1588), барон де Сен-Мари, гардеробмейстер и фаворит Франсуа Алансонского. С 1578 года по его поручению вел переговоры с Елизаветой Английской о возможном браке с герцогом. См. подробнее: Дмитриева О. В. Елизавета I. Семь портретов королевы. М., 1998. С. 121-122. Был женат на Луизе де Лопиталь-Витри, фрейлине Екатерины Медичи, которая прославилась фразой, сказанной после посещения двора Генриха IV в 1598 году: «Я видела короля, но не увидела Его Величества» // Таллеман де Рео Ж. Занимательные истории. Л., 1974. С. 16.

20. В погоню за герцогом Алансонским бросились герцог де Невер, сеньор Ле Га и сеньор де Матиньон, будущий маршал.

21. Летуаль бесстрастно пишет в своем «Дневнике» по поводу бегства Месье: «В четверг 15 сентября [1575 года] Франсуа Французский, герцог Алансонский, единственный брат короля, за которым тщательно следили и охраняли, держа на положении пленника из-за его секретных связей с гугенотами и недовольными, около шести часов вечера тайно покинул Париж в карете, проследовал черед Медон, где встретился с Гитри и сопровождавшими его сорока или пятьюдесятью всадниками, отужинал в Сен-Лежере, возле Монфор-л'Амори, затем отправился в Дре, город в своем апанаже, где пробыл восемь дней, в течение которых призывал к себе многих дворян и прочих военных, разделявших интересы его партии. Из-за чего король, весь двор и город Париж были весьма обеспокоены» // L'Estoile Pierre de. Registre-Journal du règne de Henri III / Éd. M. Lazard et G. Schrenck. T.l. Genève, 1992. P. 201. К этому моменту принц де Конде уже заключил договор с Иоганном-Казимиром Баварским, немецким протестантским принцем-авантюристом, о том, что тот придет на помощь гугенотам и герцогу Алансонскому во главе армии рейтаров. Екатерина Медичи в срочном порядке 24 сентября отбыла к своему младшему сыну и подписала с ним временное перемирие. Издатель «Мемуаров» Маргариты (1971) Ив Казо приводит, правда, без ссылки на источник, фрагмент письма Екатерины Медичи своему свояку герцогу Савойскому от 15 сентября 1575 года: «Какое счастье, что Мадам, Ваша жена [Маргарита Французская, сестра Генриха II], не дожила до этого дня – и я просила бы Бога быть вместе с ней, чтобы только не видеть, как мой несчастный сын д'Алансон, каков он есть, отдалился от короля монсеньора и меня, и бежал» // Marguerite de Valois. Mémoires et autres écrits / Éd. Yves Cazaux. Paris, 1971. P. 299.

22. В действительности король Наваррский бежал пять месяцев спустя, 3 февраля 1576 года.

23. Эти слова можно расценивать как проявление макиавеллизма со стороны королевы-матери.

24. Описываемый эпизод, по-видимому, случился сразу же после отъезда герцога Алансонского от двора, поскольку в конце октябре 1575 года Ле Га был убит.

25. Капитаны Франсуа Алансонского: Клод д'Этамп, барон де Ла Ферте-Эмбо (после 1526-1593) – капитан гвардейцев герцога и его первый камер-юнкер; Луи д'Авантиньи, сеньор де Ла Бреналлери, камергер герцога (ум. 1590).

26. Надо полагать, его жены.

27. На самом деле Маргарита была ограничена в передвижении вскоре после бегства брата. Английский посол докладывал Елизавете Английской в депеше от 28 ноября 1575 года: «Королеве Наваррской и принцессе де Конде запретили покидать Лувр по причине подозрений в поддержании дружеских отношений с Месье» // Calendar of State papers. Foreign series of the reign of Elizabeth. V. 11. London, 1863. P. 44. В феврале 1576 года, после отъезда мужа, королева фактически оказалась под домашним арестом.

1. Луи де Бальб де Бертон, сеньор де Крийон (1543-1615), по прозвищу Грийон, будущий командир гвардейцев Генриха IV.

2. Речь идет о событиях 1575 года. В действительности Екатерина Медичи уехала спустя всего несколько дней после бегства герцога Алансонского – 24 сентября, когда Маргарита еще не была под домашним арестом, а только лишилась права покидать Лувр. Королева-мать отправилась на переговоры с младшим сыном, поскольку существовала опасность вторжения немецких наемников. Она встретилась с герцогом в Шамборе 29 сентября. Екатерина обещала выпустить из Бастилии маршалов Монморанси и Коссе, находившихся в заключении с 1574 года (их освободили уже 2 октября), передать герцогу Алансонскому города Ангулем, Ниор, Сомюр и Ла-Шарите, гарантировать свободу вероисповедания гугенотам во всех занятых ими городах. После октябрьской победы герцога де Гиза, который разбил немецких рейтаров на границе с Францией, ей стало гораздо легче выдвигать мирные условия. В итоге Франсуа согласился подписать временное соглашение в Шампиньи 21 ноября 1575 года. См.: Клула Иван. Екатерина Медичи. С. 473-475.

3. Екатерина Медичи возвратилась в Париж, судя по датам на ее письмах, в самом конце января 1576 года, прежде заехав в Пуатье. Недовольство Франсуа Алансонского было связано главным образом с тем, что Генрих III не согласился с основными условиями перемирия в Шампиньи и отказался их выполнять, сведя на нет все усилия матери.

4. Маргарита де Валуа была одной из самых образованных дам Франции и в этом гораздо превосходила свою мать и сестер. Надо полагать, еще до своего домашнего ареста в 1575-1576 годах она полюбила чтение. Изучению ее библиотеки посвящена статья известной французской архивистки М. Н. Бодуэн-Матюзек, см.: Baudouin-Matuszek M.-N. La bibliothèque de Marguerite de Valois // Henri III mécène des arts, des sciences et des letters / Dir. de Isabelle de Conihout, Jean-François Maillard et Guy Poirier. Paris, 2006.

5. Маргарита славит Бога, рассуждая в духе неоплатоников и подкрепляя свои мысли ссылкой на известные строки из «Илиады» Гомера, где Зевс бросает вызов богам Олимпа:

Или дерзайте, изведайте боги, да все убедитесь:
Цепь золотую теперь же спустив от высокого неба,
Все до последнего бога и все до последней богини
Свестесь по ней; но совлечь не возможете с неба на землю
Зевса, строителя вышнего, сколько бы вы ни трудились!
Если же я, рассудивши за благо, повлечь возжелаю,
С самой землею и с самым морем ее повлеку я
И моею десницею окрест вершины Олимпа
Цепь обовью; и вселенная вся на высоких повиснет ветрах –
Столько превыше богов и столько превыше я смертных!

(VIII, 18-27 / Пер. Н. И. Гнедича).

6. По мнению французского филолога-эрудита Жозефа Копена (1923), этот пассаж очень напоминает строки из сочинения Раймунда Сабундского, испанского теолога (ум. 1432), чье сочинение было переведено на французский язык Мишелем Монтенем в 1569 году и послужило поводом для написания его эссе «Апология Раймунда Сабундского» («Опыты», кн. 2, гл. XII). Более того, продолжая свои догадки. Копен сделал предположение, что таинственная высокопоставленная дама, которой Монтень посвятил свою «Апологию», – это Маргарита де Валуа. Скорее всего, королева прочитала перевод Монтеня уже во время ее пребывания в Юссонском замке, а с самим философом она познакомилась в Нераке в 1578 году, когда он занял должность камер-юнкера Генриха Наваррского. См.; Coppin Joseph. Marguerite de Valois et le «Livre des créatures» de Raymond Sebond // Revue du Seizième siècle. № 10, 1923. P. 57-66.

7. Под вторым заточением, видимо, Маргарита имеет в виду время, проведенное в Юссоне (1587-1605).

8. Иоганн-Казимир Баварский (1543-1592) – немецкий пфальцграф, называемый часто герцогом Казимиром, четвертый сын Фридриха III, герцога Баварского и Марии Бранденбургской. Учился во Франции. Будучи протестантом, активно поддерживал французских гугенотов во время религиозных войн, направляя им на помощь рейтаров и швейцарцев. В 1575-1576 годах, приглашенный принцем де Конде, во главе большой армии начал вторжение во Францию, где соединился с войсками Франсуа Алансонского в Бургундии. Генрих III вынужден был капитулировать и послать на переговоры свою мать в сопровождении свиты знатных дам. В 1576 году после заключения «Мира Месье» получил титул герцога д'Этампа, который у него отобрали год спустя. Таким образом, весной указанного года он еще не был «герцогом Казимиром».

9. О численности иностранных наемников Казимира данные в литературе несколько разнятся. См.; Шевалье Пьер. Генрих III. С. 473 и далее; Jouanna Ariette, Boucher Jacqueline, et als. Histoire et dictionnaire des Guerres de religion. P. 765-766.

10. Гугеноты потребовали себе восемь «городов безопасности» (в 1570 году им было предоставлено четыре), фактически ставших основой протестантской конфедерации на юге Франции. Среди прочих требований была реабилитация жертв Варфоломеевской ночи, включая адмирала Колиньи, объявление событий августа 1572 года «преступлением», избавление от налогов семей погибших протестантов. См. подробнее: Шевалье Пьер. Генрих III. С. 479-483.

11. Речь идет о герцогстве Анжуйском. С 1576 года Франсуа де Валуа стал именоваться герцогом Анжуйским, хотя и сохранил титул герцога Алансонского.

12. Жан де Ла Фен, сеньор де Бовуар, или Бове, (ум. после 1596) – политик и дипломат, сначала принадлежал к дому герцога Алансонского, затем примкнул к Генриху Наваррскому. Участник заговоров 1574 года. В 1590 и 1595 годах – посол в Лондоне. Маргарита в 1590-х годах находилась с ним в активной переписке, надеясь с его помощью заставить Генриха IV вернуть ее в Париж в качестве королевы Франции.

13. После ряда колебаний 5 мая 1576 года король издал очередной эдикт в Больеле-Лош, завершающий гражданскую войну, а спустя два дня Екатерина Медичи подписала мирный договор с младшим сыном и гугенотами в Этиньи, возле Санса. Очень скоро этот договор получил название «Мира Месье».

14. Флорентийский посол в своей депеше от 20 мая 1576 года подтверждает слова Маргариты: «Король Наваррский прислал сюда господина де Фервака, чтобы просить короля отправить к нему его жену» // Négotiations de la France avec Toscane, 1311-1610 / Éd. A. Desjardins, vol. IV. P. 68. При дворе ходили слухи, что король Наваррский уже в феврале 1576 года отрекся от католической веры, однако официально он объявил об этом только 13 июня, дождавшись возвращения из Парижа своей сестры Екатерины де Бурбон. См.: Бабелон Жан-Пьер. Генрих IV. С. 159.

15. Судя по переписке королевы-матери, они с Маргаритой вернулись в Париж между 18 и 22 мая 1576 года.

16. Ле Га погиб от рук барона де Витто 31 октября 1575 года. Одно из характерных свидетельств Летуаля на этот счет: «Правосудие Господне [свершилось] над Ле Га. Этот капитан пролил много невинной крови в Варфоломеевскую ночь, и поэтому не нужно удивляться, когда, следуя слову Божьему, пролилась и его собственная кровь. И поскольку убивал он людей в их кроватях (чем хвалился), такую же смерть нашел и сам» // L'Estoile Pierre de. Registre-Journal du règne de Henri III / Éd. M. Lazard et G. Schrenck. T. 1. P. 206. Брантом донес до нас реакцию королевы Наваррской: «В то время, когда ей сообщили об убийстве Ле Га, она была нездорова и произнесла единственно: «Я настолько счастлива, что готова тут же поправиться, чтобы с радостью отпраздновать его смерть» // Brantôme, Pierre de Bourdeille, abbé de. Recueil des Dames, poésies et tombeaux / Éd. E. Vaucheret. Paris, 1991. P. 153.

17. Жан де Дюрфор, виконт де Дюра (после 1538-1587) – сын Сенфорьена де Дюрфора и Барбы Кошон де Мопа, камергер Генриха Наваррского. Во время Варфоломеевской ночи отрекся от кальвинизма, чем спас себе жизнь. Был женат на Маргарите де Грамон, позже ставшей близкой подругой и гофмейстериной королевы Наваррской.

18. Пунктуальный хронист Летуаль отметил, что Дюра прибыл в Париж 20 сентября 1576 года, однако дата его отъезда неизвестна. В одном из своих писем от 7 октября 1576 года Генрих III пишет: «Королева-мать завтра отправляется в Плесси-ле-Тур, где должна встретиться с герцогом Анжуйским и Алансонским. Затем она собирается к королю Наваррскому в Гиень» // Lettres de Henri III / Éd. Michel François et als. Paris, 1959. T. III. P. 47. Очевидно, что Франсуа де Валуа не находился постоянно при короле даже после примирения с ним. На встрече с младшим сыном Екатерине удалось уговорить его вернуться ко двору для участия в работе Генеральных Штатов королевства, собравшихся на первое заседание в начале декабря. Также известно, что до Гиени королева-мать не доехала и остановилась в Шенонсо: король Наваррский не пожелал видеть Екатерину Медичи без Маргариты.

19. Маргарита говорит здесь о рождении так называемой первой католической Лиги, которая возникла под влиянием герцогов Гизов сразу же после заключения «Мира Месье» и первоначально называлась Перонской лигой, по имени города Перонна – месте, где католические города объединились в союз с целью не допустить уступок гугенотам и провозгласили свою программу, предусматривавшую восстановление католической религии по всей Франции. См.: Констан Ж.-М. Повседневная жизнь французов во времена религиозных войн. М., 2005. С. 211 и далее.

20. Генеральные штаты – основное сословно-представительное собрание во Франции, собиравшееся главным образом в кризисных для короны ситуациях, когда требовалось одобрение всех сословий страны для вотирования чрезвычайных налогов. Генеральные штаты 1576 года были открыты 6 декабря в Блуа и продлились до конца февраля 1577 года. Предыдущие штаты созывались в 1560 году.

21. Речь идет, соответственно, о Пьере д’Эспинаке, Ги д’Авансоне и Веспасьене Гримальди.

22. Королева Наваррская всеми силами пыталась противодействовать очередной войне с гугенотами, поскольку оказывалась в весьма деликатном положении – ведь теперь речь шла о военных действиях против ее мужа. К тому же союз Франсуа Алансонского с католиками ставил под сомнение его авторитет политического посредника в отношениях враждующих сторон. Все миротворческие усилия Екатерины Медичи и ее дочери 1576 года также оказались перечеркнутыми; герцог де Невер свидетельствует (19 января 1577 года); «Королева[-мать] плакала в своем кабинете вместе со своей дочерью королевой [Наваррской] из-за того, что король последовал совету начать войну» // Mémoires du duc de Nevers / Éd. Gomberville. Vol. 1. Paris, 1665. P. 169.

23. Бертран де Пьер-Бюфьер. сеньор де Жениссак, погиб при Сен-Макари в 1577 году.

402

1. Филиппа де Монтеспедон, герцогиня де Бопрео (1510-1578) – дочь и единственная наследница барона Жоашена де Монтеспедона, анжуйского дворянина, в первом браке жена Рене де Монтежана, маршала Франции, во втором – Шарля де Бурбона, принца де Ла Рош-сюр-Йон, мать маркиза де Бопрео, о котором Маргарита говорит в начале своих мемуаров (см. выше). Обладала безупречной репутацией, славилась красотой и богатством. Близкая подруга королевы Наваррской.

2. Клод барон де Мондусе прежде являлся посланником короля Франции в Брюсселе, столице испанских Нидерландов. С 1576 года – советник и ординарный камергер Франсуа Алансонского.

3. Фландрия – графство, с IX века являвшееся частью французского королевства в результате брака Марии Бургундской с Максимилианом Австрийским, наряду с другими территориями Нидерландов (Эно, Брабантом, Артуа, и т. д.), в конце XV века оказалось в руках династии Габсбургов. Во время Итальянских войн мирные соглашения в Мадриде (1526) и Камбре (1529) только закрепили сложившееся положение вещей: Франция отказалась от суверенитета над Фландрией. С середины XVI века, после разделения Габсбургов на австрийскую и испанскую ветви, Нидерланды остались под властью Филиппа II.

4. Пирр (ок. 319-272) – царь Эпира с 306 г. до н. э. Пытался обрести славу Александра Македонского и создать мощное средиземноморское государство.

5. Момент для вмешательства Франсуа Алансонского во фламандские дела был очень удобен: поднявшие мятеж против Филиппа II католические провинции юга и протестантские области севера Нидерландов осенью 1576 года заключили между собой Гентское соглашение, фактически лишающее испанского короля и его представителей реальной власти и передающее ее выборным Генеральным штатам. Вместе с тем обеим нидерландским сторонам требовался принц-посредник, который был бы в состоянии противостоять испанцам и мог бы регулировать религиозно-политические противоречия. Лучшей кандидатуры, чем младший брат французского короля, найти было трудно. См.: Пиренн А. Нидерландская революция. М., 1937. С. 194-198.

6. Буквально: guisard, т. е. сторонник герцогов Гизов, союзников испанцев.

7. На самом деле опала ставленников Екатерины Медичи произошла много позже. Маргарита впадает в анахронизм.

8. Дон Хуан Австрийский (1545-1578) – незаконный сын императора Карла V от Барбары Бломберг, признанный им незадолго до отречения от трона в 1555 году. Воспитывался при дворе своего сводного брата Филиппа II Испанского. В 1576 году был назначен губернатором Нидерландов. В конце мая 1577 года Генрих III официально известил испанские власти о визите королевы Наваррской.

9. На самом деле Екатерина Медичи, судя по ее переписке, покинула Париж еще в апреле 1577 года, а в конце мая, когда королем было принято окончательное решение о путешествии Маргариты, она пребывала в замке Шенонсо, на Луаре. 9 июня там состоялся великолепный и вычурный костюмированный бал в честь военных побед герцога Алансонского над гугенотами, на котором присутствовала вся королевская семья, включая Генриха III и королеву Наваррскую. В Пуатье король и королева-мать появились только в начале июля. См.; Шевалье П. Генрих III. С. 518-519; Леони Ф. Екатерина Медичи, С. 472.

10. Шарль Лотарингский, герцог Менский, затем Майеннский (1554-1611) – младший брат герцога Генриха де Гиза. Наряду с герцогами Алансонским и Неверским командовал католическими войсками во время так называемой Шестой религиозной войны. 22 июня 1577 года приступил к осаде Бруажа.

11. Франсуа де Валуа и его войска 2 мая захватили Ла Шарите, где удалось избежать массовой резни гугенотов, а 11 июня штурмом взяли Иссуар в Оверни, где погибло много мирного населения.

12. Очевидно, что между 9 июня – праздником в Шенонсо – и 3 июля 1577 года – днем отъезда – Маргарита вернулась в Париж для последних приготовлений к путешествию во Фландрию.

13. Клод де Ла Тур-Тюренн (ум. 1591) – супруга Жюста II де Турнона, графа Руссильонского, наставница фрейлин королевы Наваррской. Маргарита называет ее гофмейстериной, т. е. главой своего дома – возможно, эту должность она заняла на время путешествия.

14. Катрин де Сюзанн (ум. 1623), единственная дочь Жана-Жака де Сюзанна, графа де Серни, с 1568 года жена Шарля, маркиза де Муи. С 1577 года – придворная дама Екатерины Медичи.

15. В списке придворных дам на службе Екатерины Медичи с жалованьем в 400 ливров числилась донья Елена Комнина, жена кастеляна Милана. См.: Caroline zum Kolk, éd. Maison de Catherine de Médicis (1547-1585) // www.cour-de-france.fr.

16. Анна Аквавива, дамуазель д'Атри – дочь неаполитанских дворян – герцога Атри Джованни-Франческо Аквавивы и Камиллы Карачиоли, фрейлины из «летучего эскадрона» Екатерины Медичи, выполнявшей ее самые деликатные поручения. С 1578 года – жена аноблированного флорентийского банкира на французской службе Людовико Аджачето (фр. Аджасе), графа де Шато-Вилен.

17. Элен де Турнон – младшая дочь Жюста II де Турнона и Клод де Ла Тур-Тюренн (см. выше), фрейлина Маргариты Наваррской.

18. В 1577 году Филипп де Ленонкур (1527-1592) являлся еще епископом Оксеррским, кардинал с 1586 года. Доверенное лицо Генриха III.

19. Шарль де Перюсс д'Эскар, или Дескар, (1522-1614) – герцог-епископ Лангрский (1569), епископ Пуатье, пэр Франции, обладал репутацией прекрасного оратора.

20. Шарль, маркиз де Муи (ум. 1614) – супруг мадам де Муи (см. выше), происходил из известной пикардийской фамилии. В описываемое время занимал пост губернатора Сен-Кантена. Позднее стал вице-адмиралом Франции, кавалером ордена Св. Духа.

21. Единственная дочь и наследница маркиза де Муи (см. выше) Клод в 1585 году вышла замуж за младшего брата Луизы Лотарингской, жены Генриха III, Генриха Лотарингского, графа де Шалиньи (1570-1600).

22. Буквально: «litière faite à piliers». Носилки, прообраз портшеза последующего времени, в которых путешествовали, как правило, дамы или пожилые люди, крепились специальными опорами к двум лошадям, заменявшим носильщиков.

23. Довольно сложный для понимания пассаж Маргариты. Речь идет о двух видах девизов: сначала она имеет в виду отличительный знак знатной персоны, крепившийся на носилках или каретах – герб в сочетании с немым девизом – т. е. свою личную эмблему; а во втором случае она уже пишет о текстовых девизах. См. подробнее очень квалифицированно написанные на эту тему статьи петербургского историка М. Ю. Медведева: «Зима средневековья» в поздних девизах французских королей // Средние века. Вып. 61. М., 2000. С. 202-216; Jusques à sa plentitude: геральдические девизы последних Валуа // Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки / Под ред. Л. И. Киселевой. СПб., 2001. С. 274-285.

24. В письме от 21 мая 1577 года король уведомлял губернатора Перонна Жака д'Юмьера: «Господин д'Юмьер, моя сестра королева Наваррская по совету врачей для поправки своего здоровья нуждается в лечении на водных источниках в Спа, на территории Льежа, куда собирается отправиться через несколько дней [...]. Я прошу Вас принять ее и подготовить все для ее [дальнейшего] путешествия» // Lettres de Henri III. T. III. P. 260.

25. В крепости Катле кортеж Маргариты оказался 10 июля 1577 года, после недели пути.

26. Область Камбрези с центром в Камбре, являвшаяся исторической частью Южных Нидерландов (Фландрии), представляла собой суверенное церковное княжество, во главе которого стоял епископ, – явление, характерное для ленов Священной Римской империи. Князь-епископ, помимо священнических функций, обладал в своих владениях также светской властью, ограниченной сюзеренитетом испанского короля, точнее – замещающим его наместником Нидерландов.

27. Архиепископом Камбре с 1570 года был Луи де Берлемон (ум. 1596), член многочисленной фамилии, преданной испанцам, сын Шарля, барона де Берлемона, губернатора Намюра и Артуа. Берлемоны не принадлежали к высшему дворянству Фландрии, хотя и происходили из весьма древнего рода.

28. Цитадель Камбре была сооружена по приказу императора Карла V в 1543 году. В 1579 году, после изгнания архиепископа, благодаря коменданту д'Энши она попала под власть герцога Алансонского и сопротивлялась испанцам вплоть до 1595 года.

29. Бодуэн де Гавр, сеньор д'Энши (ум. 1595) представлял один из самых знатных родов Фландрии. По приказу Генеральных штатов Нидерландов он сместил испанского губернатора Камбре барона де Лика.

30. Маргарите несколько раз пришлось оборонять крепости: сначала город Ажен в 1585 году от войск маршала Матиньона, затем замок Ибуа в 1586 году от королевских отрядов, наконец, замок Юссон, которым она владела в течение почти двадцати лет и над которым она едва не потеряла контроль зимой 1590/91 года, когда произошел мятеж солдат гарнизона.

31. 12 июля 1577 года кортеж королевы Наваррской покинул Камбре и прибыл в Валансьен.

32. Филипп граф де Лален (ок. 1545-1582) – сын Шарля II де Лалена и его первой жены Маргариты де Круа, принадлежал к знаменитой бургундской фамилии, о которой еще веком ранее писал Филипп де Коммин (см.: Мемуары. Пер. Ю. П. Малинина. М., 1986. С. 10). Губернатор и великий бальи графства Эно с 1574 года, сенешаль Фландрии. Фактический лидер южных католических провинций Нидерландов.

33. Эммануэль-Филибер де Лален, барон де Монтиньи (1557-1590) – младший брат предыдущего персонажа, сын Шарля II де Лалена и его второй супруги Марии де Монморанси, активный участник освободительного движения в Нидерландах. См.: Пиренн А. Нидерландская революция. М., 1937.

34. Маргарита де Линь (1552-1611) – старшая дочь Жана де Линя, барона де Барбансона, и Маргариты де Ла Марк, графини Аренберг, С 1569 года – супруга графа Филиппа де Лалена. Возможно, именно в ее доме знаменитый художник Рубенс в 1590-1591 годах был пажом и учился хорошим манерам. См.: Авермат Роже. Рубенс. М., 1995. С. 27, 412.

35. Диана де Даммартен (Доммартен) (1552-1625), дочь барона де Фонтенуа Луи де Доммартена и Филиппы де Ла Марк, вдова графа де Сальма (1569), погибшего в битве при Монконтуре на службе у герцога Анжуйского, жена Шарля-Филиппа де Круа, маркиза д'Авре или д'Аврека (в старой транскрипции – Гавре́). Очевидно, родственница графини де Лален по матери.

36. Ламораль граф Эгмонт (1522-1568), принц Гаврский, был сыном Жана IV Эгмонта и Франсуазы Люксембургской, принадлежал к одной из самых знатных фламандских семей. Прославился в борьбе с французами во время Итальянских войн. В 1560-е годы – один из лидеров освободительного движения в Нидерландах против абсолютной власти испанского короля. Казнен по приказу герцога Альбы, специально посланного Филиппом II во Фландрию усмирять восставшую страну. Братья де Лален приходились троюродными братьями графу (это действительно считалось в среде знати близким родством, о чем пишет Маргарита), а королева Франции Луиза Лотарингская являлась его родной племянницей.

37. Вильгельм Нассауский, принц Оранский, прозванный Молчаливым (1533-1584), – соратник графа Эгмонта (см. выше), лидер антииспанской оппозиции в Нидерландах с 1572 года, штатгальтер (фактически – правитель) северных нидерландских провинций с 1576 года. Основатель Оранской династии в Нидерландах. Убит испанским агентом выстрелом из пистолета.

38. Т. е. Франсуа Алансонский и Анжуйский.

39. Жаннин Гарриссон, современная французская исследовательница и автор одной из биографий Маргариты, специально изучала ее финансовые счета за 1577 год. Согласно этим отчетным документам, королева Наваррская пробыла в Монсе всего два дня, что расходится с ее дальнейшим рассказом и иным свидетельством ее пребывания в гостях у Лаленов (13-20 июля), см.: Garrisson Janine. Marguerite de Valois. Paris, 1994. P. 130.

40. Пурпуэн (pourpoint), иначе – жакет, короткая бархатная или шелковая куртка, облегающая фигуру. В XVI веке – элемент мужской и женской одежды.

41. Австрийский дом правил Фландрией с 1477 года, когда наследница Карла Смелого Мария Бургундская, графиня Фландрская и т. д., стала женой Максимилиана Австрийского, будущего императора, родоначальника австрийских и испанских Габсбургов.

42. Филипп де Монморанси-Нивель, граф де Горн (ок. 1518-1568) – сын Жозефа де Монморанси-Нивеля, представителя старшей ветви дома Монморанси, и Анны Эгмонт, адмирал Нидерландов. Лидер дворянской оппозиции, наряду с графом Эгмонтом и принцем Оранским. Казнен в Брюсселе по приказу герцога Альбы вместе с Эгмонтом, своим двоюродным братом.

43. Флорис де Монморанси, барон де Монтиньи (1528-1570) – брат предыдущего персонажа, великий бальи Турне. Подобно старшему брату, участвовал в освободительном движении против испанского владычества. Арестованный вместе с братом, был задушен в испанской тюрьме в Симанкасе по приказу Филиппа II.

Сестры графа де Горна и барона де Монтиньи Мария и Элеонора де Монморанси были замужем за представителями семьи Лаленов – соответственно Шарлем II, графом де Лаленом (см. выше), и Антуаном, графом Гогстратеном. Поскольку Горн и Монтиньи не оставили потомства, титул барона де Монтиньи перешел к младшему сыну Шарля II де Лалена и его второй жены Марии де Монморанси (см. выше).

44. См. выше.

45. 14 сентября 1577 года в Бержераке был подписан мирный договор с гугенотами, завершивший Шестую религиозную войну во Франции (1576-1577), закрепленный 17 сентября королевским эдиктом в Пуатье. См.: Плешкова С. Л. Франция XVI – начала XVII века: королевский галликанизм. М., 2005. С. 207 и далее.

46. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона дает такое определение: «Канонисса – название штатных монахинь женского католического монастыря, преимущественно тех, которые заведуют, под руководством и по поручению аббатисы, какой-нибудь частью монастырского хозяйства и управления, в особенности, уходом за больными в больницах монастыря, обучением в монастырских школах, раздачей милостыни и т. п.».

47. Святая Водрю или Вальтруда (ум. 686) – покровительница города Монса, происходившая из знатной семьи, проживавшей в тех местах. Коллегиальная церковь Св. Водрю в Монсе, строительство которой началось в 1450 году, сохранилась до наших дней и является одной из достопримечательностей города.

48. Дортуар – общая спальня для воспитанников закрытых учебных заведений.

49. Королем Испании тогда был Филипп II Габсбург (1527-1598), в 1556 году наследовавший в Испании своему отцу императору Карлу V после раздела империи. Филиппу также отошли Нидерланды, Франш-Конте (Бургундское графство), Милан, Неаполь и Сицилия, все заокеанские владения Испании.

50. См. выше.

51. В данном случае речь идет об областях Большой Фландрии – т. е. Южных Нидерландов – Эно (Геннегау), Камбрези, и Фландрии, граничащих друг с другом.

52. Ла Фер – замок в Пикардии, на Северо-Востоке Франции, недалеко от фламандской границы, предоставленный во владение Маргарите Генрихом Наваррским согласно их брачному контракту.

53. Мужем мадам д'Аврек (см. выше) был Шарль-Филипп де Круа, маркиз д'Аврек (д'Авре, Гавре), граф де Фонтенуа (1549-1613), сын Филиппа II, герцога Арсхота, и Анны Лотарингской. Принадлежал к знатной бургундской фамилии, родился уже после смерти отца. Один из командующих армией Генеральных штатов Нидерландов. Маргарита могла с ним познакомиться в 1569 году, когда он прибыл ко французскому двору после битвы при Монконтуре, чтобы поздравить Карла IX с победой.

54. Филипп III де Круа, герцог Арсхот, принц де Шиме (1526-1595) – старший брат предыдущего персонажа. Член Государственного совета Нидерландов. Сыграл весьма неоднозначную роль в освободительном движении. См.: Пиренн А. Нидерландская революция. С. 177 и далее.

55. 12 февраля 1577 года испанский губернатор Фландрии Хуан Австрийский подписал т. н. «Вечный эдикт» с Генеральными штатами – по сути, временное мирное соглашение, которое закрепляло положение двоевластия в стране. Испанские и иностранные войска отзывались из Нидерландов.

56. В 1549-1550 годах Филипп, еще будучи наследником трона, впервые посетил свои фламандские владения. В 1554 году он женился на английской королеве Марии Тюдор и переехал в Лондон. В следующем году он вновь вернулся в Нидерланды, которые окончательна перешли к нему после отречения его отца. После смерти жены (1558) уехал в Испанию, которую больше не покидал.

57. Гранды – высшее духовное и светское дворянство Испании.

58. Марк де Ри, маркиз де Варанбон (ум. 1598) – сын Жерара, сеньора де Балансона, и Луизы де Лонгви, кавалер ордена Золотого руна (1586), один из самых преданных дону Хуану фламандских дворян, губернатор провинции Гельдерн. Вскоре после прибытия во Фландрию Маргариты де Валуа был направлен Хуаном Австрийским к австрийскому императору с тем, чтобы последний воспрепятствовал набору немецких наемников в пользу Генеральных штатов Нидерландов. В 1588 году командовал бургундским корпусом в армии герцога Пармского, полководца на испанской службе.

59. Филибер де Ри, граф де Варе, барон де Балансон (ум. 1597) – младший брат предыдущего персонажа, губернатор Бургундского графства, иначе – Франш-Конте, восточной французской области, бывшей части Бургундского государства, которая попала под власть Австрийского дома в конце XV века наряду с Фландрией в результате династического брака.

60. Скорее всего, это был не Людовик, а Октавио Гонзага (Гонзаго), испанский гранд из рода герцогов Мантуанских, прибывший во Фландрию вместе с Хуаном Австрийским в ноябре 1576 года, советник Филиппа II.

61. 20 июля 1577 года кортеж королевы Наваррской прибыл в Намюр.

62. Маргарита говорит о знаменитой морской битве в заливе Лепанто, когда в 1571 году объединенный флот под командованием 24-летнего Хуана Австрийского разбил прежде непобедимый турецкий флот, что остановило масштабную экспансию Османской империи на Средиземноморье. Великий сеньор – надо полагать, турецкий султан Селим II (1566-1574), сын Сулеймана I Великолепного.

Паша – титул в Османской империи, дававшийся высшим гражданским и военным сановникам.

63. Обед проходил согласно испанскому церемониалу, когда царствующие особы сидели одни за столом, на определенном расстоянии от столов придворных, иногда с разделительными барьерами. Генрих III введет аналогичные правила в 1585 году при французском дворе.

64. Речь идет о том, что мадам д'Аврек сыграла роль супруги Хуана Австрийского, взяв на себя надлежащие церемониальные функции.

65. Хуан Австрийский с 1556 года воспитывался при дворе и поэтому был близко знаком с королевой Испании Елизаветой Французской, старшей сестрой Маргариты (см. выше).

66. Судя по всему, дон Хуан был влюблен в королеву Маргариту. Направляясь во Фландрию через Францию и Люксембург в 1576 году, согласно Брантому, он тайно посетил один из балов при французском дворе, только чтобы увидеть танцующую королеву Наваррскую. Будучи в маске, он остался неузнанным. Якобы после этого бала он произнес; «Поскольку красота этой королевы более божественная, чем человеческая, она скорее погубит и смутит, чем спасет» // Brantôme, Pierre de Bourdeille, abbé de. Recueil des Dames, poésies et tombeaux. P. 121.

67. Интересно, что для городских магистратов Намюра Маргарита де Валуа была всего лишь «мадам де Вандом», но не королевой Наваррской. Именно так она именуется в официальных документах. Испанская корона после 1512 года – времени завоевания Верхней Наварры – присвоила себе титул королей Наварры и не признавала таковыми дом д'Альбре, а затем Бурбонов. Так как Генрих де Бурбон, король Наваррский, муж Маргариты, от отца наследовал титул герцога Вандомского, Маргарита в Намюре именовалась, соответственно, герцогиней Вандомской.

68. 23 июля Маргарита и сопровождавшие ее лица покинули Намюр и в тот же день прибыли в город Юи (совр. Бельгия).

69. 24 июля 1577 года.

70. Жерар Гросбекский (1508-1580) – князь-епископ Льежский с 1563 года, кардинал с 1578 года. Происходил из среднего дворянства. Пытался проводить политику посредничества во время религиозно-политического конфликта во Фландрии. См. подробнее; Пиренн А. Нидерландская революция. С. 385 и далее.

Льежская область также являлась частью Южных Нидерландов и, подобно Камбрези (см. выше), представляла собой церковное владение – имперский лен, однако, в отличие от последней, признавала испанский протекторат только формально, на деле являясь самостоятельным государством.

71. Капитул (от лат. caput – голова) – коллегия или совет духовных лиц при князе-епископе, выполнявших роль правительства Льежской области.

72. Маргарита де Ла Марк (1527-1599) – дочь Роберта II де Ла Марка, сеньора Аренберг, и Вальбурги Эгмонт, жена Жана де Линя, барона де Барбансона, которому принесла титул суверенного графа Аренберга. Мать графини де Лален (см. выше).

73. Елизавета Австрийская (1554-1592) – дочь императора Максимилиана II Габсбурга и Марии Австрийской. С декабря 1570 года – супруга Карла IX. Их брак был заключен в Мезьере, в Лотарингии, где принцессу встречал королевский двор. Находилась в близких отношениях с Маргаритой. После смерти мужа (1574), оставив на попечение Екатерины Медичи свою дочь Марию-Елизавету де Валуа (1573-1578), вернулась в Вену.

74. Старшая сестра Елизаветы Австрийской Анна-Мария Австрийская (1549-1580) в ноябре 1570 года стала четвертой женой Филиппа II Испанского.

75. Мария Австрийская (1528-1603) – дочь императора Карла V и Изабеллы Португальской, сестра Филиппа II Испанского. С 1548 года – жена своего двоюродного брата – императора Максимилиана II Австрийского, мать двух предыдущих королев.

76. Императором Священной Римской империи в 1577 году был Рудольф II Австрийский (1552-1612), наследовавший своему отцу Максимилиану II Габсбургу в 1576 году. Брат королевы Франции Елизаветы и королевы Испании Анны-Марии. Никогда не был женат, поэтому, говоря об императрице, Маргарита, несомненно, имеет в виду его мать, Марию Австрийскую, испанскую инфанту (см. выше).

77. Маго (Матильда) де Ла Марк (ум. 1606) – младшая сестра графини Аренберг (см. выше), вдова Людвига, ландграфа Лейхтенбергского.

78. Французские издатели «Мемуаров» склоняются к мысли, что речь идет об Анне де Круа (1564-1635), дочери и наследнице герцога Арсхота (см. выше), которая в 1587 году стала невесткой графини Аренберг, выйдя замуж за сына последней Карла (см. ниже) и превратившись в госпожу Аренберг. Но в таком случае Маргарита впадает в анахронизм, поскольку в 1577 году Анне де Круа было 13 лет, и она еще не была женой графа (позже – князя) Аренберга.

Вполне вероятно, что королева Наваррская в действительности имела в виду младшую дочь графини – Антуанетту (Антонию-Вильгельмину) Аренберг, на тот момент двадцатилетнюю незамужнюю девушку.

79. Карл (Шарль) де Линь, первый князь Аренберг (1550-1616), позже – герцог Арсхот и принц де Шиме. Занимал важные должности в испанской администрации Нидерландов.

80. Жан де Линь (1528-1568) – отец предыдущего персонажа, барон де Барбансон, муж графини Аренберг (см. выше). Сторонник испанского владычества во Фландрии. Погиб в сражении с мятежным войском Людовика Нассауского при Гейлигерле. См.: Пиренн А. Нидерландская революция. С. 132.

81. Клодин де Турнон-Руссильон (ум. после 1600) – старшая дочь Жюста II, графа Руссильонского, и Клод де Ла Тур-Тюренн (см. выше), жена Филибера де Ри, графа де Варе, барона де Балансона.

82. В штате дома Маргариты де Валуа до 1578 года числился некто Ла Бюсьер, занимавший придворную должность виночерпия.

83. Маргарита намекает на свою родственницу Доротею Лотарингскую (1545-1621), сестру своего зятя, герцога Карла III Лотарингского, которая, будучи вдовствующей герцогиней Брунсвикской, в 1584 году тайно обвенчалась с маркизом де Варанбоном – дворянином более низкого ранга.

84. Эта история, рассказанная королевой, стала общеизвестной. Шекспира она вдохновила на «Сонет о потерянной любви», а мадам де Лафайет – на написание «Принцессы Клевской».

85. Рассказ Маргариты о захвате цитадели Намюра доном Хуаном 24 июля 1577 года точен и подтверждается многими свидетельствами. Вообще проезд королевы Наваррской через город Намюр стал для губернатора Нидерландов спасительным шансом завладеть его стратегической крепостью и тем самым обрести возможность избавиться от унизительной власти Генеральных штатов и набирающего силы принца Оранского. Совершенно очевидно, что Маргарита и ее окружение были в курсе всех событий еще до приезда мадам д'Аврек, но не волновались, поскольку ситуация казалась контролируемой. Однако действия Хуана Австрийского привели к тому, что в сентябре вся Фландрия оказалась охваченной антииспанским движением, превратившись в зону боевых действий. Путь назад для кортежа королевы фактически оказался отрезан.

86. Этот персонаж нам найти не удалось, однако очевидно, что речь идет о представителе мелкого дворянского рода Лескаров из Беарна.

87. Генрих III прибыл в Пуатье в начале июля 1577 года, когда герцог Майеннский уже осадил гугенотский Бруаж, сдавшийся 21 августа. В это же время Франсуа Алансонский получил приказ короля передать командование своей армией герцогу де Неверу и прибыть ко двору, поскольку Генрих III ревниво отнесся к его победам в Оверни.

88. Протей – в древнегреческой мифологии морское божество, сын Посейдона, обладавший способностью принимать любой облик.

89. Летуаль подтверждает, что при захвате Иссуара погиб младший брат Бюсси – Юбер де Клермон-Амбуаз, см.: L'Estoile Pierre de. Registre-Journal du règne de Henri III / Éd. M. Lazard et G. Schrenck. T.2. Genève, 1996. P. 14.

90. Слово «миньон» (mignon) появилось задолго до описываемых событий и обозначало фаворита короля, королевы или какого-либо знатного сеньора. Однако именно при Генрихе III миньонами стали называть близких к королю людей, вкладывая в это негативный смысл. Летуаль пишет: «Название Миньон устами людей распространялось быстрей лошадиной рыси и вызывало у всех сильную ненависть...». И далее: «В воскресный день 20 [октября 1577 года] король спешно прибыл в Оленвиль с группой своих молодых Миньонов, разодетых и завитых, с задиристым видом, со шляпами «летучая мышь» на головах, изрядно накрашенных, нарочито красовавшихся, [...] обсыпанных фиалковой пудрой и благоухающих такими ароматами, что последние заполнили [все] улицы, площади и дома, где они побывали» // L'Estoile Pierre de. Registre-Journal du règne de Henri III / Éd. M. Lazard et G. Schrenck. T.2. P. 145.

91. Луи де Можирон, барон д'Анпюс (1560-1578) – фаворит короля, сын Лорана де Можирона, генерального наместника Дофине. Славился безудержной храбростью, в 1577 году при захвате гугенотского Иссуара потерял глаз. В 1578 году покинул дом Франсуа Алансонского, где числился ординарным камергером, и перешел на службу к королю в должности ординарного камер-юнкера. Погиб во время знаменитой «дуэли миньонов» 27 апреля 1578 года. Двоюродный брат барона де Ливаро (см. ниже).

92. Жан-Луи де Ногаре, сеньор де Ла Валетт (1554-1642) – сын гасконского дворянина Жана де Ногаре и Жанны де Сен-Лари, будущий герцог д'Эпернон (1581) и «архиминьон» Генриха III. В 1575-1576 гг. – камер-юнкер герцога Алансонского. В 1576 году сопровождал Генриха Наваррского во время его бегства из Лувра, позже (в 1577 году) перешел на службу к королю Франции в должности камер-юнкера. Сыграл важную посредническую роль между обоими монархами в 1580-е годы. Во времена малолетства Людовика XIII приобрел огромную самостоятельность, которой лишился при кардинале де Ришелье.

93. С этим персонажем долгое время происходила путаница. Французские ученые – издатели мемуаров королевы Наваррской – Ив Казо (1971) и Элиан Вьенно (1999) уверенно определяли его как Жиро де Молеон. Дело в том, что в 1570-х годах в доме герцога Алансонского действительно формально числился Жиро де Молеон, сеньор де Гурдан (1509-1593), губернатор Кале, кавалер ордена Святого Духа (1585), который редко бывал в Париже и постоянно проживал в своем губернаторстве. В описываемое время, в 1577 году, он прибыл ко двору в связи с заключением мира с гугенотами. Однако ему не было надобности переходить на службу в дом короля, поскольку он и так был доверенным лицом Генриха III. Поэтому (и не только) в своей книге «Фавор короля. Миньоны и придворные во времена последних Валуа» (2001) французский историк Никола Ле Ру усомнился, что речь идет именно о нем. Для роли и статуса миньона короля (по определению, молодого человека) престарелый сеньор де Гурдан явно не подходил. Скорее всего, Маргарита имела в виду не его. В штате Генриха III с 1578 года числился некто Жан-Антуан, сеньор де Молеон, ординарный камергер короля. Г-н Ле Ру с сожалением отметил, что документальных сведений о нем почти нет (правда, известно, что в 1579 году он женился на Жанне де Шомон-сюр-Луар) // Nicolas Le Roux. La faveur du Roi. Mignons et courtisans au temps des derniers Valois (1547-1589). Paris, 2001. P. 233. Очевидно, что Ле Ру не был знаком с исследованием регионального гасконского историка начала прошлого века Жана де Жаргена, много писавшего об истории семьи Грамонов. В одной из своих статей Жарген подтверждает, что именно Жан-Антуан, барон де Молеон и Барусс (род. ок. 1550), также из гасконцев, которых так любил приближать к себе король, являлся фаворитом короля Генриха III. Он был сыном барона Франсуа де Молеона и Катрин де Клермон и приходился двоюродным братом другому королевскому миньону – Филиберу де Грамону, графу де Гишу (см. выше), см.: Jean de Jargain. Corisande d'Andoins, Comtesse de Guiche et dame de Gramont // Revue internationale des études basques. № 1, 1907. P. 118-119.

94. Ги д'Арсес, барон де Ливаро (1556-1581) – сын дворянина из Дофине Жана д'Арсеса, сеньора де Лисье и Ливаро, камер-юнкера Генриха III, и Жанны де Можирон. До 1577 года числился шталмейстером Франсуа Алансонского, затем стал камер-юнкером дома короля. Фаворит Генриха III, как и его двоюродный брат Можирон (см. выше), участник «дуэли миньонов» 1578 года, в которой получил серьезное ранение. Погиб во время очередной дуэли с маркизом де Меньеле, поссорившись с ним во время королевского бала в Блуа. Лакей Ливаро в отместку убил маркиза.

95. Сеньором д'Эскаром (Дескаром) был брат епископа Лангрского (см. выше) Жан де Перюсс, граф де Ла Вогюйон, принц де Каранси (ок. 1517-1595). Однако, в отличие от своего брата, он не принимал участия в миссии Маргариты. Французских издателей «Мемуаров» этот факт ставил в тупик. Элиан Вьенно предположила, что Маргарита, будучи знакомой с ним во время своего пребывания в Наварре, перенесла его происпанские настроения на более раннее время – в 1577 год; видимо, младший брат д'Эскара, епископ, придерживался таких же взглядов. См.: Marguerite de Valois. Mémoires et autres écrits. 1574-1614 / Éd. Éliane Viennot. Paris, 1999. P. 165.

96. Франческо Сальвиати (ум. 1586) – родственник Екатерины Медичи, в тот момент – рыцарь (шевалье) Мальтийского Ордена, глава совета королевы Наваррской. Занимал также должности ее первого шталмейстера и камергера герцога Алансонского. В 1578 году стал командором Ордена Святого Лазаря Иерусалимского.

97. Маргарита покинула Льеж 8 сентября 1577 года и в тот же день приехала в Юи.

98. Город Динан в то время располагался на землях епископства Льежского, на самой границе с Намюрской провинцией. Кортеж королевы прибыл туда 9 сентября.

99. Речь идет о выборах членов городского совета. Во Фландрии это называлось «выборами Закона Города» (выборные лица осуществляли административные и судебные функции) и традиционно сопровождалось народными гуляниями. В Северной Франции выборных городских советников называли эшевенами, а на юге страны (у Маргариты – «в Гаскони») – консулами.

100. Бахус – латинская форма имени Вакха, иначе – Диониса, древнегреческого бога виноделия.

502

101. Фурьер и квартирмейстер – штатные придворные должности. Первый отвечал за организацию поставок продуктов питания, второй – за размещение королевы и сопровождающих ее лиц, включая прислугу.

503

102. Знатные дамы того времени всегда путешествовали в масках, чтобы сохранить кожу лица от загара и прочих природных воздействий.

103. История сохранила их имена: Хуарт Давент и Жак Мегре.

104. 10 сентября 1577 года.

105. Жан Дюбуа (Дю Буа) занимал должность генерального прокурора Большого Мехельнского совета – высшей судебной инстанции еще Бургундского государства, просуществовавшей в Нидерландах вплоть до конца XVIII века. Известно, что Дюбуа, преданный сначала герцогу Альбе, затем Хуану Австрийскому, в 1580 году был арестован Генеральными Штатами Фландрии после взятия их войсками города Мехельна (фр. Малина).

106. Последующий пассаж Маргариты, когда она говорит о Барлемоне, являвшимся «сеньором этой провинции», позволяет утверждать, что речь идет о Шарле, бароне, затем графе де Берлемоне (1510-1578), испанском губернаторе Намюра и Артуа, смещенном Генеральными Штатами Нидерландов и затем восстановленном в должности Хуаном Австрийским. Однако не исключено, что королева имеет в виду не престарелого графа, а его сына Жиля, командующего фламандскими отрядами на испанской службе, который на следующий год после описываемых событий наследовал все должности отца. Епископ Камбре Луи де Берлемон (см. выше) приходился сыном первому и, соответственно, братом второму персонажу.

107. Ив Казо, издатель «Мемуаров» Маргариты 1971 года, отметил в примечании буквально следующее: «Это – Флорен (Florennes), населенный пункт епископства Льежского, расположенный возле Динана». Элиан Вьенно в издании 1999 года воспроизвела этот же текст. Скорее всего, кортеж Маргариты, огибая Намюр и пытаясь выйти на дорогу, ведущую к спасительному Монсу, добрался до окрестностей современного Флерюса (Флеуруса), в тот момент маленького городка на границе Намюрской и Льежской областей, называемого во Франции по-разному: Флерин, Флорен. Замок носил то же название и сохранился до наших дней.

108. Бельгийские историки XIX века нашли-таки этих персонажей. Сеньором, точнее бароном де Флерином (Флореном) в 1577 году был Шарль де Глим (Glimes), испанский губернатор Филиппвиля – городка, располагающегося рядом с его замком. Однако барон умер в 1598 году, оставшись неженатым. В замке Флорен также проживала семья его младшего брата – Жака де Глима. Женой последнего была Жанна де Берлемон, родственница епископа Камбре и губернатора Намюра (см. выше). Именно она не пустила Маргариту и сопровождавших ее лиц в донжон замка, по всей вероятности, заранее предупрежденная о возможной остановке королевы своими родственниками // Archives historique et littéraires du Nord de la France et du Midi de la Belgique / Éd. A.Leroy et A.Divaux. Nouv. série. T. 2. Valenciennes, 1838. P. 447.

109. Точно сказать, что такое «большое лье», сложно из-за невероятного многообразия метрических правил во Франции эпохи Ренессанса. С большей степенью вероятности можно утверждать, что королева говорит здесь о так называемом «общем лье», употребляемом в те времена в Нормандии, Артуа и Фландрии (4400 м), в отличие от «малого французского лье» или «парижского лье» (3932 м).

110. В Нивель, город на юге Брабанта – нидерландской области, смежной с Намюрской, Маргарита заехала 11 сентября 1577 года, сделав довольно большой крюк, видимо, из опасения быть захваченной доном Хуаном. Нивель был вотчиной семьи Монморанси-Горнов и являлся опорным пунктом Генеральных Штатов. В тот же день (или в ночь) кортеж королевы двинулся в сторону области Камбре.

111. Наверняка мадам де Лален была в курсе перемещений Маргариты и, опасаясь за ее безопасность, заранее выслала ей провожатых. С графиней Маргарита продолжала поддерживать отношения и в последующее время, см.: Calendars of State Papers: Foreign Series of the Reign of Elizabeth. London, 1863. T. 12. P. 679-681; T. 13. P. 6.

Власти города Като-Камбрези, находившегося на территории епископства Камбре, видимо, были настроены нейтрально к проезду королевы Наваррской и предоставили ей ночлег (очевидно, ночь с 12 на 13 сентября 1577 года).

112. Французский историк XVII века Мезере однажды написал про Маргариту де Валуа: «Как настоящая представительница семьи Валуа, она всегда делала подарки, извиняясь, что дарит так мало».

113. См. выше.

114. Скорее всего, Маргарита обосновалась в Ла Фере уже вечером 13 сентября 1577 года.

115. Бюсси, как губернатор провинции Анжу, апанажа герцога Алансонского, был направлен в Анжер, столицу этой провинции, с целью подготовки похода во Фландрию.

116. Летуаль пишет в связи с этим: «В среду 9 октября [1577 года] Месье, брат короля, прибыл в Париж и расположился в монастыре Пресвятой Богородицы в каноническом доме мессира Рено де Бона, епископа Мандского, своего канцлера, откуда 12 числа в субботу он отбыл в Ла Фер в Пикардию, чтобы увидеть свою сестру королеву Наваррскую» // L'Estoile Pierre de. Registre-Journal du règne de Henri III / Éd. M. Lazard et G. Schrenck. T. 2. P. 145.

117. Маргарита опять перефразирует библейский сюжет (Преображение Господне): «По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, И преобразился пред ними: и просияло лице Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет. И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие. При сем Петр сказал Иисусу: Господи! Хорошо нам здесь быть: если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии» (Евангелие от Матфея. Гл. 17, 1-4; Евангелие от Луки. Гл. 9, 30-33; Евангелие от Марка. Гл. 9, 5).

Куща – шатер, хижина, сень.

118. В действительности – меньше месяца. Франсуа Алансонский уже в начале ноября 1577 года вернулся в Париж, а Маргарита прибыла ко двору чуть позже – 12 ноября.

119. На самом деле королева Наваррская смогла выехать в Гасконь только в августе следующего, 1578 года.

120. Все перечисленные персонажи действительно прославили французское оружие во время Итальянских войн (1494-1559), когда Франция боролась за обладание Италией, однако в итоге вынуждена была уступить первенство Испании и Империи (Габсбургам): Блез де Лассеран, сеньор де Монлюк (1500-1577), автор знаменитых мемуаров-рассуждений – «Комментариев», маршал с 1574 года; Шарль I де Коссе, граф де Бриссак (1505-1564), маршал с 1550 года; Поль де Ла Барт, сеньор де Терм (1482-1562), маршал с 1528 года; Пьер де Сен-Лари, сеньор де Бельгард (1534-1579), маршал с 1574 года, племянник предыдущего. Подробнее см.: Новоселов В. Р. Последний довод чести. Дуэль во Франции в XVI – начале XVII века. СПб., 2005. Элиан Вьенно пишет, что во время подготовки военной кампании во Фландрии аналогичные разговоры о великих военачальниках недавнего прошлого и их успехах были частым явлением как среди католиков, так и протестантов, намеревавшихся присоединиться к армии Франсуа Алансонского, см.: Marguerite de Valois. Mémoires et autres écrits. 1574-1614 / Éd. Éliane Viennot. P. 175.

1. Филибер де Грамон, граф де Гиш (1552-1580) – сын гасконского дворянина Антуана де Грамона, генерального наместника королевы Наваррской Жанны д'Альбре в Беарне, и Элен де Клермон. Во время Варфоломеевской ночи находился в Париже и вместе с отцом и женой, Дианой д'Андуен, перешел в католичество, став со временем фаворитом Генриха III. Скончался от ранения, полученного при осаде Ла Фера – владения Маргариты, захваченного принцем де Конде. После его смерти графиня де Гиш, прозванная «прелестной Коризандой», стала одной из самых известных любовниц короля Генриха Наваррского. Маргарита намекает на известную ссору Грамона и Бюсси, случившуюся прямо на королевском балу 10 января 1578 года, которую Бюсси и спровоцировал. Грамона поддержали другие миньоны короля, во главе с Кейлюсом устроившие засаду Бюсси 1 февраля того же года, см.: Новоселов В. Р. Последний довод чести. Дуэль во Франции в XVI – начале XVII века. СПб., 2005. С. 135. Интересно, что Бюсси и Грамон были троюродными братьями, что в то время считалось весьма близким родством.

2. См. выше.

3. Франсуа д'Эпине, сеньор де Сен-Люк (1554-1597) – сын дворянина из Гиени Валерана, сеньора де Сен-Люка, и Маргариты де Груш. После 1580 года – в опале. Генрих Наваррский вновь призвал его на службу, сделав командующим артиллерией и кавалером ордена Святого духа (1595). Погиб при осаде Амьена.

4. Поль Эстюэр (Стюарт) де Коссад, граф де Сен-Мегрен (1554-1578) – второй сын Франсуа, сеньора де Сен-Мегрена, дворянина из Гиени, первый камер-юнкер Генриха III, губернатор Сентонжа и Ангумуа. 21 июля 1578 года был убит по приказу герцога де Гиза, поскольку открыто ухаживал за его женой.

5. На самом деле Бюсси остановился в Сен-Клу, недалеко от Парижа, в ожидании, что ситуация исправится к лучшему, см.: Шевалье Пьер. Генрих III. Шекспировский король. М., 1997. С. 655-657.

6. Клод III де Ла Шатр, барон де Мезонфор (1534-1614) происходил из старинной феодальной семьи, сын Клода II де Ла Шатра и Анны Роберте. Двоюродный брат капитана королевских гвардейцев сеньора де Нансея, спасшего Маргариту и барона де Лерана во время Варфоломеевской ночи (см. выше). В 1569 году стал губернатором Берри. Последовательно поддерживал партию Франсуа Алансонского и последовал за герцогом во Фландрию в 1578 году, после смерти которого присоединился к Лиге, затем перешел на сторону Генриха IV.

7. Мадам де Сеннетер (Сен-Нектер), Жанна де Лаваль (1553-1586) была женой Франсуа, графа де Сен-Нектера, фаворита Генриха III. Согласно Летуалю, она являлась «дамой, наделенной исключительной красотой, равно как самым прекрасным умом; король ее очень любил». Известно, что Генрих III сильно сожалел о ее ранней смерти и присутствовал на похоронах.

8. 9 февраля 1578 года Сен-Люк женился на богатой и знатной девушке – Жанне де Коссе, дочери Шарля I де Коссе, графа и маршала де Бриссака, и Шарлотты д'Эскето. По распоряжению короля свадьба праздновалась в Лувре, подобно свадьбам членов королевской семьи или высшей знати. По свидетельству современников, невеста была глупа, некрасива и горбата.

9. Замок на юго-востоке от Парижа (Сен-Мор-де-Фоссе), одна из любимых резиденций Екатерины Медичи.

10. Отсутствие на свадьбе фаворита членов королевской семьи вызвало резонанс при дворе. Летуаль пишет: «В скоромный понедельник 9 февраля Месье, брат короля, сопровождаемый своей матерью и королевой Наваррской, своей сестрой, с самого утра отправился на прогулку в Венсеннский лес и [затем] в Сен-Мор-де-Фоссе, специально, чтобы не присутствовать на бракосочетании Сен-Люка и дамуазель де Бриссак, которое в тот день проходило в Лувре с огромной пышностью, согласно воле и прямому распоряжению короля» // L'Estoile Pierre de. Registre-Journal du règne de Henri III / Éd. M. Lazard et G. Schrenck. T. 2. P. 175.

11. Портреты Франсуа Алансонского, сделанные разными мастерами и в разное время, вовсе не представляют его безобразным. На самом деле все последние Валуа – братья и сестры – отличались приятной наружностью и даже красотой и были очень похожи друг на друга. Не был исключением и младший Франсуа, однако в 1569 году герцог переболел оспой, которая оставила следы на лице. Многие иностранные послы в Париже отмечали, что по сравнению с высоким и статным Генрихом III герцог Алансонский был небольшого роста. См. Дополнительные материалы {4}

12. Рене де Виллекье, барон де Клерво (ок. 1520-1590) – первый камер-юнкер короля, губернатор Парижа, кавалер ордена Святого духа (1578). Сопровождал Генриха Анжуйского в Польшу, где занимал должность главного распорядителя двора. Одновременно числился гардеробмейстером герцога Алансонского. Известно, что Екатерина Медичи часто пользовалась его советами и поручала дипломатические миссии. Прославился тем, что в сентябре 1577 года во время пребывания короля в Пуатье (и находясь в его доме) из ревности убил свою беременную жену Франсуазу де Ла Марк (заодно и ее горничную), однако получил прощение Генриха III. См.: Брантом. Галантные дамы. Пер. И. Я. Волевич, Г. Р. Зингера. М., 1998. С. 26, 113.

13. Говоря о ветхозаветном Иеровоаме, Маргарита явно имеет в виду Ровоама царя Иудейского, сына и наследника царя Соломона, противником которого как раз и был военачальник Иеровоам. Последний осуществил раскол Иудеи, став царем 10 колен, царем Израильским. Случилось это потому, что Ровоам «пренебрег совет старцев, что они советовали ему; и советовался с молодыми людьми, которые выросли вместе с ним и которые предстояли пред ним» (Ветхий Завет. Третья Книга Царств. Гл. 12, 8).

14. См. выше.

15. Катон Утический, Катон Марк Порций Младший (95-46 гг. до н. э.) – римский политический деятель, противник Цезаря. После решающей победы последнего при Тапсе покончил с собой.

16. Цезарь Гай Юлий (100-44 до н.э.) – римский полководец и политический деятель.

17. Сюжет, относящийся к периоду римской истории времен 1-го Триумвирата (60-53 гг. до н. э.), описан в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутархом («Катон»): «Мы как бы набрасываем здесь изображение души, и если при этом не следует пропускать даже незначительных черточек, в которых находит свое отражение характер, то вот какой существует рассказ. Когда между Цезарем и Катоном шла напряженная борьба и жаркий спор, и внимание всего сената было приковано к ним двоим, Цезарю откуда-то подали маленькую табличку. Катон заподозрил неладное и, желая бросить на Цезаря тень, стал обвинять его в тайных связях с заговорщиками и потребовал прочесть записку вслух. Тогда Цезарь передал табличку прямо в руки Катону, и тот прочитал бесстыдное письмецо своей сестры Сервилии к Цезарю, который ее соблазнил и которого она горячо любила. «Держи, пропойца» – промолвил Катон, снова бросая табличку Цезарю, и вернулся к начатой речи».

18. В действительности Бюсси скрывался в Сен-Клу, другом пригороде Парижа, см. выше.

19. Никола де Гремонвиль, сеньор Л'Аршан или Ларшан (ум. 1592) – капитан королевских гвардейцев. Во время Варфоломеевской ночи принимал участие в организации убийства сеньора де Телиньи (см. выше) и членов знатной семьи Комон-Ла Форсов, своих родственников, наследство которых хотел заполучить. См.: Эрланже Филипп. Резня в ночь на Святого Варфоломея. 24 августа 1572 г. СПб., 2002. С. 213-215.

20. Летуаль полностью подтверждает рассказ Маргариты: L’Estoile Pierre de. Registre-Journal du règne de Henri III / Éd. M. Lazard et G. Schrenck. T. 2. P. 176.

21. Робер де Комбо, сеньор д'Арси-сюр-Об (ум. 1601) – дворянин из Шампани, первый гофмейстер короля, сделавший карьеру при дворе Генриха III. С 1583 года – кавалер ордена Святого Духа. Известен тем, что в 1580 году женился на известной куртизанке Луизе де Ла Бородьер дю Руэ, любовнице Антуана де Бурбона, отца Генриха Наваррского, вернувшей его назад в католическую веру и имевшей от него сына.

22. Рене де Бираг (1509-1583) – кардинал и канцлер Франции (глава судебной системы) итальянского происхождения, изгнанный из Милана и приглашенный на французскую службу еще Франциском I. Был предан королеве-матери.

23. Отцом Бюсси был Жак де Клермон-д'Амбуаз. барон де Бюсси (1525– 1587) – известный капитан, племянник советника Людовика XII кардинала д'Амбуаза, кавалер ордена Святого Михаила.

24. Антуан де Леви, граф де Кейлюс или Келюс (ум. 1586) – сын гасконского дворянина Гийома де Леви, барона де Кейлюса, «советник в королевских советах», губернатор и великий бальи провинции Руэрг, кавалер ордена Святого Духа (1581). Родственник Бюсси-д'Амбуазов через свою мать, Маргариту д'Амбуаз.

25. Описывая эти события, Летуаль, опять же, вторит королеве Наваррской, добавляя единственно, что большую посредническую роль в примирении короля и его брата сыграл герцог Лотарингский, находившийся тогда в Париже. См.: L'Estoile Pierre de. Registre-Journal du règne de Henri III / Ed. M. Lazard et G. Schrenck. T. 2. P. 176.

Панталоне – персонаж-маска итальянской комедии дель арте, старый, трусливый, легко одурачиваемый старик-купец, носящий длинные красные штаны, панталоны. Появился впервые в XVI веке в Венеции. Прибывшие во Францию по приглашению Екатерины Медичи итальянские театральные труппы (так называемые «Gelosi» и др.) познакомили с ним французский двор. См. Клулас (Клула) Иван. Жизнь в замках Луары в эпоху Возрождения. М., 2001. С. 268, 282-285.

26. Мишель де Серр (иначе – Севр) (ум. 1595) – французский дипломат, рыцарь Мальтийского ордена (1539), позже – великий приор Шампани. В 1550-1570-х годах был послом в Португалии, Англии, на Корсике, при итальянских дворах.

27. Жак II де Гуайон, граф де Матиньон (1525-1597) – известный французский капитан, сын нормандского сеньора Жака I, барона де Матиньона, и Анны де Силли. В 1578 году занимал должность генерального наместника Нормандии, в 1579 году получил маршальский жезл. Верный сторонник короля, именно он вынудил Маргариту бежать из Ажена в 1585 году. Брантом, подобно королеве Наваррской, давал ему нелицеприятные характеристики. После 1589 года одним из первых выступил с поддержкой Генриха IV.

28. Летуаль точно называет дату бегства герцога Алансонского – 14 февраля 1578 года – и в целом повторяет версию Маргариты. Южная стена аббатства Святой Женевьевы, располагавшегося на окраине Парижа между воротами Сен-Жак и Сен-Марсель, одновременно являлась городской стеной. См.: L'Estoile Pierre de. Registre-Journal du règne de Henri III / Éd. M. Lazard et G. Schrenck. T. 2. P. 177.

29. Летуаль развивает этот сюжет таким образом: «Уже наутро 15 числа названного месяца королева [-мать] отбыла, чтобы найти своего сына и постараться убедить его вернуться и успокоиться; вместе с королем они позволили свободно уехать из Парижа и присоединиться к нему [герцогу] всем дворянам и служащим его дома, вместе со всеми его мулами, сундуками и багажом, не желая ничем его раздражать. Но все способы удовлетворить его были нацелены на то, чтобы в действительности не дать ему ничего предпринять». См.: L'Estoile Pierre de. Registre-Journal du règne de Henri III / Éd. M. Lazard et G. Schrenck. T.2. P. 177.

30. Согласно королевской жалованной грамоте от 18 марта 1578 года, Маргарита получала в качестве приданого графства Аженское и Руэрг, Керси и Гор, которые Генрих III предоставил ей в управление с правом осуществлять там королевскую юрисдикцию (в том числе сбор налогов). На территориях Верден-сюр-Гаронн, Рье, Ривьер и Альбижуа королева обрела право отправлять судопроизводство и получать все судебные сборы. Но в действительности деньги от указанных синекур по разным причинам поступали плохо, см.: Marguerite de Valois. Correspondance. 1569-1614 / Éd. Éliane Viennot. Paris, 1998. № № 33, 47.

31. 22 июня 1578 года Екатерина Медичи и Маргарита де Валуа прибыли в Алансон. Папский нунций во Франции Ансельмо Дандино в своих письмах в Рим надеялся, что королева Наваррская сделает все возможное для установления согласия между братьями, см.: Anselmo Dandino. Correspondance du nonce en France, 1578-1581 / Éd. Y. Cloulas. Rome, Paris, 1970. P. 173.

32. Летуаль, правда, утверждает, что Маргарита уезжала «с великим сожалением и против своей воли, согласно всеобщему мнению», что повторяет и английский посол (L'Estoile Pierre de. Registre-Journal du règne de Henri III. P. 208). Однако Жан-Пьер Бабелон в своей биографии Генриха IV призывает не верить ему, говоря, что Маргарита стремилась уехать к мужу с явной охотой – именно в Наварре она могла почувствовать себя настоящей королевой, см.: Бабелон Ж.-П. Генрих IV. С. 177-178. Скорее всего, Летуаль отразил мнение двора Маргариты, которое теряло службу с ее отъездом, так как всех ее придворных и служащих взять в Гасконь было невозможно.

33. Замок Олленвиль (совр. департамент Эссон) Генрих III приобрел в личную собственность в июле 1576 года. Летуаль пунктуально отмечает в своем дневнике: «В субботу 26 июля [1578 года] король отправился в Олленвиль, чтобы принять там королеву Наваррскую, свою сестру, и устроить ей прощальную встречу, поскольку она уезжает в Гасконь, к королю своему мужу». См.: L'Estoile Pierre de. Registre-Journal du règne de Henri III / Éd. M. Lazard et G. Schrenck. T. 2. P. 207. 2 августа 1578 года огромный кортеж во главе с двумя королевами и принцами крови из дома Бурбонов двинулся на юг Франции. Чтобы оплатить непомерные расходы на это путешествие, королю пришлось потребовать субсидию у духовенства.

34. Генрих Наваррский встретил обеих королев недалеко от Ла Реоля в небольшом замке Кастерас 2 октября 1578 года. См.: Бабелон Ж.-П. Генрих IV. С. 178-179.

35. Приезд Екатерины Медичи, нацеленный на умиротворение враждующих сторон, как ни странно, поначалу даже обострил отношения гугенотов и католиков юга Франции. Маршал де Бирон, новый генеральный наместник короля Франции в Гиени, и губернатор этой области – король Наваррский – не могли даже разговаривать друг с другом. Миротворческая миссия Екатерины в Гиени, а затем в Лангедоке и Дофине продлилась вплоть до начала ноября 1579 года. С Маргаритой и Генрихом она попрощалась в мае этого года. См.: Бабелон Ж.-П. Генрих IV. С. 179 и далее; Клула И. Екатерина Медичи. С. 503 и далее.

36. В штате дома королевы-матери в 1573-1584 годах числилась испанка Виктория д'Айала, называемая Дейель, фрейлина с жалованьем в 200 ливров. См.: Caroline zum Kolk, éd. Maison de Catherine de Médicis (1547-1585) // www.cour-de-france.fr.

37. Анри де Ла Тур д'Овернь, виконт де Тюренн, позднее герцог де Буйон (1555-1623) – сын Франсуа III де Ла Тура, виконта де Тюренна, родственника Екатерины Медичи по матери, и Элеоноры де Монморанси, дочери коннетабля Анна де Монморанси. Участник интриг Франсуа Алансонского 1574 года. В 1576 году принял гугенотскую веру. В описываемое время – на службе у Генриха Наваррского, на которого оказывал определенное влияние. См.: Шишкин В. В. Грамота виконта де Тюренна о назначении сборщиком доходов с его земель Ги де Малапера (1578) (Транскрипция А. Д. Люблинской) // Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки / Под ред. Л. И. Киселевой. СПб., 2001. С. 157-160.

38. Персонаж, который точно определить не удалось никому. В штате Екатерины Медичи с 1578 по 1583 год находилась дамуазель де Ла Верне, см.: Caroline zum Kolk, éd. Maison de Catherine de Médicis (1547-1585) // www.cour-de-france.fr. Элиан Вьенно в своих примечаниях к «Мемуарам» Маргариты (1999) высказала мнение, что, скорее всего, речь идет о другой даме. Но возможно, это мнение ошибочно, поскольку в базе данных придворных и служащих двора Екатерины, опубликованной на сайте «Французский двор» Каролиной цум Кольк в 2007 году (см. выше), только имя д-ль де Ла Верне (La Vernay) более или менее соответствует написанию, приведенному Маргаритой, – La Vergne.

1. Несомненно, говоря о мирных соглашениях, Маргарита имела в виду решения конференции или ассамблеи, проходившей в Нераке 4-28 февраля 1579 года. На этой конференции, где главную третейскую роль взяла на себя Екатерина Медичи, присутствовали представители обеих враждующих религий, обсуждавшие соблюдение Бержеракского мира и мирного эдикта короля, подписанного в Пуатье в 1577 году. От имени Генриха III Екатерина согласилась с новыми условиями, выдвинутыми гугенотами, подписав соответствующие поправки к эдикту в Пуатье: протестанты могли возводить свои церкви в местах, где их культ был разрешен официально; к восьми «местам безопасности», гарантированных эдиктом, – по сути, укрепленным городам, – по соглашению в Нераке, добавлялись, сроком на шесть месяцев, еще четырнадцать городов. Королева Наваррская сыграла в этом успешном переговорном процессе едва ли не ключевую роль. См.: Jouanna Ariette, Boucher Jacqueline, et als. Histoire et dictionnaire des Guerres de religion. P. 288; Клула И. Екатерина Медичи. С. 504-506.

2. Онора Савойский, маркиз де Виллар (1511-1580) – сын Рене Савойского и Анны Ласкарис. Маршал Франции с 1571 года, адмирал (после смерти Колиньи) с 1572 года. В 1570 году сменил маршала Монлюка на посту генерального наместника провинции Гиень, губернатором которой являлся Генрих Наваррский. С последним пребывал в крайне напряженных отношениях.

3. С Бироном у короля Наваррского ссоры и разногласия возникли сразу же по прибытии маршала в Гиень. См. выше.

4. Король и королева Наварры провожали Екатерину Медичи вплоть до Лангедока и простились с ней 7 мая 1579 года в городе Кастельнодари.

5. Маргарита и Генрих прибыли в город По 26 мая 1579 года. По – историческая столица Нижней Наварры, одновременно являлся главным городом княжества Беарнского – владений дома Альбре, предков короля Наваррского по женской линии. Жанна д'Альбре в 1570 году установила здесь жесткий протестантский культ.

6. В 1579 году он выпал на 7 июня.

7. Жак Лалье, сеньор Дю Пен или Ле Пен (ум. 1592), советник и личный секретарь Генриха Наваррского с 1572 года.

8. Дело получило большой резонанс, поскольку Маргарита пожаловалась в Париж, и оттуда королю Наваррскому настоятельно рекомендовали отпустить пострадавших католиков. Они были освобождены только спустя несколько недель.

9. В действительности этого не произошло. Возможно, Дю Пен, оставшись при Генрихе Наваррском, просто избегал встреч с королевой.

10. Ги Дю Фор, сеньор де Пибрак (1529-1584) – генеральный адвокат, затем президент так называемой Большой палаты Парижского парламента, талантливый поэт, интеллектуал и дипломат. Представлял Францию на Тридентском соборе в 1562 году, сопровождал Генриха Анжуйского в Польшу и входил в его ближний круг. В 1578 году был назначен канцлером двора Маргариты и отбыл вместе с ней в Наварру, где, согласно свидетельству Ж.-О. де Ту, безраздельно влюбился в нее. Пытаясь оказать услугу королеве и стать посредником в ее отношениях с мужем, вызвал ее сильный гнев. В 1580 году по требованию Маргариты вернулся в Париж. Сохранилась их переписка, отражающая суть ссоры. См.: Marguerite de Valois. Correspondance. № № 127-128. P. 188-195; Jouanna Ariette, Boucher Jacqueline, et als. Histoire et dictionnaire des Guerres de religion. P. 1199-1202.

11. Маргарита де Ребур или Ле Ребур (ок. 1559-1582) – фрейлина Маргариты, дочь Гийома де Ребура, сеньора де Бертран-Фосса, президента палаты косвенных налогов Парижского парламента. Скончалась во время возвращения королевы Наваррской в Париж в замке Шенонсо, где кортеж сделал остановку. Брантом пишет по этому поводу: «Поскольку она захотела облегчить свою душу, королева ее выслушала и после произнесла: «Эта бедная девушка много перенесла – столько, сколько сотворила зла. Да простит ее Господь, как и я ее прощаю!». Вот вам и возмездие за зло, которое она сделала» // Brantôme, Pierre de Bourdeille, abbé de. Recueil des dames, poésies et tombeaux / Éd. E.Vaucheret, Paris, 1991. P. 154.

12. Женева в XVI веке являлась частью Савойского герцогства, но в действительности обладала значительной автономией, став основным убежищем для французских гугенотов. Жан Кальвин, их главный идеолог, в 1541 году сделал Женеву фактически европейским центром протестантизма. Королевская чета покинула По 12 июня 1579 года.

13. Франсуаза де Монморанси-Фоссе (1566 – после 1585) – пятая дочь Пьера I де Монморанси, барона де Фоссе, и Жаклин д'Авогур, прозванная «Прекрасной Фоссез». Состояла в штате двора Екатерины Медичи в качестве «ординарной дамы». В 1580-х гг. вышла замуж за Франсуа де Брока, сеньора де Сен-Мар-Ла-Пиль.

14. В город (городок, в котором и сегодня около 4 тысяч населения) Эоз (античная Элуза), располагающийся в графстве Арманьяк, Генрих и Маргарита приехали 16 июня и задержались по причине болезни короля до 1 июля 1579 года.

15. В своих примечаниях к «Мемуарам» Маргариты Элиан Вьенно отмечает в связи с этим пассажем, что многие комментаторы и исследователи считают его едва ли не доказательством любовной связи Маргариты де Валуа и виконта де Тюренна – о чем ходили слухи при французском дворе и чего в действительности не было. Тюренн, вместе с тем, играл при Наваррском дворе роль посредника в отношениях различных фракций как бывший парижанин и католик. См.: Marguerite de Valois. Mémoires et autres écrits. 1574-1614 / Éd. Éliane Viennot. P. 198-199.

16. В действительности первое пребывание королевы на юге (в отличие от второго в 1584-1585 годах, которое трудно назвать счастливым) продлилось около трех лет: в Нераке короли Наварры обосновались в августе 1579 года. А в январе 1582 года Маргарита отправилась назад в Париж по приглашению матери и брата.

17. Екатерина де Бурбон, принцесса Наваррская (1559-1604) – единственная сестра Генриха Наваррского, правительница Беарна. В 1599 году ее выдали замуж за Генриха Лотарингского, герцога де Бара, племянника Маргариты, сына ее сестры Клод; см. выше.

1. Речь идет о начале так называемой Седьмой религиозной войны во Франции (апрель – ноябрь 1580 года), которая с подачи Т.-А. д'Обинье получила название «войны влюбленных» и в итоге закончилась безрезультатно для гугенотов и Генриха Наваррского. Многие историки, опираясь на воспоминания д'Обинье и Сюлли, двух приближенных короля Наварры и его апологетов, до сих пор традиционно считают, что эта война возникла по вине королевы Маргариты, но последние исследования опровергают такие представления, см.: Viennot Éliane. Marguerite de Valois. Histoire d'une femme. Histoire d'un mythe. Paris, 1993. P. 119-133; Бабелон Ж.-П. Генрих IV. С. 187-201; Шишкин В. В. Маргарита де Валуа и Седьмая религиозная война во Франции // Человек XVI столетия / Под ред А. А. Сванидзе и В. А. Ведюшкина. М., 2000. С. 29-34.

2. Сохранившаяся переписка королевы Наваррской с Генрихом III и Екатериной Медичи за 1580 год полностью подтверждает эти строки: Маргарита всеми силами убеждала своих родственников не обострять отношения с ее мужем и его гугенотским окружением, вместе с тем явно переоценивая степень своего влияния в Нераке. См.: Marguerite de Valois. Correspondance. № № 72-73, 77, 80. P. 129-131, 135-136, 140-141.

3. Жан де Левезу де Люзансон, сеньор де Везен (ум. 1581) – королевский сенешаль и губернатор области Керси в провинции Гиень. Его противник Сюлли (в 1580 году – еще барон де Рони) позже написал о нем так: «Губернатор этой области Везен являлся одним из самых храбрых и умных дворян» // Sully, Maximilien de Béthune, duc de. Mémoires des sages et royales Oeconomies d'Estat / Éd. D. Buisseret et B. Barbiche. Vol. 1. Paris, 1971. P. 67.

4. После трех дней сражений 31 мая 1580 года Генриху Наваррскому удалось захватить Кагор (Каор) – главный город графства Керси, являвшегося частью приданого Маргариты (см. выше). Последнее обстоятельство являлось одним из поводов нападения на Кагор, которым по-прежнему управляла королевская администрация. Этот военный эпизод примечателен тем, что, по сути, речь идет о первом сражении, в котором лично принимал участие король Наваррский.

5. Оценка ситуации очень точная. См.: Бабелон Ж.-П. Генрих IV. С. 192– 196.

6. Франсуа де Ла Валетт, сеньор де Паризо, барон де Корнюссон (1536-1586) – знаменитый французский капитан, сын Антуана III де Ла Валетта и племянник великого магистра Мальтийского ордена Жана де Ла Валетта. В 1569 году принимал участие в сражении при Монконтуре под началом герцога Анжуйского. С 1576 года – губернатор и сенешаль Тулузы и Альбижуа. С 1583 года – кавалер ордена Святого Духа и советник короля.

7. Франсуа IV, граф де Ларошфуко, принц де Марсийак (1554-1591) – сын Франсуа III, приближенного Карла IX, погибшего в Варфоломеевскую ночь (см. выше), и Сильвии Пико делла Мирандола, его первой жены. Был убит представителями католической Лиги. Дед знаменитого мемуариста Франсуа VI де Ларошфуко.

8. Сентонж – историческая французская провинция на западе Франции, южнее Пуату. Родовые владения Ларошфуко, самых знатных сеньоров этой области, включая их любимый замок Вертей, располагались именно там.

9. Аркебузиры – солдаты, вооруженные аркебузами, – гладкоствольным, фитильным и дульнозарядным ружьем XV-XVI веков. Так как пороховой заряд поджигался от руки через затравочное отверстие в стволе, во время сильного дождя это оружие делалось бесполезным.

10. В результате первой фламандской авантюры Франсуа Алансонского 1578 года, благодаря сеньору д'Энши, город Камбре единственный остался под властью герцога. Весной 1580 года его осадили войска Александра Фарнезе, нового губернатора Нидерландов, сменившего дона Хуана Австрийского.

11. Замок в Центральной Франции, недалеко от города Тура, одна из резиденций Франсуа Алансонского. В 1589 году здесь произошло примирение Генриха III и Генриха Наваррского.

12. Жан де Монлюк, сеньор де Баланьи (1545-1604) – незаконный сын епископа Валансского Жана де Монлюка. Был женат на сестре Бюсси. В 1581 году герцог Алансонский назначил его губернатором Камбре. При Генрихе IV стал маршалом Франции.

13. Никола IV де Нефвиль, сеньор де Виллеруа (1542-1617) – государственный секретарь при пяти королях – от Франциска II (1559) до Людовика XIII. Талантливый государственный деятель, ценимый Генрихом III и королевой-матерью; сопровождал Екатерину Медичи в миротворческом путешествии по югу Франции в 1578-1579 годах. В 1580 году был специально послан на помощь к герцогу Алансонскому для переговоров с гугенотами. Оставил интересные мемуары.

14. Помпон де Беллиевр (1529-1607) – известный французский дипломат и государственный деятель. При Карле IX – посол в швейцарских кантонах. Сопровождал Генриха Анжуйского в Польшу. Сюринтендант финансов с 1575 года. Вел деликатные переговоры с Генрихом Наваррским об условиях возвращения королевы Маргариты в Гасконь в 1583-1584 гг. Попав в опалу как ставленник королевы-матери в 1588 году, был возвращен ко двору Генрихом IV, который назначил его канцлером Франции.

15. Мирный договор, положивший конец Седьмой религиозной войне, был подписан Франсуа Алансонским от имени короля Франции во Флеи (совр. департамент Дордонь) 26 ноября 1580 года и утвержден Генрихом III месяц спустя. Маргарита сыграла в переговорном процессе немалую роль, чем заслужила похвалу своей матери, см.: Lettres de Catherine de Medicis / Éd. Hector de La Ferrière et Baguenault de Puchesse. Paris, 1880. T. 7. P. 319. Условия договора в общем повторяли положения эдикта в Пуатье 1577 года и мира в Нераке 1579 года: гугеноты оставляли за собой только восемь «городов безопасности», остальные обязывались вернуть короне. Мир во Флеи сумел обеспечить спокойствие во Франции вплоть до 1584 года – времени кончины Франсуа Алансонского.

В Гаскони герцог Алансонский оставался до мая 1581 года, ведя переговоры с посланцами принца Оранского и набирая войска в новый поход во Фландрию. Осаду с Камбре ему удалось снять в августе этого же года.

592

1. На самом деле Бирон оставался в Гиени до конца лета 1581 года, дожидаясь приезда своего преемника на посту генерального наместника провинции маршала де Матиньона.

2. Король Франции, видимо, действительно был сердит на сестру, которая, проведя успешные переговоры, по сути, возобновила политический альянс своего мужа и младшего брата. Генриху III наверняка было известно, что герцог Алансонский, задержавшись в Гаскони, набирал себе армию во Фландрию. В его свите оказались ближайшие соратники Генриха Наваррского – Ла Ну, Тюренн, Сюлли.

3. Современное курортное место О-Шод (департамент Атлантические Пиренеи) с термальными водами.

4. Маргарита де Бюржанси, госпожа де Вильзавен (1562 – после 1598) – фрейлина Маргариты с 1580 года, дочь королевского секретаря по финансовым вопросам Клода де Бюржанси и Элеоноры Ле Бретон. По отцу – внучка Луи де Бюржанси, личного врача и друга Франциска I, разделившего с ним мадридское пленение, по матери – внучка Жана Ле Бретона, сеньора де Вильзавен, секретаря по финансовым вопросам того же Франциска I, построившего ренессансный замок Вильзавен (сохранившийся до наших дней) рядом с королевским Шамбором. В 1580-х годах вышла замуж за ангулемского дворянина Франсуа де Ла Тура, барона де Сен-Фора.

5. Современный курортный городок Баньер-де-Бигорр (департамент Верхние Пиренеи), также известный лечебными источниками. Маргарита пробыла в нем с 7 по 25 июня 1581 года.

6. На самом деле сам Генрих Наваррский имел обыкновение обнадеживать всех своих постоянных фавориток желанием на них жениться. После мадемуазель де Монморанси-Фоссе он обещал взять в жены графиню Коризанду де Гиш, затем – Габриэль д'Эстре, наконец, Генриетту д'Антраг (у которой на руках было даже его письменное обещание).

7. Судя по датам на ее письмах, в июле 1581 года.

8. Маленькая современная коммуна (чуть более 1 тыс. человек) в департаменте Лот-э-Гаронн недалеко от Нерака.

9. Речь идет о македонской фаланге – боевом построении пехоты в армии Македонского царства в IV–II вв. до н. э. Ее создателем явился царь Филипп II (382-336 гг. до н.э.), а прославилась она уже при Александре Македонском. Маргарита, видимо, опять вспоминает «Сравнительные жизнеописания» Плутарха («Эмилий Павел»), когда римляне сокрушили фалангу: «...македонцы безуспешно пытались короткими кинжалами пробить крепкие щиты римлян, закрывавшие даже ноги, и своими легкими щитами оборониться от их тяжелых мечей, насквозь рассекавших все доспехи», подготавливая читателя к событиям 1583 года – времени открытой ссоры с Генрихом III.

10. Гектор де Манике, сеньор дю Фейе (ок. 1540 – после 1583) – французский дипломат, сын дворянина из Дофине Арто де Манике, фаворит и друг Карла IX. До 1583 года – гофмейстер и советник Маргариты де Валуа. Был специально отряжен короной для организации возвращения королевы Наваррской в Париж.

11. Именно с целью вернуть короля Наваррского ко двору короля Франции Генрих III согласился на приезд Маргариты в Париж, рассчитывая сделать из нее приманку. Для этого в Сентонж навстречу кортежу дочери и зятя выехала сама Екатерина Медичи, тщетно пытавшаяся уговорить Генриха Наваррского вернуться вместе с женой. См.: Бабелон Ж.-П. Генрих IV. С. 200-201.

12. Возможно, в этой фразе содержится деликатный намек на беременность, на которую очень рассчитывала Маргарита в конце 1581 года, но которой так и не суждено было состояться.

1. Воронова Т. П. П. П. Дубровский и Сен-Жерменские рукописи // Книги. Архивы. Автографы. М., 1973. С. 104-114; François M. Pierre Dubrovsky et les manuscrits de Saint-Germain-des-Près à Leningrad // Mémorial du XIV centenaire de l'abbaye de Saint-Germain-des-Près. Paris, 1959. P. 333-341; Thompson P. Z. Biography of a Library: the Western European manuscript collection of Peter P. Dubrovskiy in Leningrad // The Journal of Library History. V. 19. № 4. Fall 1984. P. 477-503.

2. Gébelin F. Catalogue des manuscrits de la Bibliothèque de l'Institut: Collection Godefroy. Paris, 1914.

3. Российская национальная библиотека. Рукописный отдел. Собрание П. П. Дубровского (далее – Дубровский). Автограф 57, № 34.

4. Эта аннотация была опубликована Ф. Лозеном, но без каких-либо комментариев: Lettres inédites de Marguerite de Valois / Éd. Philippe Lauzun // Archives historiques de la Gascogne. Fasc. XI. Paris, 1886. № XXXVI. P. 40-41: «La reine Marguerite recommande au Sr. Chouaine une affaire de la dame de La Serre».

5. Дубровский. Автограф 57. № № 26, 32, 33.

6. На то, что некоторые из писем Маргариты де Валуа из Российской национальной библиотеки действительно принадлежали семье Годфруа, косвенным образом указывают также данные из каталога Ф. Жеблена: «261. Lettres originales du règne de Henri III. T. III: manquent plusieurs lettres, dont il ne reste que les adresses de Marguerite de Valois à Catherine de Medicis (fol. 4)»; «541. Mélanges. Manque le contenu d'une chemise intitulée: «Lettres de la Reyne Marguerite» (fol. 311)» // Gébelin F. Catalogue des manuscrits de la Bibliothèque de l'Institut: Collection Godefroy. P. 285, 705.

7. Сборники документов коллекции П. П. Дубровского / Сост. Т. П. Воронова, Т. В. Луизова. Л., 1979.

8. Воронова Т. П. Каталог писем государственных и политических деятелей Франции XV века из собрания П. П. Дубровского / Научн. ред. Ю. П. Малинин. СПб., 1993.

9. Документы по истории Франции середины XVI века / Публ. Т. П. Вороновой, Е. Г. Гурари под ред. А. Д. Люблинской // Средние века. Вып. 12-15, 19. М., 1958-1961; Документы по истории гражданских войн во Франции. 1561-1563 / Под ред. А. Д. Люблинской. М.-Л., 1962.

10. Ныне это малоизвестные публикации не только во Франции, но также в России: Documents inédits et originaux. Quatrième guerre de Religion (1572-1573); Cinquième guerre de Religion (1574). Lettres extraites des manuscrits de la Bibliothèque Impériale de Saint-Pétersbourg / Éd. Jean Loutchitzky // Bulletin de la Société de l'histoire du protestantisme français. № 22, 1873. P. 252-268, 299-311, 352-374, 401-413; Documents inédits pour server à l'histoire de la Réforme et de la Ligue. Paris-Kiev, 1875.

11. Документы по истории гражданских войн во Франции. 1561-1563 / Под ред. А. Д. Люблинской. С. 6.

12. Дубровский. Автограф 57. № 1. Впоследствии Ф. Лозен исправил его ошибку и привел настоящий текст: Lettres inédites de Marguerite de Valois / Éd. Philippe Lauzun. P. 32-33.

13. См., в частности: Bertrand G. Catalogue de la collection des autographes au département des manuscrits de la Bibliothèque Impériale de Saint-Pétersbourg // Revue des sociétés savantes. 5 série. T. III. Année 1872. 2e semestre. Paris, 1873. P. 446-453.

14. Все они были заключены П. П. Дубровским в переплет с названием «Lettres originales de Marguerite de France Duchesse de Savoye». Автограф 46.

15. Revue des sociétés savantes. 5 série. T. IV. Paris, 1873. P. 471-472: Дубровский. Автограф 46. № 23.

16. Переплет П. П. Дубровского: «Lettres de la propre main Marguerite Reine de Navarre», Автограф 57.

17. Lettres inédites de Marguerite de Valois tirées de la Bibliothèque Impériale de Saint-Pétesbourg. 1579-1606 / Éd. Philippe Lauzun // Archives historiques de la Gascogne. Fasc. XI. Paris – Auch, 1886. 47 P. Правда, Ф. Лозен пишет во Вступлении к своей публикации о 39 письмах, но в действительности их – 38.

18. См. Вступление Ф. Лозена: Lettres inédites de Marguerite de Valois / Ed. Philippe Lauzun. P. IV.

Адресные записи рукой королевы Наваррской на оборотах писем, как правило, одни и те же: «A la Roine Madame et mere», «Au Roi Monsigneur et frere», «A Mosieur de Vileroi». На этих же оборотах писем присутствуют канцелярские пометы XVI века: «La Royne de Navarre» и «Lettre de la Royne de Navarre», а на лицевой стороне писем – аннотации XVII века, о которых упоминалось выше в тексте.

На двух письмах также присутствуют личные печати королевы: на одном из них (Автограф 57, № 33) – сургучная печать кольца, на другом (№ 39) – печать под кустодой.

19. Isographie des hommes célèbres ou collection de fac-similé de letters autographes. T. 1. Paris, 1828.

20. Дубровский. Автограф 57. № 19.

21. Переплет П. П. Дубровского: «Recueil de letters originales des Ducs, Princes et Princesses de Savoye». Автограф 48, № 32.

22. Результаты прочтения и соответствующие доказательства принадлежности этого письма перу Маргариты де Валуа были нами представлены в статье: Chichkine Vladimir. Trois lettres inédites de Marguerite de Valois conservée à la Bibliothèque nationale de Russie // Histoire et Archives. № 2. Paris, 1997. P. 141-150.

23. Marguerite de Valois. Correspondance. 1569-1614 / Éd. Éliane Viennot. Paris, 1998. P. 20-21.

24. Actes des Etats Généraux des Pays-Bas. 1576-1585 / Éd. M. Gachard. T. I. Bruxelles, 1861. P. 267.

25. Christiaens Daniel. Une lettre inédite de Marguerite de Valois sur la mort de Bajaumont, seigneur de Lafox // Revue de l'Agenais. № 3, 2009. P. 307-324.

26. О. В. Дмитриева детально рассказала об этом в своей «классической» биографии королевы-девственницы: Елизавета I. Семь портретов королевы. М., 1998. С. 120-127.

27. Это стало понятно, когда Элиан Вьенно опубликовала ответное послание Елизаветы Маргарите от 9 марта 1579 года, в котором говорится «о письмах»: Marguerite de Valois. Correspondance. № 39 bis. P. 97-98.

28. См. подробнее: Шишкин В. В. Маргарита де Валуа и Седьмая религиозная война (апрель – ноябрь 1580 г.) // Человек XVI столетия / Под ред. А. А. Сванидзе и В. А. Ведюшкина. М., 2000. С. 29-34.

29. См., например: Кастело Андре. Королева Марго. М., 1999. С. 201-202.

30. Éliane Viennot. Marguerite de Valois. Histoire d’une femme. Histoire d’un mythe. P. 211.

1. Елизавета I Английская (1529-1603) – королева Англии с 1558 года, дочь Генриха VIII Тюдора и Анны Болейн. Летом 1578 года по инициативе французской стороны возобновились переговоры о ее браке с Франсуа Алансонским и Анжуйским. См.: Дмитриева О. В. Елизавета I. Семь портретов королевы. М., 1998. С. 121-122.

2. См. прим. к «Мемуарам».

3. Жан де Симье прибыл к английскому двору в январе 1579 года.

1. Жан-Батист Гадань (1542-1594) – аббат Тюрпене в Турени, дипломатический агент и доверенное лицо Екатерины Медичи, занимал должности ее советника и ординарного раздатчика милостыни ее дома. Происходил из флорентийской купеческой семьи, с XV века осевшей во Франции. См.: Jouanna A., Boucher J., et als. Histoire et dictionnaire des Guerres de religion en France (1559-1598). Paris, 1998. P. 934-937.

2. Мазер (Mazères) – современный населенный пункт в департаменте Арьеж, расположенный на территории графства Фуа – родового владения Генриха Наваррского. С 10 по 20 декабря 1579 года там проходили локальные переговоры (conférence) между католиками и гугенотами об урегулировании противостояния на юге Франции. См. вступительную статью к настоящему разделу.

3. Генрих I де Монморанси, сир де Дамвиль (Данвиль) (1534-1614) – герцог с 1579 года – времени смерти своего старшего брата Франсуа де Монморанси (см. прим. к «Мемуарам»), второй сын коннетабля Анна де Монморанси и Мадлены Савойской. Губернатор Лангедока с 1563 года, один из лидеров партии «недовольных», а затем «политиков» – умеренного крыла католиков. Находился в постоянной ссоре с королем, поскольку поддерживал тесные политические связи с гугенотами и Генрихом Наваррским, выступая в роли посредника в конфликтах и на переговорах. В 1589 году одним из первых признал Генриха IV, за что в 1593 году получил должность коннетабля.

4. Никола д'Анженн, сир де Рамбуйе (1531-1612) – известный дипломат и военачальник, камергер короля. На встрече в Мазере представлял Генриха III. В 1589 году был одним их посредников примирения короля Франции и короля Наварры.

5. Пьер де Мем, сеньор де Равиньан (Ревиньан) – первый президент суверенного совета Беарна, принадлежал к ближайшему окружению короля Наваррского. В январе 1580 года, сразу же по окончании переговоров в Мазере, был направлен в Париж с миссией к Генриху III.

6. То есть в Нерак, к наваррскому двору. Это случилось, по-видимому, 25 декабря 1579 года; Генрих Наваррский так объяснял свой поступок Екатерине Медичи: «Господин де Гадань Вам расскажет, как я прибыл сюда [...], чтобы увидеть свою жену и отпраздновать с ней Рождество. Я вновь возвращаюсь, будучи не в состоянии, из-за нехватки времени и отсутствия моих советников, которых я оставил в Мазере, высказать свое мнение и принять решение о депеше, которую мне передал Равиньан, каковую я уже направил королю и Вам, будучи здесь накануне» // Henri IV. Recueil des letters missives de Henri de Navarre / Éd. M. Berger de Xivrey et J. Guadet. vol. 9. Paris, 1876. P. 211.

В депеше Равиньана, судя по дворцовым пересудам, подхваченным Летуалем, содержалось предупреждение королю Наваррскому о планах маршала Бирона захватить его в плен за несговорчивость, см.: L'Estoile Pierre de. Mémoires-Journaux. T.l. Paris, 1875. P. 335.

7. См. прим. к «Мемуарам». О ссорах между маршалом и королем Наваррский Маргарита много пишет в мемуарах (начиная с 1578 года).

1. См. прим. к «Мемуарам».

2. Под «этой страной», выражением, неоднократно употребляемым королевой, подразумевается Гиень-Гасконь.

3. Речь идет об одном из ключевых моментов Седьмой религиозной войны, когда Генрих Наваррский 1 июня 1580 года захватил крепость Кагор (Каор), являвшуюся приданым Маргариты и которую Генрих III не спешил передавать сестре в управление. Битва за Кагор, продолжавшаяся три дня, стала первой значительной военной победой короля Наварры. См.: Бабелон Жан-Пьер. Генрих IV. Ростов-на-Дону, 1999. С. 192-196.

4. Жан III де Бомануар, сеньор, затем маркиз де Лаверден (Лаварден) (1552-1614) – сын Шарля, сеньора де Лавердена, погибшего в Варфоломеевскую ночь. Сохранил себе жизнь, перейдя в католичество. В описываемое время находился на службе Генриха Наваррского в чине полковника пехоты, являлся губернатором Лектура. С 1595 года – маршал Франции.

5. Жан де Фавас, или Фабас, сеньор де Касте (ум. 1622) – известный гугенотский капитан, преданный Генриху Наваррскому, губернатор Ла Реоля. См. интересную биографическую работу: Barthélémy A. Deux Fabas // Bibliothèque de l'Ecole de Chartes. T. X. Paris, 1845-1846. P. 545-566.

6. Современный городок (Bazas) в департаменте Жиронда на юго-западе Франции.

7. Современный Кастельжалу в департаменте Лот-э-Гаронн, расположенный недалеко от Ажена и Нерака.

8. Речь идет о Гаронне.

9. В одном из писем начала августа 1580 года Генрих Наваррский писал: «Он [маршал Бирон] теперь находится со всей артиллерией в Ажене, кажется, собираясь далее направиться к Сент-Базею, где, как я надеюсь, мы себя так обезопасили, что он [Бирон] не достигнет никакого успеха и во второй раз, как не достиг и в первый» // Henri IV. Recueil des letters missives de Henri de Navarre / Éd. M. Berger de Xivrey et J. Guadet. vol. 1. Paris, 1843. P. 313.

10. Очевидно, что Маргарита здесь отстаивает интересы Франсуа Алансонского, своего любимого младшего брата, который в этот момент собирался в поход во Фландрию и нуждался в военных людях, в том числе гугенотах. Его возможное посредничество в вооруженном конфликте на юге Франции решило бы обе проблемы: позволило бы положить конец очередному противостоянию и набрать войска для войны с Испанией в Нидерландах (см. «Мемуары» за 1580 год). Как известно, по разным причинам король и королева-мать согласились с доводами королевы Наваррской.

654

1. Замок Фонтенбло, выстроенный Франциском I в 1528 году, был одной из любимых загородных резиденций семьи Валуа. Очевидно, что Маргарита, прибывшая из Наварры, присоединилась там ко двору в конце апреля 1582 года.

2. Начало письма не сохранилось. Возможно, отсутствует целая страница.

3. Королева явно описывает прием, который ей оказал Генрих III.

4. Господин де Женевуа, Генрих Савойский – незаконный сын герцога Жака Немурского, второго мужа Анны д'Эсте, вдовствующей герцогини де Гиз, матери братьев Гизов. Оказался в центре большого скандала осенью 1581 года, когда потребовал материальной компенсации для себя и своей матери, гугенотки Франсуазы де Роган, у своего отца, могущественного герцога Немурского, который, будучи в свое время помолвленным с его матерью, тем не менее, не женился на ней по причине религиозных различий.

5. См. прим. к «Мемуарам».

6. См. прим. к «Мемуарам».

7. Герцоги – это «архиминьоны» короля, самые близкие его друзья и самые влиятельные лица двора с 1578 года: гасконец Жан-Луи де Ногаре де Ла Валетт (1554-1642), которого король сделал герцогом д'Эперноном в 1581 году, и Анн де Батарне, виконт де Жуайез и барон д'Арк (1561-1587), родом из Лангедока, возведенный в ранг герцога по случаю его женитьбы на сестре королевы Луизы – Маргарите де Водемон-Лотарингской в том же 1581 году.

Оба были крайне враждебно настроены к Маргарите и способствовали ее ссоре в королем в 1583 году.

8. Маргарита имеет в виду, что восемь дней, проведенные при дворе, соизмеримы с восьми годами, которые Генрих Наваррский прожил в Гаскони (в действительности же меньше, но, как известно, для королевы часто временные рамки были очень условными).

9. Сложно сказать, о ком говорит королева Наваррская. Элиан Вьенно считает, что речь идет о нормандском дворянине Антуане Мартеле, сеньоре де Блаквиле, придворном герцога Алансонского. Однако Маргарита все же пишет о Лаквиле (Laquevile); учитывая ее склонность вставлять впереди имен собственных буквы «D» и «L», возможно, имеется в виду Аквиль (Acqueville). Сеньоры с таким именем также проживали в Нормандии.

10. В своем письме от 29 мая 1582 года Екатерина Медичи сообщает, что вместе с Маргаритой планирует в скором времени отбыть в Кале, чтобы проводить герцога Алансонского, собирающегося отплыть в Англию к королеве Елизавете 1 с целью женитьбы // Lettres de Catherine de Medicis / Ed. Hector de La Ferrière et Baguenault de Puchesse. Vol. 8. Paris, 1909. P. 105. В действительности эта поездка не состоялась: королева Англии вообще не хотела выходить замуж.

1. Антуан де Серлан (Сарлан) – доверенное лицо, первый гофмейстер и советник Екатерины Медичи с 1564 года, кавалер ордена Святого Михаила, губернатор графства Клермон.

2. Оверньский замок Сент-Аман-Талланд, располагавшийся между Клермон-Ферраном и Иссуаром, принадлежал Екатерине Медичи. Арестованную королеву Наваррскую туда доставили по пути в Юссон 21 октября 1586 года, где она пробыла до 6 ноября.

3. Речь идет о Генрихе III и Екатерине Медичи.

4. 14 октября 1586 года, спасаясь от королевских отрядов, вступивших в Овернь, Маргарита покинула крепость Карла и, воспользовавшись предложением матери, попыталась укрыться за стенами ее замка Ибуа, но попала в западню.

668

1. Эрар III де Гроссоль, барон де Фламаран (ок. 1545 – после 1590) – сын барона Реньо де Фламарана, гиеньского дворянина. Кавалер ордена Святого духа, королевский камер-юнкер, капитан ордонансной роты. Перейдя на сторону Лиги, в 1588 году по приказу королевы Наваррской оборонял от гугенотов области Ажене и Кондомуа.

2. Епископом Родезским в 1582-1614 годах был Франсуа де Корнейан, канцлер Тулузского университета, оставшийся верным Генриху III (вопреки последующему утверждению Маргариты).

3. В письмах Генриха Наваррского за этот период времени много раз упоминается о конфликте между населением города Родеза, поддержавшим Лигу и Гизов, и его епископом. В 1589 году дворец епископа был разрушен, а сам он бежал // Biographie toulousaine. T. I. Paris, 1823. P. 481-482.

4. Город Родез являлся исторической столицей графства Руэрг, переданного Маргарите в качестве приданого.

5. Скорее всего, речь идет о победах герцога де Гиза над немецкими наемниками при Вимори 26 октября или при Оно 24 ноября 1587 года. См. Шевалье Пьер. Генрих III. М., 1997. С. 772-773.

1. Королева Наваррская имела право на такое обращение к королю Испании, поскольку приходилась ему свояченицей (сестрой его третьей жены Елизаветы Французской).

2. Письма испанского короля Маргарите не сохранились, скорее всего, она их уничтожила сама. Блага, о которых говорит королева Наваррская, – это деньги, выделенные ей Филиппом II осенью 1585 года по ее просьбе, поддержанной герцогом де Гизом.

3. В августе 1585 года Маргарита послала в Испанию за деньгами Жана де Дюрфора, виконта де Дюра (см. прим. к «Мемуарам»), который, увы, опоздал с их доставкой, поскольку в сентябре 1585 года королева и ее двор вынуждены были бежать из Ажена и обосновались в замке Карла, на границе с Овернью, также принадлежащем королеве Наваррской. Неизвестно, когда Дюра вернулся из Испании, но, судя по всему, часть денег, выделенных Маргарите, он присвоил себе вместе со своей женой, гофмейстериной королевы.

4. К маршалу де Бирону у Маргариты всегда было сложное отношение (см. мемуары за 1580 год). В 1586 году, вернувшись из Фландрии, он вновь появился на юге Франции в качестве одного из командующих королевской армией. Обвинения королевы в его адрес, в общем, не беспочвенны: известно, что маршал в конце 1580-х годов постоянно поддерживал контакты с Генрихом Наваррским и был одним из первых, кто признал его в качестве короля Франции после убийства Генриха III.

5. В декабре 1585 года чета виконтов де Дюра тайно покинула Карла и двор Маргариты, рассчитывая на милость короля Франции. Виконтесса умерла через год во время эпидемии, а виконт погиб в сражении несколько месяцев спустя.

6. Маргарита говорит о Немурском соглашении, заключенном в июле 1585 года между королем Франции и герцогом де Гизом, где король признавал существование Католической Лиги и необходимость дальнейшей борьбы с гугенотами, однако обязал герцога отказаться от всех обязательств перед Филиппом II. Это соглашение, в свою очередь, ставило Маргариту в весьма неопределенное положение.

7. Шарль Лотарингский, герцог де Майенн, младший брат герцога де Гиза, после Немурского соглашения возглавил королевскую армию, действовавшую против Генриха Наваррского на юге и юго-западе Франции. Командующим второй армией был герцог Анн де Жуайез, фаворит Генриха III.

8. Франсуа-Робер де Линьерак, сир де Плео (ум. 1613) – дворянин из знатной семьи провинции Марш-Лимузен, капитан почетной гвардии Елизаветы Австрийской, затем – камер-юнкер Генриха III, королевский бальи и наместник Верхней Оверни. В 1585 году поддержал Католическую Лигу и примирился с Генрихом IV только в 1596 году.

Получив приказ короля арестовать мятежную королеву Наваррскую, он, по-видимому, колебался это делать, боясь гнева Гизов. Приняв от Маргариты драгоценности в качестве выкупа, он позволил ей и ее двору уехать, представив Генриху III этот отъезд как бегство: Viennot Éliane. Marguerite de Valois. Histoire d'une femme. Histoire d'un mythe. Paris, 1993. P. 167-172.

9. Принцем Беарнским Маргарита называет своего мужа, короля Наваррского, в угоду Филиппу II, поскольку короли Испании после завоевания Верхней Наварры в 1512 году не признавали за домом Альбре-Бурбон права на наваррскую корону. Беарн – родовое владение предков Генриха Наваррского по линии матери, Жанны д'Альбре.

После начала мятежа королевы Наваррской и, казалось, ее окончательного разрыва с мужем, уже наследником французского трона, Екатерина Медичи начала искать новую принцессу королевской крови в качестве жены Генриху Наваррскому. По сути, кандидатура была одна – Кристина Лотарингская, внучка Генриха II и Екатерины Медичи, дочь Клод Французской, старшей сестры Маргариты, и герцога Карла III Лотарингского. Лотарингия тогда формально входила в состав Священной Римской империи, которую Маргарита называет Германией.

10. В действительности, замок Ибуа в качестве возможного убежища для Маргариты предложила Екатерина Медичи, на самом деле, пытаясь заманить ее в ловушку и затем арестовать. 16 октября 1586 года капитан замка Луи де Ла Жоншер открыл ворота королеве Наваррской и ее свите. См. письмо Маргариты Антуану де Серлану (№ 5).

11. Речь идет о маркизе де Канийаке, Жане де Бофор-Монбуасье (см. прим. к «Мемуарам»), действовавшем по приказу короля Франции.

12. Намек на казнь королевы Шотландской Марии Стюарт в феврале 1587 года по решению Елизаветы Английской. Мария Стюарт, как известно, была французской королевой, женой старшего брата Маргариты Франциска II (1559-1560), и ее беспрецедентная смерть произвела большое впечатление на королеву Наваррскую, заставив искать всевозможных гарантий собственной безопасности.

Помпонн де Беллиевр (см. прим. к «Мемуарам») – французский государственный деятель, в 1586 году был послан с дипломатической миссией в Англию с целью спасти королеву Шотландскую, но, по мнению Маргариты, своими действиями только усугубил положение.

13. Речь уже идет не об Ибуа, а о замке Юссон в Оверни, куда по приказу Генриха III Канийак доставил Маргариту в ноябре 1586 года, назначенный комендантом. На какое-то время королева Наваррская превратилась в политическую узницу. Однако уже в феврале 1587 года швейцарцы по требованию Канийака присягнули ей на верность, и из пленницы она неожиданно превратилась в хозяйку Юссона. В письме она хвалит Канийака, однако Филиппу II уже были известны истинные причины ее освобождения.

В действительности, мотивы поведения Канийака были предельно меркантильные. Первоначально он рассчитывал получить от короля, в благодарность за захват Маргариты, должность губернатора Верхней Оверни, но Генрих III не спешил с милостями. Тогда Канийак принял сторону герцога де Гиза, который щедро расплатился с ним за освобождение королевы и тотчас проинформировал об этом испанского короля. Судя по письму, Маргарита не знала о сделках за ее спиной. Правда, она сразу поняла, что деньги и материальные блага для маркиза стоят на первом месте, и пообещала ему уступить свои права на графство Оверньское за 40 тысяч экю, прекрасно зная, что Канийак никогда не сможет ими воспользоваться.

14. Отчеты, о которых говорит Маргарита, это не что иное, как секретные материалы о посольстве маркиза де Канийака в Константинополь, отражающие попытки Франции использовать испано-турецкое противостояние в свою пользу. По сути, Маргарита и Канийак предлагали Филиппу II купить дипломатические документы, обещая, что средства пойдут на помощь французским католикам.

15. Юрбен де Сен-Желе де Лансак, епископ Комменжский (1580-1613) был выбран Маргаритой в качестве курьера к Филиппу II не случайно. Годом раньше он прославился тем, что без помощи извне и вооруженным путем смог вернуть себе контроль над городом Комменжем, находившемся в руках гугенотов.

16. Именно этот пассаж Маргариты позволяет приблизительно определить время написания ее письма (свои послания она вообще датировала крайне редко). 20 октября 1587 года королевская армия под командованием герцога де Жуайеза потерпела сокрушительное поражение в битве при Кутра от войска Генриха Наваррского, причем, сам Жуайез погиб. То есть речь идет об осени/зиме 1587/88 года.

17. Сикст V (1585-1590), до понтификата – Феличе Перетти. В 1585 году одним из первых своих решений отлучил Генриха Наваррского от церкви и не признал его права на французский трон, тем самым дав дополнительное основание Маргарите для самостоятельных действий.

18. По-видимому, королева имеет в виду соглашения, подписанные Генрихом III в ноябре-декабре 1587 года со швейцарцами и с немецкими наемниками, вторгнувшимися во Францию с ведома Генриха Наваррского.

19. Маркиз де Канийак вскоре погибнет на службе герцога Майеннского, в 1589 году, а его прежний покровитель, герцог де Гиз, в декабре 1588 года будет убит по приказу короля.

20. Дело в том, что настоящее письмо, которое было отправлено Филиппу II посредством епископа Комменжского, представляет собой не что иное, как большой, но все же сопроводительный лист к политическому сочинению («Мемуару») Маргариты, также посланному в Испанию и посвященному характеристике и анализу обстановки на юге Франции в 1580-е годы. Известно, что текст «Мемуара», написанного королевой на итальянском языке, хранится (хранился?) в архиве Симанкас в Мадриде (его видел и исследовал Kervyn de Lettenhove: Un mémoire inédit de Marguerite de Valois // Revue d'histoire diplomatique, 1891. P. 161-175), но Элиан Вьенно, пытавшаяся найти документ при подготовке критического издания сочинений Маргариты, не смогла это сделать.

693

1. Курьер короля.

1. См. прим. к «Мемуарам».

2. Мишель Эрар – докладчик совета королевы Наваррской с 1578 года. Начиная с января 1593 года, являлся постоянным курьером между Юссоном и Парижем и вел переговоры с королем Генрихом IV об условиях развода с Маргаритой.

3. Речь идет о процессе согласовании итогового документа – представления [procuration], в котором Маргарита признавала бы право короля на развод и подкрепляла бы это соответствующими аргументами, что, в свою очередь, позволяло бы королю обращаться к папе римскому с просьбой о расторжении их брака.

4. По требованию Генриха IV (точнее, его окружения, отстаивавшего интересы его фаворитки Габриэль д'Эстре) Маргарита была вынуждена вернуть королю свои владения в Пикардии, которые она получила от него же в качестве свадебного подарка в 1572 году, включая замок Ла Фер, о котором она пишет в своих мемуарах (1577 год). См.: Mornay, Charlotte Arbaleste de La Borde, dame de. Mémoires / Éd. Mme de Witt. Vol. I. Paris, 1868. P. 278.

5. Речь идет о разрешении папы Григория XIII на бракосочетание католички Маргариты де Валуа и гугенота Генриха Наваррского, данного в 1572 году. Известно, что к назначенному дню венчания – 18 августа – документ не поспел, и Екатерина Медичи с Карлом IX решили не обращать на это внимания. Судя по всему, разрешение было получено гораздо позже (королева-мать пишет о нем в своем письме от 19 ноября), но к началу бракоразводного процесса в 1593 году было уже утеряно (уничтожено специально?), что давало повод для сомнений в его существовании вообще. См.: Lettres de Catherine de Medicis / Éd. Hector de La Ferrière et Baguenault de Puchesse. T. IV. Paris, 1880. P. 144.

6. Папским нунцием во Франции с 1564 года был родственник Екатерины Медичи Антонио-Мария Сальвиати (1537-1602), с 1583 года – кардинал.

7. Сразу после официальной церемонии обращения в католичество Генриха Наваррского 3 октября 1572 года он написал папе, что направляет в Рим виконта де Дюра с просьбой о прощении и своем возвращении в лоно католической церкви // Henri IV. Recueil des letters missives de Henri de Navarre / Éd. M. Berger de Xivrey et J. Guadet. vol. 1. Paris, 1843. P. 38.

701

8. В 1152 году король Людовик VII (1137-1180) развелся с герцогиней Алиенорой Аквитанской (Гиеньской) (ок. 1121-1204), а в 1498 году Людовик XII расторгнул свой бездетный брак с Жанной Французской (1464-1505), дочерью Людовика XI. Формальной причиной обоих разводов объявлялось близкое родство супругов.

702

1. Диана де Валуа (1538-1619) – внебрачная дочь Генриха II и итальянки Филиппы Дучи, официально признанная королем и воспитывавшаяся при дворе. Вдова герцога Кастро Орацио Фарнезе (1553), в 1557 году стала женой герцога Франсуа де Монморанси (ум. 1579). Вторично овдовев, в 1582 году получила титул герцогини Ангулемской от Генриха III, своего сводного брата. В 1589 году сыграла огромную роль в деле примирения короля и Генриха Наваррского. Пользовалась значительным влиянием при дворе в царствование Генриха IV и активно отстаивала интересы своей сводной сестры Маргариты де Валуа.

2. Маргарита говорит об очередных представлениях от 3 февраля 1599 года, которые она направила в Париж королю через свою сестру Диану.

3. Папский трон в тот момент занимал Климент VIII (1592-1605), прежде известный как Ипполито Альдобрандини.

4. В свое время Людовик XI Валуа (1461-1483) с целью закрепить трон за своими потомками заставил герцога Людовика Орлеанского, представителя боковой ветви династии, жениться на своей дочери Жанне Французской (1476), у которой не могло быть детей (см. выше). Последний, взойдя на трон под именем Людовика XII в 1498 году, развелся с Жанной и женился на вдове Карла VIII (бездетного сына Людовика XI) герцогине Анне Бретонской (1477-1514). Их старшая дочь Клотидьда (Клод) Французская и Бретонская (1499-1524), в свою очередь, в 1514 году была выдана замуж за графа Франциска Ангулемского, представителя младшей ветви рода Валуа, с 1515 года – короля Франциска I (1515-1547). Маргарита, равно как и Диана де Валуа, являлась внучкой Франциска и Клотильды.

5. Этими строками Маргарита подтверждает, что официальное разрешение из Рима на ее брак с Генрихом Наваррским все же было получено, о чем ранее она писала весьма неопределенно (см. выше).

6. Как известно, Маргарита де Валуа приходилась троюродной сестрой Генриху IV через Маргариту Ангулемскую, сестру Франциска I, которая являлась бабкой короля.

7. Чуть позже в этом же письме королева сама объясняет, о чем идет речь: чтобы вынудить ее поскорее написать нужное королю представление о разводе, ей задерживали выплату полагавшихся ей средств.

8. То есть порвать.

9. Это письмо Маргариты к Генриху IV не сохранилось, равно как и новые представления, о которых идет речь.

10. Мартен Ланглуа, сеньор де Борепэр – адвокат, докладчик в совете королевы, был назначен королем для окончательного согласования текста представления Маргариты. Прославился тем, что открыл ворота Парижа Генриху IV в 1594 году, за что получил должность купеческого прево города.

11. Маргарита сгущает краски: известно, что король не думал ни о чем подобном.

12. То есть Борепэр. Он, видимо, действовал по подсказке врагов королевы из окружения Габриэль д'Эстре.

1. Максимилиан де Бетюн, барон де Рони (1560-1641) вошел в историю как герцог де Сюлли (с 1606 года). Ближайший сподвижник Генриха IV еще с 1570-х годов, в 1596 году он возглавил финансовое ведомство Франции, став сюринтендантом. Именно он, входя в близкий круг друзей королевской фаворитки Габриэль д'Эстре, мечтавшей стать королевой, настаивал на скором разводе Генриха и Маргариты и чинил последней всяческие неудобства, включая многомесячную задержку выплаты пенсиона.

2. К моменту написания этого письма у Генриха IV от Габриэль д'Эстре было уже трое незаконных детей.

3. Буквально: б…дь. Речь идет о Габриэль д’Эстре, которая скончалась при очередных родах в апреле 1599 года, так и не став королевой. После смерти ненавистной фаворитки Маргарита с легкостью согласилась на условия развода, который состоялся уже в декабре этого же года.

4. Речь идет о новой кандидатуре королевы, которая, собственно, в тот момент уже была известна – Мария Медичи (1573-1642), дочь Великого герцога Тосканского Франческо I Медичи и Иоганны Австрийской, ставшая второй женой Генриха IV в 1600 году.

5. См. выше.

719

1. В 1605 году для постоянного пребывания в Париже Маргарите была пожалована бывшая резиденция архиепископов Санских (Hotel de Sens), расположенная на правом берегу Сены. Ныне – библиотека Искусств на ул. Фигье.

2. Это – один из сыновей фаворитки Маргариты Мельшиор де Ториньи, о которой она много раз упоминает в своих мемуарах (см. прим. к «Мемуарам»), в замужестве мадам де Вермон.

3. Габриэль Дат де Сен-Жюльен (1586-1606) – провансальский дворянин, любовник (?) Маргариты, женатый на Жанне де Линьерак. Свидетельствует Летуаль: «В субботу 5 [апреля] в Париже был убит один дворянин – фаворит королевы Маргариты – другим дворянином, которому было всего восемнадцать лет и который застрелил его из пистолета, прямо рядом с королевой. Погибшего звали Сен-Жюльен, и названная королева любила его страстно» // L'Estoile Pierre de. Mémoires-Journaux. T. 8. Paris, 1875. P. 214.

4. Сеньор де Вермон был казнен несколько дней спустя в присутствии самой королевы, а все члены его семьи, включая мать, высланы в провинцию.

5. Франсуа Беккариа де Пави, барон де Фуркево (1563-1611) – сын посла Франции в Испании Реймона де Фуркево, интеллектуал и литератор. Друг и доверенное лицо Маргариты.

1. Marguerite de Valois. Memoires et autres ecrits. 1574-1614. Ed. Eliane Viennot. Paris, 1999.

2. Marguerite de Valois. Correspondance. 1569-1614. Ed. sous la redaction d' Eliane Viennot. Paris, 1998. Далее — Correspondance.

3. Correspondance. P. 328-332. Archives Simancas, Flandres, E 595.

4. Письма испанского короля Маргарите не сохранились, скорее всего, она их уничтожила сама. Блага, о которых говорит королева Наваррская, это — деньги, выделенные ей Филиппом II осенью 1585 г. по ее просьбе. В марте этого года она покинула Наварру вместе со всем своим двором под предлогом празднования Пасхи и обосновалась в Ажене, центре одноименного графства, являвшегося ее приданым, и своеобразном католическом анклаве на юге Франции, где сильны были сторонники Лиги. Настоящей причиной ее отъезда из Наварры явилась все возрастающая угроза для ее жизни, поскольку отношения Генриха Наваррского с французским двором в тот момент были откровенно враждебными, к тому же он был увлечен графиней де Гиш, готовой отравить Маргариту, а король Франции и Екатерина Медичи, видя политическую бесполезность бездетной королевы Наваррской, поговаривали о монастыре. В таких обстоятельствах Маргарита объявила себя сторонницей Лиги и возобновила отношения с герцогом де Гизом, своей первой любовью, который стал ее главным союзником. Гиз также состоял в регулярной переписке с испанским королем, которого просил поддержать просьбы королевы о выделении ей денежных средств, рассчитывая, что она сможет стать важным фактором противостояния гугенотам на юге.

5. В августе 1585 г. Маргарита послала в Испанию за деньгами Жана де Дюрфора, виконта де Дюра, который, увы, опоздал с их доставкой, поскольку в сентябре 1585 г. королева и ее двор вынуждены были бежать из Ажена, так как из-за безденежья не было возможности оборонять город, и обосноваться в замке Карла, на границе с Овернью, также принадлежащем королеве. Неизвестно, когда Дюра вернулся из Испании, но, судя по всему, часть денег, выделенных Маргарите, он присвоил себе вместе со своей женой, придворной дамой королевы Наваррской.

6. Маршал де Бирон, Арман де Гонто (1524-1592), одно время являлся генеральным наместником Гиени и был личным врагом Маргариты. В 1585 г. он вновь появился на юге Франции в качестве одного из командующих королевской армией. Обвинения королевы в его адрес не беспочвенны: известно, что маршал постоянно поддерживал контакты с Генрихом Наваррским и был одним из первых, кто признал его в качестве короля Франции после убийства Генриха III.

7. В декабре 1585 г. чета виконтов де Дюра тайно покинула Карла и двор Маргариты, рассчитывая на милость короля Франции. Виконтесса умерла через год во время эпидемии, а виконт погиб в сражении несколько месяцев спустя.

8. Маргарита говорит о Немурском соглашении, заключенном в июле 1585 г. между королем Франции и герцогом де Гизом, где король признавал существование Католической Лиги и необходимость дальнейшей борьбы с гугенотами, однако обязал герцога отказаться от всех обязательств перед Филиппом II. Это соглашение, в свою очередь, ставило Маргариту в весьма неопределенное положение.

9. Шарль Лотарингский, герцог де Майенн (1554-1611), младший брат герцога де Гиза, после Немурского соглашения возглавил королевскую армию, действовавшую против Генриха Наваррского на юге и юго-западе Франции. Командующим второй армией был герцог Анн де Жуайез (1560-1587), один из самых преданных военачальников Генриха III.

10. Франсуа-Робер де Линьерак, сир де Плео (ум.1613), камер-юнкер Генриха III, королевский бальи и наместник Верхней Оверни, имел на руках приказ короля арестовать мятежную королеву Наваррскую, однако, по-видимому, колебался, боясь гнева Гизов. Получив от Маргариты драгоценности в качестве выкупа, он позволил ей и ее двору уехать, представив этот отъезд как бегство: Viennot Eliane. Marguerite de Valois. Histoire d'une femme. Histoire d'un mythe. Paris, 1993. P.167-172.

11. Принцем Беарнским Маргарита называет своего мужа, короля Наваррского, в угоду Филиппу II, поскольку короли Испании не признавали за домом Альбре-Бурбон права на наваррскую корону. Беарн — родовое владение предков Генриха Наваррского по линии матери, Жанны д'Альбре.

После начала мятежа королевы Наваррской и, казалось, ее окончательного разрыва с мужем, уже наследником французского трона, Генрих III и Екатерина Медичи начали искать новую принцессу королевской крови в качестве жены Генриху Наваррскому. По сути, кандидатура была одна — Кристина Лотарингская, внучка Генриха II и Екатерины Медичи, дочь Клод Французской, старшей сестры Маргариты, и герцога Карла III Лотарингского. Лотарингия тогда формально входила в состав Священной Римской империи, которую Маргарита называет Германией.

12. В действительности, замок Ибуа в качестве возможного убежища для Маргариты приготовила Екатерина Медичи, уязвленная бесконечными унижениями своей дочери.

13. Речь идет о маркизе де Канийаке, Жане-Тимолеоне де Бофор-Монбуасье (ум.1589), действовавшем по приказу короля Франции.

14. Намек на казнь королевы Шотландской Марии Стюарт в феврале 1587 г. по решению Елизаветы Английской. Мария Стюарт, как известно, была французской королевой, женой старшего брата Маргариты Франциска II (1559-1560), и ее беспрецедентная смерть произвела большое впечатление, заставив королеву Наваррскую искать всевозможных гарантий собственной безопасности.

Помпонн де Беллиевр (1529-1607) — французский государственный деятель, в 1586 г. был послан с дипломатической миссией в Англию с целью спасти королеву Шотландскую, но, по мнению Маргариты, своими действиями только усугубил положение.

15. Речь уже идет не об Ибуа, а о замке Юссон в Оверни, куда по приказу Генриха III Канийак доставил Маргариту в ноябре 1586 г., назначенный комендантом. На какое-то время королева Наваррская превратилась в политическую узницу. Однако уже в феврале 1587 г. швейцарцы по требованию Канийака присягнули ей на верность, и из пленницы она неожиданно превратилась в хозяйку Юссона. В письме она хвалит Канийака, однако Филиппу II уже были известны истинные причины ее освобождения. В действительности, мотивы поведения Канийака были предельно меркантильные. Первоначально он рассчитывал получить от короля, в благодарность за захват Маргариты, должность губернатора Верхней Оверни, но Генрих III не спешил с милостями. Тогда Канийак принял сторону герцога де Гиза, который щедро расплатился с ним за освобождение королевы и тотчас проинформировал об этом испанского короля. Судя по письму, Маргарита не знала о сделках за ее спиной. Правда, она сразу поняла, что деньги и материальные блага для маркиза стоят на первом месте, и пообещала ему уступить свои права на графство Оверньское за 40 тысяч экю, прекрасно зная, что Канийак никогда не сможет ими воспользоваться.

16. Отчеты, о которых говорит Маргарита, это не что иное, как секретные материалы о посольстве маркиза де Канийака в Константинополь, отражающие попытки Франции использовать испано-турецкое противостояние в свою пользу. По сути, Маргарита и Канийак предлагали Филиппу II купить дипломатические документы, обещая, что средства пойдут на помощь французским католикам.

17. Юрбен де Сен-Желе, епископ Комменжский был выбран Маргаритой в качестве курьера к Филиппу II. Чем закончилась его миссия, точно неизвестно, но можно предположить, что если деньги и были выделены, то только в пользу герцога де Гиза, который уже сам решал, что из полученной суммы он сможет передать Маргарите. Нужно принять во внимание, что Испания в тот момент готовила Непобедимую Армаду, и Филиппу II было не до французской мятежницы, а Гиз уже достаточно потратился на королеву Наваррскую и обеспечил ее безопасность.

18. Именно этот пассаж Маргариты позволяет приблизительно определить время написания ее письма (свои послания она вообще датировала крайне редко). 20 октября 1587 г. королевская армия под командованием герцога де Жуайеза потерпела сокрушительное поражение в битве при Кутра от войска Генриха Наваррского, причем, сам Жуайез погиб. Т.е. речь идет об осени/зиме 1587-1588 гг.

19. Сикста V (1585-1590).

20. По-видимому, королева имеет в виду соглашения, подписанные Генрихом III в ноябре-декабре 1587 г. со швейцарцами и с немецкими наемниками, вторгнувшимися во Францию с ведома Генриха Наваррского.

21. Маркиз де Канийак вскоре погибнет на службе герцога Майеннского, в 1589 г., а его прежний покровитель, герцог де Гиз, в декабре 1588 г. будет убит по приказу короля.

22. Дело в том, что настоящее письмо, которое было оправлено Филиппу II посредством епископа Комменжского, представляет собой не что иное, как большой, но все же сопроводительный лист к политическому сочинению ("Мемуару") Маргариты, также посланному в Испанию и посвященному характеристике и анализу обстановки на юге Франции в 1580-е гг. Известно, что текст "Мемуара", написанного королевой на итальянском языке, хранится (хранился?) в архиве Симанкас в Мадриде (его видел и исследовал Kervyn de Lettenhove: Un memoire inedit de Marguerite de Valois // Revue d'histoire diplomatique, 1891. P. 161-175) , но Элиан Вьенно, пытавшаяся найти документ при подготовке современного критического издания сочинений Маргариты (см. начальные сноски), не смогла это сделать.

23. У читателя этого послания может сложиться впечатление, что никому не нужная Маргарита Наваррская была готова, в отчаянии спасая себя и прося помощи у Филиппа II, предать все и всех. Однако не все так однозначно. Одновременно с письмом королю Испании, Маргарита пишет еще два письма — Генриху III и Генриху де Гизу, прося помощи и покровительства и у того, и у другого (Correspondance. P. 326-327, 333-334). Исключительный макиавеллизм в духе Екатерины Медичи и всего "свинцового" XVI века!

Где же она была более искренней и где говорила правду? Трудно быть честным в критической ситуации. Видимо, нужно было делать сразу несколько ставок. Узнав о желании сестры помириться, Генрих III готов был даже организовать переезд и оплатить расходы Маргариты, если она и ее двор решат вернуться в одну из королевских резиденций (предполагался г. Вилле-Коттре в герцогстве Валуа). Он слишком боялся самостоятельности своей сестры и ее союза с Гизом, а ведь при дворе муссировались слухи, что герцог ради короны готов развестись со своей женой и жениться на последней принцессе крови Валуа. Увы, король Франции не успел ничего сделать: усиливающийся политический хаос и потеря управляемости в государстве отодвинули идею возвращения Маргариты сначала на более поздний срок, а затем она вообще потеряла актуальность. Смерть Екатерины Медичи (январь 1589 г.) и Генриха III (август 1589 г.) положили конец планам королевы Наваррской воссоединения с семьей. Ее "юссонское сидение" продлилось до 1605 г. (См. Шишкин В.В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI-XVII веках. СПб, 2004. Гл.2)

Неизвестно, как сложилась бы судьба Маргариты, если бы не трагическая смерть герцога де Гиза в декабре 1588 г. Ее упомянутое письмо герцогу 1587 г. не содержит обращения и подписано монограммой: так королева Наваррская делала только в исключительных случаях, когда письма носили личный характер. Что она хотела выразить и чего в действительности желала достичь этим посланием, видимо, останется ее никогда не разгаданной тайной:

> *…Я буду неустанно возносить молитвы Господу, как всегда это делала,*
> прося его даровать Вам удачу и славу, что также желают Вам все добрые люди,
> а я, я - более, чем кто-либо, выражаю Вам свою вечную преданность и любовь.

comments

Дополнительные материалы

1

Письма французского посла в Португалии Жана Нико Екатерине Медичи.

Опубликованы Э. Фальгеролем: Jean Nicot, ambassadeur de France en Portugal au XVIe siècle. Sa correspondance diplomatique / Éd. Edmond Falgairolle. Paris, 1897;

электронная версия: http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k815545.r=Jean+Nicot.langFR.

JEAN NICOT

AMBASSADEUR DE FRANCE EN PORTUGAL

AU XVIe SIÈCLE

SA CORRESPONDANCE DIPLOMATIQUE

avec

[illegible]

Procur[illegible] Aubusson

Membre [illegible] d'Archéologie,

Mem[illegible]times

PARIS

AUGUSTIN CHALLAMEL, ÉDITEUR

17, RUE JACOB

LIBRAIRIE MARITIME ET COLONIALE

1897

2

Интернет-сайт французского искусствоведа Франсуа Дюбуа, где собраны все известные (включая эрмитажные Генриха II и Карла IX) на сегодняшний день портреты семьи Валуа
http://derniersvalois.canalblog.com

Les portraits de Marguerite de Valois (1553-1615)

Plus connue sous le nom de la reine Margot, Marguerite de Valois s'est rendue célèbre pour son glamour, son esprit éclairé et son destin hors du commun.

Princesse adulée, femme courtisée et chef de file de la mode, Marguerite fut durant les années 1570 l'un des plus beaux ornements de la cour de France. Les poètes et les écrivains ont beaucoup loué et chanté sa beauté au point que la réputation de ses charmes perdure encore aujourd'hui.

Toutefois, l'étude de ses portraits remet partiellement en question cette image romantique. Marguerite ressemblait beaucoup à sa mère Catherine de Médicis, connue pour sa disgrâce physique, et -canon de l'époque - Marguerite était d'une assez bonne chair qui ne fit que s'accentuer avec l'âge.

Portrait de Marguerite de Valois enfant

Portrait de Marguerite en 1561, vers l'âge de 8 ans

La peinture procède du dessin fait par François Clouet (ci-dessus). Le dessin a été commandé au peintre au moment de l'avènement du petit roi Charles IX.

Source : Rmn (Chantilly, musée Condé)

Marguerite apparaît sur un tableau représentant la famille royale. Elle se tient debout, derrière ses deux frères aînés, le roi Charles IX et le futur Henri III. Elle tient sa ceinture dans la main et sa robe ouverte sur le devant, traîne à terre.

Marguerite suit le roi sur les routes de France. On a dans ses mémoires, un récit fort touchant des festivités qui eurent lieu sur une île à la frontière franco-espagnole, lors de l'entrevue Bayonne en 1565.

Source : L. Dimier, *Histoire de la peinture de portrait en France au XVIe siècle*, G. Van Oest, 1924

Portrait de Marguerite adolescente, réalisé vers 1565-1570
Source : (Paris, BnF)

Voir également le portrait de la BnF que je propose d'identifier à Marguerite.

Portrait de Marguerite réalisé vers 1570-1572

A l'approche de ses 18 ans, Marguerite fait partie des princesses européennes à marier. Depuis sa naissance, elle fait l'objet de spéculations dans les cours d'Europe, mais le choix final de l'époux revint à Catherine de Médicis qui à défaut de la marier au prince du Portugal, la maria au jeune prince du sang, Henri de Bourbon, fils de la reine de Navarre, Jeanne d'Albret.

Le mariage de Marguerite de Valois, moment important dans la vie d'une princesse, est à l'origine de plusieurs portraits dont voici quelques exemples.

Si Marguerite était réputée, c'était moins pour sa beauté que pour son glamour et son goût pour la mode. Marguerite faisait un très grand usage d'artifices pour paraître belle. On la voit par exemple sur le portrait les cheveux frisés.

Source: (Paris, BnF)

3

L’ombre de la damoiselle de Gournay
http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k70563p.r=L%27ombre+de+la+damoiselle+de+Gournay.langFR.

L'OMBRE DE LA DAMOISELLE DE GOVRNAY.

Oeuure composé de meslanges.

L'homme est l'ombre d'vn songe, & son œuure est son ombre.

IMPR.
BIBLIOTHEQUE IMPERIALE

A PARIS,
Chez IEAN LIBERT, ruë S. Iean de Latran,
pres le College Royal.

M. DC. XXVI.
Auec Priuilege du Roy.

4

Многочисленные портреты последних Валуа собраны Франсуа Дюбуа на его Интернет-сайте: http://derniersvalois.canalblog.com·

Portrait de François-Hercule peint vers 1565-1570

Vu le costume, ce portrait est beaucoup plus tardif que les précédents. Les traits du visage semblent reprendre en modèle ceux du dessin de la BnF.

Très beau portrait en pied du duc d'Alençon peint en **1572** et offert par Catherine de Médicis à la reine d'Angleterre[1].

Ce tableau qui appartient aujourd'hui à la National Gallery of Art de Washington est l'un des plus beaux portraits des derniers Valois aujourd'hui existant. Comme les portraits français d'époque, en pied et en grandeur nature, sont rares dans les collections publiques, ce tableau est d'un intérêt exceptionnel. La qualité d'exécution, notamment dans le rendu du costume, montre qu'il s'agit d'un original. Ce portrait est également intéressant pour l'histoire du costume (il est daté par une inscription en haut à gauche). Le jeune prince porte notamment des hauts-de-chausse de forme trapézoïdale et une fraise dans la taille et la forme sont typiques de cette époque.

Le tableau représente le duc d'Alençon à l'époque du massacre de la Saint-Barthélemy. C'est une année qui marque un tournant dans la vie de François, car après le refus de son frère aîné Henri d'Anjou d'épouser la reine d'Angleterre, c'est sa main que Catherine de Médicis propose de donner à Elisabeth Ière.

François, prince consort de la reine d'Angleterre ? Malgré la grosse différence d'âge qui le sépare d'Elisabeth, François n'y est pas réfractaire. L'année 1572 marque le début de sa vie politique. Contre l'ascension du duc d'Anjou et l'action politique de la couronne pendant et après le massacre de la Saint-Barthélemy, François se place dans l'opposition, en se rapprochant des grands seigneurs, dit "malcontents" et des princes autrefois protestants, Condé et Navarre.